ИММИГРАНТ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

РОМАН КРУТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта повесть о реальной жизни молодого человека конца 90-х из провинциального города, который принимает радикальное решение иммигрировать в Европу, где, с одной стороны, он окажется в самом центре цивилизации, а с другой — в лагере для беженцев, проживая бок о бок с людьми из самых отсталых и отдаленных уголков мира, где сплетаются жизни и решаются судьбы таких разных людей, живущих так близко, но таких далеких и чужих друг другу, место, где каждый предоставлен сам себе, и каждый сам за себя. С главным героем Вы окунетесь в атмосферу и быт эмигрантской жизни, ощутите разницу менталитетов, обычаев и нравов множества национальностей, станете свидетелями невероятных жизненных приключений и судьбоносных событий, пройдете нелегкий путь эмиграции от самого начала и до задуманного конца, пересекая границы и меняя страны, не имея денег, опыта, связей и документов, идя на риск и делая невозможное на пути к своей мечте. Содержит нецензурную брань.

- Роман Крут
  - Глава 1. Юность
  - Глава 2. Долгожданная встреча
  - Глава 3. Голландия
  - Глава 4. Утро в Брюсселе
  - Глава 5. Le Petit-Château
  - Глава 6. Новые знакомства
  - Глава 7. Жизнь в лагере
  - Глава 8. Два друга и тётя Валя
  - Глава. 9 Рабочий «Канал»
  - Глава 10. Анастасия Павловна
  - Глава 11. У Саши на квартире
  - Глава 12. Вымогатели и встреча со Стасом
  - Глава 13. Аркадий и Валери
  - Глава 14. Яврюха и Ватруха
  - Глава 15. Операция «Писающий мальчик»
  - Глава 16. Рождество в Амстердаме. Новый год и прощание с Яврюхой
  - Глава 17. Новый год и прощание с Яврюхой
  - Глава 18. Дверь в «Индию»
  - Глава 19. Интервью
  - Глава 20. «Подайте бедному студенту»
  - Глава 21. «На вольных хлебах»

- Глава 22. Квартира в Центре
- Глава 23. «Четыре брата»
- Глава 24. Антикварная лавка
- Глава 25. Неожиданная встреча
- Глава 26. Юрий К и новая квартира
- Глава 27. Вова Завхоз
- Глава 28. Поездка к озеру
- Глава 29. Богдан и марокканцы
- Глава 30. Толик Нефартовый
- Глава 31. Четыре дня в Шербуре
- Глава 32. Переправа в Ирландию
- Глава 33. Опять я беженец
- Глава 34. Паспорт — свобода или рабство?
- Эпилог
- Посвящение

Роман Крут
Иммигрант

Глава 1. Юность

Можно сказать, что история моего путешествия длиною в жизнь начинается с тёплого летнего июньского утра, когда я, будучи ещё десятилетним мальчишкой, отправился в ближайший киоск за мороженым и встретил там своего школьного друга. Он стоял с мамой и кушал пломбир. Я купил себе любимое кофейное мороженое и подошел к ним. Обменявшись приветствиями и несколькими дружественными фразами, мама моего друга неожиданно для меня поинтересовалась: — Роберт, а у тебя уже есть планы на будущее?

Такие вопросы, как и ещё один: «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?», задаваемые ребёнку, всегда казались мне странными. Откуда я, ребёнок, могу знать о своих планах на будущее, а тем более, кем я хотел бы стать? Но почему-то их спрашивали все и всегда, в надежде услышать одни и те же заезженные ответы: Да! Планы есть… и в будущем я хочу быть: учителем, врачом, милиционером, пилотом, капитаном, музыкантом и всё в этом роде…

— Нет, — ответил я.

— А у нас с Вовой уже есть! — резко выкрикнула она с очень гордым видом.

Вова стоял и с наслаждением кушал свой пломбир. А я, смотря в Вовино лицо, думал: «Ну какие у него могут быть планы на будущее?..» Все родители всегда планировали всё за своих детей, пытаясь навязать им свои побуждения, не интересуясь, хочет ли этого сам ребёнок или нет. Наверное, в каких-то случаях эти навязанные родительские побуждения просто идеально подходили для совершенно безынициативных детей, но только не в моём случае. Я же был очень признателен своим родителям за то, что они всегда считались со мной (даже в таком раннем возрасте) и всегда интересовались, хотел бы я заниматься тем или иным занятием или нет.

— В будущем мы планируем уехать и жить за границей! — сказала она и засияла от счастья, — Вова будет там учиться и работать, а потом мы найдем ему невесту. Правда, Володя? — спросила его мама и наклонилась, чтобы заглянуть ему прямо в глаза.

Вова, не вынимая мороженого изо рта, кивнул головой. Мне кажется, что мама моего школьного друга просто-напросто хотела поделиться своими планами на будущее со всем миром. Из всей этой мизансцены, которую она устроила, одно только слово «Заграница» прозвучало для меня, как раскат грома, и оно

надолго осталось в подсознании. Во времена моего детства, середины восьмидесятых, слово «Заграница» звучало, как нечто загадочное, как взгляд в почти недосягаемое светлое будущее. При одном этом слове у людей появлялась умиленная улыбка на лице, а в глазах вспыхивал огонёк восторга.

* * *

Шёл 1988 год. В то беззаботное время, как и принято его воспринимать всей детворе, я активно занимался разными видами спорта, пробуя все возможные, которые только были в нашем городе на то время, в основном долго нигде не задерживаясь. Но всё же один спорт оставался для меня неизменным. Баскетбол или баскет, как мы его называли между собой, был моим любимым спортом, им я начал заниматься с первого класса (с семи лет) и занимался на протяжении четырёх лет, до того момента, пока наш тренер неожиданно не пропал…

Тренер наш был весьма своеобразен, его, как и принято, кто-то любил, а кто-то — не очень. Для меня же он был всегда очень добрым и весёлым, а самое главное, знающим своё дело человеком. По крайней мере, так я его воспринимал. Нам очень нравилось, когда он общался с нами (с его группой), как со взрослыми. Также он достаточно часто шутил, что вызывало у нас всплеск позитивных эмоций. Тренер был человеком выше среднего роста, крупного, я бы даже сказал массивного телосложения, которое ему никак не мешало двигаться с лёгкостью; надолго его, конечно же, не хватало, но иногда, играя с нами в баскетбол, он очень быстро и виртуозно обращался с мячом, и каждый раз после забитых им трёх очков, самодовольно улыбаясь, он долго крутил мяч на указательном пальце. Время от времени тренер носил пышные усы, которые были модными в то время, они делали его менее серьёзным и более чудаковатым, при одном только взгляде на него мы по-детски с усмешкой улыбались, особенно в те моменты, когда тренер злился и кричал на нас, если мы что-то делали не так.

Вообще, наша группа, в которой было большинство ребят из моего школьного класса, воспринимала тренера как дополнительного учителя по физкультуре. Получалось так, что физкультура у нас часто была последним уроком, а после неё в этом же зале сразу начиналась тренировка.

Полноценный баскетбольный зал вместе с гимнастическим находились в пристройке, которая примыкала к нашей школе. Как и подобает любому тренеру, на нём всегда был надет новый

спортивный костюм фирмы «Adidas» и кроссовки той же фирмы, на груди висел большой хромированный свисток, который порой использовался не по назначению, а если точнее, то в воспитательных целях. Тренер снимал с шеи длинный шнурок со свистком и, закусив нижнюю губу, шлепал им по заднице самому непослушному ученику, приговаривая при этом:

— Я же просил не отвлекаться от тренировки.

И так, занимаясь четыре раза в неделю, под чутким руководством тренера наша группа просуществовала четыре года, которые пролетели как четыре дня. Последнее время тренер приходил на тренировки очень редко и нам приходилось заниматься без него, ведь всю программу разминки мы уже знали наизусть. Целый спортзал был наш на час, поэтому полчаса мы делали разминку, а остальные полчаса делились на две команды, в одной из которых я был капитаном, и играли в баскетбол.

Последние несколько недель нашу группу тренировал другой тренер, которого мы все немного недолюбливали: из-за его агрессивного подхода и отрешённого отношения к нашей группе, что определённо нам не нравилось.

Однажды, когда мы пришли на тренировку, в раздевалке нас встретила уборщица и сказала, что у нашей группы тренировок больше не будет и попросила всех разойтись по домам. На наши вопросы «почему?» и «что произошло?» она не отвечала.

Мы решили на прощанье зайти в пустой зал, зайдя, мы простояли там несколько минут, пока кто-то не обратил внимание, что дверь в тренерскую комнату, которая находилась в углу зала, была приоткрыта и оттуда, как обычно, выходил сигаретный дым. Мы переглянулись и направились туда.

Там, весь в сигаретном дыму, сидел нелюбимый нами тренер и читал какой-то журнал. Мы стали его расспрашивать, что, собственно, произошло, где наш тренер? На что он пренебрежительно ответил, что наш тренер эмигрировал в Голландию.

В то время это была шокирующая новость, в частности слово «эмигрировал». Оно произносилось многими людьми и звучало так, словно тот, кто уехал в поисках лучшей жизни, не смелый и решительный человек, а беглец и предатель родины. И, конечно же, те люди, которые пренебрежительно произносили это слово, делали это только из зависти и трусости.

Для нас же, его учеников, это была приятная новость. И приятной она была не из-за того, что тренировок больше не будет, нет. А из-за того, что тренер уехал в другую страну — в поисках лучшей жизни!

Возвращаясь домой в хмуром настроении, у меня в памяти

пробежала та самая мысль о заграннице, которая продолжала жить во мне, и я как бы сознательно привязал её к отъезду тренера, улыбнувшись про себя и подумав, что именно он, возможно, станет моим проводником в тот дальний, неизвестный, но такой манящий заграничный мир… Процесс был запущен — медленный, но уверенный.

* * *

Время шло… закончилась школа и пришло время взрослой жизни — так нам говорили тогда преподаватели при поступлении в техникум. Это и в самом деле были золотые, долгожданные слова, так как со школой, а точнее с преподавательским составом мне не повезло; учителя ориентировались только на нескольких отличников, а остальные же двадцать человек терпели постоянное унижение и оскорбление. Поэтому с первых же дней учёбы в техникуме я впервые за три последних года, проведённых в школе, вздохнул полной грудью, с лёгкостью и облегчением. Только из-за того, что с нами обращались не унижая и оскорбляя, а по-человечески. Как ни странно, от такого человеческого подхода даже возникало желание и стремление учиться.

Начало девяностых — это было время больших перемен, а также и новых возможностей… Не всё было гладко, да и многие перемены так и не прижились, но пытаться уйти от них, а ещё хуже бороться с ними, было абсолютно неверным решением, как мне тогда казалось. Такие ситуации нужно просто принимать и приспосабливаться. Но тем не менее каждый воспринимал это время по-своему… Я не хотел бы сейчас углубляться в этот период и рассказывать о победах и поражениях того своеобразного времени, хотя по мере своего рассказа я всё равно буду периодически вспоминать лихие девяностые.

Учился я на курсе Механики и ремонта заводского оборудования, и всё, как казалось, шло своим чередом… В те непредсказуемые времена учёба во всех средне-технических и высших учебных заведениях кардинально изменилась. Всё, естественно, было связано с экономической нестабильностью в стране. Так как зарплаты преподавателям стали выплачивать с большими задержками и в неполном объеме, следовательно, это и послужило причиной больших перемен в отношениях между студентами и преподавателями. Другими словами, даже те, кто учился очень хорошо, были вынуждены произвести обряд подношения, который в разных учебных заведениях, безусловно, исчислялся по-разному. В нашем же техникуме можно было

получить хороший учебный балл, преподнеся банку краски, канистру бензина, бутылку водки, коньяка или шампанского, в общем, что все любили и в чем нуждались, но денег сполна на всё желаемое не хватало… Ценился и физический труд, за который преподавателям пришлось бы платить наёмным работникам, но зачем? Ведь есть молодые, полные сил студенты, мечтающие получить хороший балл и при этом не учиться, чем, конечно же, преподаватели и пользовались. Тех самых не желающих учиться брали на посадку и сбор картошки на дачах, на погрузку и разгрузку мебели, на копания ям под колодцы, и даже один раз нам пришлось рыть яму для усопшего преподавателя на кладбище.

Мне такое положение дел, по правде говоря, было только на руку. Так как любовь к учёбе, как я уже успел упомянуть, мне отбили ещё со школы, поэтому я особо и не стремился к знаниям. Да и времени учиться на последних двух курсах особо и не было. Я был занят своими делами: утро начиналось на большой рыночной площади, где я с небольшой суммой наличных покупал и продавал валюту, вечером спешил на тренировку в тренажерный зал, а ближе к ночи шёл работать в ночной клуб охранником. Поэтому часть моих учебных баллов, соответственно, была приобретена с помощью подношений.

После четырёх лет «успешной», в моём понимании, учёбы я получил диплом об окончании техникума, но работать в этой сфере не собирался. Так как на любую работу, связанную с заводским оборудованием, у меня непроизвольно опускались руки и пропадало настроение.

Однажды в один из жарких летних дней, когда я стоял на рыночной площади среди толпы людей, хаотично движущихся в неопределённом направлении, и выкрикивал привычную уже мне фразу: «Меняем рубли! Доллары!» Ко мне подошёл мой друг и сказал:

— Ты знаешь, что тренер приехал из Голландии? Я его видел утром.

— Нет, — сказал я с трепетом в голосе и, как бы затаив дыхание, спросил: — Надолго?

— Точно не знаю, на сколько. Знаю, что он сейчас находится в магазине аудиотехники «Юпитер» у своих друзей, — сказал мой товарищ и, быстро извинившись, отошёл в сторону, увидев там своего знакомого.

Это было как-то неожиданно, но новость была настолько приятной, что я непроизвольно присел на чей то стоящий рядом старый, затёртый табурет. Мы не виделись десять лет. Ведь мне было лет одиннадцать, когда я видел тренера последний раз

перед его внезапным исчезновением. Тогда я был еще мальчишкой… «А сейчас мне уже двадцать один год, может и не узнать», — подумал я. Тем не менее раздумывать долго не стал. В этом необременённом возрасте принимать какие-либо решения было очень просто. Для меня по крайней мере.

Я решил поспешить туда незамедлительно, так как знал, что в этом магазине работал его старый знакомый, и, наверное, тренер там задержится на некоторое время. Пока я шёл, только одна мысль крутилась у меня в голове — узнает ли? Я быстро и уверенно передвигался по нашему небольшому и уютному городу, в котором родился и вырос. Городок был довольно чистым и достаточно зелёным. Поэтому прогуливаться по нему в жаркую летнюю пору было очень комфортно, так как практически всегда можно было оставаться в тени, которую создавали широкие листья каштанов и других цветущих в это время года деревьев.

Глава 2. Долгожданная встреча

Я подошёл к магазину и, недолго думая, зашёл внутрь. Тренер сидел в кресле, рядом с ним было еще несколько человек. Кое-кого я знал, так как город наш, как я уже успел сказать, был маленький и многие знали друг друга, если не лично, то хотя бы в лицо. Я подошёл и со всеми поздоровался. Тренер при виде меня привстал с кресла и, округлив глаза, воскликнул:

— Роберт?! Ну орёл! Вырос, возмужал!

На лице у него была радушная улыбка.

— Здравствуйте! — сказал я, пожимая большую ладонь тренера.

— Привет-привет, — радостно ответил он, — какими судьбами?

— Хотел узнать кое-что… Мы могли бы поговорить с глазу на глаз?

— Конечно! — согласился он и, обняв меня за плечо, вывел на улицу.

Возле магазина стояла удобная скамейка, на которую падала тень от большой ели, возвышающейся прямо перед магазином, мы присели на неё. Как ни странно, но лицо у тренера поменялось, а точнее черты лица. Нет, не в худшую сторону, скорее, наоборот. Ведь каждая страна со своим менталитетом, по-видимому, очень влияет на человека, как внешне, так и внутренне.

— Тренер, — сказал я, улыбаясь, так как он до сих пор сидел с улыбкой и без какой-либо серьёзности на лице смотрел мне в глаза, — у меня уже давно есть непреодолимое желание уехать за границу… — и на этом я сделал паузу, наблюдая за его реакцией.

Причин в то интересное время и в самом деле было множество… Но если в двух словах, то это массовая безработица и экономический коллапс. Меня очень угнетал тот факт, что простой, средний класс больше не являлся таковым, а находился на гране нищеты. А мне бы очень хотелось жить в стране, где этот же средний класс пребывает в комфорте и достатке. Напрягало также и общее положение, складывалось ощущение, что государство преднамеренно било абсолютно по всем фронтам: образованию, медицине, культуре, науке, искусству и, конечно же, экономике. Страна тогда находилась на самом дне, дальше падать уже было просто некуда. В атмосфере царил хаос и беспорядок. Так получалось, что наблюдая и осознавая весь этот угнетающий круговорот событий и перемен, последние годы меня просто одолевало желание вырваться отсюда. Про жизнь за границей я ничего не знал, никаких подробностей и тонкостей.

Слышал от людей только то, что там лучше, чем здесь, и этого для меня было предостаточно, чтобы принять твёрдое решение. Давить на жалость или умолять я не хотел, это был не мой конёк, хотя знаю, что многим это помогало. Я же всегда чувствовал себя довольно уверенно, поэтому говорил прямо, без каких-либо намёков и умалений. Я продолжил:

— Могли бы вы чем-нибудь помочь в моём желании?

Это в принципе и был мой единственный, но самый важный вопрос. Ему тоже, по-видимому, понравилась такая конкретика:

— У тебя есть какие-либо определённые цели?

— Нет, — сказал я, — хочу просто уехать, пожить… посмотреть…

— Думаю, что смогу! — ответил тренер.

Он говорил спокойно и уверенно. Его, по-моему мнению, всегда можно было назвать человеком слова. Хотя и было в нём какое-то легкомыслие, но оно точно не шло в разрез с его ответственностью и надёжностью.

— Смотри, Роберт, — продолжал он, — ты можешь приехать. Я тебя могу встретить, поживёшь у меня какое-то время, а по ходу событий я покажу и расскажу тебе, что и как… И всё остальное… ты уже сам!

— Мне подходит! Большего я и не ожидал, — обрадовался я.

Он посмотрел на меня с улыбкой. Да, тренер довольно часто улыбался при встрече и при разговоре. Вероятно, ему показалось, что я не допонимаю всего масштаба эмиграции, всех нюансов и тонкостей, но они мне были ни к чему. Он стал рассказывать разные способы эмиграции: как люди всеми возможными и невозможными путями и уловками пытаются там легализоваться… Однако мне это было неинтересно. Я услышал то, что хотел услышать, а всё остальное меня интересовало постольку поскольку… В голове крутилось лишь одно, что если люди едут и остаются, и у них всё получается, то почему я не могу?! Я сидел и внимательно слушал все детали эмиграции, не перебивая. В конце, когда тренер уже, видимо, и сам устал от своего рассказа, он глубоко вздохнул и сказал:

— Ну… в крайнем случае ты ничего не теряешь! Если что-то пойдёт не так, государство купит тебе билет на самолёт и отправит обратно домой. Главное помни одну простую вещь — ты свободный человек! Ты сам вправе принимать решение! И никто… Запомни, Роберт, никто не может диктовать тебе что и как делать! Для свободного человека не существует ни преград, ни границ! Твоя свобода всегда в тебе!

Эту фразу я прочувствовал как никогда в этот момент, она осталась жить во мне и по сей день.

— И когда ты планируешь приехать? — спросил тренер.

— Как только получу визу. Не знаю, сколько это займёт времени, но я буду держать вас в курсе.

Мы обменялись номерами телефонов и попрощались. О нашем с ним разговоре я решил не распространяться среди друзей и знакомых, сказав об этом только родителям, но и они не восприняли это всерьёз. Только лишь потом, когда я зачастил по экскурсионным бюро, пытая счастья в получении визы, они поняли, что я настроен серьёзно и решительно.

Как оказалось, в то непростое время получить визу молодому человеку было совсем нелегко. Все прекрасно понимали цель моей поездки за границу. Это был конец девяностых и люди уезжали массово. Даже выезжая с группой за границу на экскурсию, экскурсовод всегда забирал паспорта, но и это не останавливало решившихся на эмиграцию людей. Но тем не менее существовало несколько способов, по которым можно было оформить визу молодому человеку, и одним из таких являлась покупка автомобиля за границей. На что я и рассчитывал. На поиски турагентства я отправился в соседний большой город, где мне пришлось обить пороги не менее десяти разных турфирм. Заходя в большинство из них, уже с порога мне говорили, что визы молодым и не семейным они не делают. И уже по пути домой, в какой-то мере успев разочароваться в своих поисках, я обратил внимание на старую всю выцветшую на солнце вывеску, на которой была надпись «ТурФирма». Это было старое, полуразрушенное трёхэтажное здание из красного кирпича, первый этаж которого был абсолютно не пригоден для жилья, а двери и окна были заколочены досками. Я обошёл его со стороны и увидел железную, местами проржавевшую лестницу, по которой было даже не безопасно подниматься, но тем не менее я поднялся и, открыв дверь, очутился в ничем не примечательном маленьком офисе, где за столом сидела милая, улыбчивая молодая девушка. Улыбка не сходила с её лица, а в глазах горела искринка хитрости и знания своего дела.

— Могу я вам чем-то помочь? — спросила она, улыбаясь во весь рот.

— Мне нужна виза в Голландию, — не церемонясь, отчеканил я.

— Конечно, без проблем! Мы всё устроим… — сказала она уверенно и нежно.

— У вас есть все необходимые документы?

— Например? — буркнул я.

— Справка с работы, банковские выписки, документы на владение частной собственностью?

— Нет, ничего из перечисленного у меня нет, — сказал я, успев уже немного расстроиться.

— Не переживайте, как я уже сказала, мы всё устроим, — сказала она таким же спокойным и приятным голосом, полным уверенности.

Договорившись о цене и сроках ожидания, я, окрылённый мечтой, поспешил домой. Через неделю мне позвонили и попросили внести всю сумму, сказав при этом, что виза ещё не готова, но деньги нужно заплатить сейчас. Я поспешил к ним в офис. Сумма оказалась уже выше, чем мы обговаривали изначально. На вопрос «почему» услышал ответ: «Технические неурядицы… Надо покрывать расходы». Ничего не поделаешь… раз надо — так надо. Зная, как всё здесь работает, я прихватил с собой сотню баксов — и это оказалась точь-в-точь ожидаемая ими сумма. Через неделю раздался ещё звонок и мне сообщили, что виза уже готова, но попросили приехать в офис, чтобы внести дополнительную сумму за билет на самолёт. На очередной мой вопрос: «Почему, ведь за билет я уже заплатил?» мне вежливо ответили, что билет подорожал и нужно доплатить ещё сто долларов. Выбора уже не оставалось, нужно было ехать забирать паспорт с визой и, соответственно, доплатить деньги за билет на самолёт.

Билеты я забрал ещё через неделю, но в этот раз, к моему удивлению, уже ничего доплачивать не пришлось. И так, вдохновленный мечтой, я постепенно шёл к завершению начальной её фазы. С хорошими новостями направился в переговорный пункт, чтобы позвонить тренеру (звонить за границу оттуда было гораздо дешевле, чем из дома). Зайдя в кабинку, мне объявили, что вызов пошёл и я могу снять трубку и ждать соединения. Через пару секунд послышался голос тренера. В ходе нашей беседы я понял, что тренер вообще не ожидал такого быстрого и решительного поступка с моей стороны, он был приятно удивлен, когда я ему позвонил буквально через месяц. Я сообщил, что через неделю уже прилечу в Амстердам. Реагировал он на всё позитивно и одобрительно. Что, конечно же, было очень важно для меня. Так как я никогда не хотел навязываться и быть обузой кому-либо, а также вторгаться в личное пространство человека, если он сам этого не хотел. Во время нашего с ним телефонного разговора мне даже казалось, что я вижу, как он, говоря со мной, улыбается.

Сборы не заняли много времени. Неделя пролетела незаметно. Всё это время я занимался изучением языка. В нашем маленьком городке экспертов по языкам надо было поискать. Звонить и беспокоить тренера по этому поводу я не хотел,

поэтому решил обратиться напрямую к человеку, который время от времени посещал Голландию, тем более что он был моим постоянным клиентом. Мы встретились на рыночной площади, он, как обычно, подошёл ко мне поинтересоваться курсом валют. Звали его Коля, он всегда менял у меня валюту, но не большие суммы, а так, по мелочи, боясь засветиться с крупной суммой денег в нашем маленьком городишке. Основные же валютные операции Коля осуществлял в соседнем большом городе, пытаясь это скрыть, но об этом всё равно знал весь наш маленький город, который всегда полнился слухами. Стоило всего лишь выйти на улицу и с кем-то заговорить, как через некоторое время об этом будет знать уже весь город.

— Коля, — начал я разговор, — ты ведь ездишь по заграницам и должен знать, какой язык в Голландии?

— Ааа… в Голландии, конечно знаю — немецкий! Какой же ещё?! Это сто процентов! Даже не сомневайся, — сказал он с уверенностью.

Вот так и получилось, что всю неделю я выписывал и заучивал самые ходовые немецкие слова и фразы. По приезду это меня, конечно же, сконфузило, но не особо. Как оказалось, немецкий не был основным языком, большинство местных жителей прекрасно владели тремя языками — фламандским, немецким и английским.

Перелёт был с пересадкой. Самолёт, на котором я летел, делал посадку ещё в одной постсоветской стране; не хотелось бы тыкать пальцем… хотя, по большому счету, они все друг друга стоят… В этой «замечательной» стране меня встречали «доброжелательные» таможенники с «приятными» лицами. Пересадка была скорой, поэтому прогуливаться времени не было. Тем более что «милые» таможенники подхватили меня под руки прямо посреди аэропорта и понесли (при моём росте в 1 м 88 см и весе 94 кг) в свой офис, который находился в шагах двадцати от того места, где меня оторвали от пола. Это говорило о том, что сотрудники там работали «отборные». Из багажа у меня была с собой только спортивная небольшая сумка.

— Что происходит? — спросил я, после того как мы зашли в офис и они поставили меня на пол.

Не говоря ни слова они сняли сумку с моего плеча и вывернули всё, что было в ней, на пол.

Таможенников было двое. «Приятная встреча или проводы…» — подумал я.

— Так, вы можете объяснить, что происходит? У меня самолёт сейчас вылетает, — добавил я, ожидая хоть каких-либо объяснений.

— Ничего не происходит, — ответил один из них, неприятно ухмыляясь.

— Если успеешь собрать вещи, то и на самолёт успеешь, — добавил он, при этом пнув ногой пенку для бритья в угол комнаты.

Я посмотрел на этих «прекрасных» людей недобрым взглядом. Если бы мы встретились за пределами аэропорта, мы бы, конечно же, по-другому поговорили… Но у меня и в самом деле были считанные минуты. Быстро всё собрав, я поспешил в самолёт и забежал последним.

Хотелось бы отметить, что злости на таможенников у меня не было, скорее, жалость. Жалость о том, что они остаются в этой помойке, ущербные и неотёсанные. Остаются такими, какими хочет их видеть их же пресловутое «государство», ведь это же «государство» порождает своих сыновей и дочерей, навязывая им свою повестку дня, а с ней и свои взгляды, которые не могут отличаться от гос. Мнения. В противном случае, если же ты мыслишь иначе, индивидуально, ты или предатель, или инакомыслящий, что в принципе одно и то же, который должен быть подавлен, либо унижен, либо наказан, а ещё лучше — изгнан. Это же государство при помощи манипуляций наставляет и направляет на поступки, которые ему же и выгодны… Примерно, как кукловод управляет своими куклами. И только те немногие, которые находят в себе силы и обретают своё внутреннее «Я», способны выйти из этого порочного водоворота маразма, лишь они могут осознанно увидеть и оценить всю глубину этого идиотизма, с каким правительство любой страны пытается манипулировать народом. Это происходит не только в постсоветских странах, такое явление присуще абсолютно каждой стране, каждому государству, каждому народу. Всё, что государство делает, те методы, которые оно применяет, всё это сказывается на его народе. В цивилизованных странах они более гуманные, бесспорно. Но в наших же постсоветских странах слово «гуманизм» было, как ругательство, и всегда вызывало если не смех, то саркастическую улыбку. Мне как ребёнку нового поколения совершенно не хотелось жить в странах, где бюрократия и коррупция — мать порядка, где жадность и алчность были на первом плане, где хамство и агрессия стали нормой, где разговор о человеческих правах вызывал идиотский смех. Это были страны третьего мира. Мне стало легче на душе, я вздохнул глубоко и с облегчением, от того, что улетаю и меня больше здесь ничего не держит.

Глава 3. Голландия

Самолёт успешно приземлился в Амстердаме. При выходе из него я последовал за всеми, так как это был мой первый в жизни перелёт, и куда идти, я не имел ни малейшего представления. Толпа людей подошла к паспортному контролю. Стоя в очереди, я познакомился с одной русской девушкой, которая жила в Голландии. Мы о чём-то говорили какое-то время, пока я не оказался перед кабиной с таможенником.

— Ваш паспорт, — сказал он.

Это было понятно, ведь какой-никакой, но базовый школьный английский у меня всё же был. Я протянул ему паспорт. Таможенник открыл его и проверил визу.

— Ок, — продолжил он, — Ваш обратный билет?

— У меня его нет, — сказал я и обернулся к девушке с просьбой, чтобы она перевела ему, что назад я поеду на машине, которую, соответственно, собираюсь приобрести в Голландии. Она ему всё перевела. После чего офицер попросил меня отойти в сторонку и подождать. Там стояло еще несколько человек. Я подошёл и встал рядом с двумя парнями. Невооружённым взглядом было видно, что эти два молодых человека были хорошими друзьями, а по стилю одежды, которая была приобретена на базарной площади, можно было сразу определить откуда они. Выглядели эти ребята достаточно нервно, как мне показалось, стоя на месте и переминаясь с ноги на ногу, они судорожно смотрели по сторонам; со стороны казалось, что они вот-вот куда-то побегут… Таможенник, у которого остались наши паспорта, вышел из своей кабины, расположенной у стены справа, и пошел в офис, находившийся прямо за этой стеной, на внешней стороне которой висело большое зеркало-шпион. Я сразу обратил на него внимание. Получалось, что за этим зеркалом был офис, откуда прекрасно просматривался весь зал. А так как в кабинке на данный момент никого не было, можно было рискнуть и легко проскочить мимо незамеченным, понадеясь на то, что именно в этот момент никто не будет смотреть в одностороннее зеркало. Что и сделало двое нервных молодых парней, стоящих рядом. Не дожидаясь своих паспортов, они скользнули между пустой кабиной и скрылись в толпе, направляясь к выходу. «Попробую, наверное, и я», — промелькнуло у меня в голове, паспортом по большому счёту я не дорожил, так как в то смутное время он не представлял большой ценности. Только сделав шаг и направившись следом за своими соотечественниками, из двери офиса вышел офицер и позвал меня, махнув рукой. Я зашёл

внутрь. Там сидело несколько человек. Лица у них были спокойные и интеллигентные, не сравнить с нашими «ротвейлерами», из-за этого у меня не возникало ни капли беспокойства и волнения.

— Сколько у тебя с собой денег? — спросил один из них.

Говорили они на английском.

— Пятьсот долларов, — ответил я.

Они рассмеялись.

— Этого недостаточно для покупки машины. Мы тебя отправим следующим самолётом обратно, — сказал один из офицеров.

Такой поворот событий меня не устраивал и я как мог, используя весь свой запас английских слов, стал объяснять, что здесь в Голландии живёт мой тренер по баскетболу, который сейчас ожидает меня в аэропорту, а он уже поможет с покупкой машины. Отчасти это было правдой, так как основной сферой деятельности тренера были подержанные, а порой и новые автомобили. Офицер слушал очень внимательно. Когда я закончил, он спросил у меня имя и фамилию тренера и вышел. Минут через пятнадцать он вошел в дверь, за ним зашёл и тренер. Мы поздоровались, тренер, как всегда, улыбался и был в приподнятом настроении. На лице у него не было ни капли волнения. Они начали о чём-то говорить на фламандском вперемешку с английским, я ничего не понимал. После нескольких минут разговора таможенник взял мой паспорт и поставил там штамп на въезд.

Мы вышли из аэропорта и направились в сторону автопарковки. Шли мы недолго. По пути тренер рассказал, как его вызвали по громкоговорителю, назвали имя, фамилию и попросили подойти к таможенному контролю. Добавил также, что это уже не первый раз он встречал так людей… Не доходя до машины, я попросил сделать быстрый звонок домой родителям с его мобильника. В Европе мобильные телефоны уже активно набирали свой оборот, в то время как в постсоветских странах они войдут в массовое использование только года через два. После моего разговора с родителями я спросил его:

— Что вы сказали таможеннику, от чего он так быстро поставил штамп на въезд?

Тренер широко улыбнулся и ответил:

— А сказал я ему, Роберт, что знаю о том, что денег у тебя мало, но деньги, сказал, здесь не нужны… Я просто-напросто подарю свою машину своему ученику. Таможенник, конечно же, был ошарашен, поэтому попросил меня написать расписку о том, что я дарю тебе машину, а ты в свою очередь обязуешься

покинуть страну в течение четырнадцати дней. Так что вот — твоя новая тачка! — улыбнулся тренер и указал рукой на стоящую перед нами машину.

На парковке стояла новенькая Ауди.

— Классная тачка! — сказал я.

Тренер кивнул и сел за руль. Я сел рядом и потянул за ремень, чтобы пристегнуться, хотя это было очень не естественно для наших постсоветских стран на то время, но всё же я знал, что в Европе это обязательно. Однако тренер остановил меня:

— Ты что, Роби (так называли меня друзья — прим. автора)! Не позорь машину…

Я сел, не пристегиваясь, что было более привычно. Тренер тоже не пристегивался. В машине на заднем сидении сидела девушка, которую я не сразу заметил. Как потом выяснилось, тренер её встретил раньше и они ожидали меня. Мы поехали! По дороге они всё время разговаривали, а я отвлечённо смотрел в окно. Из их разговора я понял только то, что знакомый тренера попросил её встретить и привезти в Роттердам. Также они говорили о том, что количество людей, массово покидающих все постсоветские страны за последние несколько лет, колоссально возросло. Она рассказывала про множество своих личных знакомых и знакомых её знакомых, которые эмигрировали за границу. Практически все, кто знал хоть кого-нибудь, кто жил за границей, любыми способами пытались уехать туда. И я оказался не исключением. Когда мы выехали из аэропорта, тренеру надо было заехать в центр Амстердама, где у него были ещё какие-то дела… Человек, как я понял, он был занятой. Мы заехали в город и медленно поехали по узким улочкам Амстердама. Дорога по центру была вымощена брусчаткой, что, естественно, придавало особый колорит месту, а вокруг стояли узкие двух-трёхэтажные домики, приросшие друг к другу, — отовсюду веяло Средневековьем. Мы проезжали через мосты и каналы, по которым во всех направлениях проплывали катера с туристами. Вдоль каналов были аккуратно высажены деревья, а между ними стояли столики, за которыми сидели люди, курили и наслаждались неповторимым голландским пивом. Повсюду хаотично носились велосипедисты, время от времени врезаясь друг в друга. Мы остановились на одной из центральных улиц. Тренер сказал, что ему нужно отойти и что обратно он вернётся примерно через полчаса, предложил также и нам выйти и размяться. Машина была припаркована на какой-то площади в виде сквера, где гуляло много народа. Я решил прогуляться в пределах сквера, стараясь не терять машину из виду. Девушка, которая сидела сзади, тоже вышла и пошла уверенно в

неизвестном направлении. Мне показалось, что она в Амстердаме не в первый раз. Минут через двадцать она вернулась, встала рядом с машиной и закурила. В середине сквера бил небольшой фонтан с бронзовой статуей внутри. Я рассматривал всё вокруг и дышал воздухом Амстердама. В этом воздухе я чувствовал запах свежей выпечки и шоколада, кофе и пива. По тротуарам гуляло много людей с собаками. Я ощутил какое-то внутреннее чувство свободы и сделал глубокий вдох. Такие моменты наполняют жизненной энергией и хочется жить. Через дорогу я увидел идущего тренера и тоже пошёл по направлению к машине. По дороге в Роттердам девушка рассказывала, что два года назад она уже была в Амстердаме и прожила здесь около трёх месяцев. Через несколько минут мы выехали на скоростное шоссе и машина понеслась так, как и подобалось ездить машинам такого класса, прижав меня к сиденью, что непроизвольно вызвало умилённую улыбку. Мы въехали в Роттердам и буквально через несколько минут высадили нашу попутчицу. У дороги её встречал какой-то человек, видимо, их общий знакомый.

Мы продолжили движение по Роттердаму, его окраинам и центру. Город молодёжи и студентов. Очень чистый и ухоженный, с элементами старины и современной архитектуры. Потом я узнал, что в начале Второй мировой войны, в 1940 году, весь центр Роттердама был тотально уничтожен немецкими бомбардировщиками. Поэтому в самом центре города красовались новые современные сооружения. По пути домой тренер спросил:

— Роби, давай заедем к моему знакомому, он трезвонит мне весь день… Ты не против?

— Нет конечно, — ответил я.

Через несколько минут мы подъехали к дому и вышли. Это был небольшой дом, внутри которого было несколько апартаментов. Мы поднялись по лестнице наверх. Тренер постучал. Дверь открыла молоденькая девушка лет двадцати.

— Заходите! — сказала она очень приветливо.

Из другой комнаты вышел молодой парень, который тоже очень обрадовался нашему приходу. Он пригласил нас в одну из комнат. Это была комната-склад или комната-магазин, на кровати лежала куча разной брендовой одежды, на стульях висели брюки и джинсы, куртки, джемпера, свитера и тому подобное…

— Что-нибудь выберешь? — спросил паренёк.

Тренер померил одну куртку, которая показалась ему самой большой. Она и в самом деле была огромная. Это была выворотка из кожи в виде замша светло-коричневого цвета. По размеру она

пришлась ему в самый раз.

— Сколько? — спросил тренер.

— Для тебя — три сотни, — ответил паренёк, — ты не представляешь, чего мне это стоило… Куртка такого размера! — смеясь, сказал он. Ведь и в самом деле стащить куртку такого размера было непросто, особенно маленькому и худенькому парню.

— Да! — улыбаясь, ответил тренер, — три сотни — хорошая цена. Реальная цена за неё, наверное, баксов семьсот?

— Восемьсот!

— Хорошо! — согласился тренер, — оставь мне её, на днях заеду заберу, может, ещё чего-нибудь возьму… Обменявшись парой фраз, мы попрощались и пошли к машине. Только ближе к вечеру приехали к тренеру домой. Нас радушно встретила его супруга и пригласила за стол. Я был ужасно голоден. На столе стояло несколько салатов и горячее. Среди салатов был мой любимый винегрет, а также ещё один салат из овощей. На горячее была картошка с курицей. Положив себе винегрет, я начал его пробовать. «Очень странно…» — подумал я, пробуя снова и снова… Потом я решил попробовать овощной салат — скажу честно, свежие овощи были ещё хуже. Тренер с женой посмотрели на меня и спросили, улыбаясь:

— Не чувствуешь вкуса овощей?

— Винегрет ещё можно есть… — сказал я, смущённо улыбаясь, — но вот свежие помидоры, лук и огурцы — это абсолютно безвкусно, как пластик.

Они посмеялись и сказали, что у них было то же самое, когда они приехали в Голландию и в первый раз попробовали местные овощи и фрукты.

— Ничего, привыкнешь со временем, — приободрил тренер.

* * *

Гостил я у них около недели. В один из выходных дней мы поехали на местный уличный маркет, где в основном продавались овощи и фрукты. Глядя на них, было трудно поверить, что они натуральные. Все фрукты блестели так, будто их только что начистили до блеска. Но что меня также удивило — это то, что в воздухе среди всей этой красоты не стояло ни малейшего аромата ни яблок, ни слив, ни помидор, ни огурцов, ни морковки. На прилавках лежали пробники — ломтики фруктов. Я взял попробовать и в очередной раз убедился, что к таким фруктам я не прикоснусь ещё долгое время. Всё было настолько

искусственное, что непроизвольно вызывало отвращение.

Практически каждый день мы заезжали к кому-то в гости, там я и познакомился с новыми людьми. Всех, кого я встречал, интересовал только один вопрос: «Как там в Совке?» Совком они называли все постсоветские страны. Как оказалось, все хотели слышать только один ответ — что там «полная жопа!» У вопрошающих такой ответ сразу вызывал самоуверенную улыбку и внутреннюю радость, а также укреплял их самолюбие и даже где-то вызывал восторг от того, что они вовремя уехали оттуда. Если же ответ звучал с точностью до наоборот — что в Совке всё хорошо, люди и там прекрасно живут, — то лица менялись и на них сразу прослеживалась грусть, небольшое сожаление и уныние. Быстро заметив это, я предпочитал отвечать то, что они хотели слышать. Этот ответ и у тренера вызывал гордую улыбку. В основном все знакомые тренера были люди постарше меня, но не намного. Было несколько и молодых ребят, примерно моего возраста. Все, кого я встречал, занимались каким-то мелким бизнесом (нелегальным в основном), получая при этом социал (государственное пособие, выдаваемое на еду и жильё) и совсем не желая с ним расставаться, у многих из них даже и в планах не было устроиться легально на работу. Другими словами, как пел Вилли Токарев: «Сижу на Велфере (Социале), как царь на именинах». Их это устраивало и государство, по-видимому, тоже. Вечерами они пересекались в одном местном баре, куда мы с тренером тоже заходили в конце дня, чтобы пообщаться, выпить по пару стаканчиков Хайнекена и поиграть в пул. По лицам подходящих и здоровающихся с нами людей можно было сразу сказать, что публика там собирается матёрая…

В один из таких вечеров за стаканом пива и за ужином (в барах подавали шикарный традиционный ужин, это было что-то наподобие жаркого с мясом) тренер сказал:

— Роби, в Голландии тебе оставаться нельзя. Ты засветился в аэропорту и я, к сожалению, тоже. Тебя могут пробить (проверить все данные) и сразу депортировать. Если хочешь зацепиться и остаться подольше, надо менять страну. Здесь недалеко Бельгия, думаю, это хороший вариант… Мы подкорректируем твою «легенду», и ты попросишь там политическое убежище. Что скажешь?

После случая в аэропорту я сразу понял, что очень рискованно оставаться в Голландии, да и тренера подводить не хотелось, он ведь расписку оставил, что через две недели я выеду из страны.

— Конечно! Я не против, — согласился я.

— Было бы лучше, конечно, чтобы ты оставался здесь… под

боком, но… — он выдержал паузу и продолжил, — Бельгия не так уж и далеко.

Я кивнул и мы продолжили трапезу.

По большому счету мне было абсолютно всё равно, где просить политическое убежище, будь то Голландия или Бельгия, для меня это не играло особой роли. Я понимал, что если просить убежище в странах Бенилюкса, любая из этих стран его предоставляет и обеспечивает всем необходимым, но только на неопределённое время. Всей подобной информацией я уже успел пропитаться за это короткое время моего пребывания там.

В дальнейшем многое зависело от «легенды» (это история твоей жизни, рассказывающая из-за чего или кого ты был вынужден бежать из своей родной страны в другую страну для прошения политического, религиозного или расово-этнического убежища). Если эта история была ещё и подтверждена какими-то письменными или видео доказательствами, которые можно было проверить, тогда шансов на то, что тебе поверят, гораздо больше. Так и получалось, чем убедительней легенда, тем дольше есть возможность находиться в этой стране.

А правдивая легенда или нет — это уже был вопрос риторический, над которым ломали головы и принимали решения уже иммиграционные службы.

* * *

На дворе стояла сырая осень с серостью за окном и часто моросящим дождём, что прямым образом влияло на настроение. Несколько дней я просидел в квартире, никуда не выходя. Квартира сама по себе была просторная: три большие спальни, небольшая кухня и большой зал, в котором меня и поселили. Тренер вставал поздно, собирался и уезжал по своим делам. Его супруга и дети вставали рано и уходили — кто в школу, кто на работу.

Я всегда просыпался довольно рано, около восьми утра, поэтому слышал, как они все постепенно расходились. День в бездействии длился бесконечно. Когда все уходили, заняться было абсолютно нечем. Оставался только телик, но я никогда не был его большим фанатом; бесспорно, есть интересные, увлекательные фильмы, которые я мог бы посмотреть, но сидеть целыми днями, пронизывая его глазами насквозь, разговаривая с ним, участвуя во всех ток-шоу, зная все сериалы наизусть… Нет! Это не моё. Поэтому я просто ходил по квартире взад и вперёд, чтобы не замёрзнуть, ненадолго присаживаясь в кожаное,

холодное кресло от которого становилось ещё холодней, оно располагалось у книжного шкафа… Временами я вставал с кресла и делал мини зарядку (прыгал, приседал), пытаясь согреться. К моему счастью, в этом шкафу книг на полках было предостаточно, поэтому выбор был большой, что также позволяло коротать время в холодной квартире. Тренер и его супруга были люди хорошо образованные и интеллигентные. От этого и литература, стоящая на полках, была классической и, соответственно, увлекательной. Это напомнило мне родительский дом, в котором тоже имелась приличная библиотека, и если брать во внимание любую советскую интеллигентную семью, то практически в каждом доме можно было наткнуться на идентичное собрание книг: стихи Пушкина, Лермонтова, Есенина, «Война и мир» Толстого, Пастернак, Генрик Сенкевич, Мамин-Сибиряк, Александр Дюма, Джек Лондон и многие другие…

Примечательным было то, что здесь, в Голландии (1998 год), я впервые ощутил на себе ту экономию электроэнергии, воды и газа, с которой живёт вся Европа. В то время как большинство постсоветских стран жили, можно так сказать, на широкую ногу, в Европе же люди дорожили каждой минутой включенного света и каждой каплей согретой ими воды. Поэтому, находясь одному в пустой, да ещё и холодной квартире, было вдвойне дискомфортно и неуютно. Ходил я по комнате одетый и обутый. Что было чрезвычайно непривычно. И это было абсолютно во всех квартирах и домах, в которых я оказывался за время моего пребывания там. При этом, как ни странно, люди, с которыми я встречался, были не бедные. И это были наши соотечественники, привыкшие к теплу и комфорту. Они ещё утверждали, что не особо экономят, по сравнению с европейцами, которые вообще не обогревают свои маленькие квартирки, а вечера проводят чуть ли не при свечах, экономя каждый киловатт, — и всё это из за дороговизны электроэнергии и газа. Я знал, что вечером в квартире будет поживее и обязательно включат отопление, так как все будут уже дома. Также была вероятность, что мы с тренером и его супругой пойдём к кому-то в гости или прогуляемся по городу. Поэтому я терпеливо ждал вечера.

* * *

В один из вечеров тренеру позвонил его знакомый Алексей и сказал, что получил очень важное письмо, которое он так долго ждал, и пригласил всех к себе отметить. Мы быстро собрались и пошли к Алексею. Он жил недалеко. По дороге мы зашли в

магазин купить пару бутылок вина. Все сошлись на французском Бордо. Мне было абсолютно всё равно какое вино, так как для меня всё было в новинку. Поэтому я со всем соглашался. Квартира, в которой жил Алексей, была не очень просторная, но достаточно уютная. Она была заставлена маленькими журнальными столиками, на них стояли разнообразные светильники, которые горели тусклым светом, тумбочками и стоящими на них вазами различной величины и раскраски. В квартире было прохладно, я даже не стал снимать обувь. В Голландии это было нормой, и никто не обращал внимания. Кто хотел — снимал обувь, кто не хотел — ходил в ней. Первые полчаса я сидел в куртке. Алекс, как он потом представился и попросил его так называть, был мягким по характеру человеком с творческой натурой. С ним жила девушка абсолютно противоположного характера и нрава. Находясь в их компании всего пару часов, я заметил, что общий язык этой паре найти было очень сложно. Ещё одну спальню занимал его знакомый — музыкант Лёня. Он был гитаристом, уличным музыкантом. Играл великолепно. В основном классическую музыку и романсы. Мы все сидели в зале в полумраке светильников и мерцающем свете свечей. Все, конечно же, поздравили Алекса с его долгожданным письмом, которое он так долго ждал. Тренер и его жена были искренне рады за своего друга, они тоже были в ожидании подобного письма и знали, что вот-вот его получат. Это письмо оповещало о том, что Королевство Голландии готово предоставить Алексу гражданство — такое письмо являлось последним этапом перед получением долгожданного паспорта. Первая половина вечера началась не очень гладко, с постоянными перепалками и несогласием друг с другом Алекса и его спутницы. Потом все переместились на кухню, курили и продолжали разговор, а кто-то и спор. Алекс тем временем заказал пиццу из итальянского ресторанчика. Когда все вернулись в зал, аромат пиццы уже разошёлся по комнате. Вторая половина вечера проходила уже превосходно, в дружественной обстановке. Все комфортно сидели в зале на мягких креслах и диванах, беседовали и пили вино. Бокал французского вина, кусочек итальянской пиццы — всё было свежее и невероятно вкусное. Вот только к вину надо было привыкнуть, так как в постсоветских странах все привыкли пить сладкое или полусладкое вино. В Европе же вина были натуральные, без добавления сахара, а следовательно, кислые.

После вкусного ужина Алекс достал портсигар и вынул из него две самокрутки. Такие самокрутки можно было купить во всех кофешопах Голландии. Алекс предложил не выходить на

кухню, а раскурить всё в комнате. Пошёл фиолетовый дым, и через несколько минут после оживлённой беседы воцарилось спокойствие и умиротворение. Алекс попросил Лёню сыграть на гитаре, на что тот любезно согласился. Играл он, как мне показалось, испанские мелодии, в основном медленные, лирические. Петь он не любил. Вышли мы от Алекса приятно уставшие и пошли домой по ночному Роттердаму, который горел тысячами огней, и ночь в этом свете казалась золотой.

На следующее утро после завтрака тренер принёс тетрадку и ручку и сказал:

— Садись, пиши.

Это была моя «Легенда». Мы долго её корректировали и дорабатывали. На протяжении всего дня к тренеру заходили его знакомые, которых он волей-неволей вовлекал в корректировку «легенды», каждый делился своим опытом и давал дельные советы. Также он звонил другим знакомым, которые тоже чем-то умудрялись помочь, дав нужный совет по телефону. Вообще, я заметил, что на советы друг другу эмигранты не скупились, особенно если это было нужно твоим знакомым, если же это был совершенно посторонний человек, то дело обстояло немного иначе. Информация у них была свежая, можно сказать, из первых уст. Около девяти часов вечера к тренеру зашёл его друг Том. Это был парень лет двадцати пяти, низкого роста, плотного телосложения, с чёрными волосами и такими же чёрными глазами. Как мне показалось, это был один из самых приближённых друзей тренера, с Томом он вёл себя очень расслабленно и непринуждённо, а говорить они могли абсолютно на все темы…

Том, прочитав легенду, сказал:

— Нормально… нормально. Только нужно кое-что добавить…

— И что же? — спросил недоумевающим голосом тренер.

— Пускай сдаётся как подросток! Ну ты же сам знаешь… льготы, привилегии…

— Да посмотри на него… Какой он тебе подросток?!

Том посмотрел на меня, широко улыбаясь, затем повернулся к тренеру и сказал:

— А ты что, забыл, как мы пару недель назад тридцатипятилетнего Гиви, у которого все волосы седые, а сам размером с Кинг-Конга, сдали как шестнадцатилетнего, и ничего, сидит пока…

— Да, помню! Но… могут и не поверить, — призадумался тренер.

— Но проверить уж точно никак не смогут! — ухмыляясь, ответил Том.

— Что скажешь, Роби? — спросил тренер.

— Я думаю что вам видней, вы уже собаку на этом съели…

— Хорошо! На том и порешим… Будешь малолеткой, — уверенно заявил тренер.

Том посидел ещё немного, попил с нами чай с пирогом, который испекла супруга тренера, и ушёл. Закончили мы далеко после полуночи.

— Ну, как тебе?.. — спросил тренер, закуривая на кухне очередную сигарету, у которой он, как обычно, оборвал два сантиметра. «Это чтобы меньше курить», — утверждал он. Но курил при этом все равно очень много.

— Всё так и есть! Ни убавить, ни прибавить! Прям история моей жизни! — улыбаясь, подтвердил я.

— А теперь, Роберт, — начал серьёзным тоном говорить тренер, — тебе нужно будет усвоить ещё один очень важный урок, уяснить для себя и понять, что с того момента, когда ты переступишь порог здания, в котором просят убежище, ты автоматически становишься другим человеком, ты постоянно должен помнить о том, что всё теперь вымышленное, ненастоящее… Тебе нужно будет привыкнуть к этому, смириться и жить с этим какое-то время. Ведь там, куда ты идёшь, другой мир; то общество, тот контингент, с которым тебе предстоит столкнуться, в большинстве своём уже хорошо знают лагерную жизнь и все её нюансы… с которыми тебе только предстоит познакомиться. В том вымышленном мире все имена, фамилии, страны, города, личная жизнь — всё фейк! Все твои новые знакомства, всё, что будет тебе рассказано, не верь ни одному слову, а ты в свою очередь отвечай легендой, которая станет теперь твоей Новой Жизнью. Лишь только тогда, когда ты встретишь друзей, узнаешь их получше и будешь видеть и чувствовать, что они с тобой откровенны, только тогда ты можешь быть также откровенен с ними, но не раньше. Ты меня понимаешь, Роби? — спросил тренер, пристально смотря мне в глаза.

— Мне кажется, что понимаю… Я ведь тоже не вчера родился, — ответил я так, будто всё, что говорил тренер, было мне уже знакомо.

Он слегка улыбнулся, вздохнул и посмотрел на меня так, как смотрят на маленьких детей, когда они утверждают, что всё знают…

— Держи, Роби, легенду ближе к сердцу, заучи и спать с ней ложись, — сказал тренер и похлопал меня по плечу, — а сейчас действительно пора спать, уже три часа ночи, или утра, — добавил тренер и мы разошлись по комнатам.

Как и было сказано, несколько ночей подряд я ложился с ней спать, зачитывая на ночь, как «Отче наш», а в течение дня, когда находился дома, также читал и пропитывался ею насквозь, погружаясь в новую, незнакомую мне историю вымышленной жизни.

Я помню, стоял серый, дождливый осенний день. Я провёл его, как и прежде, не выходя из квартиры. Внутри уже присутствовало странное чувство какого-то завершения… Миссия подготовки прошла свою стадию. Ближе к вечеру приехал тренер и предложил прогуляться. Мы пошли в ближайший бар, взяли по пиву, присев, как раньше, у барной стойки, за которой тренеру сидеть почему-то было гораздо удобней, чем за столом. Он выпил залпом бокал холодного бодрящего «Хайнекена» и произнёс:

— Ну что ж, Роби, завтра утром выдвигаемся в Бельгию, в Брюссель.

Это было ожидаемо, к тому же я был к этому готов. Конечно, было немного грустно и появлялось необычное чувство пустоты и неизвестности. Тренер тоже сидел невесёлый, он знал, что пришло время, хотя и пытался шутить и подзадоривать меня в этот вечер, но у него это не особо получалось.

Глава 4. Утро в Брюсселе

На следующее утро мы выехали рано, примерно в шесть утра. Ехали около двух часов, всю дорогу обговаривая легенду. Время пролетело очень быстро, я даже не заметил, как мы въехали в центр Брюсселя и остановились возле новых, чёрных, высотных стеклянных офисов. Что вызывало у меня сразу интерес к месту. Всё казалось величественным и современным. Тренер указал мне на толпу людей, стоящих под одним из высотных зданий. Там было огромное количество людей, примерно человек двести.

— Видишь ту толпу, Роби? — спросил тренер.

— Да, — ответил я.

— Иди туда, становись в очередь и жди, — сказал он, закуривая на этот раз уже целую сигарету.

— Скоро всех будут запускать внутрь… Когда придёт твоя очередь, скажешь, что просишь политическое убежище, а дальше всё по легенде… Единственное, что меня беспокоит, Роби… — продолжил тренер, выдержав небольшую паузу и выдохнув облако сигаретного дыма из лёгких, а также сделав недовольное лицо, — так это то, что тебя могут поселить в не очень хорошее место… Вообще, здесь в районе Брюсселя много разных хороших лагерей, но этот…

— А что в нём не так?.. — поинтересовался я.

— Просто он большой… неконтролируемый… и там всегда куча всякого сброда… Я бы очень не хотел, чтобы ты там очутился. Запомни, он называется Пети Шато! И если тебя в него определят, я даже не знаю… попробуй попросить, чтобы тебя поселили в другое место что ли… Ну что, готов? — спросил неожиданно тренер, смотря на меня грустным взглядом, но всё же улыбаясь.

— Готов! — ответил я, — не стоит беспокоиться, всё будет хорошо!

Мы пожали друг другу руки, и я вышел из машины. Тренер открыл окно и крикнул вслед:

— Номер ты мой знаешь. Звони, если что…

Я ничего не сказал, только кивнул в ответ и улыбнулся, продолжая идти по направлению к толпе людей. Встав в очередь, я увидел людей со всех точек нашей планеты, разных религий и национальностей. Кто-то выглядел по-европейски, а кто-то вообще был для меня, как с другой планеты. Спустя примерно пятнадцать минут вся толпа начала постепенно продвигаться вперёд. Я оглянулся назад и не поверил. За мной образовалась почти такая же толпа людей, какая стояла передо мной, а прошло

каких-то пятнадцать или двадцать минут.

Вдруг неожиданно из толпы ко мне подошли два парня. По их лицам я сразу определил ребят с Кавказа, которые практически всегда, насколько я их знал, отличались приветливостью и дружелюбием.

— Привет, — сказал паренёк поменьше ростом, но крупнее второго, стоявшего позади него.

— Привет, — ответил я.

— Меня зовут Ашот, — представился он, пожимая мне руку.

— Русский? — тут же спросил он.

— Да, — снова коротко ответил я.

— Моего друга Руслан зовут, — добавил Ашот.

Руслан прошёл ко мне и протянул руку. Ростом он был выше среднего, худощавого телосложения.

— Привет, — мы пожали друг другу руки, — Роберт.

— Очень приятно, — ответил Руслан.

— Вы из Грузии? — поинтересовался я.

— Я из Грузии, — сказал Руслан, — Ашот из Армении, но мы давние друзья, — добавил он.

По-русски они говорили очень хорошо, но с небольшим кавказским акцентом. По возрасту мы были примерно одногодки. Через несколько минут я уже стоял перед большими дверьми, по обеим сторонам которых стояли по два охранника и что-то раздавали. Меня быстро спросили, на каком языке я говорю, а также почему я здесь, дали номерок и анкету, состоящую из одного листа. Всё было очень быстро и хаотично. Толпа подпирала, толкалась, и возле двери невозможно было пройти спокойно. Туда вваливались сразу как минимум человек десять. Поэтому секьюрити справлялись очень быстро, задавав два вопроса и выдавав номерок с анкетой. Поток толпы занёс меня внутрь, где я оказался в огромном холле, посредине которого было много сидячих мест, но они все уже были заняты. Я сел возле стены на старый рюкзак, который дал мне с собой тренер. В нём лежал только спортивный костюм, остальные вещи остались у тренера. Он утверждал, что так лучше, к тому же будет повод приехать и проведать меня. Как я уже сказал, холл был огромен. В центре толпились люди, а по всему периметру были расположены офисы, над которыми висели небольшие электронные табло, показывающие номера. Мой номер переваливал за двести — я понимал, что меня вызовут не так скоро. Поэтому я просто сидел и наблюдал за происходящим. Было очень шумно.

В своё время беженцы из Совка придумали интересное название этому заведению, прозвав его «Комиссариатом». В основном, как я заметил, люди приходили сюда большими

компаниями, чуть ли не поселениями. В большинстве своём это были беженцы из Индии, Пакистана, Сомали, Бангладеша, Марокко, Ирана, Ирака, а также стран Балканского полуострова и, конечно же, из разных стран бывшего советского Союза. Спустя несколько минут я увидел ребят с Кавказа — Ашота и Руслана. Они ходили и искали, где бы присесть. Увидев меня, они сразу пошли в моём направлении.

— О! Привет ещё раз, — сказал Ашот, улыбаясь.

— Привет, ребята, — кивнул я и предложил им упасть рядышком.

Они обрадовались и кинули свои рюкзаки возле меня. Я попросил у них ручку и стал заполнять анкету, которая оказалась очень элементарной и состояла всего лишь из нескольких вопросов. Номерки на табло менялись достаточно быстро, но только до обеда. Потом был час перерыва и всё замерло. Людей становилось всё меньше и меньше. Из всей той толпы людей, стоящей на улице утром, запустили только какую-то часть, остальным сказали приходить в другой день и желательно пораньше. Это мне рассказал Ашот, сказав, что несколько дней назад они сами попали в такую ситуацию. И так как он очень любит поспать, прийти к 8 утра было проблематично. Поэтому их уже два раза отсылали восвояси. А на мой вопрос: «где же были ваши восвояси?» Ашот сначала замялся, но потом ответил, что у них в Брюсселе много знакомых, как из Грузии, так и из Армении. Парень всё время был обкуренный, поэтому абсолютно не контролировал, что и кому говорил.

Из его слов я понял, что он из состоятельной семьи, что парень он выхоленный и избалованный, такому здесь будет непросто. Что не скажешь про его друга Руслана, он был определённо из бедной семьи, и соответственно, более приспособлен к спартанской обстановке.

Примерно около четырёх часов вечера на одном из табло высветился номер моего билета. Дверь была в дальнем углу холла, я не спеша пошёл в её направлении. Зайдя внутрь, оказался в большой комнате, в которой был очень минималистичный интерьер. Посередине стоял большой прямоугольный стол, вокруг которого стояло много стульев. На стене висела большая карта мира. В комнате присутствовали три молодых человека, не старше тридцати лет. Один из них сидел за компьютером, второй — перебирал какие-то бумаги, стоя у окна, а третий, который был ближе всего к двери, сидел на столе, поставив одну ногу на стул. Он посмотрел на меня уставшими, красными глазами, поздоровался, взял мою анкету и предложил присесть, просто указав рукой на стул. После того как он

взглянул в анкету, спросил на русском языке измученным голосом:

— Откуда?

— В анкете всё написано, — ответил я.

— Укажи на карте, где находится твоя страна, — сказал он и дал мне указку, лежавшую возле него на столе.

Я подошёл к карте, но решил не указывать, ведь по легенде я был человеком практически из трущоб, значит и знаний у меня не было. Вернувшись обратно к офицеру и отдав ему указку, я просто развёл руками.

— Ладно, — сказал он, ухмыляясь.

Говорили мы недолго, минут пятнадцать. Всё что я говорил, он записывал. Порой офицер становился серьёзным и даже пытался как-то на меня морально надавить и даже запугивать. Вероятно, в надежде на то, что я испугаюсь, одумаюсь и захочу вернуться назад домой. Наверняка на кого-то это действовало, но для меня, как для человека, рождённого в СССР, всё то, что говорил мне иммиграционный офицер, пытаясь, как я уже сказал, на меня давить и запугивать, выглядело как-то нелепо, да и делал он всё вяло, без энтузиазма, по-видимому, уже выбившись за целый день из сил. Если сравнить этого офицера практически с любой нашей «Тётей Маней», выглядывающей своим устрашающим видом из-за прилавка в кулинарии, а ещё хуже, мясной лавки, то она уж точно могла навести куда больше страха, нежели этот офицеришка. И всё же я решил ему подыграть, делая вид испуганного мальчика, который вот-вот расплачется, и в то же время очень настойчиво давая ему понять, что моя история никак не позволяет мне возвращаться обратно. Другими словами, пути назад нет. В конце нашей беседы он выдал мне какой-то заламинированный лист бумаги и сказал, что это мой документ на неопределённое время. Типа паспорта. Он должен быть всегда при мне, на случай, если меня остановит полиция для проверки личности и всякое такое. Также сказал, что с этим документом я могу свободно передвигаться по всей Бельгии.

Сделав небольшую паузу и посмотрев пристально мне в глаза, как бы убеждаясь, понял я или нет, добавил, что этот документ мне нужно будет предъявить секьюрити при входе в лагерь (место, где живут беженцы). При этом выдал мне ещё один лист бумаги, на котором была изображена карта расположения этого лагеря, а сверху большими буквами было написано: «Le Petit-Château»… то самое место, о котором предупреждал тренер.

Лагерь этот располагался недалеко отсюда, как я понял, взглянув на карту, минут 30–40 пешком. Просить о том, чтобы меня перевели в другой лагерь, я не стал, так как никаких

беспокойств по этому поводу я не испытывал, даже наоборот, у меня почему-то был живой интерес к этому месту, хотелось увидеть его воочию и прощупать его самолично.

Выйдя из кабинета, я увидел Руслана, который сидел в полупустом зале на стуле напротив. Выглядел он очень поникшим и, вероятно, ждал Ашота. Я подошёл и поинтересовался, от чего он такой унылый и куда его определили. На что он ответил, что ничего хорошего не произошло, а определили его, как он сам выразился, в самое «пропащее место» в Брюсселе. По-видимому, он был очень хорошо проинформирован о всех лагерях, находившихся в округе, и хотел попасть в один из лучших.

— Меня посылают в «Пети Шато»! — сказал Руслан с очень кислым лицом.

— А тебя куда адресовали? — спросил он тут же.

Я ответил, что и меня туда же, и добавил, чтобы он не падал духом, что всё будет хорошо.

— Ты знаешь, Руслан, — сказал я, порой не так страшен чёрт, как его малюют… так что не переживай заранее.

Через несколько минут вышел Ашот. Это была эпическая картина: он ссутулился, побледнел, на лице вообще не было признаков жизни. Мне кажется, что так выглядят люди, которых приговорили к смертной казни или, на худой конец, к пожизненному отбыванию срока где-то на каменоломне. Мы даже рассмеялись с Русланом, сразу поняв, что теперь мы будем «отбывать срок» в одном месте.

— А ты чего такой довольный? — спросил меня Ашот.

— А с чего мне огорчаться? Лагерь определили, документ выдали. Что ещё нужно?

— Лагерь лагерю рознь, — поддержал его Руслан серьёзным тоном.

— Может быть… я не знаю. Но так, как расстроился Ашот, расстраиваться точно не стоит, — сказал я, смеясь и глядя на Ашота, после чего мы пошли к выходу.

Глава 5. Le Petit-Château

Le Petit-Château (Пети Шато), в переводе с французского — маленький замок. Это действительно был замок, который находился в самом центре Брюсселя. Построенный в середине XIX века позже он был отдан под казармы для солдат. Потом долгое время служил тюрьмой для тех же солдат, вероятно, изменников. А ещё немного позже был военкоматом для молодых новобранцев. Лишь в 1986 году был переделан под центр для приёма беженцев. Само здание состояло из трёх этажей и было П-образной формы, внутренние углы здания соединяла высокая 6–7-ми метровая массивная стена, посередине которой были ворота в виде арки, а сверху по краям возвышались две башни, каждая из которых напоминала шахматную ладью. В середине был просторный двор, вымощенный брусчаткой. По фасаду здания, переплетаясь и карабкаясь аж до самого верха, рос дикий виноград, листья которого меняли свою окраску в зависимости от времени года. Особенно красиво листья смотрелись осенью, когда они были багряно-красного цвета.

Мы втроём подошли к офису секьюрити, который располагался прямо у ворот замка, и зашли внутрь. Стены офиса были все облеплены мониторами, где просматривался каждый уголок лагеря. Там находились два охранника, мы показали им наши новые документы и присели на стулья, стоявшие под стеной. Молодой парень взял наши документы и стал выписывать

все данные. Второй молодой охранник стал подзывать нас по очереди и фотографировать; сфотографировав, сказал нам подойти завтра утром для получения пластиковой карточки (пропускного). Потом один из охранников отвёл меня в сторону и попросил подождать здесь, сказав, что сейчас подойдёт социальный работник для несовершеннолетних и всё мне покажет и расскажет… Говорил он на английском, простыми, элементарными фразами, поэтому понять его было несложно. Через несколько минут подошел молодой человек, звали его Франк. Ему было лет тридцать, худощавый, высокого роста, очень коротко стриженный с узенькими усами над губой и такой же узенькой, короткой эспаньолкой на бороде. Он представился и сказал, что он мой социальный работник и, если будут какие-то вопросы, то обращаться непосредственно к нему. Говорил он со мной по-русски, с небольшим французским акцентом. Франк был бельгиец. Ашот с Русланом остались ожидать своего соцработника. Как потом выяснилось, всех в лагере распределяют по группам (количеству людей), и у каждой группы свой соцработник. После того как Франк показал мне, где находится его офис, мы продолжили ознакомление с Пети Шато. Офисы всех социальных работников находились на первом этаже здания также, там находилась столовая, игровая комната или комната досуга, небольшой телевизионный зал, мест так на 30–40, в углу здания находилась большая кладовая комната, где можно было взять всё необходимое для ванны и туалета; несколько больших, просторных комнат на том же первом этаже занимали женщины, где они скрашивали свой досуг обычными женскими занятиями (вышивкой, аппликациями, чтением), но в основном, конечно же, они просто там сидели и разговаривали. По центральной лестнице мы поднялись на второй этаж, там начинались жилые комнаты, среди этих комнат, находился небольшой спортивный зал, где можно было поиграть в мини футбол и побросать мяч в баскетбольное кольцо. Поднявшись на третий этаж, мы с Франком оказались в центре длинного коридора, по периметру которого были расположены комнаты — много комнат. Пройдя по коридору, свернули в левое крыло; Франк открыл узкую дверь и мы вошли внутрь, оказавшись в большой, светлой, прямоугольной комнате с высоким потолком, высоким, узким окном напротив двери и двумя узкими окнами, расположенными по углам комнаты. Комната была довольно широкая, посередине шёл коридор, а по обеим его сторонам были маленькие кабинки (два на два метра), по шесть с каждой стороны. Кабинки были сделаны из металлопластика, вместо двери висела плотная тёмно-синяя занавеска. И если потолки в комнате были высокие, около пяти

метров, то сама кабинка была метра два в высоту. Человек высокого роста, как я, например, мог встать на цыпочки и легко лицезреть «комнату» соседа, хотя по-большому счёту лицезреть там было нечего: кровать, узкий высокий железный шкаф для вещей и стул. Над кроватью висел светильник, который горел очень тускло, чтобы ночью не мешать остальным.

— В этом крыле, Роберт, комнаты для несовершеннолетних, эта комната под моим присмотром, поэтому если будут какие-то недоразумения, приходи и говори мне. Окей? — сказал Франк, слегка улыбнувшись.

Я понятливо кивнул головой.

— Можешь выбрать любую свободную кабинку, — добавил он.

В комнате никого не было, но кабинки практически все были заняты. Я нашёл одну свободную и положил на кровать свой рюкзак. Главная дверь на ключ не закрывалась, поэтому войти и выйти мог кто угодно. Железные шкафы в кабинках тоже были в свободном доступе, но они хотя бы имели петлички, поэтому многие сами приобретали навесные замки и вешали их на дверцу. Но и это не спасало: железо было настолько тонким, что если сверху или снизу чем-то острым подцепить угол двери, а затем взять его рукой, то можно было с лёгкостью любому парню средней силы отогнуть дверь до такой степени, чтобы без труда вытащить из шкафа всё, что заблагорассудится, что иногда и делали любители лёгкой наживы и чужих вещей. Туалетов в комнате не было, они находились в коридоре на каждом этаже. А вот чтобы помыться — принять душ, для этого надо было спускаться вниз, выходить на улицу и идти за столовую, где стояло отдельное старое здание. Когда мы с Франком вышли из комнаты, то встретили в коридоре Ашота и Руслана, они сразу же начали просить Франка, чтобы он перевёл меня к ним в комнату, даже не спросив, хочу я этого или нет. Они, конечно же, хотели, чтобы вся комната состояла из Совков, чего я, собственно, не хотел, но не стал спорить и говорить об этом вслух. Я всегда ценил своё уединение и спокойствие и никогда не был сторонником балагана и панибратства, тем более с незнакомыми мне людьми. А кто будут моими соседями по комнате, меня это особо не волновало, так как за свой покой и уют я мог достойно постоять. «Ну да ладно», — подумал я, тревожить себя не дам в любом случае.

В комнате у них оказалась одна свободная кабинка, и я перешел туда, тем более что Франк был не против, он пожал мне руку на прощанье и ушёл. Один из соседей по комнате меня сразу предупредил, что буквально два дня назад в душевой было

совершено изнасилование. Изнасиловали одну девушку, также сказал, что там ходят несколько человек, видимо, извращенцы, и когда там кто-то купается, подглядывают в душевые кабины. Послушав все предупреждения и сделав для себя вывод, я отправился в столовую. На ужин был рис с моллюсками. Здесь! В лагере! Я был приятно удивлён такой еде. Порция была небольшая, но этого было вполне достаточно. Вообще, кормили здесь очень хорошо. В столовой стояли длинные столы и лавки, по обеим сторонам, человек на шесть с каждой стороны. Сидеть можно было где угодно, разделений особых не было. Разве что семейные, они старались держаться таких же пар. После ужина, прихватив с собой тупой столовый нож в целях самообороны — при дюжей силе травмировать им можно было бы без труда — я отправился принять душ. Зайдя к себе в кабинку, я взял в руку нож и накинул сверху полотенце. Не доходя до здания душевой, перед входом стояли два высоких парня (африканца) неприятной внешности. Я подошёл к ним вплотную и на мгновение остановился между ними, посмотрев пристально сначала на одного, затем на другого, этим дав им понять, что лучше к моей душевой кабинке им не приближаться, и вошел внутрь. Внутри было большое квадратное помещение с душевыми кабинами в четыре ряда. Я постоял, послушал и убедился, что я здесь один. Зайдя в душевую кабинку, разделся и положил нож в мыльницу перед собой. В то время, когда я принимал душ, кто-то вошёл и пошёл в одну из кабин в последнем ряду, за ним вошли те двое, один остался смотреть, по-видимому, за мной, так как он стоял за углом и мельком время от времени поглядывал в мою сторону, а второй последовал за другим человеком. Я решил быстро одеться и выйти, пройтись между рядами, оценить ситуацию. Быстро одевшись, я вышел, засунув руки в карман куртки, держа нож в правой руке, тем более что сделать это было просто, так как в правом кармане моей кожаной куртки была большая дырка. Одного из них, того, кто меня караулил, уже не было на месте. Я слышал, где бежит вода, и пошёл в том направлении. Не доходя, увидел тех двоих, стоящих возле кабинки, где кто-то принимал душ. Я не знаю, что они собирались сделать, но наверняка намерения у них были неблагие. Увидев меня, они быстро пошли вокруг рядов, я последовал за ними. Проходя мимо, заглянул в кабинку, где бежала вода, там был молодой парень лет шестнадцати. Скорее всего, он проживал в крыле для несовершеннолетних. Те двое подошли к двери и вышли, я вышел за ними. Они встали метрах в пяти от входа и закурили. Я стоял возле двери и ждал, когда выйдет парень. Тут из-за угла появилась знакомая фигура, это был сосед по комнате — крепкий

мужчина лет сорока из Армении. Когда он подошёл, я объяснил ему ситуацию и попросил, чтобы он присмотрел за пареньком, который купается, при этом указав на двух подозрительных типов, стоявших в стороне, он недоверчиво посмотрел в их сторону и понимающе кивнул. В дальнейшем подозрительных африканцев я там больше не видел. Меня всё это нисколько не смущало, что ещё можно было ожидать от места, где собраны люди со всех стран третьего и четвертого мира? И понятно, что не сливки общества.

Есть люди более менее здравомыслящие, а есть абсолютно не в адеквате, всех ведь не поставишь под одну гребёнку. И так было всегда. Единственное, что меня волновало в тот момент, когда я возвращался обратно из душевой в свою комнату, так это тепло ли там ночью? Так как после холодных европейских квартир меня долго пробирал озноб. Как оказалось, в комнате было всё время тепло и сухо. Находясь в кабинке тёплой комнаты, читая или слушая музыку, я ощущал покой и уют. Внутри этого замка преобладала особая атмосфера, хочу сказать, что уже с первых дней я не чувствовал там дискомфорта, скорее, наоборот — там я чувствовал себя свободным и защищённым!

Глава 6. Новые знакомства

Не успел я зайти в кабинку, как ко мне подошёл парень года на два старше меня, он был среднего роста, щупловат. Одет он был хорошо, как для «беженца» его лет, и очень уж выхоленный, взгляд у него был взволнованный.

— Меня зовут Сергей, — представился он.

— Роберт, — сказал я.

— Ты, я так понимаю, здесь новичок, ничего не знаешь, так ведь? — спросил Сергей.

— Да, так, — ответил я.

— Я тебе всё расскажу и покажу, я здесь уже всё знаю… Ведь надо держаться вместе, не так ли? — взволнованно спросил он и потёр свои влажные ладони. Выглядел Сергей как-то жалко и одиноко.

— Так, — согласился я и спросил, — ты давно уже в Европе?

— Да! Уже три года, — ответил Сергей, всё также нервно потирая руки.

— Прежде чем переехать в Бельгию, я жил два года в Швейцарии и год в Германии. И вот только месяц здесь.

Я хотел его спросить, как он оказался в Бельгии, ведь Швейцария и Германия страны ничем не хуже, даже лучше, но он меня перебил и сказал:

— Пойдём, я тебе здесь всё покажу и расскажу, и познакомлю, может, с кем-то заодно…

Сергей рассказал, что в лагере проживало около трёхсот человек на тот момент. Женщины, молодые девушки и семейные пары занимали практически весь второй этаж. На третьем этаже в правом крыле располагались подростки без родителей (от 14 до 19 лет). Это куда отвёл меня Франк изначально. Остальные же комнаты третьего этажа занимала мужская половина.

Мы вышли на улицу, и Сергей предложил прогуляться по вечернему Брюсселю. Сказал, что покажет мне все злачные места… Я, конечно же, согласился. Было уже темно, но улицы по всему городу были прекрасно освещены. Сергей сказал, что покажет мне улицу «красных фонарей» и сексшопов и что мы пройдемся по Европейскому кварталу, а также зайдём на легендарную площадь Гранд-Плас. Гуляли мы в тот вечер долго. Сергей знал, что на площади Гранд-Плас будет световое шоу, и мы подошли буквально за минуту до его начала. Это было шедеврально! Для человека, приехавшего из Совка, увидеть Королевский Дворец, освещаемый всеми цветами радуги, да ещё и под музыку великих композиторов и музыкантов: Моцарт, Бах,

Бетховен, Шопен… Это было просто невероятно, я был в полном восторге. «Ведь мне всего лишь двадцать один, а я уже созерцаю всю эту красоту», — подумал я. После окончания шоу мы пошли обратно в лагерь. Сергей всю дорогу расспрашивал, понравилось ли мне всё то, что он показывал мне весь вечер. Я говорил, что, безусловно, понравилось, и он шёл рядом, довольный собой. Когда мы пришли обратно, он сразу зашёл ко мне в кабинку и сказал:

— Роберт, слушай, тут такое дело… — и, сделав паузу, продолжил, — мне срочно нужно сто баксов, потом верну, не сомневайся! — сказал он, нервно потирая влажные от волнения ладони.

— Можешь занять, всего лишь на две недели? Пожалуйста, — повторил он.

Я посмотрел на него с жалостью. В кармане у меня было триста долларов, остальные двести я оставил у тренера на «чёрный день», как он выразился.

— Да, — согласился я, — могу.

Сергей сильно обрадовался и стал клясться, что через две недели отдаст. Конечно же, в глубине души я ему не поверил, но понадеялся, а вдруг… Он взял деньги и сразу же убежал, благодаря на ходу. Вернулся поздно ночью и спал потом до обеда, а оставшиеся полдня ходил весь помятый. Деньги пошли на «благое дело». На завтрак столовая была не многолюдна. Открывалась она в 7.30 утра, закрывалась в 10.00. Люди в лагере в основном вели ночной образ жизни, собирались компаниями в коридоре или на улице, разговаривали, курили, пили кофе и чай. Соответственно, утром многие из них просто отсыпались и выходили только к обеду. На ужин также народа было немного, в большинстве своём они гуляли и ужинали за пределами лагеря. Как я потом узнал, у многих, из проживающих в Пети Шато, в Брюсселе уже давно живут знакомые, друзья, родственники. На следующий день после обеда я отдыхал у себя в «кабинете». Всех своих соседей по комнате я толком ещё не знал, не считая Ашота с Русланом и Сергея, конечно. В «кабинет» постучали:

— Можно войти? — спросил Сергей, — только я не один, — добавил он.

— Заходите, — ответил я.

Вошёл Сергей и с ним ещё два человека. Я посмотрел на них и предложил сесть, сдвинувшись при этом на край кровати. Сергей сел на стул и сказал:

— Знакомьтесь, это Роберт! А это ребята с нашей комнаты. Это Миша, а это Армен, — мы пожали друг другу руки.

По возрасту они были года на два-три старше меня. Миша

был слащавый, абсолютно не приятный тип, выше среднего роста, блондин с желтоватым оттенком, узкоплеч и толстоват, глаза у него были мутно голубого цвета. Стоять Миша спокойно не мог, он был весь на шарнирах: мялся с ноги на ногу, становился сначала на носки, затем на пятки, и всё это сопровождалось лёгким потряхиванием всего тела и головы. Армена также можно было отнести к людям, которые не вызывают никакой симпатии. Среднего роста, с вечной небритостью, большим, орлиным носом, всегда всем недоволен, агрессивен и хамоват.

Они начали мне рассказывать о своих грандиозных планах: о том, что они хотят открыть «клуб», чтобы тренировать детей по борьбе и боксу. Про бокс им уже, по-видимому, рассказал Сергей. Так как буквально за день до этого при нашем разговоре я упомянул, что занимался боксом последнее время и даже тренировал начинающих. Борьбой, как потом выяснилось, занимался когда-то Миша. Смотря на эту команду тренеров-тунеядцев, мне сразу вспомнились мои друзья и знакомые, которые всегда прогуливали уроки физкультуры, не говоря уже о серьёзном занятии каким-либо спортом. Поэтому я сразу понял — пришли деньги клянчить. Закончив свою эпопею, Миша попросил денег: сто долларов ему, как тренеру по борьбе, и сто — Армену. Всё, как он утверждал, пойдёт на развитие «благого» дела…

— Допустим, ты тренер по борьбе. Хорошо! — сказал я с сарказмом, — а Армену тогда на что деньги? — после вопроса возникла небольшая пауза.

После которой Миша выпалил:

— А он будет выступать менеджером нашего «клуба»! — Армен расплылся в улыбке. Быстренько оценив ситуацию, прикинув, что деньги небольшие и что пару должников под боком… пусть будут, ведь деньги всё равно рано или поздно они вернут, а если и не вернут, то отработают.

— Хорошо, — сказал я, — деньги я могу дать, но принимать участие в вашей авантюре с борьбой и боксом не буду. Поэтому могу выдать на срок в три недели, по истечению которых, — продолжал я, — деньги нужно вернуть.

Армен сразу же начал клясться мамой, что деньги вернет. Миша стал рассказывать за свою сестру, которая приедет к нему в гости через три недели, чтобы его проведать, и привезёт с собой кучу бабла. Выдуманный клуб сразу же исчез из горизонта, всё стало на свои места. Я выдал им по сотне, при этом попросив, чтобы они следили за тишиной и порядком в нашей комнате, а также чтобы никто из них в ней не курил и другим не позволяли. С чем они любезно согласились и пообещали тишину, чистоту и порядок (всё так и было, до последнего дня). Через несколько

секунд, не успев откланяться, от них и след простыл. Миша вернулся через час с новой мобилкой на поясе, весь сияя от счастья. Армена не было видно до следующего утра. За свою недолгую жизнь я уже успел повидать много разных людей, а также их нравы, характеры, поступки и вытекающие из них последствия. Поэтому, опираясь на свой жизненный опыт, пусть и не богатый, заметил, что человек не меняется никогда, разве что за редким исключением. И если он был таким в детстве и юности, то с возрастом он может только завуалировать всё отрицательное в нём, выставляя на показ «лучшие» свои качества. И все мысли, как позитивные так и негативные, а также манеры поведения и поступки год за годом, рисуются на его образе, который в большинстве случаев можно прочитывать как потрёпанный, ненужный черновик, и лишь в редких случаях, глядя на человека, обменявшись с ним несколькими фразами, можно прочитать вполне увлекательную, достойную книгу. Но, к сожалению, таких людей, как и книг, гораздо меньше. За несколько дней, проведённых мной в лагере, увидев его контингент, уже можно было сделать вывод, что Пети Шато и в самом деле в большинстве своём был наполнен всяким сбродом аферистов-неудачников, неуверенных в себе людей, бездельников, мелких воришек и тех, кто приехал в Европу в поисках наживы и лёгкой жизни. Пети Шато жил своей жизнью. Внутри этого маленького замка бурлил другой мир, где каждый был сам за себя, никто лишнего не скажет… не раскроет душу, не поделится наболевшим. Откровенничать и делиться своими чувствами, переживаниями, другими словами, говорить по душам, свободно и открыто, без подозрений и опаски — здесь никто не станет. За каждым сказанным словом нужно было следить, так как это же слово может быть использовано против тебя. Это была эмигрантская лагерная жизнь, в точности такая, какой описал мне её тренер и какой мне предстояло научиться, чтобы сильно не выделяться.

* * *

Гуляя однажды вечером по маршруту, проложенному Сергеем, я не спеша прохаживался в районе Европейского квартала, где находилась основная часть брюссельских офисов Евросоюза. Как оказалось, там же, в этом квартале, находилось то высокое здание «Комиссариата» со стеклянным фасадом, к которому не так давно меня подвёз тренер и куда я пошёл сдаваться (просить политическое убежище). В этот вечер я решил свернуть с привычного пути и пройтись по подворотням — между

банками и офисами, которые, как ни странно, были очень слабо освещены. Медленно шагая и о чём-то размышляя, в тени, на углу высотного здания я заметил крепкую фигуру мужчины, сначала не придав этому никакого значения. Но уже подойдя практически вплотную и разглядев всю картину ниже пояса, я, как кузнечик, отпрыгнул с места метра на два в сторону, непроизвольно затаив дыхание и, сделав ещё несколько шагов вперёд, я всё же обернулся, чтобы посмотреть ему или ей в лицо.

Передо мной возникла полная, обрюзгшая бородатая физиономия с наклеенными чёрными ресницами и накрашенными ярко-красной помадой губами. Кожаная мини-юбка вплотную облегала накаченные ягодицы и бёдра, мощная голень выпирала из кружевных чулков, которые заканчивались чуть выше колен, на голове был надет парик, выстриженный под каре. Это было зрелище не для слабонервных. В особенности для нашего брата из постсоветского пространства. И когда это были молодые, худенькие «парни», разодетые и разукрашенные в стиле бурлеск, на это ещё можно было закрыть глаза, но когда по улицам прогуливались крепкие, широкоплечие, накаченные «мужики», на которых были кожаные мини-юбки, кружевные чулки и туфли на высоких каблуках сорок пятого размера, то это уже вызывало, если не презрение, то отвращение. Мне поплохело. В следующий раз я испытал аналогичное чувство, когда первый раз в жизни, здесь в Брюсселе, зашёл в огромный секс-шоп, где повсюду висели искусственные фалосы и вагины, и ещё куча всякой ерунды, которая непроизвольно вызывала отторжение. Выйдя из подворотни на центральную хорошо освещённую улицу, я решил перевести дыхание от увиденного, а затем поспешил на улицу Красных фонарей, чтобы посмотреть на симпатичных, молодых и не очень дам. Шёл я быстро, и только успевал замечать, что практически на каждом углу в тени стояли подобные фигуры, на которые я уже просто старался не смотреть. Я шёл и думал: все эти неформалы, извращенцы, которые никак не вписывались в моё сознание и понимание, зачем их растит Европа? И если эта же Европа взращивала всё это, лаская и лелея, то что же она рассчитывала получить в конце этого неформального пути? Я шёл и не понимал всего происходящего. У меня возникал ряд вопросов, на которые я не мог дать однозначного ответа. Я остановился на большом перекрёстке, загорелся красный свет. Машин в округе не было, и я решил перейти дорогу. Как вдруг из-за угла с сильным рёвом сирены вылетел полицейский фургон и остановился возле меня. Из него выбежало трое полицейских с оружием, подбежав ко мне и прижав к стене здания, стали обыскивать, хлопая по всему телу.

Не найдя ничего, они всё же закрутили мне руки за спину и потащили в фургон. «Вот это поворот — неужели из-за светофора…» — подумал я, улыбаясь. По дороге полицейский спросил у меня паспорт. Я вытащил из внутреннего кармана мой новый документ и протянул ему. Фургон подъехал к полицейскому участку, меня вывели и повели внутрь. Пройдя через пропускную комнату, мы вошли в серый, но идеально чистый коридор, по обеим сторонам которого, за решётчатыми дверьми были расположены камеры. Все они были полные. Полицейский открыл одну из камер и, сделав жест рукой, мол, заходи, проводил в одну из них, при этом дружелюбно улыбаясь. Я улыбнулся ему в ответ и зашёл внутрь. На бетонной лавке сидели две дамы лёгкого поведения, посмотрев на меня, они мило улыбнулись и что-то заговорили на непонятном мне тогда языке.

Я сел напротив. Это была маленькая серая комната с двумя бетонными лавками по бокам. Прождал я около часа, прежде чем полицейский открыл дверь и позвал меня на выход. Следуя за ним по коридору, он отдал мне мой новый документ и сказал что-то на польском языке, который он, по-видимому, немного знал, я же его не знал вообще, но тем не менее кое-что разобрал. Из его слов я понял, что меня перепутали с преступником, который совершил преступление в этом квартале и пытался скрыться. «Судя по всему, ему это удалось», — с этими мыслями я вышел на улицу. На часах было приблизительно десять вечера. Подходя к воротам Пети Шато, у дороги я увидел знакомых ребят. Они стояли и о чём-то беседовали с водителем белого микроавтобуса, на двери которого виднелась голубая надпись «Our Lord of mercy».

— Роберт, иди сюда быстрее, поедем с нами, — увидев меня, крикнул Женя.

— Куда? — поинтересовался я.

— Да вот какие-то проповедники предлагают вступить к ним в общину или в секту, — улыбаясь, несерьёзно говорил Женя, — обещают разные фрукты и сладости. Поехали!

— Ладно, поехали. Посмотрим на эту общину, — согласился я.

В микроавтобус поместилось человек десять. Я, двое моих знакомых и ещё сборная солянка из нашего лагеря. В пути мы были недолго, не больше 15-ти минут. Мы подъехали к старому, небольшому зданию, с виду похожему на каменный гараж. Выйдя из автобуса, все направились к полуоткрытой двери, откуда виднелся яркий свет. Район был не очень хороший, я это понял из-за его неосвещённости и ямам на дороге, которые явно ощущались минут за пять до нашего прибытия. Зайдя внутрь, я

окинул взглядом помещение, в котором, по-видимому, только-только, закончили ремонт. Пахло свежей краской, новизной, а также фруктами и десертами, которые лежали в пластиковых блюдах на двух столах перед «сценой». Никакого возвышения там не было, просто у стены перед столами стояла барабанная установка, электронное пианино, а на стуле рядом лежала гитара. По другую сторону столов в ряд стояли раскладные стулья человек так на тридцать. Водитель зашёл после нас и сказал, что скоро подъедет ещё один микроавтобус и тогда уже все вместе начнём воспевать нашего «Lord of mercy» (владыку милосердия), петь и танцевать. «А сейчас, — продолжал он, — все могут кушать фрукты и десерты». Говорил он со всеми на интернациональном английском языке. Из фруктов там были яблоки, мандарины, апельсины, бананы и нарезанный дольками ананас. Рядом лежали десерты: бисквиты, мини круассаны, пончики в шоколаде и разрезанные пополам бельгийские вафли, а также в термосах грелись чай и кофе. Как только водитель вышел, все приехавшие, недолго думая, принялись за сладкий ужин. Хотя в лагере и хорошо кормили, но так как уже был поздний вечер, к тому же большая половина присутствующих была в обкуренном состоянии, все были не прочь налечь на сладкое, уплетая за обе щеки и не беспокоясь о ехавшей следом группе людей. Я взял две половинки бельгийской вафли, засунул в карман банан, налил чай и встал в сторонке наблюдать, как остальные девять человек поглощали всё оставшееся. Через несколько минут я услышал, как затормозил возле двери автобус, издав писк тормозных колодок. Следующая группа людей вошла в зал, когда тарелки были уже пустые. По лицам прибывших сразу было понятно, что они уже здесь не первый раз. Глаза моментально устремились на пустые тарелки и, созерцая их пустоту, секунду назад улыбчивые выражения лиц стали меняться на кислые гримасы. Мне сразу стало понятно за какой «верой» приезжают сюда эти «верующие».

— Не волнуйтесь, у нас есть ещё фрукты, — сказала милая женщина (неизвестно откуда появившись) и, широко улыбаясь, вынесла из соседней комнатки очередные фрукты и десерты.

После того как все насытились, эта же милая дама предложила всем присесть. Взяв микрофон в руки, полилась мелодичная молитва (тоже на английском), которая продолжалась минут 15. Все сидели тихо, не перебивая её. Кто-то крестился, не переставая, кто-то просто сидел, сложив ладони, скрестив пальцы и закрыв глаза, а кто-то все 15 минут сидел и хихикал. Но основная часть людей не придавала всему происходящему никакого значения, сидя и отрешённо кайфуя после выкуренной с марихуаной папиросы и съеденных

сладостей. Как только она закончила читать молитву, в дверь вошли трое уже немолодых мужчин и присели за музыкальные инструменты. Зазвучала весёлая музыка. Милая леди стала кружить в танце между стульев, поднимая всех присутствующих и предлагая плясать как попало, выкрикивая при этом такие слова, как Аминь и хвала Господу. Я встал и смотрел на весь этот балаган довольно отрешённо, не принимая участие ни в «хвалебных одах», ни в танцах. Многие делали то же самое. После десятиминутной музыкальной паузы всё та же милая леди взяла небольшой деревянный сосуд в виде кубка и, подходя поочерёдно ко всем любителям халявных сладостей, стала просить пожертвования на развитие их «церкви». Как ни странно, но практически все, кто там находился, а это было человек двадцать, стали копаться в карманах, доставая кому сколько не жалко, и в то же время, смотря с любопытством, сколько же положил твой сосед. Когда она оказалась возле меня, смотря весёлым, просящим взглядом, я даже обрадовался, что денег у меня, к моему счастью, с собой не оказалось. Я просто мило улыбнулся и развёл руками. Так как если бы у меня были деньги, и чтобы не выглядеть скупым в глазах других, пришлось бы выдать попрошайкам на их «дальнейшее развитие», а потом жалеть об этом.

* * *

В один из вечеров в своей уютной кабинке при тусклом свете ночника я засиделся допоздна, читая и постигая азы французского, и даже не заметил, как быстро пролетело время. На часах было уже около двух часов ночи, как вдруг я услышал громкий вопль, после которого сразу же последовали ещё какие-то непонятные звуки, напоминающие животных: вой волка, крик гиены, рычание льва… исходившие из центрального коридора. Я встал с кровати и решил выйти посмотреть. Открыв дверь и выйдя в коридор, я увидел человека, сидевшего на полу, вокруг него горели чайные свечи, подняв вверх руку, он стал водить горящей зажигалкой вокруг своей головы, продолжая издавать эти странные звуки. Возле него уже стояло несколько человек. И все, кто ещё не спал или проснулись от вопля и этих звуков, выходили в коридор посмотреть на этого безумца. Близко к нему никто не подходил, все стояли на расстоянии 4–5 метров. Когда я подошёл ближе, то увидел, что в другой руке он держал небольшой столовый тесак, прижав его к груди. Лицо было сложно рассмотреть, в частности глаза, из-за плотной, твидовой панамы

на голове, которую он сильно натянул на глаза, из-под панамы выглядывали грязные, слипшиеся, длинные волосы до плеч, а на бороде и щеках виднелась редкая щетина, присущая людям азиатской внешности. Роста он был низкого, среднего телосложения. Одет был, как мне сразу показалось, на английский манер: широкие шерстяные штаны в клетку, тёплая замшевая куртка светло-коричневого цвета и, как я уже сказал, твидовая серая панама. Все в коридоре стояли в ожидании, чем же закончится этот ритуал. Я простоял там минут десять, наблюдая, как этот чудак продолжал водить над головой зажигалкой, выкрикивать разные звуки, имитируя животных и время от времени маша из стороны в сторону своим тесаком. Предположив, что ничего здесь так и не произойдёт, так как этот безумец показался мне на первый взгляд в меру «уравновешенным», я отправился спать. На следующий день я встретил этого же безумца в телевизионном зале, сидевшего в позе лотоса на широком подоконнике, и уже молча, без каких-либо животных звуков, он просто водил вокруг головы горящей зажигалкой «Zippo». В этот раз я уже сумел более подробно рассмотреть его лицо. На вид ему можно было дать лет тридцать, глаза были раскосые, прищуренные и хитрые. К себе он никого не подпускал, ни с кем не говорил, а если кто-то выражал своё недовольство по поводу его звуков, он сразу же хватался за свой тесак, который всегда был за пазухой, и махал им перед лицом возмущавшегося. Все работники лагеря прекрасно знали, что этот «господин» носит тесак за пазухой, но никаких мер по этому поводу никто не предпринимал. Это был не первый сумасшедший, с которым мне пришлось столкнуться, проживая в лагере. Был ещё один, который буквально неделю спустя безумно меня напугал. Утром после завтрака, медленно прохаживаясь по двору лагеря, я услышал как в коридоре кто-то заорал не своим голосом. Я сразу же остановился и посмотрел на коридорную лестницу, выходящую наружу. Через несколько секунд на ней появился с виду ошалевший, дергающийся, как в конвульсиях, африканец. Сбежав с лестницы и смотря вокруг огромными, обезумевшими глазами, он направился в мою сторону. Я опешил, «может, не ко мне», — пронеслось в голове, и обернулся, чтобы посмотреть вокруг, — кроме меня там никого не было. Он шёл ко мне агрессивно и быстро, роста он был высокого, примерно моего. На расстоянии трёх-четырёх метров, не доходя до меня, он вытащил из кармана нож. Дыхание моё остановилось, внутри всё замерло в ожидании атаки, тело автоматически приготовилось к защите. Я отставил правую ногу назад, став немного боком, и приготовился встретить его этой же ногой, чтобы не подпустить

вплотную и сбить его прыть, хотя бы на доли секунды, а затем решил действовать по обстоятельствам. На расстоянии вытянутой ноги, к которой приблизился африканец, он резко остановился и, сев на мокрую от моросящего дождя брусчатку, с размаху стал бить себя в живот своим же ножом. Он сидел на земле и, смотря сквозь меня, кричал:

— Je vais me tuer (я себя убью)!

Я перевёл дыхание, принял нормальную, спокойную позу и посмотрел на всё происходящее более осознанно: нож, который он пытался вонзить себе в живот, оказался тупой, да и бил он им не так сильно, как размахивал. Одет он был в чёрные, заношенные брючные штаны и чёрную дерматиновую куртку, которую даже не мог прорезать своим ножом, из-под которой, кстати, после каждого удара доносился странный звук. То ли под курткой была плотная книга, то ли простая разделочная доска. «Ясно! Очередной клоун», — подумал я и направился в телевизионную. После того случая я видел этого африканца за своим любимым занятием ещё несколько раз, проходя мимо и не обращая на него уже никакого внимания. Жители лагеря впоследствии прозвали этих двух невменяемых кадров — Факиром и Самураем.

Время в лагере пролетало незаметно, я не знал ни какое сегодня число, ни месяц, ни день недели. Замечал только то, что меняется погода, а с ней и люди, приходящие и уходящие.

Лагерь служил мостом длиной максимум в один год, дольше там не держали, не считая несколько исключений. У кого-то этот год прерывался, если же ни в этот, то уже на следующий день, у кого-то — через неделю, ну а те, кто дотягивал до месяца, уже никуда бежать из лагеря не собирались, спокойно ожидая своей участи. Кто-то уходил сам на вольные хлеба, не выдержав здешней обстановки, кто-то менял страну, кто-то возвращался домой, не найдя то, чего искал, кого-то депортировали без его на это согласия, ну, а те, кто шли до конца моста, в большинстве своём получали долгожданную социальную помощь. По большому счёту все проживающие в лагере жили в режиме ожидания, и те немногие, у кого изначальной целью была Европа, а точнее постоянное в ней место жительства, имели только две мечты: первая заключалась в том, чтобы не задерживаться в лагере, а побыстрей сесть на социал; вторая, также немаловажная мечта, заключалась в «позитиве» (положительный ответ на первое интервью, всего их три), дающее право находиться в стране легально и получать социал до окончательного решения по личному делу, и в основном, если первое интервью проходило положительно, то остальные два в большинстве случаев тоже, но,

конечно же, бывают и исключения. Впоследствии, если все три интервью проходили успешно, выдавали вид на жительство, с которым можно было путешествовать, легально работать и учиться. А по истечению ещё нескольких лет можно было подавать документы на гражданство. Если же все три интервью проходили негативно, это ещё не являлось концом пути, можно было перевести своё дело в другую «независимую» организацию, попросив гуманитарную помощь — «гуманитарка», и уже ждать окончательного решения, которое могло затянуться от двух до семи лет; но при этом всё же оставаться в стране в легальном положении, поддерживаемым государством. Дальше уже оставалось дело времени, случая и везения — могут оставить, а могут попросту в любой момент депортировать. Так случилось и с моим новым другом, с которым мы познакомились в лагере в тот момент отчаяния, когда он был в шаге от самоубийства.

В один из осенних пасмурных дней, возвращаясь с вечерней прогулки, в коридоре я встретил соседа по комнате, мужчину средних лет, из Армении. Он остановил меня и сказал:

— Роберт, там у нас новенький, тоже из наших… он совсем плох… Ни с кем не хочет говорить, плачет. Попробуй поговори с ним, успокой.

— Попробую, — ответил я.

Изучив уже немного здешнюю обстановку и лично наблюдая за попытками других людей покончить с собой, я поторопился. Вошёл тихо и сразу услышал, как кто-то всхлипывал в дальнем правом углу, видимо, от плача. В голове сразу промелькнул эпизод двухдневной давности, случайно увиденный мной ночью в коридоре. Возвращаясь как-то из телевизионки к себе в комнату поздней ночью, я увидел, как один парень с криком выбежал из соседней комнаты в коридор и, разбив головой оконное стекло, выпрыгнул вниз с третьего этажа (к счастью, остался жив). Также несколько раз мне приходилось видеть, как скорая увозила людей с перерезанными венами. Временами можно было слышать душераздирающие крики по ночам, люди теряли контроль над собой. Разные вещи происходили с людьми в минуты отчаяния. Морально некоторые были совсем не готовы к таким условиям и переменам. К таким людям относился и Юрий — молодой человек, которого я увидел, войдя в кабинку. Он посмотрел на меня красными, заплаканными, печальными глазами, но прогонять не стал. Я зашёл и сел на подоконник. Передо мной был уже не юный паренёк, а вполне зрелый молодой мужчина лет тридцати, с уже появившимися морщинами на лице и сединой в волосах, и в то же время плачущий, как ребёнок. На самом деле он и выглядел, как взрослый ребёнок. Маленькая кудрявая

голова, маленькие чёрные глаза и курносый нос. Ростом он был выше среднего. Узкоплеч и худоват. Манера разговора напоминала зазнавшегося, избалованного мальчика из хорошей семьи, который при разговоре приподнимал вверх подбородок, чтобы придать себе больше значимости. У меня манера его разговора впоследствии всегда вызывала улыбку. И в то же время он был совершенно безобиден, в меру религиозен и немного чудаковат.

— Роберт, — представился я, протягивая руку.

— Юра, — ответил он, пожимая её, и сразу же спросил: — Ты давно здесь, в этом лагере?

— Не так давно, — ответил я с лёгкостью и улыбаясь, глядя ему прямо в глаза, специально, чтобы Юра мог видеть мою улыбку и почувствовать себя более расслабленно, — что же тебя так расстроило, если не секрет, конечно? — спросил я его всё с той же лёгкостью, стараясь не придавать серьёзности нашему разговору.

Юра посмотрел на меня и взбудоражено произнёс:

— Да как вообще можно здесь находиться в таких условиях?! Это же полный мрак… Ужас! Не успел я зайти в лагерь, как уже на пороге повстречал настоящих сумасшедших… К тому же это серое здание… эти кабинки в комнате… это же настоящая тюрьма! — он взялся руками за голову и слёзы опять накатились на его глазах.

— Юра, — спокойно начал я, — здесь не всё так плохо, как может показаться на первый взгляд. Ты, вероятно, уже успел встретить местных клоунов? Они и в самом деле могут перепугать кого угодно, но это только если их не знать, — я вспомнил про Факира и Самурая и улыбнулся.

Юра посмотрел на меня в недоумении.

— Один рычал и махал зажигалкой, а второй пытался сделать себе харакири. — Этих кадров ты уже успел повстречать? — спросил я его, улыбаясь.

— Да! — резко ответил он, — именно их я и видел сегодня. Одного в столовой, а другого в телевизионке.

— Но на них не нужно обращать внимания, они безобидные и, скорее всего, просто играют свою роль, пытаясь обратить на себя внимание соцработников. Пойми, система здесь так устроена. Если у тебя не всё в порядке с «кукушкой», — я сделал паузу и ткнул указательным пальцем на голову, — и тебе поверили местные соцработники, ты очень быстро можешь продвинуться по иммиграционной лестнице: быстро получить социальные деньги, квартиру, все льготы и вид на жительство, соответственно, всё это без трафика. Понимаешь? — усмехаясь,

сказал я.

Мне показалось, что он меня не слушал. Юра сидел на кровати, держался руками за голову, опустив её практически между колен, и бормотал негромко:

— Ну почему мне так не везёт?

— Юра, перестань, — я стал дальше успокаивать его.

Объяснил, что здесь вполне сносно, что нужно дать себе немного времени, раззнакомиться с разными людьми.

— Здесь есть неплохие ребята, они в меньшинстве, но они есть, и я тебя с ними познакомлю. Я покажу тебе лагерь с другой стороны! Тем более, что из него свободный как выход, так и вход (для обитателей), и тебя здесь никто насильно не держит. Я покажу тебе город и его достопримечательности.

Пока я говорил, всё время наблюдал за его реакцией, и к большому счастью, он становился чуточку расслабленней и спокойней, даже слегка улыбнулся несколько раз. После того как я закончил, Юра, посмотрев на меня уже абсолютно спокойным и где-то даже уверенным взглядом, сказал:

— Роберт, а я ведь уже планировал покончить жизнь самоубийством этой ночью. Хотел удавиться на собственном ремне.

Возникла небольшая пауза, которую я быстро попытался прервать:

— Из-за этого лагеря?!. Из-за того, что тебе здесь так не понравилось?! — спросил я, немного усмехнувшись.

— Не только… Лагерь и его обитатели, конечно же, сыграли свою роль, но есть ещё кое-что… — Юрий замолчал. Через несколько секунд молчания он опять заговорил: — В большей степени те события, которые произошли со мной за последние четыре дня… мне до сих пор сложно это пережить… переварить… Я весь, как в тумане… — посидев минуту в тишине, он снова продолжил: — Роберт, наверное, не зря я тебя встретил.

— Конечно не зря! — сказал я в ответ с энтузиазмом и похлопал его по плечу, давая понять, что он теперь не один, что у него теперь есть, если не близкий друг, то товарищ, который всегда сможет поддержать.

— Юра, ты пойми, человек не должен бояться жить и опускать руки так, как это делаешь сейчас ты. Ведь это же глупо покончить жизнь самоубийством, тем более в твоём-то возрасте. Кому ты сделаешь хуже? Только себе, не успев насладиться жизнью сполна, с её красками, как весёлыми — яркими, так и серыми — печальными, из за которых не стоит впадать в крайности… — я не успел закончить, как он перебил меня.

— Так в том-то и дело, Роберт, что я как раз и начал это

делать, начал жить как человек, наслаждаться и радоваться жизни каждый день, но обстоятельства прервали этот удивительный процесс наслаждения! — возбужденно сказал Юра и опять поник головой.

— Ты не хочешь рассказать, что произошло с тобой за эти четыре дня? — поинтересовался я.

По большому счёту я интересовался не из любопытства, мне хотелось знать, насколько всё серьёзно или нет. И что от него можно было ожидать в дальнейшем. Видно было, что он не очень хотел рассказывать — от недоверия, конечно же, ведь знал он меня каких-то пять минут, но всё же, выдержав небольшую паузу, Юра решил рассказать:

— Всё началось с того, что четыре года назад я прилетел в Канаду. И мне сразу до безумия понравилась эта страна! Так сильно, что я без малейших колебаний захотел остаться в ней навсегда. Моя виза закончилась через две недели и мне ничего другого не оставалось делать, как попросить политическое убежище. Что я и сделал. Приняли меня очень хорошо. Поверь! Всё было гораздо цивилизованней, чем здесь, в «Европе» — сказал он с сарказмом, — там не было никаких лагерей… Мне сразу дали социальную помощь, я нашёл прекрасную квартиру, завёл друзей и всё шло ровно и спокойно. За эти четыре года я чувствовал себя там, как дома. Покупал красивые вещи, хорошую дорогую аудио и видеотехнику. Другими словами, создавал себе уют, — остановился Юра и взгрустнул.

На протяжении всего своего рассказа он улыбался, смеялся, а также грустил. Всё, что с ним происходило, он описывал настолько эмоционально, что даже я на время представил себя в Канаде на его месте. Он рассказывал про красивые живописные места, где он успел побывать, про водопады, горы, парки и необъятные леса.

— И вот в один из выходных дней, — продолжил Юра, — я лежал дома и отсыпался. В квартиру постучали. Я встал с кровати, набросил халат и пошёл к двери. «Кто там?» — спросил я. С другой стороны сказали, что это полиция. Бояться мне было нечего, человек я всегда был богобоязненный и законопослушный. Поэтому открыл.

Зашли двое полицейских и сразу же без разговора надели мне наручники и попросили поехать с ними. Объяснив это тем, что из иммиграционного департамента получили указание на мой арест в связи с депортацией. Сказали взять всё необходимое и следовать за ними. Я успел взять только паспорт и кое-какую одежду. И так как я летел в Канаду через Бельгию, в Брюсселе я провёл несколько дней, они это пробили и после двух дней в

канадской тюрьме меня посадили в самолёт, летевший обратно в Брюссель. И только в самолёте я стал осознавать всё произошедшее. Сколько всего я потерял… Я понял, что вся моя мечта после четырёх прекрасных лет разрушена, — Юра опять загрустил. Потом посмотрел на меня и продолжил:

— Два дня в тюрьме Торонто, которая, кстати, лучше, чем Пети Шато, поверь! День в самолёте и день в аду! Да, да! Этот ваш Пети Шато — сущий ад! Вот и получилось четыре дня мучений. И я не знаю, что меня ещё здесь ждёт? — парень опять постепенно стал впадать в депрессию.

Я непроизвольно вспомнил про дядю Валеру, с которым познакомился на днях и к которому бегала вся молодёжь в лагере в поисках мудрого совета. Прикинув, что дядя Валера мозги Юре вправит лучше, чем я, используя массу научных фактов и жизненных примеров, я решил незамедлительно их познакомить. Ведь я сделал всё, что было в моих силах. Но в таком состоянии, в котором он сейчас пребывал, я не хотел бы его оставлять.

— Ладно, пойдём, я тебя познакомлю с дядей Валерой, я уверен, вы найдёте общий язык.

Дядя Валера и его семья жили в крыле для семейных. У них была полноценная однокомнатная квартира. Дяде Валере (как мы его называли) было лет пятьдесят, роста он был среднего, жилистый-коренастый, коротко стриженный. Он всегда ходил в очках хамелеонах, которые в зависимости от дневного света меняли цвет линз. С понятиями у дяди Валеры было всё хорошо, ведь шесть лет из своих пятидесяти он провёл в местах не столь отдалённых. Дядя Валера, насколько я его знал, был рассудительным, смелым и совершенно не глупым человеком. Бывая несколько раз у него в комнате, я с восторгом наблюдал количество литературы, которая аккуратно была распределена по всей маленькой комнате. На одном только небольшом столе, за которым он проводил всё своё время, возвышались десятки книг. Он одновременно учил два языка — французский и фламандский. Жене его было около тридцати пяти, но выглядела она гораздо старше из-за своего пристрастия к алкоголю в прошлом, от которого он её отучал. Дядя Валера не пил вообще. У них было двое детей: мальчик лет семи и девочка четырёх лет, которая всё время болела. Большую часть времени дядя Валера проводил «дома» и лишь изредка выходил покурить в телевизионную комнату, куда и я обычно заходил после вечерней прогулки. Юра не сопротивлялся, ничего не говорил, он поднялся с кровати, набросил куртку, потёр несколько раз ладонями лицо, придав ему более свежий вид, и собрался следовать за мной. Случилось так, как я и предполагал. На следующее утро после дяди Валериной

промывки Юра уже был как новенький. Во время завтрака он шутил и держался гораздо уверенней, чем прошлым вечером. Также Юра мне поведал, что свободно говорит по-французски, что за четыре года проживания в Канаде успел достойно им овладеть. И так как мы жили во французской части Бельгии, и я уже начал ходить на начальные курсы в лагере (их проводили студенты два раза в неделю), дополнительные занятия, подумал я, лишними никогда не будут. В Брюсселе, как и во всей Бельгии, в обиходе было два языка — французский и фламандский, но французский превалировал. Мы договорились с Юрой, что он будет приходить ко мне два или три раза в неделю и помогать с французским. То же самое они делали и с дядей Валерой, только гораздо чаще. Им было о чём поговорить. Занимались мы регулярно в течение нескольких месяцев. Мой разговорный французский значительно улучшился за это время, хотя языки давались нелегко. Одним ранним утром меня разбудил Франк (соцработник) и предложил пойти в школу, где, как он сказал, учатся молодые ребята от 16 до 22 лет. Сказал также, что это не обязательно, но желательно. Первая моя реакция была категорически нет! Ведь школу я ненавидел ещё с детства. Одно только слово «школа» вызывало у меня неприязнь и отторжение. Франк сказал, чтобы я подумал, и если всё-таки решу ходить, они собираются ежедневно, кроме выходных, в 8.30 утра у ворот. Я думал целый день над этим предложением, пытаясь мыслить логически, отталкиваясь от сегодняшних реалий. «Всё-таки это Европа, — думал я, — к тому же Франк сказал, что никаких обязательств. Почему бы и не попробовать, ведь опыт европейской школы мне не повредит. Схожу на несколько занятий, а там видно будет». На следующее утро я вышел к воротам, где уже стоял Франк и несколько молодых ребят из лагеря. Подождав ещё несколько минут, мы пошли в соседний район. Подойдя к школе, я был шокирован от увиденного: это было старое, изношенное и, вероятно, в прошлом заброшенное здание, обнесённое высоким трёхметровым железным забором с заострёнными наконечниками в виде копий. Калитка в этом заборе, которую закрывают ровно в девять утра, была на кодовом замке и никто не мог ни зайти, ни выйти до двух часов дня. На окнах висели железные ржавые решётки. Франк развёл нас по классам и сразу же ушёл. Я зашёл в класс: это была унылая, обшарпанная комната тёмно-коричневого цвета, в которой не хватало света и кислорода; столы и лавки возле них были расставлены хаотично. Мне сразу стало не по себе, в груди сдавило — захотелось вырваться отсюда и убежать как можно быстрее и подальше. В классе сидели только беженцы и переселенцы из стран арабского мира, в основном из Марокко. Я

зашёл и сел возле открытого окна. Посмотрев вокруг с третьего этажа через ржавую решётку европейской школы для беженцев, я сразу вспомнил наши школы: чистые и светлые, просторные классы с большими окнами, на подоконниках которых стояли горшки с цветами, а за окнами росли молодые деревья, шелест листвы которых при малейшем дуновении ветра всегда завораживал и привлекал внимание, одновременно отвлекая от занятий; на стенах висели портреты писателей и учёных. И хотя я не переносил учёбу, но нахождение в чистом, просторном и светлом классе кардинально отличалось от того, что я видел сейчас.

Пока я сравнивал и вспоминал, в класс вошла учительница, которая опоздала на полчаса.

Это была молодая девушка, бельгийка, лет двадцати пяти, среднего роста, пышных форм, в глазах у неё горел огонёк задора и радости. Зайдя в класс и поздоровавшись со всеми, она сразу взяла мел и стала что-то писать на доске и объяснять, но из-за шума ничего не было слышно. В «классе» находилось человек пятнадцать, все громко разговаривали, смеялись, занимались каждый своим делом, как будто никакой учительницы там и не было. Она себе тихонько, улыбаясь (по-европейски), вела урок, а «ученики» занимались кто чем. Девушка, конечно же, делала замечания время от времени, но безрезультатно. «Да… — подумал я, — им бы наши чистые, светлые классы и открытые школы, а нам нужно позаимствовать их систему и тактику ненавязчивого, легко преподносимого преподавательского искусства и свободы, которая позволялась ученикам». Только не той свободы, которую я сидел и наблюдал в данный момент. Нужна была свобода в общении с преподавателем и непринуждённость. Где преподаватель не босс, а друг. Я уверен, что в Европе, в частности в Брюсселе, конечно же, есть прекрасные школы с просторными, светлыми и чистыми классами, но, вероятно, не для беженцев.

Когда «ученики» просто сидели и курили, это было только полбеды, но когда они стали забивать в сигареты гашиш и курить его, не выходя из класса, попросив меня при этом освободить место у окна, мне поплохело — не из-за дыма, нет, а из-за самой атмосферы, которая была в этом классе, в этой школе. Я никогда не считал себя прилежным учеником, но и свиньёй никогда не был. Я встал и, ничего не говоря, покинул класс, выйдя на улицу.

Недолго думая, я подошёл к забору, залез сначала на калитку, поставив ногу на дверную ручку, снял свою кожаную куртку и накинул её на наконечники забора, перелез через него, аккуратно спустившись с другой стороны. Надев куртку, которая,

к моему счастью, не порвалась, я поспешил прогуляться по более знакомым и приятным глазу местам. Но я больше чем уверен в том, что будь эта школа чистая, светлая, опрятная, с прилежными учениками, с таким же милым, улыбчивым учителем, который не требует, а просто дружелюбно ведёт урок, я бы продолжил ходить туда, ведь там преподавали не только французский язык, там были такие предметы, как история, география, биология, математика и ещё разные предметы, связанные с искусством и культурой. Однако после всего увиденного это было моё первое и последнее посещение государственной школы для беженцев.

Я шёл и думал: вот тебе и будущее Европы! Ещё лет десять и её будет не узнать. Я вздохнул с сожалением. Варвары есть варвары! Им предоставляют всё! Вот тебе учеба и образование, вот тебе наука и знания, вот тебе культура и цивилизация, вот тебе искусство и просвещение. Но нет! Они тебе кукиш в ответ! Здесь или созидание, или разрушение. Другого не дано. И, быть может, мизерный процент из всех мигрантов, беженцев и переселенцев внимет предлагаемую им культуру, но этот процент уже никаким образом не спасёт грядущий крах европейской цивилизации, которая сама себе устроила это испытание. К тому же это издевательское слово «толерантность» — терпимость! К чему? Или к кому? Ко мне или таким, как я?! Ко всем беженцам из Восточной Европы это уродливое слово точно не применимо. Его применяют только к дикарям, которых миллионы сейчас по всей Европе, и что они там делают? Один деструктив! Толерантность применяют к тем, кто грабит и убивает, насилует и разрушает, к тем, кто пропагандирует извращенство. Ведь быть толерантным к кому бы то ни было — это значит, что те, к кому направлена толерантность, были уже унижены, оскорблены, а теперь они (правительство) хотят, чтобы за их прошлые ошибки отдувалось всё общество, говоря: «Мы к вам толерантны — терпимы, а вы теперь в праве делать всё, что заблагорассудится!» Я не против гуманизма, но он определённо не применим к дикарям и варварам. И, приглашая их в Европу, что же ещё можно было от них ожидать?! Этим словом «толерантность» пресловутая европейская цивилизация выказывает только превосходство над всеми, кого они сами же приглашают к себе, давая впоследствии квартиры и денежные пособия, которые, естественно, отбивают желание бороться и зарабатывать себе самому на кусок хлеба, без какой-либо государственной помощи, а соответственно, и развиваться, делая хоть какой-то вклад, как в своё личное, так и в развитие той страны, которая их приняла. От этого вся Европа атрофировалась, не получилось у них быть добрыми, гуманными и справедливыми одновременно. А что касается нашего

постсоветского брата, то они с первых же дней, независимо от того получили они социал или нет, ищут чем бы себя занять. Я не в коей мере не защищаю тунеядцев, грабителей, насильников и всю остальную мерзость. Я говорю про здравомыслящих, ответственных людей из постсоветского пространства, которых я встречал, и их оказывалось явное большинство. Никто не хочет сидеть дома и постепенно тупеть, как это делают мигрирующие в Европу массы из других частей света, а также индейские племена в Америке, сидящие годами на пособии в резервациях, и пропивая, и прокуривая свою в прошлом пресловутую смекалку и доблесть, о независимости, я промолчу. Это долгая и больная тема, особенно для той части европейцев, которые осознают тотальный развал всего того, что создавалось столетиями. Начиная от искусства, музыки, архитектуры и заканчивая сегодняшними новейшими инновациями. Получается, всё, что было создано невероятным трудом, — всё растоптано. Я шёл, думал об этом и не мог разложить всё по полочкам. Меня тревожило несколько вопросов: почему европейское государство всё это не останавливает? Зачем им эти нецивилизованные, отставшие племена? Ведь им никогда не стать Европейцами (с большой буквы), а Европейцам их никогда не принять. Остаётся только надуманная толерантность по отношению к ним и ничего более. С этими мыслями я подошёл к парку «Пятидесятилетия» (Parc du Cinquantenaire), где издалека уже красовалась массивная, величественная, триумфальная арка, неподалёку от которой я присаживался на скамейку среди высоких буков и платанов и слушал шелест листвы и пенье птиц, которые с ветром развивали все клубящиеся мысли, наслаждался её величием.

* * *

Спустя три-четыре недели, проснувшись, как обычно, около восьми утра, я решил проведать своих старых — новых знакомых. Хоть и жили мы в одной комнате, но виделись очень редко. Они часто пропадали на несколько дней и всячески старались меня избегать. Сначала я зашёл к Армену — его в кабине не оказалось и вещей тоже не было: открытый железный шкаф был пуст, кровать — без постельного белья. Потом я зашёл к Сергею, он спал. Спящий человек… такой умиротворённый, безобидный, беспомощный. Даже как-то жалко его стало. Я присел на стул и потряс его за плечо. Сергей открыл глаза и приподнялся. Говорить он начал тихо и испуганно, по-видимому, подумав, что сейчас будут бить. Говорил он шёпотом, что, конечно же, было

мне на руку, дабы не разбудить Мишу, спящего через две кабинки — мог смыться в любой момент. Я ничего не говорил, просто смотрел на испуганного Сергея. Он сам сказал, что помнит про деньги и что в ближайшее время отдаст. Сказал также, что устроился на работу и деньги пообещал отдать через две недели. То, что они работают, я уже знал, так как Руслан мне успел рассказать об этом. Руслан был в курсе, что Сергей мне должен деньги, также как и Миша с Арменом, поэтому, рассказав мне про их работу, он дал понять, что деньги у Сергея скоро появятся. Они работали вместе — упаковывали и разносили рекламные брошюры. Я спросил Сергея за Армена, куда он пропал? Он сообщил, что его пробили по отпечаткам пальцев и узнали, что он уже просил убежище в другой стране, после чего депортировали назад в Германию. Сергея рано или поздно ждала та же участь.

— Хорошо, — сказал я ему, — через две недели, да?

— Да, — уверенно заявил он.

— А что там Миша… при деньгах? — спросил я его уходя.

Я догадывался, что у Миши водились деньги, так как при последней нашей беседе несколько дней назад он был под сильным действием кокаина, но всё же рассказывал мне в очередной раз, что денег у него нет. Сергею не было смысла его выгораживать, так как одному возвращать долг не хотелось.

— Да, при деньгах! — резво выпалил Сергей, — к нему приезжала сестра и привезла деньги.

Я зашёл к Мише, зная что он у себя, так как слышал утром его храп. По всей кабинке валялись обрывки туалетной бумаги. Все свои деньги Миша тратил на кокаин. «Прекрасная жизнь!» — саркастически сказал я про себя. На стуле лежала мобилка, будить его я не захотел, так как знал, что он начнёт плакаться и рассказывать о своей нелёгкой жизни. Я взял мобилку и вышел.

— Серёга! — крикнул я громко, выходя из комнаты, — скажешь Мише, что я забрал мобилку попользоваться. И если он захочет выкупить её у меня, пусть приходит в игровую. Я буду там.

— Хорошо, — ответил Сергей, — передам.

Я вышел из комнаты и направился в игровую, где сегодня проходил шахматный турнир — играл мой друг Александр Иванов. Мы познакомились с Сашей при необычных обстоятельствах, которые сблизили нас как двух близких по духу людей.

* * *

Неделю назад я, как обычно, сидел в телевизионной комнате и смотрел какой-то фильм, помимо меня в зале сидело ещё несколько человек. В дверь вошёл маленький коренастый паренёк в кожаной байкерской куртке и в ботинках на высокой подошве и уверенно пошёл в моём направлении. Подойдя практически вплотную, он кивнул головой, как бы показывая, что я сижу на его месте. По-русски он не говорил, по-французски тоже, да и разговаривать с таким типом я не собирался. Я посмотрел сначала вокруг, затем на него и также сделал жест головой и глазами, что, мол, в зале полно свободного места, занимай любое. Он мой жест понял, но отступать уже не собирался и как бы несильно толкнул меня в плечо. Я, не вставая, толкнул его в грудь, но посильней, от чего он сделал шаг назад. Посмотрев на меня с неприязнью, он развернулся и вышел из зала. Вернулся обратно через несколько минут, но уже не один, а с двумя высокими и крепкими парнями. За этого коротышку я не переживал, а вот с остальными двумя будет посложнее, думал я тогда, пробуя в это время на прочность ручку железного стула, которая, к счастью, шаталась под правой рукой. Маленький крепыш быстро и агрессивно пошёл на меня, когда он приблизился на расстояние вытянутой руки, я, не вставая, толкнул его так, что он перелетел через ряд (стулья в зале шли рядами, всего было пять рядов, все они были привинчены к полу), двое других резко двинулись на меня. Вставая, я вырвал ручку стула и с размаху попал по голове первому приближающемуся, он присел, второй сзади как бы остановился в ряду за ним, а маленький — поднялся и прыгнул на меня с другого ряда, пытаясь ударить кулаком, я увернулся и, схватив за куртку, швырнул его об стенку. В это время в зал вошёл парень. Увидев эту картину, он схватил последнего за руку, когда тот перелезал через ряд, пытаясь подойти ко мне сбоку, и сказал ему несколько слов на английском. Тот остепенился и крикнул что-то остальным на непонятном мне языке, после чего они сразу, не говоря ни слова, ушли из зала.

Передо мной стоял молодой человек лет тридцати, европейской внешности. Хорошо и опрятно одетый, с аккуратной прической, среднего роста, сбитого телосложения. Взгляд у него был спокойный и уверенный. Он подошёл и, протянув руку, представился:

— Александр Иванов.

— Роберт, — сказал я, пожимая руку.

— Я знаю, как тебя зовут! Когда проживёшь здесь полгода, как я, будешь тоже всех знать, особенно русскоязычных, — ответил Александр, улыбаясь.

— Что ты им сказал? — поинтересовался я.

— Я вообще-то знаю этих ребят, мы заселились примерно в одно время. Сказал, что очень хорошо знаю несколько человек из их компании, которые стоят у них во главе и, соответственно, в авторитете. У нас были общие дела одно время. Это беженцы из Косово, их здесь пруд-пруди сейчас, из-за конфликта в их стране, — добавил парень.

— Ну, это не повод просить уступить место в пустом зале, — недоумевал я.

— Они тебя не тронут, не переживай.

— Я не переживаю.

— Я вижу! — сказал Саша, смотря на ручку от стула, которую я бросил на пол прежде, чем поздороваться, — наверное, не впервой?! — продолжил он, всё также улыбаясь.

Мы вместе усмехнулись и вышли на улицу, где стояла красивая золотая осень. В лагере Сашу я встречал нечасто. Я знал, что у него в Брюсселе много знакомых уже на квартире, поэтому он мог находиться там неделями. Но когда мы встречались, могли беседовать часами. Он рассказывал мне, как путешествовал, не имея вообще никаких документов, как ему приходилось пересекать границы разных стран, как его ловили и сажали в камеры — сначала в одной, а затем в другой стране. Рассказывал, как однажды он сбежал из полицейского участка в Швейцарии и как ему приходилось скрываться какое-то время; и чтобы его не опознали на вокзале при переезде из Швейцарии в Германию, ему пришлось клеить усы, которые он сделал сам из своих же волос. Саша был стратегического ума человек, расчётлив и аккуратен. Временами в моменты нашего общения он напоминал мне коршуна, который всегда сфокусирован, выдержан и никогда не делает опрометчивых как решений, так и движений, не говоря уже о словах. В одном из наших разговоров Саша рассказал, что время от времени занимается ворованными автомобилями, так он и познакомился с «боссами» из Косово. Он был достаточно откровенен со мной и это было приятно, так как в полном доверии друг к другу, помощи, и поддержке рождается дружба. Несколько раз я просил его взять меня с собой «на дело», я знал, что это не составило бы ему ни малейшего труда, даже наоборот, была бы помощь, но он всегда улыбался и говорил:

— Нет, Роби, это не твоё.

Порой он просто приходил в лагерь, чтобы поиграть в шахматы, это была его слабость, он мог играть сутки напролёт, зная наизусть массу партий и ходов, тем более что здесь было несколько достойных игроков, с кем он время от времени устраивал турниры. Вот на один из таких турниров я и спешил

сейчас, идя быстро по коридору и засовывая взятый у Миши мобильник (купленный на мои деньги) себе в карман. Шахматный турнир пришло посмотреть очень много желающих — зал был полон. Саша Иванов и его хороший знакомый Златан, парень из Хорватии, как и ожидалось, прошли в финал и уже сидели за столом в ожидании начала финальной партии. Во время игры я стоял возле стола и наблюдал. Как вдруг в зал забежал Миша с красными глазами и растерянным взглядом, обнаружив меня, он сразу же пошёл в моём направлении. От одного лишь взгляда на него я даже улыбнулся, «пришёл телефон клянчить», — промелькнуло в мыслях.

Он подошёл ко мне и, не обращая внимания на толпу людей, начал говорить дрожащим, просящим голосом:

— Роби… плиз, отдай мне телефон. Мне он очень нужен. Я не могу без него…

— Сколько ты мне денег должен, Миша? — спросил я его.

— Сто баксов, — сказал он понуро, — но я отдам! Клянусь, отдам… У меня сейчас нет денег, я всё что было спустил на кокаин, — говорил он, не стесняясь, в присутствии остальных.

— Давай ты сначала принесёшь сто баксов, тогда я отдам тебе телефон. Идёт?

— Роби… пожалуйста! — на глазах у него выступили слёзы, — мне мама будет звонить… я не могу пропустить этот звонок, — говорил он почти плачущим голосом. Выглядел он очень жалко, руки тряслись, а на лбу выступили капли пота. Затем он всё также, не обращая никакого внимания на всех присутствующих, произнёс пренеприятнейшую фразу: — Ну хочешь, я на колени встану!

Я подошёл к нему и, взяв под руку, вывел из зала на улицу.

— Миша, этот цирк был не уместен. Телефон я тебе не отдам. Но если мама позвонит — я тебя окликну.

Миша ушёл. Ровно через два дня в лагере его уже не было.

* * *

Знакомств в лагере или же за его пределами случалось огромное множество, и практически с каждым знакомством происходила своего рода история. Временами это были мимолётные знакомства, этого человека я потом больше никогда не видел, порой были долгие и дружественные знакомства, продолжавшиеся долгое время и даже по сей день. Так, вероятно, у всех и происходит, особенно в такой ситуации, как здесь, когда вокруг сотни разных людей, и все ищут себе подобных или

близких по духу. Люди встречались очень разные, знакомился я со многими, а вот дружил — с единицами. Просто Бельгия со всеми её лагерями служила перевалочным пунктом, который многие беженцы использовали для переезда в другие страны ближнего и дальнего зарубежья, такие как Германия, Голландия, Франция, Швейцария, Англия, Ирландия и даже Канада. Ехали, конечно же, и в другие страны Европы, но уже в меньшинстве своём. И люди в основном по природе своей суеверны, поэтому если кто-то и планировал куда-то переехать, то об этом, как правило, никто никому не говорил. Об этом можно было узнать лишь через некоторое время от общих знакомых.

* * *

Прогуливаясь как-то по двору лагеря и наблюдая за играющими в песочнице детьми, я не заметил, как сзади ко мне подошёл охранник Пети Шато — Питер, — с которым мы уже были, можно так сказать, как хорошие знакомые; он сказал, что ему нужна моя помощь и попросил пройти с ним на пропускной пункт, чтобы перевести с французского на русский. Там стояло двое мужчин: один — высокий, коренастый, спортивного телосложения с короткой стрижкой, острым носом и тонкими усиками над губой; другой — низкий, с хитрым взглядом, полноватый мужчина, тоже с усами, но уже с обычными, пышными, лет так по 35–36 каждому. Мы поздоровались. Тот, что был повыше, сказал на весёлый манер:

— Ну наконец-то! Хоть кто-то здесь говорит по-русски! А то нам этот чурка вообще не может ничего объяснить.

Я, ничего не говоря, улыбнулся. Высокий весельчак представился Димой, а его невысокий полноватый друг — Вовой. Я перевёл им всё, что попросил Питер, но так как уже был поздний вечер и соцработников не было, Питер попросил провести им небольшой тур по лагерю и показать комнату, где они проведут «лучшие годы своей жизни», как он выразился, улыбаясь. Мне было абсолютно несложно сделать это. Дима был своего рода оптимистом, Вова же абсолютная ему противоположность, он всегда во всём сомневался и на рожон никогда бы не полез, в отличии от Димы. Они сказали, что приехали с Литвы, что меня, конечно же, удивило. Литва уже не считалась Совком, и мы, выходцы из постсоветских стран, воспринимали Литву уже как часть Европы. Но Дима с Вовой утверждали, что там не всё так хорошо, как кажется. Наверное, им видней.

Поселили их в соседней комнате.

— Ну что, ребятки! А теперь надо это дело обмыть! — задорно произнёс Дима и, громко хлопнув, потёр друг о друга большие ладони; вытащив из штанов бутылку виски, поставил на стул.

— Где стаканы? — спросил он достаточно громко.

После того как Дима вытащил бутылку, Володя поменялся в лице, уж больно он был скуп, как я заметил, даже до чужого добра.

— У меня есть два стакана, — послышался голос из соседней кабины.

Это был наш новый жилец — Петя Киевский, которого поселили к нам в комнату буквально на днях. Он также, как и многие здесь, страдая от неоправданных ожиданий, находился в депрессии. Ему кто-то сказал, что, приехав в Брюссель, он не успеет даже выйти из автобуса, как его уже будут ждать работодатели, предлагая любую работу, и за большие деньги. Поэтому его ожидания в первый же день найти работу не оправдались. От этого он и сидел в своей кабинке безвылазно, уже несколько дней. Но это было ещё не всё. На следующий день после своего приезда Петя пошёл прогуляться и, зайдя в один из костёлов, познакомился там с поляком Павлом («они нашли друг друга»), который пообещал ему работу в автомастерской, при этом взяв с Пети сто долларов — как бы аванс за помощь. Помощи, конечно же, никакой не последовало. Поэтому Петя сидел у себя в кабинке и носа не высовывал — страдал, одним словом.

— Неси свои стаканы и сам заходи, всем хватит! — сказал громким и звонким голосом Дима. Петя Киевский зашёл и поставил на кровать две кружки из столовой. Я сходил к себе и принёс ещё одну. Одной кружки не хватало.

— Ничего, поделимся, — сказал Дима, разливая виски.

Петя Киевский был маленького роста, лет двадцати пяти, среднего телосложения, у него были большими карие глаза, широкий нос картошкой, большие уши, которые он прятал под кепкой, натянув её сверху, а завершал всю картину, по-видимому, недавно выбитый передний зуб. Стоило ему улыбнуться или начать говорить, и вся эта общая картина его образа у всех вызывала улыбку, иногда даже смех. Пете самому это определённо нравилось, что он производит впечатление… пусть даже и таким образом. Дима был на позитиве, всех подбадривал и много шутил, Володя же больше умничал и всё посматривал на испаряющуюся на глазах бутылку виски, из-за этого на лице у него прослеживалось явное недовольство и сожаление. Мне

показалось, что я даже прочитал его мысли в тот момент: «Было бы гораздо лучше, если бы мы распили её вдвоём с Димой, а так, ни туда, ни сюда». Петя Киевский рассказывал: что он автомеханик от «бога», что в Киеве он работал подмастерьем в одной автомастерской, и знает, как поменять масло, колодки и даже свечи. В Европу поехал, соответственно, чтобы заработать и впоследствии открыть свою автомастерскую в Киеве.

Володя рассказывал, как он последние два года проработал в Израиле на стройке, но, услышав от знакомых о том, что в Европе можно жить на халяву, всё бросил (и Израиль, и семью в Литве) и прямиком сюда, жить в своё удовольствие…

Дима тоже оставил в Литве семью, но в отличии от Вовы приехал уже на работу, как он сам утверждал. Дима обладал хорошим чувством юмора и много шутил, но до определённого момента. Два года службы в Афганистане давали о себе знать. Поэтому, когда он выпивал больше нормы, включался «Спецназ-голубые береты»: бутылки бились об голову, все кирпичи на заднем дворе лагеря были перебиты пополам, в стенах в коридоре появлялись выбоины от кулаков. Это что касается неодушевленных предметов, но, к сожалению, страдали также и обитатели Пети Шато. Своих обычно он не трогал, но всё же были случаи, когда и свои попадались под горячую руку. После той истории в душевой, когда мне пришлось «познакомиться» с двумя подозрительными субъектами, а также временами наблюдая за сумасшедшими, бродившими ночами по коридорам лагеря, я решил не выбрасывать свой столовый нож и всегда держал его под подушкой. Однажды ночью я проснулся от сильного стука входной двери. Затем послышался очень громкий крик на русском языке:

— Всем лежать! Никому не вставать! — и ещё что-то в этом роде.

Люди в лагере уже знали, что у Димы бывают припадки, когда он перебирал лишнего; это случалось не часто, раз в две-три недели гарантированно, поэтому все, кто его знал, старались не высовываться. Кое-кто перед сном подвигал свой железный шкаф с вещами ко входу в кабинку, с внешней стороны прикрывая его шторкой, таким образом предполагая, что этот шкаф их защитит, но они с грохотом падали от Диминых ударов ногой. Лежачих он не трогал, но если кто-то вставал, а ещё хуже, что-то говорил на непонятном ему языке, то таких уже через несколько минут обычно забирала скорая помощь — с ушибами и переломами. Вот и в эту ночь он залетел в нашу комнату и начал всё крушить: валить ногами шкафы, срывать шторы, что-то кричать на военный манер. Слышались крики соседей, всё

происходило очень быстро, так, будто он был на спецзадании. Через несколько секунд занавеска в моей кабинке резко отдёрнулась и залетел Дима с глазами бешенного животного. На голове у него была чёрная бандана, на руках чёрные кожаные перчатки, кулаки были сжаты в напряжении. Я приподнялся на локоть, при этом засунув руку под подушку и сжав крепко нож. Драться с «Железным дровосеком», да ещё и в горячке, не имело смысла, но себя надо было как-то защищать. «Ещё шаг, — взволнованно подумал я, — и в глаз уже не промахнусь». Дима стоял молча несколько секунд, дыша, как разъярённый бык, посмотрев на меня, и, видимо, узнав, сел на край кровати.

— Роби! — начал он возбуждённо, — они везде, повсюду… Надо от них избавляться…

Я отпустил нож, вытянул руку из-под подушки и, сев с ним рядом, сказал:

— Дима. Всё хорошо, слышишь! Ни от кого уже избавляться не надо.

Он глубоко вздохнул и разжал кулаки. Я, положив ему руку на плечо, продолжил:

— Иди к себе, Димыч, отдохни.

Повторяться мне не пришлось. Дима встал и вышел, ничего не говоря. Я поднялся и зашёл в соседнюю кабинку к парню из Марокко. Он был, наверное, самым безобидным в нашей комнате, а также добрым и отзывчивым. Парень сидел на кровати и держался за запястье, которое, как оказалось впоследствии, было сломано. Из соседней кабинки вышел парень из Африки, держась за свой разбитый нос. На следующее утро мы с Димой встретились в столовой, он не знал куда деться от стыда. Большей части, он, конечно же, не помнил, но то, что помнил, вызывало в нём колоссальный стыд. Дима не переставал извиняться передо мной весь день. Но мне не нужны были его извинения, тем более что он не причинил мне никакого вреда, просто было жалко других ребят. Посторонних людей, кого Дима не знал и травмировал, он не помнил. Недели через две-три всё повторилось, но только уже в другой комнате, где случайно под руку попался Петя Киевский, который сидел в кабинке у своего знакомого индийца, и, по-видимому, хотел Диму успокоить, но…

После этого случая Петя некоторое время ходил с огромным чёрным синяком под глазом и с Димой долго не разговаривал.

Глава 7. Жизнь в лагере

Жизнь в лагере была бурная. И если посмотреть со стороны, то можно было сравнить её с суматошной интернациональной коммунальной квартирой. Прожив в которой какое-то время, можно было увидеть абсолютно все жанры нашей жизни: смешную до слёз комедию, невероятную трагедию и, конечно же, печальную драму. Всё это принималось мной как само собой разумеющееся. Вероятно, когда ты молод и один, когда ты абсолютно свободен и непринуждён, всё воспринимается совсем по-другому. Конечно же, лихие девяностые меня закалили и в каком-то роде даже подготовили, и к жизни в лагере я был готов как морально, так и физически. Но самым главным фактором, по моему мнению, было то, что я ничего не ожидал: ни шикарного приёма, ни роскошных апартаментов, и жил от момента к моменту, чтобы не происходило. В лагере мне приходилось встречать вполне взрослых людей, которым было уже около сорока и больше — можно подумать, что они должны быть хоть как-то приспособлены в этой жизни, закалены… но нет! Они сдавались в первые же дни, не выдержав «лагерного режима», которого, как по мне, на самом-то деле и не было вовсе. Все проблемы были у людей в головах: страхи, переживания, которые они сами себе придумывали… нагнетатели… и самое важное на мой взгляд, что больше всего угнетало людей, это неоправданное ожидание того, что Европа ждёт всех с распростёртыми объятиями; и когда они встречались даже с малейшими трудностями, это и вызывало у них сложности, непонимание, и дальнейшее разочарование. Из-за этого люди впадали в затяжную депрессию, сходили с ума и даже пытались покончить жизнь самоубийством. Легче всего было тем, кто приезжал в Европу, не имея никаких ожиданий, кто принимал всё как есть, и даже находил во всём «отрицательном», как кому-то могло показаться, — положительные стороны. Даже когда вся система настроена против тебя, когда она, казалось бы, тянет на дно и нет выхода… всё равно есть маленькие ухваты, которые та же система тебе подставляет, дабы проверить, выкарабкаешься ты или нет, есть ли в тебе желание и стремление. Кому-то это удавалось легко, а кому-то — с большим трудом. Но это и есть часть жизненного опыта, со всеми сопутствующими испытаниями…

* * *

Стояла глубокая осень. Поздней осенью, а тем более зимой, когда на улице с утра ещё темно, в столовой всегда было малолюдно. Лишь несколько романтиков, к которым я имел прямое отношение, заходили на чашку кофе или чая. Моё утро в лагере всегда начиналось с завтрака. Просыпался я около 8 утра, умывался, затем спускался вниз по широкой коридорной лестнице, которая выходила прямиком на улицу, не имея при этом входных дверей, поэтому там всегда завывал сквозняк; вдыхал свежий, утренний, ещё холодный, сырой воздух и направлялся в столовую, где, как обычно, брал омлет и круассан с чаем. Все, с кем я дружил, знали — кого, где и когда можно было найти. Кого-то за завтраком, кого-то за обедом или ужином, кого-то в ТВ рум, кого-то в игровой, а кто-то вообще не выходил из своей кабинки. Ребята, с которыми я уже успел познакомиться, знали, что вечерами меня практически никогда нет в лагере, поэтому иногда поутру, когда они спускались в столовую, чтобы застать меня там и обменяться интересующей как и их, так и меня информацией, мне приходилось наблюдать их невыспавшиеся лица. Также и я при желании кого-то найти знал распорядок дня всех своих хороших, а также не очень, знакомых. Все обитатели лагеря делились на группы — будь то этническая, религиозная, или просто компании единомышленников, которые находили общие интересы. Также в лагере присутствовала ещё одна группа людей. Это были воры, мошенники и шарлатаны, бывшие рэкетиры и тому подобные. Скрывающиеся от правосудия, они приехали в Европу и здесь продолжали заниматься своим любимым делом, на большее у них ни ума, ни смелости не хватало. Ведь здесь, в Европе, которая двигалась по гуманитарному пути, тебя не будут кормить баландой, не будут закидывать в камеру с туберкулёзом, полиция не будет избивать и тыкать мордой в пол. Только в Совке их ждала такая участь. В Европе же можно было залезть на голову и свесить ноги. Чем они и занимались. Поэтому я и называю это своего рода трусостью. Мой друг Александр Иванов рассказывал, что когда они с друзьями обокрали машину в Голландии, их поймали и осудили на три месяца, с правом работы в тюрьме, за которую им платили зарплату. Приходишь ты в чистое, тёплое помещение с телевизором и спортзалом, где хорошо, вкусно кормят, делаешь непыльную работу (собирая шариковые ручки) и в конце при освобождении выходишь отдохнувший, чистый и опрятный, к тому же ещё и с деньгами. Не романтика ли?! Вот такая группа люде, мечтала только об одном! Чтобы их не депортировали назад в Совок.

* * *

В обеденное время меня практически никогда не было «дома». Да! Мы говорили так иногда:

— Я домой, в лагерь!

Мне нравилось гулять по Брюсселю как днём, так и поздним вечером. Садиться на трамвай или метро и объезжать все укромные уголки города, выходя время от времени и гуляя по незнакомым дворам, районам, скверам, паркам, пропитываясь атмосферой Брюсселя, созерцая его архитектуру; или просто сесть на лавочке в маленьком сквере или большом парке и просидеть там целый день, наблюдая за прохожими. В такие моменты спокойствия и уединения внутри просыпалась поэзия, которую я стал время от времени записывать.

А началось всё с того, что однажды я вышел на вечернюю прогулку и, гуляя по ночному Брюсселю, как обычно, забрёл в неизвестном мне направлении, ведь выходя из лагеря, я никогда не знал, куда пойду… Выходил и шёл куда глаза глядят, будь то юг, север, восток или западное направление, мне всегда было интересно гулять в разных местах большого города. Шагая по ночному городу и рассматривая всё вокруг, мой взгляд упал на стоящий в ночи, потрясающе освещённый костёл святого Михаила (cathedral of St. Michael and St. Gudula). Я подошёл поближе, поднялся по лестнице прямо к двери, в округе не было ни души. Было тихо и умиротворённо, лишь огромный костёл и я. Он был настолько хорошо освещён в ночное время, что можно было рассмотреть каждую малейшую деталь романского и готического архитектурного искусства. И в этот момент, когда я стоял и любовался величием и могуществом той далёкой эпохи XIII–XV века, на меня нахлынула волна рифмы и слов, которые шли сами собой, потоком проходя через голову насквозь, я не помню, сколько это продолжалось, но знаю определённо, что успел бы написать хороший кусок поэмы, но какая это была поэма? Какой в ней был смысл? Какие конкретно слова в ней фигурировали? Я забыл моментально, как только пришёл немного в себя, как будто ничего и небыло. Я пришёл в лагерь, взял листок бумаги, ручку и написал:

Бельжик! Брюссель! Красивый город!
Вокруг порядок и закон,
И мы, «бездомные» бродяги
В Европе ищем отчий дом.

Брюсель старинный сам, бесспорно!

Красивых мест не сосчитать,
Средь замков, крепостей, соборов
Здесь обитает благодать!

Пойдёшь, бывало, на прогулку
Полюбоваться, что и как…
И так захватит любопытство,
Что не найти пути назад.

Запрыгнешь в поезд, на троллейбус,
Сядешь в трамвай или метро,
И пусть бежит вперёд дорога,
Лишь было б отперто окно.

Увидишь парки и соборы,
Мечетей башни, точно горы —
На пике месяц там торчит,
Покой и верность сторожит.

Костёлы! Просто как дворцы!
Не обойти их, не объехать,
Их башен строгие кресты
Можно увидеть за версты.

И то, что я написал, не было той рифмой или «поэмой», которая лилась возле костёла в минуты вдохновения. Это было всего лишь увиденное и пережитое мною за последние несколько недель. Хотелось бы отметить, что проживая в Совке, желание писать или творить что-нибудь у меня никогда не возникало, я даже в мыслях не мог себе такое вообразить. Хотя у меня была небольшая, но всё же закалка в этой области, так как мне приходилось принимать участие в спектаклях, начиная с садика, а затем и в школе (подло шантажируемый учителями, обещающими завысить мне учебный балл), а также читать ни раз стихи известных писателей в школьном и дворцовом зале.

* * *

После завтрака я обычно наполнял очередную кружку чаем и шёл в ТВ рум, там с утра и до полудня ежедневно шло музыкальное телевидение. К тому же я знал, что в это время там частенько можно было встретить ребят из Грузии, которых за

последнюю неделю значительно поприбавилось. Они любили после ночных посиделок спуститься в ТВ рум, выпить чашечку кофе с сигаретой, а потом подняться к себе и отойти ко сну, и спать до вечера. С ними всегда было интересно общаться, а тем более слушать. Так как большинство из них уже исколесили всю Европу вдоль и поперёк, информации по этому поводу у них было хоть отбавляй.

Они любили рассказывать в мельчайших подробностях и деталях, как им приходилось переправляться через границы разных государств — зная расписания смены караулов — не центральных пропускных пунктов, конечно, а там, где проходят поезда, где леса, реки и горы.

Они рассказывали, как обмазывались коровьим навозом с полей, чтобы собаки не обнаружили их запах, как вплавь переплывали ещё не полностью замёрзшие реки зимой и как на ощупь ночью проходили леса. Они делились самой сокровенной, свежей (свежая информация для беженцев и переселенцев была на вес золота) информацией, искренне и не скупясь, ничего не прося взамен. Что не скажешь за другие народности, которые за малейшую информацию, порой не совсем свежую и проверенную, хотели получить свой барыш. Ребята из Грузии, с которыми я познакомился, были добрыми, открытыми и щедрыми. Мне вспомнился один случай, который произошёл со мной буквально в первую неделю моего прибытия в Брюссель.

* * *

Я, как обычно, вышел прогуляться по городу, не зная его вообще. Гулял долго. Обнаружив, что уже поздно и пора обратно, чтобы успеть к ужину, я стал вспоминать путь к лагерю, по пути спрашивая прохожих, которые как могли старались объяснить, в каком направлении мне двигаться. Пройдя какой-то участок, я встретил двух полицейских, которые также пытались мне объяснить дорогу к Пети Шато, но, во-первых, я зашёл слишком далеко, а во-вторых, если начать перечислять все вправо и влево, то самому можно было запутаться в этих поворотах. В конце концов все, кто направлял меня в нужном направлении, вывели к знакомому месту, откуда я уже знал дорогу к лагерю. Посмотрев на часы, я понял, что ужин уже прогулял, а есть хотелось ужасно. Проходя возле пиццерии, где в окошке, возле которого стояла небольшая очередь, продавали аппетитные слайсы пиццы, я остановился, замерев на месте и поглощая взглядом всё то, что было на витрине, я даже не увидел стоявшего в очереди

знакомого грузина из лагеря. Зато он увидел меня и сказал:

— Иди сюда, — он плохо говорил по-русски, с сильным акцентом.

Мы поздоровались.

— Хочешь кушать? — спросил он.

Я ничего не ответил.

— Ты был на ужине? — спросил он ещё раз.

— Нет, — ответил я.

— Денег нет? — спросил он, улыбаясь.

Денег у меня и в самом деле не было.

— Нет, — вздохнул я.

И уже было хотел уходить, как он взял меня за руку и сказал:

— Подожди, брат, — подошла его очередь, и мы оказались возле окна.

Он достал из кармана кошелёк и открыл его, я стоял рядом и сверху смотрел в его пустой кошелёк.

— Я пойду, — сказал я.

— Нет! Не торопись. Денег полно! — сказал мой грузинский друг, жестикулируя при этом руками и ковыряясь в пустом кошельке.

— Combien (сколько)? — спросил он у продавца.

После того как продавец ответил, он начал шарить по всем карманам и, вытащив оттуда пару франков, отдал их в окошко. Ему дали слайс пиццы с пепперони, он сразу настойчиво сунул его мне.

— Всё хорошо, брат, бери, я не голодный! — сказал парень и сразу ушёл.

При всём при том, что он также, как и я, пропустил ужин и был не менее голоден, но тем не менее он достал последние копейки и отдал их мне. Да! Это был не жизненно важный момент, он мог бы и не делиться последним и я бы в свою очередь не умер с голоду, но чтобы это прочувствовать, надо это пережить. Через несколько дней, получив «лагерное пособие», я сразу же нашёл своего грузинского мегобари и отдал ему потраченные им на пиццу деньги, поблагодарив в очередной раз. Всем проживающим в лагере выдавали 150 франков в неделю (5 долларов). Этого хватало на две пачки сигарет или на упаковку сока, и шоколад, а также на всякую мелочь, которую можно было купить в супермаркете, чтобы пробить по кассе, но при этом успеть засунуть плоскую бутылку Баллантайнс себе в штаны и палку салями в рукав куртки. Таким вещам в лагере тоже можно было научиться. Вообще, я всегда старался исходить из потребности.

* * *

Случилось так, что джинсы, в которых я приехал, украли. Я проснулся, а на стуле их не оказалось. Не знаю, кому они могли понадобиться, тем более что они были уже не новые. Поэтому ходил я последнее время в спортивных штанах, которые были на два размера больше, их дал мне в дорогу тренер, как он выразился при этом: «На сменку». К тому же на днях они ещё и порвались, после игры в мини футбол. Я зашил их, конечно, как мог. В один из дождливых дней, я зашёл в игровую поиграть в пул, всегда было много желающих, и встретил там своих знакомых, они, как обычно, сидели возле окна, пили кофе и курили. Мы поздоровались, и один парень спросил:

— Ты чего ходишь в этих старых спортивных штанах, у тебя нет ничего другого?

— Нет! Джинсы украли, остались только эти спортивные, — улыбаясь, сказал я.

Они усмехнулись.

— Мы сегодня собираемся в один магазин, там продаются недорого не новые, но и не ношенные вещи, на некоторых вещах может быть маленький брак, который легко устранить, — сказал один из парней, — мы с ребятами захаживаем туда время от времени, покупаем одну недорогую вещь, а остальные понравившиеся нам вещи прихватываем заодно. И самое главное, чем привлекателен этот магазин, так это тем, что на вещах там нет алармов. Понимаешь?! Можешь брать всё, что хочешь.

Такой жест с их стороны уже можно было считать знаком доверия, который означал только то, что круг русскоязычных в лагере уже мог мне доверять, зная о том, что я не побегу доносить на них в полицию. Если же ловят с поличным за воровство, то вся информация поступает в «комиссариат», что не идёт на пользу в дальнейшем процессе по личному делу. Кому-то на это было начхать, они приехали в Европу на короткий срок — повалять дурака и заработать копейку. У меня же были другие планы. Но в магазин я с ними всё же пошёл, так как приближалась зима и кое-какие вещи мне и в самом деле были нужны. Все вещи, что я планировал взять в магазине, остались в Голландии, в моей спортивной сумке, которую тренер обещал привезти позже. Я, конечно же, звонил и просил, чтобы он привёз как сумку, так и деньги, но он, вероятно, был очень занят, постоянно откладывая приезд. Я взял полученные на днях 150 франков, при этом поинтересовавшись, что я смогу на них купить, на что мне ребята, смеясь, ответили, что пару трусов и пару носков смогу себе позволить. Мы запрыгнули в трамвай и поехали в другой район.

Нас было четверо. Минут через пятнадцать мы вышли, на первый взгляд, в не очень хорошем районе: повсюду были старые, неухоженные дома, разбитая дорога, по улицам ходили то ли индусы, то ли пакистанцы в каких-то балахонах. За это короткое время моего пребывания в Брюсселе я уже успел заметить, что целые районы, приближенные к центру города, занимали беженцы и переселенцы из стран Южной Азии, Среднего и Ближнего Востока. Пока мы шли, они объясняли мне, как нужно надевать на себя выбранные вещи, куда их запихивать и заталкивать. Мы подошли к старому трёхэтажному зданию, которое, с первого взгляда, напоминало заброшенный дом, на окнах которого были наклеены плакаты с надписью «Vendre» (распродажа), и зашли внутрь. Ребята сразу же разбежались по этажам. Я пошёл бродить повсюду, выбирая себе новые джинсы, кофту потеплее, джемпер и, конечно же, носки и трусы. Выбрав всё это, я зашёл в раздевалку, померял и стал упаковываться: снял спортивные штаны, надел джинсы, заправив их в носки, спортивки натянул сверху, а то, что они были на два размера больше, сыграло мне на руку; джемпер я надел под куртку, всё вроде бы шло неплохо, вот только тёплый свитер, пришлось засунуть под джемпер в район живота, что сделало меня в два раза толще. Подойдя к кассам, я увидел ребят, которые уже стояли в очереди. Они были побогаче, поэтому купили себе кое-какие вещи дополнительно, сложив их в корзину, не считая, конечно же, всего того, что было уже на них надето под одеждой. Подойдя вплотную к кассе, я почувствовал, как свитер под моим джемпером стал сползать вниз, в руках я держал носки и трусы; положив всё перед продавцом, я попытался незаметно поправить свитер на животе. В тот момент, когда я расплачивался, свитер снова пополз вниз, и чтобы он полностью не вывалился, я придержал его рукой, но было уже поздно, рукав свитера всё же выпал из-под моей кофты. Продавец, увидев это, сразу замахал рукой, подзывая секьюрити, который находился по левую руку, метрах в пяти от меня. Дверь на выход была с правой стороны. Посмотрев на толстого охранника, я понял, что ему меня не догнать, но тем не менее без промедлений устремился к выходу. Охранник выбежал за мной и пробежал, задыхаясь, ещё метров двадцать, если, конечно, можно было бы назвать это вялое передвижение бегом. Я бежал не спеша и смеялся, смеялся от глупости и нелепости происходящего. С ребятами мы встретились чуть позже на остановке и тоже долго смеялись. Но для себя я решил, что это был мой первый и последний раз. Тем более что у меня теперь было всё необходимое, что касается верхней одежды, вот только кроссовки начали рваться, но здесь я всё же решил

дождаться тренера с моими вещами, где также были и новые кроссовки. В такие моменты времяпровождения с моими новыми знакомыми я непроизвольно вспоминал своих старых друзей, которых порой не хватало и по которым скучал. Однажды во время таких воспоминаний мне захотелось написать письмо своим старым друзьям, с которыми я уже несколько месяцев не общался и решил пока не возобновлять общение во избежание недопонимания с их стороны. Ведь уехал я, никому ничего не сказав, так как не имел ни малейшего представления, насколько я здесь задержусь. А письмо звучало так:

Пишу письмо я вам, ребята,
Пишу письмо из далека,
В нём рассказать бы вам хотелось,
Как довела меня страна.

Вокруг корупция, обманы,
Кругом сплошная суета,
И я готов сказать открыто:
Здесь вся продажная страна.

Ведь как хотелось спать спокойно,
Работать! Жить! Гулять! Любить!
Но вся страна кишит развратом,
В ней невозможно больше жить.
Я уезжаю в край далекий,
Где жизнь идёт на шаг быстрей,
Страна спешит достичь чего-то,
И людям в ней жить веселей.

Народ умеренный, спокойный,
В меру умеют отдыхать,
В такой стране и жить приятно!
Я не вернусь теперь обратно!
Я не вернусь теперь назад.

(Ноябрь, 1998 г.)

Вечерами, если я не гулял, то сидел у себя в кабинке и учил французский. Иногда приходил Юра и помогал, но в последнее время я видел его всё реже, так как у него появилась «дама сердца», с которой они познакомились здесь, в лагере. В один из таких вечеров, когда я был у себя, зашёл Юра и решил помочь с учёбой, но больше ему, по-видимому, хотелось поделиться со

мной своими переменами и радостью, которую я прочитывал в его блестящих глазах. В отношениях я был не силён, поэтому просто слушал, не давая никаких незнакомых мне в этой области советов. Как вдруг в кабинку постучали, и молодой парень из соседней комнаты передал мне конверт. Я посмотрел в недоумении сначала на парня, затем на конверт и, поблагодарив соседа, открыл его. Оттуда я достал открытку-приглашение в концертный зал, на концерт малого симфонического оркестра. Это приглашение было от моего социального работника Франка. Такие приглашения раздавали только несовершеннолетним, чтобы с юных лет привить в них любовь к Европейской культуре. Юра, увидев такое приглашение, стал меня умолять, чтобы я попросил Франка за него и его даму сердца, взять их с собой, если будут, конечно, свободные места. Мне было несложно это сделать. Утром после завтрака я зашёл к Франку в офис и передал ему Юрину просьбу, на что он одобрительно улыбнулся и сказал, конечно же, пусть приходят, желающих будет немного и места есть. Выйдя из офиса и не спеша шагая по брусчатке внутреннего дворика в предвкушении вечернего концерта, я направился прямиком к Юре, чтобы его порадовать. По пути вспомнил, как будучи ещё в начальных классах, я случайно попал на подобное мероприятие. С наступлением летних каникул во многих школах для младших классов открывались летние лагеря, где дети с 9 утра и до 6 вечера, находились под присмотром всё тех же учителей, которые за время учёбы успели уже изрядно надоесть. Но, к счастью, они были в это время не требовательны, вдоволь накричавшись за год на своих учеников. Они старались по максимуму расслабиться и отдыхать, сидя на стульях под тёплым июньским солнцем, направив к нему свои лица и не обращая никакого внимания на бегающую по всей школе детвору. Я в это время закончил первый класс, мне было 8 лет. Родители работали и мне приходилось без особого на то желания посещать школьный лагерь. Утро в нём начиналось с зарядки, под гармошку нашего учителя музыки: мужчины тридцати лет, невысокого, коренастого, весёлого шатена. Который частенько не попадал в ноты и бил по своим клавишам так, что, казалось, они сейчас повылетают. Я слышал звуки этой экспрессивно играющей гармони ещё издалека, поэтому замедлял шаг и не спеша подходил к школе уже к моменту завершения бесполезных упражнений.

— Роберт, ты опять опоздал на зарядку! — кричал, усмехаясь, учитель музыки, видя что я обхожу его стороной.

Ничего не говоря, я просто проходил мимо и думал: «Не трогай меня, сейчас всё равно каникулы». Что мне нравилось в

лагере, так это то, что туда можно было опаздывать и уходить пораньше. Родители сами уже потом в случае долгого отсутствия дома ребёнка разбирались со своими детьми. После обеда в школьной столовой мы направлялись в наш класс, где вместо парт в ряд одна к одной, стояли раскладушки. Наступал тихий час. Спать мне не хотелось, я лежал и смотрел на ярко-белый потолок, по которому бегали солнечные зайчики, пускаемые одним из учеников.

— Роби, не спишь?! — услышал я голос своего соседа по раскладушке.

— Неа, — ответил я.

— Хочешь в воскресенье поехать сначала в ресторан, а потом в цирк и органный зал, послушать органную музыку? — спросил он меня шёпотом.

— Хочу конечно! — обрадовался я, — а что для этого нужно?

— Ничего особенного, сейчас побежим в клуб молодёжи, который в моём дворе, и ты там просто расскажи любой стих, который помнишь наизусть.

— И всё?! — спросил я в изумлении.

— Да! — ответил он, — только давай одеваться побыстрей, пока учил-ка вышла из класса, а то опоздаем.

— Полезем через окно? — снова удивился я.

— Да, — невозмутимо сказал он, — чтобы нас не поймали во время сонного часа гуляющими по школе, — улыбнувшись, закончил Рома.

Мы быстро оделись и вылезли друг за другом в открытое окно первого этажа двухэтажного здания. Когда я вылезал в окно, то окинул взглядом наш светлый, озарённый солнцем класс, в котором почти все спали, лишь только Вова продолжал пускать по потолку солнечных зайчиков. По пути я бежал и восстанавливал в памяти стих, в котором стёрлась одна строка. «Ну да ладно, — думал я, — подберу по рифме на месте».

Забежав внутрь одноэтажного большого дома со множеством комнат, в которых находились различные детские кружки, пройдя коридор, мы попали в зал, где за столом сидели жюри, три человека: директор клуба, пожилая советская женщина, сидела в центре стола, а по краям ученицы старших классов нашей школы. В центре зала были расставлены стулья, на которых сидели конкурсанты и выходили по очереди на небольшую сцену, расположенную под окном в другом конце зала. Мой одноклассник Рома, которого все в этом клубе хорошо знали, сразу подвёл меня к жюри и представил:

— Это Роберт, он хочет участвовать в конкурсе и будет читать стих! — сказал он выразительно и громко.

Директор клуба улыбнулась и записала меня в список.

— А теперь садитесь, мы вас вызовем, — сказала она.

Время пролетело незаметно, людей было немного. Сидя на стуле и наблюдая за участниками, я понял, что Рома просто боялся сам убежать из школьного лагеря, и чтобы ему одному не влетело, решил притянуть меня с собой, за компанию, а заодно и подшутить, ведь о том, что здесь конкурс и жюри, он ничего не сказал. Но тем не менее за это я переживал меньше всего, тем более что был шанс посоревноваться в конкурсе самодеятельности; да и мне самому ужасно хотелось убежать с этого сонного часа. Меня вызвали, я прочитал стих, который хорошо помнил ещё с садика, правда, в конце стиха пришлось вставить свои слова, созвучные с рифмой; к моему удивлению, жюри проголосовали за! Я оказался в числе победителей и, соответственно, получил в награду приглашение в цирк, органный зал и ресторан. Вот таким образом я впервые очутился в большом, красивом органном зале, где звуки органа просто проникали в каждую клетку тела и души и уносили в неизведанные дали или глубины, что в принципе одно и то же.

Многим подросткам подобное мероприятие, предлагаемое Франком, было неинтересно, поэтому автобус был полупустой. Я встретил там Юрия и его спутницу, мы сели рядом и разговаривали всю дорогу. Всё было очень хорошо организованно. Перед концертом нас завезли в ресторан, где ожидал ужин из трёх блюд: на стартер всем принесли свежий салат из летоса и копчёного лосося, на второе подали кассероль с курицей, а на десерт — тирамису и мороженое со сливками и клубникой. Мы ужинали и беседовали: Юра рассказывал о Канаде и её преимуществах во всех отношениях. Франк рассказывал про музыку и живопись, он был культурно развитым человеком с хорошим образованием, также он играл на фортепьяно. Так как Юра хорошо говорил по-французски и хотел, видимо, попрактиковаться, они с Франком перешли на французский язык и начали обсуждать образование: где же всё-таки оно лучше — в Европе или Совке? Беседовали они спокойно, приводя каждый свои доводы. Закончив вечернюю трапезу, мы сели обратно в автобус и поехали в концертный зал. После того как мы вошли в фойе, нас разделили на несколько групп и посадили в разных местах. Мы с Юрой и его дамой оказались на балконе. В зале приглушили свет и зазвучал оркестр. Я моментально провалился в звуки музыки и очнулся только тогда, когда объявили антракт. Во второй части случилось то же самое. За моё пребывание в лагере я попадал на подобные мероприятия несколько раз. Отчего всегда был в восторге и умилении, от того, что европейцы

пытаются окунуть «детей» (беженцев) в культуру, музыку, показать и рассказать всё об архитектуре, живописи. Проблема была в том, что, к сожалению, очень малый процент хотел бы этим подарком жизни воспользоваться, впитывать и наслаждаться. Ведь это было дело и желание каждого. К искусству должна лежать душа. Я же получал колоссальное удовольствие от посещений театров, концертных залов, музеев и галерей. В общем всего того, что предлагалось несовершеннолетним.

По ночам мне стали часто сниться кошмары, раньше этого со мной никогда не случалось, мне снилось, что меня не выпускают из Совка, как будто кислород перекрывают. Вокруг заборы, которые я всячески пытаюсь преодолеть… От этого я просыпался среди ночи и долго не мог заснуть. В такие часы я любил выйти и побродить по коридорам, нагуливая себе очередной сон. В эти моменты ночной жизни, можно было увидеть то, что не увидишь днём, и послушать то, о чём днём также не говорят. Кое-что из увиденного или услышанного не всегда было приятным, но я не стал бы заострять на этом внимание. Как я уже успел сказать, многие жители лагеря вели в основном ночной образ жизни. Вдоль длинного коридора собирались группы людей, вынося стулья и устраиваясь возле окон, чтобы можно было курить. На каждом этаже собиралась своя компания, к которой легко можно было присоединиться, если, конечно, там находились общие знакомые. Я был вхож практически в любую компанию, так как, прожив в лагере чуть больше месяца, успел завести приличное количество знакомств как с людьми из постсоветского пространства, так и с людьми из других точек нашей планеты. В лагере было много разной активности и, принимая в ней участие, волей-неволей появлялись всё новые знакомства: играя в настольный теннис, баскетбол, мини-бильярд, шахматы, занимаясь уборкой территории — собирая опавшую листву во дворе лагеря, а также знакомясь на уроках французского языка, который мне давался с трудом, но я не сдавался. Так и получалось, что люди, попавшие в лагерь примерно в одно и то же время, уже были как родные — если только между ними не возникало никакого конфликта. Поэтому, прохаживаясь по коридорам и этажам ночами, примкнув то к одной, то к другой компании, ненароком встречаешь знакомых, которые очень активны ночью, и общение в это время суток доставляло им гораздо больше удовольствия, чем днём. По ночам они философствуют, рассуждают, рассказывают много интересного и поучительного, дискутируя при этом друг с другом о жизни. В дневное же время они выглядели очень вяло и были менее

разговорчивы. Эти люди в большинстве своём были старше меня по возрасту. Кого-то я знал достаточно хорошо, с другими же был знаком чуть меньше. Кое-кто из моих знакомых был привязаны к опиуму, но они, по-видимому, от этого не страдали, даже наоборот. Поэтому коллектив собирался разный и несомненно интересный. Кто-то присоединялся к диалогу под изрядной дозой героина, кто-то был накурен в «смерть», ребята под кокаином обычно не вступали в долгие дискурсы, а люди, находившиеся в чересчур пьяном состоянии, как я заметил, обычно не справлялись с такого рода информацией, постепенно засыпая на стульях в коридоре. Но это не значит, что в таких компаниях не было абсолютно трезвых, здравомыслящих людей, конечно же, они были! Хотя и в меньшинстве своём.

* * *

Рано утром я проснулся от того, что меня кто-то тряс за плечо. Открыв глаза, я увидел Сергея.

— Что тебе, Серёга? — спросил я его, протирая глаза.

— Мне пришло письмо из «Комиссариата», — говорил он испуганно, — такое же письмо получил Армен перед тем, как его депортировали. Боюсь, что пришёл мой черед. На работе зарплата через неделю, соответственно, деньги отдать сейчас не смогу. Если хочешь, Роби, пойди туда вместо меня, поработай. Другого я предложить не могу, — сказал Сергей и развёл руками.

Это был очень даже смелый поступок с его стороны, зайти и просто поговорить, а не пропасть без вести. Хотя он и был патологическим лжецом, но в душе, насколько я его знал, он всегда оставался мягким и добрым человеком, как и большинство белорусов.

— Хорошо, Серый, не расклеивайся и удачи тебе! — согласился я и лёг отдыхать дальше.

После этого случая я больше его не видел. Слышал позже от общих знакомых, что его депортировали в Швейцарию, а оттуда — в Германию. Что было дальше, я не знал. Работа, где трудился Сергей, а теперь и я, была непыльная. В небольшом помещении нас работало шесть человек, где в первой половине дня мы сортировали и упаковывали рекламные брошюры и лифлеты, а во второй — разносили их по домам и апартаментам, забрасывая в почтовые ящики. Хозяином этого бизнеса был индиец. Он был чрезмерно вежлив и покладист, что мне изначально показалось подозрительным. Так как маленькие его глаза были с хитрецой и постоянно бегали из стороны в сторону, а ещё, каким-то он был

неискренним что ли.

Хозяин был невысокого роста, лет тридцати пяти, немного полноват, с пышными усами под носом. У него уже было трое детей. «Наверное, это не предел», — думал я, узнав его чуточку получше. Частенько после обеда, когда мы выходили разносить рекламу, которую индиец развозил по углам кварталов и оставлял там в ящиках, я видел, как некоторые из нашей компании, вместо того чтобы разносить как положено, брали целый ящик лифлетов, заносили и оставляли его за дверью в подъезде апартаментов, или постепенно на ходу выбрасывали в мусорные урны, гуляя потом налегке. Мне же, наверное, совесть не позволяла так поступать, поэтому я гулял и не спеша делал свою работу. Руслан был, вероятно, таких же взглядов, как и я, поэтому составлял мне компанию. Проработал я там недолго, всего лишь две недели. За первую неделю индус нам не заплатил, сказав, что потом заплатит сразу за две недели. Прошло две недели. В это время я сидел и ужинал, когда в столовую зашёл Руслан и сказал, что ему только что позвонил индус и сообщил, что денег нет и зарплаты, соответственно, не будет. Руслан у него был как доверенное лицо, к тому же он неплохо говорил по-английски. Мне показалось странным, что Руслан его даже оправдывал:

— Что мы можем сделать? Ведь ему самому (индусу) не заплатили, откуда он возьмет деньги?

Вероятно, Руслан был очень наивным и доверчивым человеком. За столом сидело ещё несколько человек, работавших с нами вместе, они стали возмущаться, кричать… я встал и пошёл к себе, не сказав ни слова.

Рано утром, запрыгнув в трамвай, я направился к месту нашей работы. В магазине никого не было, на дверях висел навесной замок. Перейдя через дорогу и сев на пустой ящик, стоявший между двух киосков, я стал ждать. Это была, конечно же, не потребность в деньгах, скорее, принцип. Я никогда никому не позволял так по-свински поступать с собой. И если кто-то принимал это как должное, то я всегда пытался восстановить справедливость. Как и в этот раз. Я решил, что буду ждать до вечера, и если он не придёт, то попробую ещё и завтра.

После обеда подъехала знакомая машина, индус вышел и направился к магазину. Шёл он, улыбаясь и напевая свои мелодии. «Да… — промелькнуло в голове, — так весело человек не выглядит, когда ему не платят за работу». Я быстро перебежал через дорогу и пошёл прямо на него, делая вид агрессивно настроенного человека, при этом сжимая кулаки так, чтоб он это видел. Бить, конечно же, я его не собирался, но за ворот поднять

и потрясти мог. При виде меня он поменялся в лице, весёлость ушла мгновенно. Он приостановился и начал быстро озираться по сторонам, видимо, хотел бежать, но было уже поздно, я был слишком близко. Не доходя буквально трёх шагов до него, я увидел, как он трясущимися руками залез в карман и вытащил целую пачку купюр. Я подошёл вплотную. Он смотрел на меня снизу вверх испуганными чёрными глазами и, не говоря ни слова, отсчитал то, что было моим по праву. В это мгновенье у меня появилось огромное желание дать ему в морду за его поступок, но вокруг проходило слишком много людей, и я не стал этого делать. Всё происходило молча, без слов. Я развернулся, сунул деньги в карман и пошёл на остановку трамвая. Так я вернул свои двести долларов, пусть даже и таким способом, меня это устраивало, не считая мобильника, который я забрал у Миши. Вот только сотня Армена осталась ему на «чай», но меня это никак не тревожило, так как он хотя бы часть её, но определённо успел отработать, ходя по нашей комнате и прося всех шумящих соблюдать тишину, а курильщиков несколько раз выводил в коридор.

Куда потратить деньги, я уже знал. Идею малого и не совсем легального бизнеса, а точнее совсем не легального я подсмотрел недавно, ждал только когда будет немного денег, чтобы его реализовать. Гуляя по рынку, я всё время встречал одного молодого бельгийца, который ходил среди толпы с большой спортивной сумкой и негромко повторял одно только слово: «Сигареты». Эта сумка расходилась у него за считанные минуты. Продавал он по целому блоку. Так я и подсмотрел этот незамысловатый бизнес. Дело оставалось за малым — найти недорогие сигареты и, конечно же, деньги на их закупку. Деньги у меня уже были, а где раздобыть сигареты, я также уже имел представление. По четвергам я ходил в бассейн, в который нам в лагере выдавали пропускные билеты. Однажды вечером, возвращаясь из бассейна, я, как обычно, проходил мимо автовозов, на которых приезжали ребята из Литвы и покупали в основном подержанные авто. На один такой автовоз помещалось от четырёх до восьми автомобилей. Я ненароком вспомнил случайный разговор, который не так давно услышал в лагере. Гуляя ночью по коридору в час бессонницы, я, как всегда, примкнул к одной из компаний, в которой кто-то рассказывал, что у водил этих автовозов можно купить сигареты. Они всегда привозят несколько блоков, чтобы покрыть незначительные расходы. Вот я и решил, проходя мимо, подойти и поинтересоваться. Цены на рынке я знал, и если получится разница, буду у них покупать и перепродавать. Тогда ещё Литва

не входила в Евросоюз, поэтому разница в цене ощущалась. Случайно застав всех водил в одном месте, после непродолжительного разговора я купил всё что мог на свои двести долларов.

Продавать сигареты в лагере я не хотел, так как знал, что будут тревожить в любое время суток, но в основном, конечно же, ночью. Дождавшись субботы, я взял рюкзак, положил в него сигареты и поехал на рынок. Слившись с приезжающими покупателями, я сразу же направился туда, где больше всего толпилось народа. Пробираясь в середину толпы, я негромко стал предлагать сигареты, люди стали оборачиваться, обращать внимания и спрашивать. Уже через несколько минут я шёл к трамваю с пустым рюкзаком и с полным карманом денег.

И так время от времени я приезжал на рынок, продавал сигареты, гулял по нему и, набирая свежие фрукты, а точнее их остатки, которые продавцы прямо перед закрытием рынка раздавали бесплатно, возвращался обратно в лагерь. Со своим конкурентом я познакомился, когда пришёл во второй раз. Он сам подошёл ко мне и сказал, чтобы я был осторожен, полиция запрещает торговать нелицензированными сигаретами, а также добавил, что, если увидит полицию, даст знать. Так случилось, что мы выручали друг друга несколько раз.

Но бизнес не всё время шёл хорошо — время шло, законы менялись, на таможне при въезде в Европу из Литвы разрешили ввозить только один блок на человека. Водители грузовиков в большинстве своём тоже курили, поэтому порой приходилось ждать 3–4 недели, чтобы набрать несколько блоков для продажи. Шла зима, и автовозы приезжали уже реже. Я решил сделать паузу.

Глава 8. Два друга и тётя Валя

Прохаживаясь как-то по двору лагеря, ко мне подошли два парня, поздоровались, представились: их звали Стас и Сева. Они были ничем не примечательные молодые ребята лет двадцати. Оба невысокого роста, щуплые; Сева был блондин, а Стас немного рыжеват. Рассказали, что росли они в одном дворе и дружили с самого детства.

По истечению некоторого времени, узнав их немного получше, я заметил, что они оба обладают хорошим качеством, присущим не каждому: они всегда были на позитиве, имея при этом массу разных идей как реальных и интересных, так и бредовых в том числе. Поинтересовавшись, давно ли я в лагере, ребята спросили, может, я знаю кого-нибудь, кто живёт здесь не менее года, а может, и дольше. Сказали также, что ищут хоть какую-то информацию про одного парня по имени Паша, который тоже был их дворовым другом, но внезапно пропал, и последнее, что они о нём слышали от общих знакомых, это то, что он уехал в Европу и его определили в Пети Шато, но это было примерно год назад. Я попытался вспомнить, кого же я знаю… И вспомнил! Вспомнил об одном парне, который жил здесь чуть больше года, он работал в лагере электриком, его все так и называли — Саша Электрик. Он был очень нелюдим, всегда держался в стороне от всех и старался ни с кем не общаться. Мне рассказал о нём Сергей ещё в первые дни моего прибытия. Чуть позже я решил зайти к нему и познакомиться с ним лично. Постучав в его кабинку, Саша попросил войти. Он сидел на кровати и читал. По обзору его жилища изнутри сразу можно было сказать, что он здесь уже долго. Кабинка была обустроена как маленькая уютная комната: по всей стене у изголовья были прибиты полки, на которых стояли книги. Так как кабинка располагалась возле окна с большим подоконником, то Саша использовал его как стол, на котором также лежали книги, какие-то записи и чертежи на больших листах. Я понял, что он занимается самообразованием. Судя по научной литературе на столе, скорее всего, это были инженерные проекты.

— Роберт, — представился я.

— Александр, — сказал он и мы пожали руки, — заходи, садись.

— Недавно в лагере? — спросил он меня по-свойски.

— Да, — ответил я (это была первая неделя моего там пребывания).

Разговаривали мы с ним недолго, Саша оказался совсем не

таким, как мне его описали (с негативной стороны): он был рассудительным, серьёзным молодым человеком лет тридцати, высокого роста, светло-русый, среднего телосложения. По нему было видно, что планы на будущее у него были большие. Саша объяснил, что ему не с кем и не о чем здесь в лагере разговаривать. Ещё сказал, что изначально у него было несколько друзей, но все разъехались по миру, кто куда. Также я поинтересовался как он умудрился оставаться в лагере больше года. На что он ответил, что после всех трёх интервью, которые прошли невероятно быстро и не в его пользу, он перевёлся на Гуманитарку. Так и получилось, говорил Саша, что социал ему не дали, а с лагеря, соответственно, не выгнали, так как он всё ещё остаётся на легальном положении. И сколько ещё он здесь просидит — неизвестно. Но то, что он был самым «старым» жителем лагеря, было известно всем русскоязычным. После этого разговора мы с Сашей больше не общались, лишь изредка здоровались при встрече. Стас и Сева зависли в ожидании, смотря на меня туманным, накуренным взглядом.

— У меня есть один знакомый Саша. Он здесь больше года, думаю, он сможет чем-то помочь, — сказал я.

Ребята обрадовались и попросили, чтобы я отвёл их к нему. По дороге к Саше они мне рассказали, что, конечно же, знали, что их друг Паша собирался уехать в Европу, но не знали, когда именно, поэтому пропал он незаметно для всех, но самое интересное в этой истории то, что Паша просил Севу и Стаса ничего не говорить его маме. Он просто хотел сбежать из дома. Я не вдавался в подробности их с мамой отношений, но раз хотел сбежать, значит что-то его не устраивало. Сева продолжил, сказав, что тётя Валя (Пашина мама) прождала его несколько месяцев, много пила, как и обычно, в принципе, но в конце концов что-то на неё нашло и она решила начать поиски сына. Прошёл примерно год, прежде чем мы узнали, где находится Паша. Он связался со своей бывшей девушкой и рассказал, что живёт в Европе роскошной жизнью. Тётя Валя, как только узнала эту новость, сразу позвала нас со Стасом к себе и поинтересовалась, во сколько ей обойдётся поездка по Европе на один месяц. Она рассчитывала за месяц найти его и вернуть домой, ухмыляясь, рассказывал Сева, при этом отрицательно мотая головой. «И в то же время, — продолжал он, — она и домой назад не собиралась, потому что сказала, что будет продавать свою квартиру. Мы в свою очередь, пытались ей объяснить, что это будет безрассудный поступок, но что мы могли на самом деле сделать, если у взрослого человека поехала крыша, а нам с этого ещё сулил небольшой заработок, плюс прогулка по Европе на

халяву». Сева и Стас шли и смеялись. Сева сказал, что они со Стасом прикинули, посчитали и ответили тёте Вале, чтобы она рассчитывала на сто баксов в день, в сумме выходило примерно три тысячи в месяц. На что она, конечно же, согласилась. Прошло ещё несколько месяцев, пока делались визы и продавалась квартира. Трёхкомнатную квартиру она продала тогда за шесть тысяч долларов, что было совсем неплохо по тем временам. Новых новостей от Паши за это время никто не слышал. Когда визы и билеты на самолёт были на руках, тётя Валя дала им со Стасом по триста баксов и попросила за ней присматривать и помогать:

— Что мы сейчас и делаем, — улыбаясь, распылялся Сева.

— Где она сейчас? — спросил я.

— В гостинице! Сидит и ждёт информации от нас, — сказал Стас.

— А вы, я смотрю, работаете в поте лица, — заметил я с сарказмом, — уже неделю вижу, как вы ходите постоянно обкуренные.

— Да! А что нам ещё делать? Кайфуем! — самоуверенно произнёс Стас, — мы и сейчас «убитые»! — они снова засмеялись.

Сева был более сознательным и понимал, что деньги нужно хоть частично, но отработать и хоть чем-то тётке помочь.

— Мы заходили к тёте Вале вчера вечером, — сказал невесёлым голосом Сева, — она лежала пьяная на полу и спала. Поэтому мы тоже расслабляемся.

Серьёзности в них не было никакой. Да она им и не нужна была. Такова их сущность, такие у них были взгляды на жизнь.

— Здесь такая дурь убийственная, мы такой ещё не пробовали, — хочешь? — предложил Стас.

Я отрицательно помахал головой.

— Вот видишь, Роберт, мы же тебя нашли… И сейчас идём за информацией… Работаем! — сказал Сева.

Улыбка не сходила с их лиц. Мы подошли к Сашиной кабинке, я постучал.

— Да-да, — сказал он.

— Саня, это Роберт, я здесь не один, хотелось бы поговорить с тобой, — сказал я из-за шторы.

— Заходите, — пригласил Саша.

Мы зашли. Два друга, как ни пытались сдерживать улыбки, но у них это плохо получалось. Они поздоровались, представились, и Сева сразу начал интересоваться и спрашивать про Пашу. Саша внимательно выслушал его, а потом ответил:

— Да, я видел его! Он был здесь примерно год назад. В это время было очень мало русскоязычных, не то что сейчас, —

улыбаясь, сказал Саша.

— А ещё я его запомнил, потому что он здесь постоянно отличался. Он думал, что ему всё дозволено. По ночам бегал по коридорам и орал, нападал на молодых девушек. В столовой ни с того ни с сего бросался едой. Несколько раз дрался с иностранцами только из-за того, что у них другой цвет кожи. Мне кажется, — продолжал Саша, — что он постоянно был под каким-то наркотическим действием.

— Да! Да! Это он! — закричал Стас, — он без башни!

И они с Севой рассмеялись, вспомнив своего друга.

— Он здесь пробыл не больше месяца и пропал. Больше я его не видел, — закончил Александр.

Стас и Сева поблагодарили его, пообещав упаковку пива за ценную информацию, после чего мы вышли на улицу.

— Ты пьёшь пиво? — спросил меня Сева.

— Пью.

— Тогда пойдём купим и посидим на фонтане, мы проставляемся, — заманчиво сказал Стас.

— Пошли, — согласился я.

Фонтан за лагерем был особенным местом. Каждый памятник культуры хранит в себе свою энергетику и мистицизм, и фонтан для меня был одним из них. Это место с красивым обелиском и бронзовым памятником на верхушке называлось фонтан «Анспа» (fontaine Anspach). Вокруг фонтана всё было вымощено брусчаткой, а посередине — прямоугольной формы длинный бассейн, по обеим сторонам которого стояли не густо расставленные лавочки и недавно посаженные молодые деревья, по углам стояли небольшие позеленевшие медные статуи. В конце фонтана возвышалась массивная старинная католическая церковь Святой Катерины, построенная в XVII веке. Этот общий вид фонтана и церкви делали это место особенным.

Я часто любил сюда ходить, независимо от времени года. Хотя фонтан и находился в двух минутах ходьбы от лагеря, он никогда не был переполнен, скорее, наоборот, там всегда было место, где можно присесть и помечтать, или поговорить и провести время в хорошей компании. По выходным дням с утра сюда приезжали фермеры и организовывали уличный маркет: ставили свои палатки белого цвета и продавали фрукты и овощи, мармелад и джем, печенье и крендельки, и невероятно вкусный, ароматный, хрустящий, свежий хлеб. На углу фонтана каждое утро стояла тележка продавца устриц, возле которой всегда толпились люди, аппетитно кушая устрицы и запивая их белым вином. Мы с ребятами недолго посидели у фонтана, допили пиво, раззнакомились получше и решили прогуляться по вечернему городу.

В центре Брюсселя находился большой трёхэтажный музыкальный магазин, куда я время от времени заходил послушать новые или старые альбомы любимых исполнителей; там в нескольких точках стояли аппараты с наушниками, а рядом лежали пять или десять пронумерованных дисков, которые находились уже в этом аппарате. Выбираешь желаемый диск и нажимаешь его номер. Звучит знакомая, любимая музыка. По выходным дням возле каждого аппарата стояло по 2–3 человека, поэтому я ходил туда только по будням. После того как я показал это место Стасу и Севе, мы стали вместе ходить сюда практически каждый день. В лагере мы виделись довольно часто. Они всегда были вдвоём. У них были разные планы на жизнь. Сева хотел поскорей найти работу на стройке и погрузиться в неё с головой,

Стас же был более вольнолюбивым, поэтому работать не стремился, ему хотелось пить, гулять и развлекаться. В Пети Шато они попали на удачу — случайно, и оставались здесь лишь для того, чтобы узнать как можно больше о Паше, да и вообще набраться полезной информации про всю Европу, чтобы знать — что, где и как. Здесь такого добра было предостаточно.

* * *

Возвращаясь как-то после вечерней прогулки, на которой я прогуливался в гордом одиночестве, прямо у ворот Пети Шато меня остановили два незнакомых мне человека. Предварительно спросив, говорю ли я по-русски. Я ответил, что говорю. На улице было уже темно и разглядеть их лица было довольно сложно. Всё, что я видел перед собой, это две высокие фигуры крепкого телосложения. На обоих были короткие кожаные куртки и спортивные костюмы. Только один был в кроссовках, а другой, повыше, в широкой плоской кепке и в туфлях. Они поздоровались и представились:

— Андрей, — сказал парень лет двадцати шести.

— А я Гоги, — пртянул мне руку мужчина гораздо постарше Андрея, он был выше среднего роста.

— Роберт, — представился я.

— У нас к тебе есть очень важный разговор. Ты не занят сейчас? — сказал Гоги с сильным грузинским акцентом.

— Нет, — ответил я, — не занят.

— Здесь есть недалеко бар. Давай там посидим и поговорим, — предложил Андрей.

— Хорошо, пойдёмте, — согласился я, и мы направились в сторону уже знакомого мне бара. По их лицам и манере разговора сразу можно было определить то, что им нужна была какая-то информация. Вероятно, хотели расспросить о жизни в лагере. По дороге они всё же спрашивали про лагерь, но как-то вскользь, ничего конкретного, я понял, что их интересует что-то другое… Но что? Мы зашли в бар, людей там было немного.

— Ты не переживай, — сказал Гоги, — мы угощаем!

Ничего не говоря, я сел за деревянный круглый стол, на котором стояла залитая парафином бутылка, в которой догорала свеча. Рядом сел Андрей. Парень крепкого телосложения с большой редеющей русой головой, при этом он всегда улыбался, что вызывало симпатию и доверие. Его коллега Гоги был просто настоящим грузином, который стоял сейчас у бара и что-то заказывал. Гоги было около сорока пяти лет, высокого роста, как

я уже упомянул, коренастый, с большим носом и пышными седыми усами, а на голове у него была надета традиционная грузинская кепка «аэродром», которая очень ему шла. Грузинскую же молодёжь в наши дни в таких кепках можно было встретить крайне редко. Так утверждал чуть позже Гоги, после того как я сделал ему комплимент.

— Послушай, Роберт, — у нас к тебе есть одно важное дело, — начал мямлить Андрей.

Пока он говорил, пришёл Гоги и принёс всем по бокалу пива и орешки.

— И какое же у вас ко мне дело? — спросил я, улыбаясь.

Говорил в основном Андрей, Гоги только вставлял привычные всем фразы, но делал это очень эмоционально, как обычно это делают жители Кавказа.

— Мы знаем, — продолжил уже более уверенно Андрей, — что к вам в Пети Шато недавно заселились два друга. Их имена Сева и Стас.

Я слушал и ничего не говорил.

— Так вот, нам нужно с ними кое о чем поговорить… Мы бы хотели попросить тебя, чтобы ты нашёл их, познакомился и попросил выйти из лагеря, сказав, что с ними хотят побеседовать, — сказал Андрей и поднял бокал, кивнув головой: На здоровье!

Я допил пиво, поставил бокал и заявил:

— Ребята, давайте на чистоту. Я не знаю, что они натворили, и не знаю, что вы собираетесь с ними сделать.

Я подумал, что пока не буду им говорить о том, что знаю ребят. Постараюсь узнать как можно больше, что им от них нужно. Гоги стал пытаться мне рассказать, что у них к ним просто разговор и ничего более. Но Андрей, как человек военный в прошлом, как потом выяснилось, не любил ходить вокруг да около и согласился:

— Хорошо! Я расскажу тебе всё по порядку.

— Мы тоже живём в лагере наподобие Пети Шато, только гораздо меньше, который находится в десяти минутах ходьбы отсюда.

Пока он говорил, Гоги встал и пошел ещё за пивом.

— Два дня назад мы с Гоги стояли возле нашего лагеря и курили, как откуда ни возьмись к нам подошла одна бабуля и сказала, что ищет Пети Шато. Мы пытались ей объяснить, как пройти к вам, но она начала мямлить что-то себе под нос, что-то совершенно непонятное, жаловаться на жизнь и причитать. А потом сказала, что в Пети Шато живут два парня, Сева и Стас, которые украли у неё деньги и там прячутся.

— И сколько? — спросил я.

— Не знаю, — развёл руками Андрей.

В это время Гоги принёс ещё пива и предложил выйти на улицу покурить.

— Она дала нам с Гоги сто долларов и сказала, что когда мы их к ней преведём, даст нам ещё сто долларов. Наверное, они много украли, раз она такая щедрая, — добавил Андрей.

— Так вот откуда деньги на банкет? — отшутился я в ответ.

— Именно так, — улыбался Андрей.

«За своего сына она им ничего не сказала, — предположил я, разглядывая их получше, — и, вероятнее всего, что эти ребята собирались Севу со Стасом силком привести к ней, — размышлял я, попивая пиво. — Андрей один мог бы скрутить их одной левой, ну а Гоги так… для поддержки, на всякий случай».

— Я их знаю! — рассказал я, прикинув в голове ситуацию, — и хочу вас уверить, что «тётя» вам не всё рассказала, — они посмотрели на меня огромными глазами, полными недоумения.

Я вкратце поделился с ними всей историей и сказал, что могу их познакомить, при этом взяв с Андрея и Гоги обещание, что они не будут их скручивать и тащить к тёте, или Бабуле, как называл её Андрей. Они переглянулись (во взгляде читалось, что именно так они и собирались поступить), но согласились. Мы договорились встретиться завтра в десять утра у ворот лагеря. Утром я встретил ребят, как обычно, за завтраком. Рассказав им мою вчерашнюю историю, они долго смеялись и говорили:

— Ну и тётя Валя! Но мы её не осуждаем, у неё в голове всегда не пойми что, — всё также смеясь, добавил Сева.

И, конечно же, согласились выйти и поговорить с моими новыми знакомыми, которые ровно в десять уже стояли у ворот Пети Шато. Стас и Сева им всё рассказали до мельчайших подробностей. Андрей и Гоги слушали очень внимательно, не перебивая.

— На что она вообще рассчитывала, продавая свою квартиру? — спросил Андрей.

— Вот пойди и спроси её об этом! — сказал Стас, — мы её долго отговаривали, но безрезультатно.

— Вы не заметили, что у неё не всё в порядке с головой? — спросил Сева.

— Мне именно так и показалось! — согласился Андрей.

Гоги молча слушал, а потом заявил:

— Мне показалось, что она очень любит выпить.

— Ещё как, — подтвердил Стас.

— Что же теперь делать? Ведь мы же пообещали этой вашей тёте Вале, что приведём вас к ней, и деньги она дала уже… а мы

их пропили… — сказал Гоги, жестикулируя при этом своими большими руками. Все на мгновение замолчали.

— Кстати! — сказал резко Стас, — я вчера вечером ходил в переговорку (переговорный пункт) и говорил со своей одноклассницей, которая сказала, что ей звонил пьяный или обкуренный Паша (сын тёти Вали) из Франции, сказал что он уже в Париже, и, как обычно, всё у него супер!

— Вот и отлично! Давайте я к ней схожу, — предложил я, — точнее мы с Андреем и Гоги. Вы скажете тёте Вале, что познакомились со мной, а я в свою очередь скажу, что знал Стаса и Севу, которые были в лагере, но уже уехали. Вы, я так понимаю, уже не собираетесь с ней встречаться?

— Правильно понимаешь. Она также, если не от нас, то от знакомых узнает, что её сын в Париже, и захочет нас во Францию потащить, а мы определённо туда ехать не хотим, у нас уже другие планы. Да и вообще не хотим с ней иметь никаких дел, — улыбался Сева.

— Также скажу вашей тёте Вале, — продолжил я, — что знал Пашу и слышал от наших общих знакомых, что он сейчас где-то во Франции, а вот где точно — никто не знает. Ведь мы же и в самом деле не знаем, где он именно, не так ли? Получается, что и вы свою сотку отработали, найдя меня, и пацаны (Стас и Сева) уже не при делах, так как информация о сыне, какая-никакая, но всё же получена.

— Я согласен, хорошая идея, — облегчённо выдохнул Стас, — тем более что мы с Севой и так собирались валить.

— Куда же?! — поинтересовался я.

— В Швейцарию, — ответил Стас, — там «сдадимся» и всё разведаем. Да и вообще, хочется везде поездить… посмотреть… Только уже без тёти Вали, — всё также улыбаясь, сказал Стас.

— Не хочешь с нами? — спросил у меня Сева.

— Нет, — ответил я, не думая, — надо здесь до конца отбыть, а там видно будет.

Мне стало сразу грустно, ведь последние дней десять мы проводили много времени вместе. Строили планы на будущее, гуляли, работали. На днях нас попросили разрушить внутренние стены старого здания, находящегося на территории лагеря; и после небольшой оплаты за нашу работу мы пошли в бар, затем на улицу Красных фонарей… тратить то, что заработали.

* * *

После нашего взаимного решения мы с Андреем и Гоги сели в

трамвай и поехали к тёте Вале, не забыв перед этим купить бутылку водки, так как без неё, как сказал Гоги, лучше к ней не приходить. Мы подъехали в один не очень привлекательный район, который находился возле железнодорожного вокзала Brussels Midi. Весь район был густо населён беженцами и переселенцами из стран Арабского мира. Атмосфера в воздухе веяла неприятная, скованная, тяжёлая. Дома и дороги вокруг были разбитые и изношенные. По улицам ходили мужчины в длинных одеждах типа кафтан, а также женщины, покрытые паранджой. Пока мы шли, я смотрел на агитационные плакаты, которые висели на каждом столбе, вероятно, перед местными выборами. На плакатах были фотографии таких же выходцев из стран Ближнего Востока. Ну всё… хана Европе! Если уж эти, со своими традициями, религией и жизненными устоями (не европейскими) придут к власти, то ничего Хорошего, Свободного, Светлого и Созидательного уж точно не будет сделано. Мы подошли к отелю, который находился в пяти минутах ходьбы от трамвайной остановки. Зайдя в отель не первой свежести, мы поднялись на второй этаж и постучали в дверь. Никто не открывал; постучали ещё и ещё раз. Гоги сказал, что она скорей всего пьяная спит, надо продолжать стучать. Через несколько минут дверь открылась и мы зашли в тёмную душную комнату, наполненную запахом перегара, сигаретного дыма и сырого лука, который лежал разрезанный пополам на тумбочке возле кровати. Я подошёл, открыл шторы и распахнул окно. Обернувшись, увидел перед собой старую озлобленную женщину (лет пятидесяти), но из-за её внешнего вида она выглядела гораздо старше: морщинистое угнетённое лицо, седые распущенные волосы, висевшие на плечах, покрывая старомодный, коричневый, пуховый платок, чёрная кофта и длинная чёрная юбка. Она посмотрела на меня недобрым взглядом и сказала:

— Можно было не открывать окно. Ну да ладно.

Я хотел было сразу возразить, что, мол, здесь дышать невозможно. Но не стал. На полу лежали пустые бутылки и окурки сигарет. Вся картина была на лицо. Определённо по ней сразу можно было сказать, что никакого горя у неё нет, она была простой алкоголичкой, разыгрывающей спектакль любви к своему единственному сыну, а остальные, или не замечая этого, или делая вид, что ей верят, пытались на ней только поживиться. Она была озлоблена абсолютно на всех по отдельности и на весь мир в целом. Гоги вёл с ней беседу, как самый старший, сразу же предложив ей выпить — тётя Валя, к слову, не отказалась. Андрей ничего не говорил, просто стоял и смотрел в окно. Рассказав ей всё, что мы и планировали, она задумалась и начала ходить по

комнате взад и вперёд, при этом причитая:

— Что же делать? Что же делать?

— А делать тут особо и нечего, — сказал я, — адрес вашего сына во Франции никто не знает. Поэтому ехать вам туда не стоит. Да… И вот ещё что… Вы точно уверены, что ваш сын хочет вас видеть? — спросил я её.

Тётя Валя злобно посмотрела на меня, села на край кровати, обхватила голову руками и попыталась заплакать, но у неё это не получилось.

— Всё! — резко сказала она, встав с кровати, — уходите! Все!

Никто задерживаться там не хотел, мы встали и ушли. Жалко мне её не было, от таких людей, которые ненавидят всё вокруг, которые винят всех в своих неудачах, уйдёт не только сын, но и вся домашняя утварь, что в принципе и произошло, ведь квартиру-то она продала и осталась ни с чем. Гоги, как человек уже немолодой и сентиментальный, шёл в расстроенных чувствах из-за всего произошедшего. Андрей был навеселе, говоря при этом:

— Так и надо «бабке». Сына, наверное, довела до такого состояния, что он сбежал, и правильно сделал и вряд ли когда-нибудь вернётся.

— Да, — но всё равно жаль, — подняв вверх большую ладонь, сказал Гоги. Он был невероятно огорчён.

— Гоги, слушай! — сказал я неожиданно, — если хочешь, пойди сейчас и поговори с ней, — предложи ей сдаться, объяснив в двух словах всю процедуру. Отведи в центр по приёму беженцев. Её точно в лагерь определят или ещё в какую-то богадельню, вот и будет бабушка под присмотром. Думаю, она тебе ещё сотню баксов даст за это, а ты их домой пошлёшь детям! Как тебе такая идея?

— Отлично! — сказал он, повеселев, — так и сделаю!

Гоги тут же развернулся и пошёл обратно к тёте Вале, а мы с Андреем решили пройтись пешком и зайти по дороге в магазин, чтобы купить отменного бельгийского пива и пойти в ближайший парк.

Расставания всегда были негативной стороной лагеря. Позже я стал понимать Сашу Электрика, и почему он сидит у себя в кабинке и ни с кем не общается. После этого разговора, Стас и Сева пробыли в лагере ещё дня два. Ранним утром я провёл ребят до железнодорожного вокзала, откуда они и уехали в Швейцарию. При выходе из вокзала, когда автоматические двери закрылись за моей спиной, я остановился на уже знакомом мне месте, вспомнив, быть может, не очень примечательную, но на мой взгляд интересную историю, произошедшую с нами тремя

несколько дней назад. Прогуливаясь как-то вечером по улице Красных фонарей без копейки в кармане, мы остановились возле одного окна, в конце слабо освещённой улицы, куда обычно уже мало кто доходил. Окно было завешено шторой, свет горел очень тускло и на первый взгляд можно было подумать, что это простое окно жилого дома. В момент, когда мы прикуривали наши по пути настрелянные сигареты, дверь возле окна открылась и оттуда вышел мужчина средних лет, полного телосложения, невысокого роста.

Увидев, что мы прикуриваем, он достал сигарету, подошёл к нам и сказал:

— Dobry wieczór.

— Мы не говорим по-польски, — сказал я.

— А! Хорошо. Тогда давайте говорить по-русски, товарищи! — сказал он шутливо с польским акцентом.

В это время штора на окне распахнулась, и свет из комнаты осветил тёмную улицу. Мы все, кроме нашего нового знакомого, который, прикурив, смотрел куда-то вдаль, посмотрели в окно. Там, в красном кружевном нижнем белье и ярко-белом подстриженном под каре парике показалась женщина или бабушка, как мы её тогда назвали (при этом вызвав улыбку у нашего собеседника), которая села в плетёное кресло, вставила в длинный мундштук сигарету и закурила. Ей было, как нам тогда показалось, лет шестьдесят. Она посмотрела на нас, улыбнулась и, открыв книгу, лежавшую возле кресла на маленьком столике, принялась за чтение.

— Позвольте представиться, — сказал наш новый знакомый, — Кшиштоф.

Мы, по очереди пожимая ему руку, также представились.

— Вы, наверное, ищете работу, как и многие сейчас? — спросил он, улыбаясь.

По-русски Кшиштоф говорил сносно.

— Да! — выкрикнул несдержанно Сева, — вы можете помочь с работой? — тут же спросил он.

— Могу! — сказал Кшиштоф и, сделав глубокую затяжку, подошёл к окну, слегка потарабанив в него пальцами.

Не молодая леди закрыла книгу и посмотрела на него из-под очков, опустив голову, при этом сдержанно улыбаясь. Кшиштоф, широко улыбнувшись, послал ей воздушный поцелуй и помахал на прощанье.

— Вам в какую сторону? — спросил он нас.

— Мы просто гуляем, — ответил Стас.

— Тогда давайте просто пройдёмся, — предложил Кшиштоф, и мы пошли по направлению к центру.

По дороге он нас расспрашивал о нашем образовании и что мы умеем делать. Спрашивал, смыслим ли мы что-нибудь в строительном деле. Как потом выяснилось, у него была своя строительная фирма, которая, как сказал Кшиштоф, всегда нуждалась в рабочих. Сказал также, что особых навыков не требуется, нас на стройке со временем всему обучат. Мы, конечно же, обрадовались такому неожиданному повороту.

— Хорошо, ребята, я почти пришёл, — сказал Кшиштоф.

— У вас есть у кого-то мобильный телефон? — спросил он.

— У Роберта есть, — быстро ответил Стас, — только он у него всегда пустой, работает только на приём, — добавил он и рассмеялся.

И в самом деле, как ни парадоксально, я редко пользовался своим телефоном, так как у большинства моих знакомых телефонов ещё не было, поэтому мне не было резона его пополнять — звонить-то всё равно некому.

— Я дам вам номер своего телефона, мобильный я не помню, так как купил его недавно, а вот домашний — запишите. Позвоните мне завтра утром, но не сильно рано, — сказал Кшиштоф, улыбаясь, — я скажу вам, где мы встретимся, и покажу стройку, куда будете приходить на работу, она недалеко от меня находится, а также познакомлю с Мартином, он вам всё покажет и расскажет, — Кшиштоф похлопал стоящего рядом и неверящего своему счастью Севу по плечу.

— Dobrze? — спросил он нас.

— Конечно! — ответили мы дружно.

— Tak, i co najważniejsze (да, и самое главное)! — резко добавил Кшиштоф, — позвоните обязательно, только не слишком рано, но и не поздно, так как к обеду меня в Бельгии уже не будет, я улетаю в Тайланд на два месяца, — сказал он и расплылся в умиленной улыбке.

Попрощавшись, мы в хорошем настроении направились в лагерь. Проснувшись рано утром, позавтракав, мы решили немного прогуляться и пошли по направлению к центральному ЖД вокзалу, а оттуда уже собирались позвонить Кшиштофу, также решив, что от вокзала нам будет быстрей добраться к объекту, к тому же Кшиштоф жил неподалёку, а стройка, как он сам сказал, располагалась недалеко от его дома. Где точно находился его дом, мы не знали, помнили только место, где расстались вчера. Сева шёл и сиял от счастья, он так мечтал работать, и мечта казалась была не за горами. Стас, работать вообще не хотел, поэтому и не горел энтузиазмом. На счёт себя хочу сказать, что у меня любая работа на то время вызывала живой интерес. Во-первых, меня всегда прельщала деятельность,

которую я не знал и мог бы обучиться, а во-вторых, это, конечно же, тот факт, что любая работа здесь, в Европе, кардинально отличалась от работы в любой из постсоветских стран, а самое главное, это отношение к рабочим, которое было непринуждённым и ненавязчивым, где никто не стоит над тобой и не командует, а всего лишь вежливо просит. И как я всегда говорил: «Всегда можно прийти, попробовать, и также, с такой же лёгкостью уйти».

Дойдя до вокзала, мы направились к телефонным автоматам, которые висели в ряд, вдоль стены, внутри вокзала. У центрального входа на вокзал, прямо перед автоматическими дверьми, мы решили проверить наши сбережения и каждый начал шарить по карманам.

— У меня нет ни копейки, — сказал Стас.

— Сорок франков, — сказал Сева, достав из кармана две монеты.

— И у меня сорок франков, — сказал я, — на пять минут разговора нам хватит. Давай мне, я буду звонить.

И в этот момент, когда Сева пересыпал мне мелочь, открылась дверь и оттуда пошёл поток людей, и как бы невзначай кто-то толкнул меня в плечо, выбив мелочь из моей ладони, которая полетела вниз; всё происходило как в замедленной съёмке. Мы втроём наблюдали, как мелочь летит и падает, залетая под металлическую решётку, на которой мы стояли. Мы переглянулись, не говоря ни слова, и отошли в сторону, дав людям выйти.

— Что будем теперь делать? — спросил взволнованным голосом Сева.

— Надо попробовать её достать, — ответил я.

Стас стоял и, наблюдая за всем этим, улыбался.

— Пускай сначала люди пройдут, потом попытаемся достать наши монеты, — сказал я и посмотрел по сторонам, нет ли там чего-нибудь подходящего…

В округе ничего, конечно же, не оказалось, поэтому мы пошли к ближайшим кустам и, выломав две ветки, вернулись обратно добывать потерянное сокровище.

Подождав, пока проход у дверей стал свободным, мы подошли и наклонились над решёткой. Под ней на расстоянии примерно тридцати сантиметров лежала грязь и перегнившие листья. Сверху на листьях я увидел две монеты. Люди то выходили то заходили, не давая нам возможности спокойно заниматься своим делом. Взяв у Севы две сломанные ветки, я засунул их под решётку в надежде на успех. Я пытался взять монету ветками с двух сторон, но в спешке у меня ничего не

выходило, при этом я случайно задел рядом лежавшую монету, которая провалилась в грязь и пропала из виду. Затем стал пробовать Сева, но потоки людей всё также мешали нам или мы им. Стас тоже подключился и всячески пытался нам помочь. Это была эпическая картина трёх молодых парней, стоявших на четвереньках над решёткой у входа на центральный вокзал. Время работало против нас. В конце концов нам вдвоём с Севой удалось выудить одну монету, с которой мы сразу же побежали к автомату. Я закинул двадцать франков и набрал номер телефона. Монета провалилась и я услышал голос Кшиштофа:

— Slucham, — послышался голос в трубке.

— Кшиштоф! Это мы, три друга, — говорил я бегло, — звоним насчёт работы!

— А… Мои молодые друзья! — сказал он весёлым тоном.

Кшиштоф хотел ещё что-то сказать, но я его перебил. На часах уже была половина одиннадцатого, мы понимали, что Кшиштоф не успеет с нами встретиться. Поэтому я решил узнать только адрес стройки.

— Куда нам подойти, где стройка, говори адрес, — кричал я торопливо в трубку телефона.

Я достал обрывок бумажного листа и взял у Севы ручку, которую он держал наготове.

— Стройка находится на улице, — не успев договорить, в телефоне послышались гудки.

Сева стоял рядом и смотрел на меня молящим взглядом. Я отрицательно, покачал головой.

— Побежали в лагерь, может, сможем у кого-то одолжить деньги, — говорил торопливо Сева.

Мы, конечно же, со Стасом не бежали, но старались идти быстро. Сева всё время нас торопил.

Придя обратно в лагерь, мы одолжили 50 франков и пошли к ближайшему автомату. Но трубку телефона уже никто не поднимал. Слушая, как открываются и закрываются автоматические двери позади меня, я ещё несколько секунд простоял на уже знакомой мне решётке; даже не пытаясь сдерживать широкую, со стороны, может быть, даже идиотическую улыбку на своём лице.

Часто, гуляя по Брюсселю, я замечал, что здесь очень не хватает зелени, лесов и лесопосадок, зелёных парков. Я помню, как однажды, проводя время в хорошей компании бельгийцев, с которыми я познакомился в баре, я назвал Брюссель «Каменным городом», и это так понравилось моим знакомым, что после этого они его так и называли — «Ville de pierre».

Дело шло к зиме, становилось холодно и сыро, такие

моменты навевают ностальгию, вспоминаются родные места, и мне сразу вспомнился лес в моём родном городке. И в тот момент, когда в голове поплыли воспоминания, я взял ручку и написал:

Мой милый дом!
Твоя природа, той красоты не передать,
Тот шум лесов, его свобода,
Вокруг — сплошная благодать.

В сосновый лес через мосточек
Я с вдохновением вхожу,
Дышу свободно, полной грудью —
Я снова дома, я живу!

И я хотел бы Жить и Жить…
Смотреть как всё вокруг творится!
Любовь и радость раздавать!
Встречать с улыбкой человека,
С улыбкой чистой провожать.

Пусть молод я и мало видел
Но кое-что хочу сказать
Людей стараюсь не обидеть,
Прошу и вас, не обижать!

(ноябрь, 1998 г.)

Глава. 9 Рабочий «Канал»

Через дорогу от лагеря протекал канал, он был небольшой, метров 20 в ширину, с невысоким, примерно по пояс, железным забором; вдоль этого забора тянулась пешеходная дорожка, на которой всегда стояла толпа людей, временами достигавшая 200 человек, которая растягивалась метров на 150–200. Прославился канал, а точнее это место, на весь Брюссель тем, что там всегда можно было найти дешёвую рабочую силу, состоящую из эмигрантов и беженцев, которые ещё несколько лет назад выходили на канал посмотреть на проходящие по нему кораблики, яхты, покурить, пообщаться, в общем просто повалять дурака; но так как местные жители Брюсселя стали проявлять снисходительность и предлагать непыльную работёнку, с тех пор оно так и повелось. Только сейчас этой дешёвой рабочей силой пользовались все кому не лень. Вплоть до тех же самых иммигрантов, которые совсем недавно повыходили на социальные пособия и которые, во-первых, от лени своей, а во-вторых, зная, что за углом стоит практически раб, который за две копейки сделает ремонт, отказывались самостоятельно сделать такие элементарные вещи как: покрасить стены, вынести старую (не тяжелую) мебель на улицу или просто-напросто собрать маленькую тумбочку, состоящую из 6-ти частей. Поэтому всем желающим нелегально подработать канал служил идеальным местом. В основном все приходившие на него собирались группами, и если кто-то приходил один, он всегда примыкал к какой-то компании, а компании, конечно же, там были разные, на любой вкус и цвет. Большими группами там собирались: африканцы, арабы, сербы, албанцы, румыны, армяне, грузины, а также уйма выходцев из России, Украины, Молдавии и Белоруссии. Залив, куда впадают все каналы в Брюсселе, относится к северному морю. Поэтому по этому каналу довольно часто проходили небольшие яхты и катера, за которыми я любил наблюдать, находясь там в ожидании, как хотелось бы, непыльной работёнки. Также в этот канал время от времени прыгали жители лагеря, «желавшие покончить жизнь самоубийством» или просто привлечь к себе внимание; прыгали они всегда в присутствии других людей, барахтаясь там какое-то время (минут 10), пока не приезжала служба спасения. За время моего пребывания в лагере, я лично наблюдал такие прыжки: два раза это происходило днём и один раз вечером (никто не пострадал). Делали они это в основном из-за того, чтобы привлечь внимание соцработников, которые сразу же отрапортуют в комиссариат, а уже оттуда есть

большая доля вероятности, что из-за такого «неадекватного» поведения прыгунов незамедлительно переведут из лагеря на социал и дадут им жильё. В общем отважных фантазёров и драматических актёров в лагере хватало. На канал в поисках работы выходили не только жители Пети Шато, но и разные нелегалы, проживающие на вольных хлебах в Брюсселе. Туда приходили также и женщины, которые не отказывались убирать чужие дома, мыть ванные и туалеты. И так как ситуация в Совке и других странах была критической, я бы не стал их осуждать. На канале я встречал людей с двумя высшими образованиями, которые были готовы на любую работу, и, к сожалению, им ничего не оставалось делать, как уехать за кордон в поисках заработка и «лучшей жизни». Через дорогу от канала, чуть в стороне от лагеря, был маленький сквер, там всегда собирались африканцы, это было их место, и все кто хотел взять их на работу, подъезжали к скверу. Как я позже заметил, люди, приходившие на канал в поисках работы, всегда становились в определённом месте, поэтому так и повелось, что работодатель, который не в первый раз приезжал сюда, уже знал, какая нация где стоит. Остальные же работодатели, кто приезжал на канал впервые, могли ехать не спеша и выбирать из толпы подходящую им национальность, останавливались прямо на дороге, предлагая работу и выкрикивая в окно своей машины, какие работники ему нужны и сколько. В основном вся предлагаемая работа была связана со строительством. Те мастера, кто умел положить плитку, провести проводку, сделать крышу, потолки и стены и тому подобное, уезжали в первых рядах, за ними шли уже разнорабочие. Другими словами, специалисты ценились в Европе всегда, в постсоветских же странах потребности в них больше не было.

* * *

Знакомство на канале было всегда значимым моментом. Много людей приходило на канал как за советом, так и за поддержкой. Одним и самым важным на мой взгляд преимуществом этого места было то, что там всегда можно было найти нужную информацию, а также помощь.

Ведь были люди, которые жили с одной стороны в Европе, а с другой — в нечеловеческих условиях: в заброшенных квартирах без света и отопления, в подвальных помещениях, а также в развалинах старых домов. И попадали они туда не по своей вине, их просто кинули с работой свои же собратья Совки, которые,

прежде чем их сюда привезти, сдирали деньги, прямо перед загрузкой в автобус, обещая при этом, что работодатель всех будет ждать на канале. Автобусы к каналу подъезжали полные людьми, приехавшими на заработки. Эти люди делились на две категории: бедные, которые потом окажутся или в развалинах, или в подвале — до того времени, пока не заработают деньги на обратный билет или же попросят политическое убежище (чтобы государство впоследствии депортировало их за свой счёт); и богатые, которые заплатили чуть больше своим соплеменникам, которые заранее договаривались с домовладельцами, у которых квартиры были более менее пригодные для жилья, чтобы они устроили их к себе на месяц, а через месяц, если нашёл работу и способен дальше платить, живи! Если нет — выезжай! Поэтому прекрасное отношение во всех постсоветских странах к своим же гражданам у меня всегда вызывало «восторг».

* * *

Ведь приезжали и такие, которым вообще нечего было терять, у них там ничего не осталось, они отдали последние деньги за надежду, которая рухнула, как только они вышли из автобуса. И на канале в большинстве случаев они всегда могли найти как поддержку, так и лишнюю койку. Поэтому канал для многих был священным местом. Там я на днях и познакомился с хорошими ребятами, Сергеем ВДВ и Юрием К, которых также кинули, высадив на канале, и от безысходности им пришлось сдаваться. Впоследствии их определили в Пети Шато. Ещё на канале можно было встретить заядлых лодырей и тунеядцев, живших в лагерях или уже на социале, которые приходили туда просто поболтать, покурить, найти собутыльника; такое себе место труда и отдыха. Работа на канале была как рулетка, один день пан, другой — пропал. Как повезёт, одним словом. Так говорили те, кто уже побывал там не раз. Я тоже решил выйти на канал и попробовать, так как бездельничать в лагере весь день надоедало. Выходил я не один, а с ребятами, которые уже кое-что смыслили в строительном деле и всегда могли помочь на первых порах. На канале и вправду день на день не приходился. Однажды меня взяли на работу, чтобы просто делать кофе рабочим (которых было четверо) и заплатили при этом сполна. Много раз попадал на покраску помещений, что также не назовёшь пыльной работёнкой, и при этом таскать ничего не надо было. Что не скажешь про другие разы, когда приходилось работать в подвальных помещениях с отбойным молотком и кувалдой, не

снимая респиратора целый день, ломая стены и пол и вынося наружу камни и всякий хлам, но платили при этом почасово — скудно, одним словом. В лагере тоже велись ремонтные работы, и мне предложили записаться в очередь, хотя список желающих был большой, но тем не менее я записался и прождал около месяца, прежде чем меня взяли в группу маляров; срок работы не превышал трёх месяцев (на дольше не брали). Зарплата была не большая, но постоянная, 300 долларов в месяц, но с учётом того, что здесь спишь, ешь и пьёшь — меня всё устраивало. Так как помещение было большое, работы было много. Работало нас четыре человека, начинали в 9 утра, заканчивали в 16.00. Так получилось, что на эту же работу попал и Юрий К, с которым мы недавно познакомились на канале. В лагере он пробыл всего лишь около двух недель, но так как он был квалифицированным строителем, его взяли вне очереди. С одной стороны, может показаться, что работа маляра простая, — да, она несложная, но как и в любой работе здесь тоже есть свои нюансы, которым Юра К меня обучал. Он был профессиональным строителем и мастером в этой сфере деятельности, с большим опытом работы, не считая, конечно же, его личного жизненного опыта. Где, как он сам рассказывал, ему приходилось делать многое самостоятельно, не прибегая к чьей-либо помощи. Юрию К было около сорока пяти лет, он был чуть выше среднего роста, коренастого, но не плотного телосложения, с уже полностью поседевшими волосами и часто серьёзным морщинистым лицом. Но тяжёлым человеком Юрия К нельзя было назвать. Он любил шутки, был самокритичен, уверен в себе, смело идущим по жизни, что бы она ему не заготовила.

По выходным дням я, как и прежде, выходил на канал, но уже не соглашался ни на какую другую работу, кроме как покрасить что-нибудь или побелить, тем более что опыт у меня уже был.

* * *

Стоя однажды на канале со своим приятелем Николаем, к нам подъехал новый мерседес, за рулём которого сидел турок. Он припустил окно и предложил нам работу — покраска помещения, — сказал, что платить будет пятьдесят долларов на двоих за пять часов работы. Николай замялся и сказал:

— Роберт, я никогда не красил, даже не знаю, чем я смогу тебе помочь…

— Не переживай, это несложно, я тебя быстро научу.

В общем, мы согласились. Ехали мы довольно долго, около

часа. Подъехав к большому, заброшенному двухэтажному зданию, мы сразу пошли в офис, который располагался на первом этаже; он был очень хорошо оснащён, ремонт был сделан в современном стиле. Турок стал нам рассказывать о своих масштабных планах, потом провёл нас в подвальное помещение, где, по его словам, планировалась парковка. Помещение под парковку было огромное, состоящее из нескольких отсеков.

— Вот здесь и надо будет всё покрасить. Берётесь? — спросил турок.

Я осмотрелся вокруг, сразу прикинул объём работы, которой предвещалось дней на 20–30 как минимум, и, подсчитав тут же выручку, сильно засомневался в желании турка нам это оплатить. Тем более что мне сразу показалось странным то, что как только мы приехали, турок повёл нас к себе в офис и стал рассказывать (хвастаться) о своих грандиозных планах. Такое поведение, как правило, говорило о том, что у такого человека всё только напоказ, а на самом же деле такой тип людей всегда отличался изрядной жадностью.

— Мы согласны, — сказал я.

Николай ничего не говорил, он полностью мне доверял. Униформа, краска, валики и всё остальное… всё уже было подготовлено. Введя Николая в курс дела, мы не спеша принялись за работу; через несколько минут я услышал посторонние голоса в одном из отсеков и решил пойти посмотреть. Зайдя в соседний отсек, я увидел двух парней, стоящих на невысоких лесах и красящих стену. Я подошёл и поздоровался с ребятами, они оказались тоже выходцами из Совка. Эта встреча была как нельзя кстати, так как у меня уже были сомнения по поводу нашего турка. Я задал им два вопроса:

— Долго вы здесь работаете? И сколько турок успел уже вам заплатить?

— Мы уже здесь три недели, — ответил высокий, кучерявый паренёк, — а что насчёт оплаты, так мы её ещё не видели. Турок сначала обещал раз в неделю платить, а потом сказал, что в конце месяца рассчитается.

— Ясно! Он вам ничего не заплатит, ребята, а если и заплатит, то такие копейки, что вы пожалеете о том, что не ушли раньше, — сказал я, развернулся и ушёл.

Мы встретились случайно недели две спустя на канале, на вопрос — получили ли они деньги за работу — услышал ответ, что получили, только в два раза меньше, чем обещалось. После окончания нашего рабочего дня мы с Николаем пошли к турку в офис. Его там не оказалось, но был его партнер, который, по-видимому, уже нас ожидал. Перед тем как мы зашли в офис, я

сказал Николаю:

— Ничего не говори, просто стой рядом, из офиса не выходи. Если начнут бить, хватай что-нибудь стоящее и прикрывайся, монитором, например, или принтером…

Он посмотрел на меня и с пониманием кивнул. Я подошёл к столу, за которым сидел другой турок, и сел в кресло, а Николай стал рядом.

— Позвони боссу и скажи, что пока он не заплатит за сегодняшний день, мы никуда не уйдём, — сказал я его партнёру по бизнесу, смотрящему на нас в недоумении.

Он, язвительно улыбаясь, посмотрел на меня и вышел, сказав, чтобы мы немного подождали. Вернувшись через пять минут, он сказал, чтобы мы приходили завтра, сегодня денег нет. Я ему ещё раз повторил, что мы никуда не собираемся уходить без денег. Он опять вышел, но пришёл уже не один, с ним было ещё два человека. Один держал биту, а другой — велосипедную цепь. В офисе была новая мебель, стояло несколько новых мониторов, небольшой принтер, факс и ксерокс. Я знал, что здесь цепями и битой не помашешь. Поэтому сказал:

— Хотите драться, давайте здесь, мы никуда выходить не будем.

Говорили мы на французском. Они стояли в дверях, я сидел в кресле, Николай взял стул и сел рядом. Николаю было лет тридцать пять: высокий, жилистый, человек не робкого десятка, видно было, что девяностые по нему тоже проехались. Поэтому я не переживал, если вдруг завяжется драка. Он был не из лагеря, мы познакомились на канале несколько дней назад. Пока мы ждали, я услышал, как подъехала машина. Это оказался их босс, турок, который привёз нас утром. Как только он зашёл в офис, прям с порога сказал что-то своим на турецком, они сразу же развернулись и ушли. Он подошёл и с улыбкой на лице, вытянув из кармана пятьдесят долларов, протянул нам. Тут же попрощавшись, попросил, чтобы мы завтра не приходили. Подвозить нас обратно он отказался. И такие вот издержки в работе тоже проскальзывали, всегда приходилось быть начеку.

Глава 10. Анастасия Павловна

В один из субботних дней я проснулся рано. В комнате из-за солнечного света, который отражался от белого потолка, как от зеркала, и разливался повсюду мерцающими бликами, было очень светло. Настроение сразу поднималось и хотелось идти гулять. Я вышел на канал, людей по выходным дням было очень мало и работы, соответственно, тоже, но тем не менее всегда можно было заработать очередные 20–30 долларов. По выходным дням, как я заметил, приходили или подъезжали в основном пожилые люди, которым надо было что-то поднести, занести, побелить или покрасить. В большинстве своём они были непривередливые, и работы всегда было немного — так, по мелочи. После плотного завтрака и чашечки кофе, стоя под утренним солнцем и вдыхая прохладный, влажный воздух с канала, я закурил. Пусть даже я и не был заядлым курильщиком, но сигареты у меня были всегда; я покупал пачку бельгийских, ароматных сигарет и мог курить её почти месяц, примерно по одной сигарете в день, а также по настроению. Стоя в ароматном дыму и смотря на блики на воде, я даже не заметил, как ко мне подошла пожилая женщина, лишь мгновением позже боковым зрением я увидел, как она стояла рядом и внимательно смотрела на меня, при этом сдержанно улыбаясь. Я повернулся и рассмотрел её уже как следует, а она меня. Ей было лет семьдесят, невысокого роста, по-европейски, очень опрятно одета, седые волосы у неё были аккуратно уложены, на шее в несколько слоёв, покрывая ворот кашемирового пальто, лежал сиреневый шарф. На груди была приколота брошь, которая ярко играла на солнце.

— Здравствуйте, — сказала она вежливо, — прошу прощения, вы, как мне кажется, разговариваете на русском языке?!

— Здравствуйте, — поздоровался я с той же вежливостью, — да, говорю.

— Вы не могли бы мне помочь? Я ищу высокого человека, как вы, который помог бы мне снять шторы, а то я не могу до них дотянуться. Они запылились со временем, и я хотела бы их постирать. Я хорошо вам заплачу за такую работу! — сказала она, улыбаясь.

— Я достаточно высокий, чтобы вам помочь? — поинтересовался я.

— Если вам не сложно?!

— Нет, не сложно.

— Тогда пойдёмте, молодой человек, я здесь недалеко живу, — Вас как зовут? — спросила она, когда мы шли вдоль

канала.

— Роберт, — ответил я.

— А меня Анастасия Павловна. Будем знакомы, — представилась она и протянула руку в сиреневой бархатной перчатке.

Шли мы недолго, минут десять; подошли на вид к старинному, фундаментальному, четырёхэтажному зданию с медным, позеленевшим куполом сверху. В доме был один центральный вход с массивными коваными, железными дверьми. Внизу была большая лестничная площадка, выложенная уже изрядно потёртым паркетом, а по кругу тянулась широкая винтовая лестница с массивными тёмно-коричневыми деревянными перилами. На каждом этаже, располагались по две квартиры. Дом был не новый, но состояние его было потрясающее. Все старые дома в Европе, которые строились около ста лет назад или больше, если за ними ещё и ухаживали, выглядели гораздо лучше и добротней, чем новые. Я бы отнёс его к концу XIX века. «Такие дома простоят ещё лет триста», — подумал я, закрывая за Анастасией Павловной тяжёлую железную дверь. Мы поднялись на второй этаж и зашли в квартиру.

— Можете не снимать обувь, — сказала Анастасия Павловна, — проходите в зал, пожалуйста, а я приготовлю чай. Вы пьёте чай, Роберт?

— Да! — кивнул я в ответ.

Пройдя по длинному тёмному коридору, я зашёл в просторную светлую комнату с высокими потолками с лепниной и уже не новыми потёртыми коврами с узорами, лежащими на полу.

На стенах висели картины, обрамлённые массивными рамами, окрашенные в позолоту. В центре комнаты, у стены, гармонично вписывался камин, а рядом с камином стояло пианино.

Анастасия Павловна принесла чай в красивой посуде — по виду старинный, антикварный фарфор — и поставила на столик возле телевизора. Окна в квартире и в самом деле были очень высокие и добраться до верха даже мне при моём росте было бы сложно.

— Мне понадобится лестница, — обратился я к ней.

— У меня есть стремянка в кладовой комнате, с ней вы справитесь. Мой сын примерно вашего роста, он снимал мне шторы в прошлом году. Просто сейчас он проживает в Швейцарии с семьёй, и приезжают они только на Рождество. И то не на каждое, — сказала она грустным голосом, после чего сменила тему: — Присаживайтесь, Роберт! Возьмите чай и давайте

немного поговорим.

Я подошёл к столику, налил чай и положил в него тонко нарезанный ломтик лимона и два кубика сахара.

— Расскажите о себе, Роберт! — сказала она после того, как я присел в большое комфортное кресло.

Секунду поразмыслив, я понял, что рассказывать легенду такой женщине было бы неуместно, даже глупо. И я рассказал ей всё о себе без утайки. Она слушала очень внимательно. После того как я закончил, она спросила:

— Вы хотели бы остаться в Бельгии навсегда?

— Да! — сказал я, не раздумывая, — Бельгия мне нравится!

Она улыбнулась и ответила:

— Но хочу вас уверить, что здесь тоже не всё так гладко, как вы думаете…

Не дав ей договорить и перебив, я сказал:

— В Европе тоже масса минусов, и государство также обманывает людей, особенно пенсионеров! — сказала она, слегка улыбаясь, — государственные службы любыми уловками пытаются отбирать недвижимость у старых, беспомощных людей, оставляя их ни с чем. И если мы говорим о Европе, продолжала Анастасия Павловна, — то из всех денег, которые государство получает от людей в виде налогов, — это сто процентов чистого дохода; на этих же людей, то есть на нас с вами, оно выделяет жалкие двадцать процентов! — я ничего не сказал, но подумал, что, вероятно, достаточно даже двадцати процентов, чтобы содержать меня и тысячи таких, как я, а также других безработных и малоимущих. И я понимал, что она хочет сказать. Но у меня было своё мнение и своё сравнение от увиденного и пережитого.

— В постсоветских странах, насколько мне известно, выделяется всего лишь два процента из ста, — сказала Анастасия Павловна.

Я улыбнулся и возразил:

— Думаю, это не точный процент. Мне кажется, что минус два, по крайней мере всё так выглядит.

Анастасия Павловна мило улыбнулась.

— А ещё, Роберт, смею заметить, что за последние я бы сказала лет десять ситуация с мигрантами и беженцами сильно изменилась. И я хотела бы отметить, что большинство европейцев, вы уж поверьте мне, я их знаю хорошо, совсем не против беженцев с Восточной Европы, так как они уже убедились в их порядочности, чистоте, образованности, пунктуальности и во многих других их положительных качествах, чего не скажешь о беженцах из стран Южной Азии и Африки. Вы просто обратите

внимание, когда будете гулять по Брюсселю, какое там количество людей из Африки, Южной Азии и Арабского мира, и они сейчас не только по улицам ходят, но и в правительстве их уже немало. Вы поймите, Роберт, я, конечно же, не имею ничего против этих людей, но всё же… всему должен быть предел! Это всё-таки другая цивилизация, культура, традиции, религия в конце концов, — взволнованно говорила Анастасия Павловна.

— Ну и почему тогда это происходит? Почему европейское правительство позволяет этому происходить? — спросил я её.

Анастасия Павловна опустила вниз глаза и замолчала на несколько секунд:

— Как мне кажется, — продолжила она, — я могу ошибаться, конечно, но, смотря на всё, что происходит, у меня складывается такое впечатление, что европейская цивилизация просто-напросто изжила себя, или другими словами, по истечению своих долгих, прогрессивных во всех смыслах этого слова лет, пришла сейчас к своему тотальному упадку. Да и правительство уже не то, — произнесла она грустным голосом. Всё меняется и, к сожалению, не в лучшую сторону. Если вам известно, Роберт, если вы хоть немного понимаете в политике, в этой грязной игре сегодняшних псевдо либералов, то вчерашние правые или классические либералы, как их ещё называют, которые шли в правильном направлении и боролись за Права Человека, предоставляя больше свободы во всех сферах и, как правило, желая, чтобы правительство имело как можно меньше возможностей влиять на жизнь простых людей, на сегодняшний день меняют свою позицию под давлением левых масс, левых псевдо «либералов», которые просто рушат систему, делая вид, что они «борются» за защиту социальной справедливости и приветствуют прогрессивные социальные изменения. «Врагов», Роберт, нужно знать в лицо! И благодаря истории можно наблюдать как время от времени в разных частях нашей планеты проводится геноцид, — здесь Анастасия Павловна замолчала, по-видимому, чтобы немного успокоиться и перевести дыхание.

Она хотела ещё многое рассказать, но я, как мне кажется, хорошо уловил суть её рассуждений. Это была наболевшая тема, как я понял, поэтому я решил её сменить и спросил:

— А вы давно переехали в Бельгию?

Анастасия Павловна посмотрела на меня и мило, как обычно это умеют делать люди в её возрасте, определённо поняв, что я меняю тему разговора, улыбнулась.

— Я была ещё совсем ребёнком, когда мои родители привезли меня сюда. Мне было три года! Родители и моя бабушка убегали от Советской власти в России! Они имели прямое

отношение к царской семье! — сказала Анастасия Павловна и гордо посмотрела на меня.

— Это очень интересно! — сказал я, — как вы не утратили русскую речь за столько-то лет? — поинтересовался я.

Анастасия Павловна говорила хорошо и правильно на русском языке, но с небольшим французским акцентом.

— В семье мы говорили на двух языках — русском и французском. Меня воспитывала бабушка, родители много работали и дома их практически не было. Она говорила со мной только на русском языке. Мои дети тоже хорошо говорят на русском языке, а вот внуки — уже нет. Ну хорошо, пойдёмте я покажу вам, где стремянка, — прервав разговор, сказала Анастасия Павловна.

Я установил стремянку и без труда снял шторы. Анастасия Павловна меня поблагодарила, дав при этом тысячу франков (25 долларов). Мы попрощались и я пошёл обратно на канал, в надежде встретить кого-нибудь из своих хороших знакомых и пойти вместе пить пиво, ведь это же была суббота.

* * *

Спустя некоторое время через знакомых я узнал, что Анастасия Павловна несколько раз приходила на канал и искала меня. Она передавала мне послание через знакомых ребят, что договорилась в одном из институтов за дальнейшее образование для меня и хотела помочь устроить мою дальнейшую жизнь. За что я ей чрезвычайно благодарен! Но меня влекла Свобода… Независимость… Непринуждённость… А также не хотелось, чтобы за меня кто-то хлопотал и переживал, ведь в таком случае я буду чувствовать обязанность и ответственность перед ней, а этого мне хотелось меньше всего. Поэтому я не искал с ней дальнейших встреч, зная прекрасно, что она будет только упрашивать меня продолжить, на мой взгляд, ненужные мне на данный момент науки. В связи с этим наша встреча с Анастасией Павловной была первая и последняя. Хотя я видел её ещё один раз, стоя на канале среди толпы, видел, как она ходила под стенами Пети Шато через дорогу от канала и, останавливаясь, всматривалась в безликую толпу, выискивая в ней меня, а может быть, просто хотела, чтобы я её увидел.

Глава 11. У Саши на квартире

Вечерами после работы я, как обычно, ходил гулять по городу. Деньги у меня уже водились, поэтому мог зайти в кафе и выпить там кофе с пирожным, а также в бар, чтобы вкусить вкуснейшего бельгийского пива, которого было огромное количество сортов и вкусов. К сожалению или к счастью, не возьмусь утверждать, но все мои знакомые на тот момент не желали тратить ни копейки на прогулки по кафе, барам и ресторанам, занимаясь при этом накопительством, поэтому я гулял и наслаждался в гордом одиночестве — и меня это нисколько не смущало. Время от времени, гуляя на фонтане, я встречал Сашу Иванова, который уже получил социал и снимал квартиру в этом районе. Как-то раз одним осенним вечером, когда на улице моросил дождь, мы спонтанно встретились у фонтана, и Саша пригласил меня к себе в гости. Мы прошлись буквально две минуты, и подошли к невысоким апартаментам. Поднявшись наверх, я зашёл в очень оживлённую гостиную, в которой находились человек пять, не считая нас с Сашей. Я со всеми поздоровался и познакомился. Это были ребята примерно моего возраста, они живо общались между собой и шутили. Саша предложил мне присесть и сказал:

— Роби, бери всё, что видишь на столе, не стесняйся.

На столе стояли: три бутылки вина, кока-кола, спрайт, чипсы, фисташки и бутылок десять пива. Квартира состояла из двух просторных комнат — спальни и гостиной, а также маленькой кухни, в конце которой была дверь в уборную и душевая кабинка. В гостиной параллельно стояли два длинных дивана, а между ними идеально помещался книжный столик, который был сейчас заставлен всем тем, что я перечислил выше. В углу был маленький телевизор и видеомагнитофон. Такая себе студенческая квартирка. Пока все разговаривали, один парень напротив вытащил из кармана пакет с марихуаной и пачку папирос и стал забивать. Мы с Сашей сидели рядышком и пытались поговорить, что было практически невозможно сделать в таком шуме — перепалке голосов и громкой музыки.

— Роби, я сейчас отойду минут на десять, дождись меня, ОК? — громко сказал Саша.

Я кивнул. Саша пришёл, как и говорил, минут через десять, но не один, а со своей знакомой. Это была темнокожая молодая девушка из Африки, невысокого роста, стройного телосложения, двадцати двух лет, с очень умными, выразительными глазами, с ней была её подружка — симпатичная, молодая бельгийка

европейской внешности. Они, вероятно, уже знали всех присутствующих, поэтому чувствовали себя вполне уверенно и раскованно. Саша со своей девушкой сели возле меня. Он понимал, что я его гость, поэтому вёл себя очень гостеприимно и не обделял вниманием. Мне было приятно, конечно же, но необходимости в этом я не видел. В этой компании, кроме Саши и двух пришедших с ним девушек, не говорящих и не понимающих по-русски, я чувствовал себя дискомфортно, и это было вызвано тем, что круг собравшихся молодых парней составляли воры и мошенники, разговоры у них велись, конечно, соответствующие, это вызывало во мне неприязнь к тому, что в Европу они приехали только ради этого. Я посидел ещё минут пятнадцать, допил бутылку пива и сказал Саше, что мне уже пора; он предложил раскурить идущую по кругу папиросу, от чего я отказался, затем он что-то шепнул своей девушке на ухо и поднялся, чтобы меня проводить. Мы вышли на улицу, я с жадностью начал глотать свежий воздух, которого очень не хватало в накуренной квартире. Саша достал сигарету, закурил и сказал:

— Пошли, я тебя проведу к Пети Шато.

Идти было недолго. Он любил Пети Шато также, как и я, и при любом удобном случае приходил под его высокие, мистические стены.

— Хорошая у тебя девушка, Саша, умная и добрая, не пьёт, не курит, — сказал я ему.

— Да, так и есть, Роби! Я дорожу нашими отношениями. Она учится в университете на финансиста, — ответил он.

— Не хочу, Саня, тебя обидеть, но друзья у тебя не твоего ранга. Все легкомысленные — аферисты, мягко говоря, в глазах пустота, им бы только воровать и пропивать… Это не то что тебе нужно, не твой это контингент.

— Всё верно, Роби, я знаю. Но это мои друзья детства, мы всегда были вместе и ничего тут не поделаешь…

— Тебе решать, Саша, но со стороны очень заметно то, что и тебе самому с ними некомфортно, они тебя тянут вниз, а ты при этом теряешь свой фокус и свою индивидуальность, которой ни у кого из них нет! — он опустил глаза и слегка улыбнулся.

— Я сильно привязан к ним, Роби, но ты не переживай, всё будет хорошо, — подбодрил меня Александр и положил мне на плечо свою крепкую ладонь.

«Нет, не будет», — подумал я, прощаясь с Сашей у ворот Пети Шато.

Глава 12. Вымогатели и встреча со Стасом

Вечером мы стояли во дворе лагеря большой компанией и разговаривали, к нам подошёл один молодой паренёк лет двадцати, но так как он был маленьким и щупленьким, на вид ему можно было дать лет шестнадцать.

— Ребята, помогите! — сказал он жалобно.

— Что случилось? — спросил кто-то из нашей компании.

— Меня и моего друга заставляют воровать, угрожают нам, и не только нам, но и другим молодым ребятам… Одного уже сильно избили, он сейчас в госпитале.

Я уже немного знал этих молодых ребят. Они и вправду славились своими воровскими способностями. Этот паренёк, рассказал нам, что в лагерь недавно заселилась группа чеченцев из семи человек. Двое мужчин лет пятидесяти, а остальные пятеро были примерно мои одногодки. Вот они-то и заставляли молодёжь воровать и приносить им наворованное или деньги, вырученные с продажи ворованных вещей, либо просто вещи, которые они им заказывали заранее. Напрягали они в основном молодёжь от восемнадцати и до двадцати пяти, старше уже не трогали.

— Мы разберёмся, не переживай! — сказал опять кто-то из стоящих в нашей компании.

Паренёк поблагодарил всех и ушёл.

* * *

В лагере по громкоговорителю меня никогда не вызывали, до сегодняшнего утра. Это был выходной день, и я лежал у себя в кабинке после завтрака, листая тетрадку с французским, как вдруг услышал своё имя и фамилию. Я встал и пошёл на проходную — посмотреть, кто меня спрашивает. Подойдя ближе к воротам, я увидел Стаса, он был один, без Севы. Он был опрятно одет во всё новое: в светло-коричневом пальто и тёплых твидовых штанах, на ногах у него были новые осенние коричневые ботинки, а на голове — надета в крупную клетку кепка. Увидев меня, он широко улыбнулся; я подошёл к нему и мы обнялись.

— Прогуляемся? — предложил Стас.

— Дай мне пять минут, — сказал я, — схожу переоденусь, сменю свою «домашнюю пижаму» (спортивный, заношенный

костюм) на что-нибудь поприличней.

Стас кивнул и сказал:

— Хорошо, я буду здесь ждать.

* * *

Стояли уже последние дни осени, но ещё выпадали деньки, когда было сравнительно не холодно, а если ещё и выходило солнце, прогулка получалась вообще превосходной.

Вот и сейчас стояло солнечное, осеннее утро. Я вышел, и мы со Стасом пошли прогуляться по протоптанным уже нами местам, по дороге останавливаясь у знакомых баров, выпивая по стаканчику «Jupiler» и продолжая путь. Проделав большой круг, мы вернулись к нашему фонтану Анспа и сели на просиженную ранее нами же тремя скамейку. Всю дорогу, пока мы гуляли, Стас рассказывал, как они приехали и сдались в Швейцарии, как их устроили в шикарный лагерь, дали карманные деньги, как они также нелегально работали и временами подворовывали. Рассказывал, какая там красота и цивилизация по сравнению с Брюсселем…

— Почему Сева не приехал? — поинтересовался я.

Стас достал кусок гашиша и стал не спеша крошить и мешать его с табаком, при этом сказав:

— Несколько дней назад он уехал в Германию. Там, как оказалось, жил какой-то его дальний родственник. Они связались, и он позвал Севу к себе, сказал, что место на стройке всегда для него найдётся.

Стас закурил и передал мне, я редко соглашался, но сегодня решил поддержать компанию и сделал одну глубокую затяжку. Я никогда не был большим любителем одурманивающих средств, скорее, я был приверженцем трезвого и ясного состояния ума, но временами позволял себе и такое удовольствие.

— Это хорошо, что теперь у Севы будет стабильная работа, тем более что и родня там есть. Он всегда этого хотел. И я очень рад за него, — сказал Стас с грустинкой в голосе и резко пригнулся, как бы прячась за меня: — Тихо, Роби! Ничего не говори и не смотри по сторонам, пожалуйста.

— Что случилось, Стасян? — спросил я, а сам повернул голову, чтобы посмотреть, кто же так напугал его.

По дороге шли четверо чеченцев из Пети Шато, двое постарше шли впереди, а два парня помоложе — сзади, немного отставая от них. Подождав пока они пройдут, Стас выпрямился, но всё ещё с испуганным лицом сказал:

— Откуда они здесь?! Неделю назад я их видел в нашем лагере в Швейцарии!

— Они живут в Пети Шато, — сказал я, — заехали как раз дней семь назад, но уже успели навести шороху.

— Да?! И у вас тоже?! — удивился Стас.

— Да. Уже молодёжь в лагере на них жаловалась, — а что, и ты попал к ним в немилость? — спросил я, улыбаясь и хлопая его по плечу.

— Было дело… — произнёс Стас испуганным голосом, — они «оккупировали» весь наш лагерь, а всех ребят нашего возраста заставляли воровать. Нас с Севой они тоже заставляли и угрожали, так что несколько раз мы даже выполняли их заказы… что также послужило спусковым крючком для Севы и ускорило его переезд, — Стас нервно докуривал папиросу, а затем продолжил: — Ты знаешь, Роби, мы бы и не стали воровать для них, если бы не один случай, который произошёл в нашей комнате буквально на третий день после того, как мы заселились:

Я спал и услышал резкий крик. Затем тишина… Я проснулся и стал прислушиваться. Мне показалось, что кто-то кого-то душит. Он пытался кричать, но ему этого не позволяли сделать, я отчётливо слышал приглушённый крик. Через минуту услышал шаги, как несколько человек вышли из комнаты, я сразу встал и решил пойти посмотреть, что же произошло. В нашем лагере тоже были кабинки, только с двухъярусными кроватями, поэтому я сразу разбудил Севу, который спал наверху, и сказал, чтобы он шёл за мной. Мы подошли к соседней кабинке, возле которой уже стояло два человека, зайдя, мы увидели неприятную картину: на койке внизу лежал парень — весь белый и тяжело дышал, держась рукой за живот; белое одеяло сверху было в кровавых пятнах, ещё одна подушка, которой они по-видимому закрывали ему лицо, чтобы он громко не кричал, лежала на полу. Мы быстро побежали и позвали секьюрити, который сразу же вызвал скорую и полицию. Парень выжил, колотая рана оказалась неглубокой. Он нам потом рассказал, что это сделали молодые чеченцы, из-за того, что он просто отказывался воровать. Вот двоих из них, кто это сделал, я сейчас и увидел, — сказал Стас всё также взволнованно.

У него был очень испуганный вид.

— Не переживай, Стасян. Ты же видишь, они уже здесь, а не у вас. Поэтому можешь спать спокойно и больше не воровать, успокоил я его, улыбаясь и снова хлопая по плечу.

Но лицо у Стаса всё же застыло на мгновение в растерянной и слегка искривлённой улыбке.

Мы посидели ещё немного и он сказал, что ему пора идти на

поезд.

— Я провожу тебя.

— Спасибо, Роби, — поблагодарил он меня и мы пошли по направлению к вокзалу.

По дороге я ему рассказал за тётю Валю, которую Гоги всё же отвёл в «комиссариат» сдаваться, набросав с ней вместе какую-то легенду. Её определили в Пети Шато, где она познакомилась с другими женщинами и была под чутким присмотром социальных работников. Также, перестала пить спиртное, но принимает транквилизаторы, от чего выглядит умиротворённой и спокойной. Стас слушал меня и улыбался, а когда я закончил, он сказал:

— Пускай уж лучше так, под присмотром и с крышей над головой.

На перроне мы ещё раз вспомнили, как втроём выковыривали монеты из-под решетки и как звонили Кшиштофу. Перед тем, как он зашёл в вагон, мы попрощались, обнялись и после этого больше уже не виделись. Возвращаясь в лагерь, я всю дорогу думал про молодых, беспомощных, слабых и беззащитных ребят, которым никто не может помочь и которых просто использует эта шайка блатных и нищих чеченцев, и о невероятной наглости, которую они себе позволяют. С этими мыслями я и зашёл в лагерь. На улице вечерело, во дворе стояло несколько групп людей, среди которых стояли и чеченцы, те, которых я видел уже сегодня на фонтане. Я не спеша проходил мимо, направляясь к своей компании, которая стояла в другом конце двора. Как вдруг сзади, буквально за спиной, услышал наглый, неприятный голос:

— Эй ты, подожди. Я хочу поговорить с тобой.

Я остановился и повернулся. Передо мной стоял один из чеченцев. Это был высокий парень плотного телосложения, с густыми чёрными волосами и невероятно наглыми, сильно обкуренными глазами. Он подошёл ближе и протянул руку.

— Привет, — поздоровался он.

Я стоял, держа руки в карманах джинс, не собираясь их вытаскивать. Но пару слов мне бы хотелось ему сказать. Поэтому я стоял и ждал, что же он будет мне говорить.

— Я слышал, что ты не воруешь? — сказал он, неприятно ухмыляясь.

— Правильно слышал, — спокойно ответил я.

— Это был твой друг, который сегодня прятался возле фонтана, когда мы проходили?

— Да, мой друг, — ответил я уверенно.

— Он тебе, наверное, успел рассказать, как мы наказываем всех, кто не выполняет наши просьбы?

Я ничего не ответил, просто стоял и смотрел пристально ему

в глаза, ожидая последующих шагов.

— Я думаю, что тебе придется пересмотреть свои принципы и начать воровать, не то будет плохо. Понимаешь меня? — стал угрожать чеченец.

По-русски он говорил хорошо, с небольшим акцентом. Мне невероятно захотелось выключить его прямо здесь, поддев апперкотом с правой, даже несмотря на то, что метрах в трёх стояла его компашка, но так как вокруг было множество видеокамер, развешанных по всему двору, решил, что лучше я это сделаю в другом месте. Я посмотрел ему прямо в глаза и сказал довольно громко:

— Если ты ещё раз приблизишься ко мне на расстоянии вытянутой руки, я тебе её вырву вместе с позвоночником! Тебе это понятно?!

Делая такое основательное заявление, я знал, что воплотить его в реальность мне не составит особого труда. Так как матушка-природа не обделила меня силой с рождения, к тому же последние лет пять спортзал был моим вторым домом, там я тренировался, а также тренировал подрастающее поколение. Ухмылка сразу же сошла с его лица, он ничего не сказал, просто развернулся и ушёл. Я подошёл к своим и со всеми поздоровался. Там стояла хорошая компания: Дима Спецназ и Вова (они были не разлей вода), Юра К и Сергей ВДВ, Гоча и Фируз (два друга из Грузии, Абхазии), Петя Киевский и ещё несколько человек.

— Что он хотел? — спросил Юра К, — он мне совсем не нравится, — добавил он, скривив при этом лицо и сплюнув на брусчатку под ногами.

— Сказал, чтобы я пересмотрел свои взгляды и стал воровать, не то будет худо.

В этот момент все стоящие разразились непереводимой лексикой.

— И что ты ему ответил? — поинтересовался Вова.

— Сказал, чтобы он больше меня не тревожил, не то будет худо ему, — и рассказал всем историю, поведанную мне сегодня Стасом на фонтане.

После услышанного все оживились и стали возмущаться.

— Думаю, надо их присмирить! Что скажете? — спросил я всю компанию.

— Конечно! — первым отозвался Юра К.

Дима Спецназ, который обычно был на взводе, последние несколько дней был сам не свой, он решил не пить спиртные напитки какое-то время, и для этого прикладывал большие усилия.

Все остальные с одобрением отнеслись к моему

предложению.

— Сегодня ночью это и сделаем! — сказал Юра К с уверенностью, — так как если сейчас идти и пытаться с ними поговорить, мы ничего этим не добьёмся. Их нужно здорово напугать и наказать, конечно же.

Договорились собраться возле кабинки Юрия К в два часа ночи, выбрав это время оптимальным для нанесения визита. Без четверти два мы направились к нашим друзьям из южных регионов Кавказа, которые решили нас поддержать и уже ожидали в коридоре на своём этаже. Посовещавшись, мы решили не заходить к чеченским «старостам» и не разводить демагогию, а сразу идти и проучить молодых и горячих, которые самолично чинили беспредел. Я шёл первым с Юрием К и Димой, остальные шесть человек отставали на пару шагов. Подходя к комнате первого выбранного нами недруга, я заметил, что Дима стал ускоряться и сжиматься от напряжения. Атмосфера начала резко накаляться, какие-то ребята из нашей компании были очень решительно и агрессивно настроены, что меня, конечно же, настораживало и заставляло быть на чеку, во избежание серьёзных последствий. Мы зашли и разбудили первого и самого молодого из них, который при виде нас разрыдался, как маленький ребёнок, при этом подтянув одеяло к подбородку и моля о пощаде. Конечно же, после такого никто не захотел его трогать, но предупреждение ему было сделано. Оставив Петю Киевского в кабинке с первым, на тот случай, если он соберётся звонить остальным, мы направились ко второму, который проживал в соседней комнате, поэтому далеко идти не пришлось. Но здесь картина была не лучше, зайдя вторым после Димы, который вырвался вперёд и уже приготовился рвать и метать, я увидел своего старого знакомого, забившегося в угол кабинки и прячущегося за быльцем кровати, при этом смотрящего на нас огромными, красными, перепуганными глазами. По-видимому, уже ожидая нас, он предварительно поставил кровать под углом, как бы перегораживая нам путь противоположным быльцем, которое было придвинуто к занавеске. Дима не знал, что делать: сначала он нервно и всё ещё напряжённо мотал головой в недоумении, затем схватился за быльца кровати, поднял её высоко вверх и бросил обратно, создав этим громкий звук, от которого чеченец весь побелел от страха. Затем Дима просто рассмеялся и сказал:

— Они что, сговорились что ли? Где же ваша хвалёная смелость и достоинство?! — обратился он к чеченцу.

Тот молчал и ещё крепче схватился за быльце кровати.

— Если ещё раз кто-то из ваших потревожит наших ребят, мы

вас порвём на части. Это понятно?! — сказал Юра К с суровым и серьёзным лицом, подвинув Диму и пройдя немного вперёд.

— Понятно! — ответил из-за быльца кровати трусившийся от испуга чеченец.

— Я думаю, что обход остальных уже бессмысленен, — добавил Юрий К.

Мы развернулись и каждый направился восвояси. Не прошло и нескольких дней, как эта шайка-лейка покинула Пети Шато.

Глава 13. Аркадий и Валери

Прохаживаясь однажды по неизвестным ещё мне районам города, я, как обычно, забрёл очень далеко, и так как идти пешком назад не хотелось, я спустился на станцию в метро. Ко мне подошёл какой-то парень моих лет и попросил огня, прикурить. На что я отрицательно покачал головой, он присел рядом на скамейку и слово за слово, мы разговорились. Узнав в процессе разговора, что я говорю на русском языке, он рассказал, что работает в одном ресторане, хозяином которого является русский мужчина, которого зовут Аркадий. Сказал также, что если я хочу поработать в этом ресторане, то могу зайти и поговорить с Аркадием, он там каждый вечер. Я поблагодарил своего случайного знакомого и поспешил в подходящий поезд. По утрам я всё также работал маляром, а вечера были всегда свободные. Прикинув, что работа в ресторане — это всегда позднее время, решил пойти и попытать счастья, и заодно познакомиться с владельцем ресторана, ведь новые знакомства всегда сулили что-то новое.

В один из вечеров я вышел прогуляться и заодно поискать этот ресторан. Название ресторана я запомнил, район, где он находился, я немного знал, а вот само место расположения ресторана было не так просто найти, так как этот район чем-то напоминал лабиринт, состоявший из кафешек, баров и ресторанов. Искал я его долго, блуждая по узким, одинаковым каменным улицам, меняя рестораны и бары, название которых никак не совпадали с тем, что написал на обрывке газеты мой недавний знакомый. Потом, как выяснилось, я проходил мимо него много раз, но даже не мог и подумать, что это был ресторан. Названия снаружи не было. Совершенно случайно, стоя посреди улицы, я увидел людей, выходящих из дверей одного совсем не примечательного бара. Я подошёл и показал им обрывок газеты с названием ресторана, они незамедлительно указали на дверь, откуда сами только что вышли. Снаружи это был двухэтажный узкий дом, втиснутый между двух других домов. Фасад здания был обложен серым крупным камнем, на дорогу выходили два маленьких окна, в одном из которых горел неоновый бокал «Мартини». Я вошёл внутрь и очутился в очень тёмном коридоре, в конце которого горел приглушённый свет и гремела музыка. Пройдя коридор, я вошёл в большой, очень оживлённый зал, в углу которого расположились музыканты, очень громко играющие музыку в стиле «Калинка-Малинка». Посреди ресторана, на полу был выложен круглый каменный мангал, на вид напоминающий

колодец, больше метра в высоту: там на вертеле медленно крутился поросёнок, распространяя свои ароматы и вызывая аппетит у всех присутствующих. Весь пол — как в коридоре, так и в большом зале — был выложен брусчаткой, а сверху посыпан стружкой, стены из красного кирпича местами были замазаны кремовой штукатуркой, на них висели небольшие картины и черно-белые фотографии солдат разных эпох: гренадёры, гусары, казаки и т. п. Ресторан был до отказа заполнен людьми, все громко разговаривали и смеялись. Я направился к барной стойке. Подойдя, спросил у бармена, где мне найти Аркадия, на что он ответил, чтобы я подождал немного, он скоро придёт. Пока я сидел за барной стойкой и разглядывал присутствующих в зале, которые были определённо в кураже, громко разговаривая и даже крича, этим привлекая к себе внимание, временами вскакивая под ритм весёлой музыки и танцуя вокруг каменного камина с поросёнком, а также не забывая подпевать музыкантам, которые рьяно играли на своих инструментах, бармен поставил передо мной большую тарелку борща и пироги с капустой, а также пиалу со сметаной и графинчик водки (грамм 200). Я ел не спеша, развернувшись, наблюдая уже за работой бармена и всё также боковым зрением продолжая осматривать всё вокруг. Как только я доел и выпил, не прошло и минуты, как ко мне подошёл мужчина в чёрном длинном пальто. Он был высокого роста, сбитого телосложения, с немного обрюзгшим лицом и примерно недельной небритостью. Это был Аркадий. Он поздоровался, представился; узнав моё имя, сразу спросил, понравилась ли мне еда, на что я ответил, что очень. Он рассмеялся и похлопал меня по плечу. Потом сел рядом, закурил и сказал:

— Роберт. Давай только на чистоту. Кто тебя послал?

Я сначала не понял, вероятно, он принял меня за кого-то другого. Секунду погодя, я рассказал ему, как познакомился с его работником, который сообщил, что я могу прийти и узнать про работу — вот и всё! Аркадий даже как-то выдохнул с облегчением, не сдерживая радостной улыбки, и предложил ещё что-нибудь выпить или поесть. Я поблагодарил и отказался, так как был уже сыт и немного пьян. Аркадий потушил сигарету:

— Работников сейчас для кухни я не ищу, но могу узнать у знакомого, думаю, ему нужна рабочая сила, но у него строительный бизнес. Подходит тебе такой вариант?

Я прикинул, зная, что работа в лагере скоро закончится, и сказал:

— Почему бы и нет, я не против.

Аркадий тут же достал телефон и позвонил. Я слышал, что он расспрашивал про работу, говорил недолго на русском языке.

— Мой знакомый, он поляк, — сказал Аркадий, — перезвонит мне завтра.

Я его поблагодарил и уже собрался уходить, как он меня остановил и спросил:

— Послушай, Роберт, ты не спешишь?

— Нет, — ответил я.

— Сейчас мне нужно ехать, но сначала я хочу познакомить тебя с моей хорошей знакомой! Ты понимаешь, о чём я! — подмигнул мне Аркадий.

Находясь за барной стойкой ещё до прихода Аркадия и разглядывая местную публику, я уже успел осмотреться и догадывался, что знакомой Аркадия, скорее всего, является дама древнейшей профессии. Недалеко от барной стойки, как бы в углу, немного спрятанные от общего обозрения, стояли два небольших дивана, на которых сидели три женщины, пили коктейли и курили кальян. Аркадий позвал одну из них, крикнув громко: «Valeri!» и махнув рукой. Подошла женщина: крашеная блондинка лет сорока, невысокого роста, пышных форм, совершенно не симпатичная в моём понимании; на слегка побитом оспой лице было слишком много макияжа, а в её уже практически угасшем взгляде прослеживалась усталость от жизни и равнодушие.

— Это Валери, знакомьтесь! — сказал Аркадий и, со всеми распрощавшись, ушёл.

Валери была бельгийкой, по-русски она не говорила, но знала много слов. Я представился, а она неожиданно поцеловала меня в щёку, как они (бельгийцы) обычно это делают при встрече, и села рядом на высокий барный стул. Бармен сразу поставил перед нами выпивку, мне — рюмку водки, а Валери — какой-то коктейль. Я отказался от водки и попросил пива. После того, как мы выпили по несколько дринков, Валери сразу предложила поехать к ней домой, что мне совершенно не хотелось, но она настаивала и говорила, что утром мы поедем к Аркадию договариваться о работе для меня. Я нехотя согласился. Мы вышли из ресторана и, не пройдя и десяти шагов, сели в машину. Валери была изрядно выпившая, но ехала аккуратно. Ехали мы минут двадцать, остановились в хорошем районе возле больших, отдельно стоящих домов. Припарковались и пошли к дому с большим полукруглым, выпирающим наружу эркерным окном, где перед дверью стоял высокий, с виду старинный фонарь с тремя плафонами, который приглушённо горел янтарным светом. Пока я стоял в опьянённом состоянии и дыму эйфории, наслаждаясь местным колоритом, с неба в это время полетели первые неуверенные снежинки, падая на нагретые лампы фонаря

и сразу же тая от их тепла. Валери долго копалась в своей торбе (ища ключ), так как сумочкой этот мешок было назвать сложно. Так его и не найдя, она подошла к рядом стоящему вазону и достала из под него запасной ключ. Интерьер внутри дома был подобран со вкусом: на окнах висели красивые шторы, на полу лежали небольшие мягкие ковры, на стенах со светлыми обоями висело множество разных фотографий. Всё было обустроено в стиле прованс, что придавало дому особый уют. Валери принесла кальян и спросила:

— Ты не против, если кальян будет с марихуаной?

— Нет, не против, сказал я, и через несколько минут мы уже курили кальян и рассматривали фотографии, которые Валери сделала сама, когда была волонтёром в Армении.

Это были профессионально сделанные фотографии, в основном чёрно-белые. Горы — люди, люди — горы, и шашлыки… это всё, что было на фотографиях, не считая ещё нескольких красивых пейзажей. Разговаривали мы с Валери на французском, который я успел кое-как освоить, плюс английский. В общем диалог получался вполне сносный. Валери открыла бутылку виски и аккуратно по половинке налила в два хрустальных бокала. В свой бокал она добавила кока-колы, я же отказался смешивать благородный напиток. Вокруг горели свечи, она пыталась создать максимально романтическую обстановку и подсаживалась всё ближе и ближе. Я понимал, к чему эта романтика и к чему она клонит. Но как я не пытался разглядеть в ней привлекательную женщину, но увы. Меня сильно разморило и я захотел спать. Она предложила пойти к ней в спальню, от чего я любезно отказался и лёг на диване в другой комнате. Диван был короткий и неудобный, совсем не для моего роста, поэтому я больше промучился, чем отдохнул. На утро после всего выпитого и выкуренного, плюс к тому же бессонная ночь, не хотелось уже ничего, кроме как поехать «домой» в лагерь и выспаться как следует. Я встал, умылся и сел в большой просторной светлой кухне, налив себе стакан воды. Через несколько минут вышла Валери, на ходу поправляя и завязывая свой распахнутый халат. С утра… в халате… без макияжа и после вчерашнего… она выглядела ещё лет на десять старше. Я выдохнул с облегчением. «Уж лучше на неудобном диване», — подумал я.

Мы поздоровались, и она предложила пойти позавтракать в кафе, я одобрительно кивнул.

Кафе было в пешей доступности, в пяти минутах ходьбы от её дома. Там мы сидели долго, по-видимому, убивая время. Я выпил две чашки кофе с круассанами, а Валери целый час проговорила по телефону, стоя в стороне и куря одну за одной сигареты.

Закончив свою долгую беседу, она подошла и сказала, что сейчас поедем к Аркадию. Если ещё вчера в состоянии нирваны я пытался быть красноречивым и говорил на двух языках в «совершенстве», то сегодня я больше занимал позицию слушателя. Она сказала, что сначала мы заедем к Аркадию на работу, он, вероятно, уже там, а потом поднимемся к нему наверх и там всё обсудим. Я не придавал её словам абсолютно никакого значения. Состояние у меня было ужасное. Валери говорила, чтобы не молчать, и из вежливости, а я молча кивал, не думая о вежливости вообще, просто делая вид, что участвую в беседе. Мы припарковались возле стеклянного пятиэтажного, на вид офисного здания, внизу которого был автосалон. Мы зашли внутрь небольшого автосалона с раритетными автомобилями, отполированными до блеска. По нему ходили несколько человек и любовались шикарными авто. К нам сразу же подошёл Аркадий и радостно поприветствовал своим басом. Аркадий попросил нас подняться и подождать его наверху, при этом дав Валери маленький ключ. В дальнем углу салона был лифт, мы зашли в него и Валери, вставив ключ, нажала верхнюю кнопку. Лифт плавно набирал высоту. Через несколько секунд дверь открылась и мы шагнули в большие светлые апартаменты с огромными открытыми окнами, наполненными утренним солнцем. Это был последний этаж здания (Пентхаус). Как только мы с Валери вышли из лифта, то сразу оказались в большой кухне с барной стойкоё и столовой. Валери чувствовала себя там, как дома. Она сразу открыла большой холодильник, размером с мою кабинку в лагере, и, достав оттуда канистру апельсинового сока, налила два стакана. Я поинтересовался, где здесь туалет, Валери объяснила, как к нему пройти. Я шёл и всё рассматривал… Апартаменты были обставлены в стиле модерн; и те же столики, тумбочки и вазы были невероятно дорогими и качественными. В вазах стояли живые цветы, аромат которых благоухал повсюду, на стенах висели черно-белые фотографии одного и того же человека (мужчины) в разнообразной верхней одежде, а также нижнем белье. Я шёл, проходя разные комнаты и вспоминая, куда поворачивать; дверей нигде не было, поэтому случайно повернул, по-видимому, не туда, оказавшись в большой светлой спальне с огромной кроватью, покрытой белоснежным бельём, на котором лежал голый молодой парень (мулат). При виде меня он прикрылся простыней, улыбнулся и поздоровался, я поздоровался в ответ и сказал, что заблудился, ища туалет. Он встал, прикрылся той же белоснежной простыней и провёл меня к ванной комнате. Это был парень лет двадцати восьми, высокий, красивый, атлетического телосложения мулат. Я сразу узнал его

по фотографиям на стенах. Находясь несколько минут в огромной ванной комнате, я догадался об ориентации Аркадия, что, конечно же, меня смутило. «Как же так… Большой! Крепкий! Бородатый сибиряк (Аркадий и вправду был из Сибири), и вот так. Ну, а с другой стороны… Ведь Бог, как говорится, создал человека по подобию своему… Поэтому не мне их судить».

Выйдя из ванной, я пошёл обратно, но уже разыскивая кухню. Когда я пришёл, они стояли и живо беседовали с Валери. Увидев меня, он сразу представился:

— Торел.

— Роберт, — сказал я.

Он, по-видимому, уже успел рассказать Валери о нашей встрече. Лифт открылся и зашёл Аркадий. Он сразу подошёл и бесцеремонно поцеловал в губы Торела, а потом и Валери.

— Тебя я целовать не буду, — сказал он своим низким голосом.

— Не надо! — отшутился я в ответ таким же басом, что, конечно же, вызвало у всех улыбку.

— Сейчас придёт мой знакомый и ты с ним поговоришь про работу. ОК? — спросил Аркадий.

— Хорошо, — согласился я.

Пока мы ждали, Валери достала карты Таро и спросила меня:

— Хочешь погадаю?

— Погадай.

Она помешала карты, разложила их веером на столе и сказала:

— Вытяни три любые.

Я стал вытягивать и переворачивать одну за другой. На первой карте были изображены череп и кости, я вытянул вторую карту — тоже череп и кости. Валери переглянулась с Торелом, Аркадий сидел и молча смотрел, чем же это закончится. Я вытянул третью карту и медленно перевернул её — очередной череп с костями! Валери замерла, Торел сделал большие глаза, Аркадий в это время достал папиросную бумагу и стал забивать ее марихуаной и табаком. «Такая себе мизансцена», — подумал я, улыбаясь.

— И что это значит? — спросил я Валери.

Она опомнилась через мгновенье и сказала:

— Эти три одинаковые карты… говорят, что всего в жизни ты будешь добиваться сам! Даже порой не принимая предлагаемую помощь. Будешь идти смело и уверенно!

— Так что здесь плохого… к чему такая драма?! — улыбаясь, возмутился я.

Валери выдавила улыбку и сказала:

— Три такие карты подряд… У меня такое впервые.

Через минуту зашёл их польский друг Лешек. Маленький толстый мужчина в кепке и кожаной куртке. Выглядел он, как советский прораб на стройке. Не раздеваясь, он зашёл, со всеми поздоровался и вскарабкался на высокий стул. Я сразу спросил у него про работу, на что он ответил, что пока не знает и точно ничего сказать не может, так как был в отпуске целый месяц, но сказал, что узнает у своего менеджера на днях, при этом записав номер моей мобилки. Лешек неплохо говорил по-русски. Аркадий предложил всем желающим раскурить папиросу, а после пригласил всех в итальянский ресторан, сказав при этом:

— Так, ребята, программа на сегодня на этом не окончена. У меня есть билеты на концерт Бетховена, так что встречаемся сегодня в шесть вечера возле концертного зала «Bozar». Всем подходит?

— Я пасс, буду занят, — сказал Лешек.

— Роберт, ты пойдёшь с нами? — спросил Аркадий.

С одной стороны, мне очень хотелось пойти, ну, а с другой — мне бы не хотелось, чтобы Валери опять наседала на меня, да и вообще, эта компашка была не по мне. Но тем не менее упустить такую возможность мне бы не хотелось; я согласился.

— У тебя есть ещё какая-то одежда, кроме этих джинс? — спросил, улыбаясь, Аркадий.

Я отрицательно помахал головой.

— Торел, найди, пожалуйста Роберту что-нибудь приличное на вечер, — обратился к Торелу Аркадий.

Торел вежливо согласился и попросил меня пройти за ним. Пока мы шли, Торел рассказал, что он рекламирует как нижнее, так и верхнее бельё, для таких брендов как Armani, Gucci, Prada. Мы зашли в небольшую комнату, где ничего не было, кроме небольшого диванчика посреди комнаты, а под стеной, слившись с ней воедино, стоял п-образный современный шкаф-купе.

— В правом отсеке у меня вещи, которые я ни разу не надевал. Можешь выбрать себе всё, что пожелаешь, — сказал Торел и вышел.

Подобрать хорошую вещь было несложно, вкус у Торела оказался классический, да и размер у нас совпадал. Я выбрал чёрные классические брюки и темно-синюю рубашку. Через несколько минут зашёл Торел и спросил, улыбаясь:

— Выбрал?

— Да, — ответил я.

— Хорошо.

Он открыл небольшой ящик и, достав оттуда мужскую туалетную воду Giorgio Armani, протянул мне.

— Роберт, все вещи, что ты выбрал, можешь оставить себе, я их всё равно не ношу. Это тебе маленький подарок от меня, — добродушно улыбался Торел.

Вещи были новые, дорогие и хорошие.

— Merci beaucoup, — поблагодарил я его.

Мы вышли на улицу. Аркадий сказал, что поедет вдвоём с Торе-лом на его чёрном двухместном раритетном Шевроле, мы же поехали с Валери на её маленьком, уже не новом Пежо. В ресторане я заказал себе спагетти болоньезе и бокал пива «Квок». После того, как все пообедали, Аркадий попросил Валери, чтобы она отвезла меня в лагерь, она любезно согласилась. По дороге Валери объяснила мне, где находится концертный зал «Bozar», это оказалось в самом центре Брюсселя. Подъехав к лагерю, мы попрощались, я вежливо поблагодарил её за всё и поспешил к себе отсыпаться, ведь до концерта оставалось не больше четырёх часов.

* * *

Весь последующий день я отсыпался, а после — вспоминал концерт, на котором, как и прежде, растворился в льющиеся в унисон звуки скрипок, фаготов и виолончелей. После обеда позвонил Лешек и сказал, что работа по строительству имеется, но есть одно но. Он начал говорить как-то неразборчиво, ходить вокруг да около… я ждал, пока он соберётся с мыслями и скажет всё внятно.

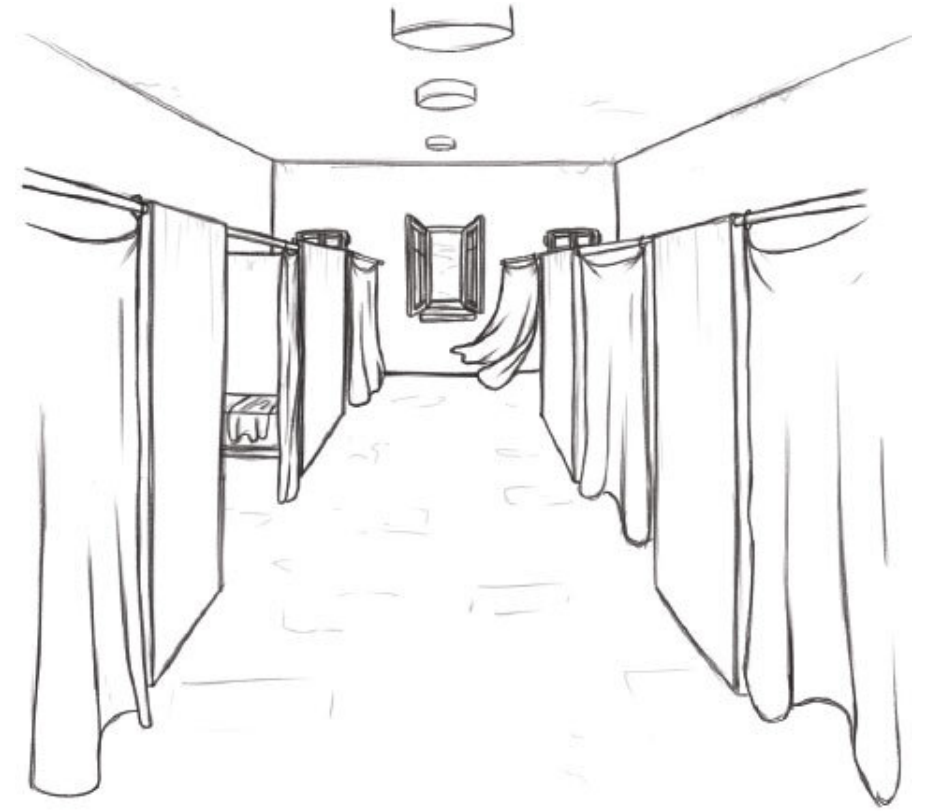
— В общем… Валери хочет, чтобы ты с ней пожил какое-то время. Ты понимаешь, о чём я? Она сказала, что если хочешь, можешь не работать, она все расходы берёт на себя. А если хочешь, можешь работать. Как сам пожелаешь. Так что, если ты согласен на её условия, тогда я могу помочь с работой, если же не согласен, тогда извини.

Лешек закончил и выдохнул. Ему и самому, как человеку из страны, близкой к нам по менталитету, говорить всё это было неприятно, что, конечно, прослеживалось в его тоне.

Недолго думая, я отказался.

Глава 14. Яврюха и Ватруха

За последний месяц контингент в нашей комнате менялся, как погода в Ирландии. Приходили и уходили: африканцы, румыны, арабы, жители Косово и Албании, а также другие национальности. Только люди из постсоветских стран задерживались в большинстве своём. Многих, кого я знал из них, рассказывали, что приезжали на короткий период времени: посмотреть, поработать и обратно. Но впоследствии почти все оставались. Почему?! Да потому что, даже не выходя из лагеря, можно было окунутся в атмосферу добра и дружелюбия, лояльности, внимания и понимания, со стороны абсолютно всех работников Пети Шато — начиная от охранников и до поваров, от уборщиков и до социальных работников. Все обладали простыми человеческими качествами. К тому же, если ещё брать во внимание все прикрасы Бельгии, уезжать не хотелось — тем более в Совок! Все мои сожители, кого я знал изначально, кто проживал в комнате с момента моего заселения, все канули в лету. Порой, зайдя в пустую комнату с распахнутым окном, оставив за собой открытую дверь, стоя посреди коридора, я наблюдал, как сквозняк гуляет по комнате и все шторы реют, как флаги, обнажая пустые кабинки, в которых не так давно находились хорошо знакомые мне люди. Смотря на всё это, у меня складывалось такое впечатление, будто бы я стою на пустой автобусной остановке, где люди приходят и уходят, приезжают и уезжают. Поначалу становилось грустно, но впоследствии я заметил, что начинаю к этому чувству привыкать. Просто так в жизни и получается, когда что-то происходит в первый раз, это чувство как бы волнует, будоражит. Когда же это происходит ещё и ещё, тогда это чувство притупляется и больше не вызывает особых эмоций.



На днях к нам в комнату заселили двух мужчин из Армении, уже немолодых. Одного звали Вартан, он был высокого роста, крупного телосложения, жгучий брюнет лет сорока пяти, очень харизматичный и темпераментный. Одевался Вартан, можно сказать, по-современному, как для человека, приехавшего только что из Армении, по европейским же меркам его «наряд», состоящий из спортивного костюма, классических итальянских чёрных туфель с острым носком, длинного кожаного плаща с подплечниками, который доставал до пят, вызывал если не удивление, то умиление. На маленьких и толстых пальцах сверкали золотые перстни. Он всегда очень важно ходил по лагерю, изображая местного авторитета. Хотя сам по себе Вартан был очень добродушным, весёлым, хлебосольным, бесконфликтным человеком. Чтобы вывести его из себя, нужно было постараться. Второго звали Арсен, он был лет на шесть старше Вартана, седовласый, ничем не примечательный низенький мужичок. Также вместе с ними заселили молодого парня моего возраста, точно сказать, откуда он был родом, очень сложно, так как он никогда не говорил об этом, а на прямые вопросы всегда отшучивался. Он был высокий, худощавый,

кудрявые рыжие волосы на голове были не стрижены и возвышались пышной шевелюрой, губы были искривлены, маленькие, хитрые глаза треугольной формы смотрели всегда с издёвкой, кончик носа был большим, как у клоуна, и немного вздёрнут кверху. Его звали Алексей или Лёха. Так он всем представлялся.

Так как их привели и поселили в одной комнате всех троих вместе, то по пути они уже успели немного узнать друг друга. Поэтому, когда я вошёл в комнату и стал со всеми знакомиться, то заметил, что они уже свободно коммуницировали между собой. Вартан был прямолинейным армянином, всегда говорил, что думал. Арсен же всегда ходил вокруг да около., всегда держался своего круга и возраста соплеменников, чего не скажешь о Вартане. Он был очень мультинациональным человеком. Его часто можно было встретить в разных кругах. Вартан хорошо говорил по-английски, благодаря роду своей деятельности, которая была связана с постоянными переездами, как он сам поведал об этом позже; основным местом его поездок были Арабские Эмираты. По-русски Арсен говорил с сильным армянским акцентом, Вартан тоже, но может чуточку с меньшим. Ну, а насчёт Лёхи, так это была отдельная тема. Он всегда был загадкой. Никогда не знаешь на самом деле, говорит он правду или врёт. Порой это раздражало, особенно Вартана. Частенько было слышно в комнате из кабинки после долгого тихого разговора, как Вартан громко кричал на Лёху:

— Хватит врать! Ты можешь быть хоть чуточку серьёзней!

На что Лёха всё время смеялся и отшучивался. Вартана это ещё больше злило, и он кричал гневно:

— Пошёл вон! Больше не буду с тобой ни о чем говорить.

Через несколько дней, когда Лёха стал приносить в лагерь много разных не новых вещей, выяснилось, а точнее Вартан выяснил, что у Лёхи есть какой-то документ, пластиковая карточка с фотографией, подтверждающая его этническую принадлежность к евреям (или псевдо евреям, точно никто не знал), с ней он ходил по каким-то лавкам, где обслуживали только евреев, и бесплатно, набирал там много всякого шмотья, которое впоследствии раздавал или выбрасывал, но при этом оставляя себе более-менее приличные вещи. Это так смешило Вартана, что он всё время говорил:

— Эх, Яврей ты, Рыжий Яврей.

Поэтому сразу дал ему прозвище Яврюха! Лёха был парень «палец в рот не клади», поэтому в отместку придумал прозвище Вартану — прозвал его Ватруха. Так и получалось, что на сегодняшний день у нас в комнате проживали: Я, Петя Киевский,

Арсен и Яврюха с Ватрухой, и ещё несколько человек из дальнего зарубежья. Меня Вартан также не обошёл стороной. Кто-то в лагере рассказал ему про случай в телевизионке, где мне пришлось помахать ручкой от стула. Встретив как-то меня в комнате, он спросил:

— Ну как дела, Брюса? — при этом сильно рассмеявшись.

Я смотрел на него в недоумении.

— Что ты так смотришь? Мне рассказали, как ты в телевизионке ручкой от стула жонглировал. Прям как Брюс Ли с нунчаками! — весь трясясь от смеха, говорил Вартан с сильным армянским акцентом, что также непроизвольно вызывало улыбку.

После этого некоторые мои знакомые, как бы подшучивая, меня так и называли — Брюса. На что я не обижался.

Гуляя как-то с Лёхой по ночному Брюсселю, я поинтересовался, откуда у него такой хороший французский. Так как за последние несколько дней я слышал, как он легко и свободно общался с работниками лагеря, да и не только. Он рассказал, что последние два года провёл во французской тюрьме, и там, соответственно, хорошо выучил французский, так как делать было больше нечего, кроме как учить и практиковать язык. Также Лёха рассказывал, что он детдомовский и приехал нелегально в Европу в возрасте восемнадцати лет. Так и получалось, что уже четыре года он колесил по Европе, вот только два из них провёл в местах не столь отдалённых.

* * *

Несколько вечеров подряд мы гуляли втроём — я, Лёха и Петя Киевский, который всегда был тут как тут, любитель новых знакомств и халявы, которая обычно предвещалась наряду с новыми знакомствами. В лагере была традиция (конечно же, все эти традиции поддерживались только в русскоязычных кругах) — вновь прибывший всегда выставляется, но не всем жителям комнаты, куда его селят, а только тем, с кем он рассчитывает общаться и поддерживать отношения в будущем, в противном же случае, если поселенец не ищет никаких общений, то и выставляться, соответственно, некому. Все, кто лавирует между лагерями и странами, знают эту традицию. Яврюха, был не исключением и знал об этом. Поэтому в один из дней он просто-напросто принёс полный рюкзак спиртного, позаимствованного в магазине, и сразу направился в кабинку к Вартану.

— Вот от меня бухло, думаю, на всех хватит, распоряжайся им, как посчитаешь нужным. Я в этой попойке принимать участия

не буду, — сказал Яврюха, развернулся и вышел из комнаты.

Этим же вечером Вартан угощал не только нашу комнату Лёхиным пойлом, но и ещё две соседние.

Каждые наши посиделки с Петей Киевским, Лёхой и мной, соответственно, не приносили ни Лёхе, ни мне особого удовольствия, так как у Пети и копейку днём с огнём не сыщешь, не говоря уже о том, чтобы провести вечер в приличном, приятном для глаза месте. Поэтому мы частенько пытались избавиться от Пети, который, как липучка, приставал и ходил за нами по пятам, а когда разговор заходил о том, чтобы купить что-нибудь на троих, Петя залезал в карман, выковыривая оттуда копейки, при этом делал кислое лицо и говорил:

— Это всё, что есть!

Лёха же был справедлив в плане расточительства, к тому же он, как и я, предпочитал выпить немного, но в красивом эстетичном месте. Мы могли с ним сесть в дорогом ресторане на террасе, на площади Гранд Плас, и пить дорогое пиво под музыку Шопена и Бетховена, наблюдая при этом за световым шоу. Он не любил скупиться, особенно если видел, что и его собеседник тоже тратится и не сожалеет об этом. Практически всегда во время наших прогулок по Брюсселю Яврюха совмещал приятное с полезным и заходил в несколько ресторанов подряд, узнавая не нужен ли им работник. Он был готов на любую работу. Чувствовалось, что деньги ему уж очень были нужны в этот период. Время от времени Лёха подворовывал, но вором его сложно было назвать. Он не ходил и не воровал на постоянной основе, как многие в лагере, и это не было его основным заработком, второстепенным — да.

Он мог взять то, что плохо лежит, и то, что никем не охраняется. Также он мог зайти в магазин, обязательно фирменный и дорогой, и переобуться или переодеться, оставив при этом свои старые, в меру заношенные вещи в магазине. Другими словами, у Лёхи не было правил, не было рамок приличия, и совести, скажем так, тоже не было. Такому человеку легко живётся, если, конечно, не брать во внимание его амбиции. Идеи и планы у него были Наполеоновские, только непродуманные до конца. Отчего он и страдал. Он был генератором идей, которыми порой делился со мной, и с нетерпением ждал моего одобрения или опровержения. В основном все его идеи носили криминальный характер, но не критический. Во многих из своих афёр, которые приходили ему в голову, ему нужно было несколько человек, и Яврюха первым делом обращался ко мне, ища поддержки и моего участия. Но что не моё — то не моё. Я всегда умел сказать «нет» там, где нужно.

Одним словом, мы с ним подружились. Он с полуслова понимал меня, а я его.

Такого свободолюбия, интереса к жизни и независимости я ещё не встречал! Лёха очень хорошо знал всю систему Европы: знал, как они пошагово принимают решения, как они реагируют на нарушения закона; знал, что сказать и чего не говорить. Знал все уловки и абсолютно всё о Женевской конвенции и законах о беженцах. Он знал всё о человеческих правах в Европе, что нам положено, а что — нет. Лёха был очень любознательным, быстро учился всему новому и также быстро въезжал в любую тему, и если его что-то интересовало, он всегда задавал правильные вопросы, выпытывая всё до последнего.

К тому же его проницательности можно было позавидовать: он смотрел своими маленькими хитрыми глазками прямо в глаза, при этом быстро фильтруя ситуацию, определяя, с кем и как нужно разговаривать. Он был абсолютно бесконфликтным человеком, если и назревала напряжённая обстановка, он всегда умел обойти её или свести на нет. Время от времени он приносил в лагерь на продажу дорогие, хорошие вещи: часы, кулончики, браслеты, зажигалки, швейцарские ножи. Иногда я брал у него какую-то вещицу и относил к Аркадию в ресторан, она уходила на «ура», люди там знали толк и цену хорошим вещам. Ну и я, соответственно, немного зарабатывал на этом. Лёха говорил, что надолго в Брюсселе не задержится, а также, что во Франции его разыскивают как власти, так и местные бандиты — за какое-то совместное дело, которое они с бандитами провернули, но, по его словам, потом те же бандиты и сдали его властям. Лёха никогда не рассказывал об этом деле до конца. Но очень просил меня незамедлительно с ним связаться, если его имя и фамилию будут называть по громкоговорителю (так всегда делали секьюрити у ворот в Пети Шато, если приходили друзья или недруги и просили позвать к выходу), а его в это время не будет в лагере, или он попросту не услышит (у него были небольшие проблемы со слухом). Однажды, когда мы сидели вдвоём на фонтане и пили пиво, он приблизился практически вплотную и, смотря пристально мне в глаза, сказал:

— Брюса (он меня всегда так называл)! Я всё время смотрю тебе в глаза и не могу понять, у меня такое впечатление, что ты всё время под кайфом?!

Я усмехался и говорил ему в ответ:

— Так и есть, Лёха. Так и есть…

— Ты же знаешь, Брюса, что я за четыре года своих бомжеваний повидал много разного люда и вот хочу тебе сказать, что самые отпетые наркоманы имели именно такой взгляд, как у

тебя. Ты точно ничего не принимаешь?

— Принимаю, Лёха, принимаю, Вселенские ванны я принимаю, — отвечал я, широко улыбаясь и щуря глаза.

— Дурак ты, Брюса, — говорил он, и мы хохотали от нелепости.

Глава 15. Операция «Писающий мальчик»

Вечером я лежал у себя и читал. Моя работа маляром по истечению трёх месяцев пришла к своему завершению. На канале зимой людей было мало, равно как и работы. Яврюха всегда входил без стука, как и в этот раз, он зашёл, при этом резко отдернув занавеску.

— Брюса! — чётко проговорил он, — есть дело!

Говорил он всегда громко, резко и выразительно.

— Опять очередная афёра? — спросил я спокойно.

— Не совсем, скорее, плёвое дело.

— Петька! — крикнул он громко, — хватит уши греть, иди сюда.

Петя подошёл, делая такой вид, что ему неинтересно, хотя у самого глаза горели от радости.

— Яврюха, — сказал Петя, делая серьёзный вид, — что у тебя за дело?

— Короче, слушайте сюда: гулял я сегодня в центре и видел большую группу американских туристов, вывалившихся из автобуса, — говорил он взбудоражденно, временами употребляя жаргон, — они подвалили до статуи писающего мальчика и завалили тот маленький бассейн под ним кучей мелочи! Сечёте?! — сказал Яврюха и посмотрел на нас.

— Нормальная тема! — согласился я.

— Я тоже поддержу, давайте подождём до полуночи, чтобы людей поменьше было, и пойдём всё выгребем, — предложил Петя Киевский.

— Главное, успеть, чтобы Городовые всё не выгребли до нас, — сказал взволнованно Яврюха.

Мы подождали, и ровно в двенадцать вышли на «охоту». Место, где располагалась статуя писающего мальчика, было очень людным и освещённым. Только поздней ночью там практически никого не было. Но так как это была суббота, мы знали, что люди будут гулять круглую ночь вплоть до самого утра, а ждать ещё сутки мы не хотели. По дороге мы шли и обговаривали план действия, решив действовать так:

— Я, — сказал Яврюха, — буду стоять на стрёме, а ты, Брюса, как спортсмен, и Петя, тоже как спортсмен, — шутливо говорил он, — перелезете через ограду (которая была примерно 1 м 80 см). Петя, Брюса тебе поможет, не переживай, и выловите всё, что сможете. Если что-то пойдёт не так, я буду свистеть! — сказал Яврюха, глядя на нас и ожидая реакции.

Яврюха, если дело касалось спорта, был неуклюжим, такой мог споткнуться на ровном месте и ногу сломать. Я махнул одобряюще. Петя тоже был за. Вероятно, он просто хотел побольше мелочи наскрести. Хотя договор был таков: всё пополам. Мы подошли к статуе писающего мальчика и проверили мраморную чашу под ней. На дне лежало очень много мелочи, как никогда раньше. Но пришлось ещё немного погулять, так как было слишком людно. Расположение статуи писающего мальчика было очень неудобное для нашего плана, по одной простой причине — это было пересечением четырёх дорог, по которым ходили люди и изредка проезжали машины. Мы прошлись на площадь Гран-Плас, погуляли там какое-то время и вернулись обратно, людей было уже гораздо меньше, но всё же были.

— Нужно выбрать момент, когда пятачок опустеет, быстро сделаем дело, это займёт всего лишь несколько минут, — сказал я и посмотрел по сторонам на расходящихся людей.

Пока я отвлёкся и смотрел по сторонам, сбоку, практически

мне в ухо, Яврюха неожиданно крикнул:

— Давай! Никого нет! — крикнул он и встал посредине, чтобы все дороги попадали в поле его зрения.

Я подсадил Петю и ловко перепрыгнул за ним следом.

— Быстрей! Быстрей! — кричал Яврюха.

На улице было уже холодно, зима как никак. Я закатал рукав куртки и засунул руку. Глубина в этой мраморной чаше оказалась гораздо больше, чем виделось со стороны. Поэтому Петя, с его метр шестьдесят, практически нырял в своей Аляске в эту ледяную воду. Мне тоже пришлось обмочить рукав куртки и кофты под ней, которые я закатал аж до самого плеча.

— Полиция! Валим! — закричал громко Яврюха и мгновенно пропал из поля зрения.

Всё было очень быстро, за этот короткий промежуток времени, я успел вытянуть только три пригоршни мелочи. Я быстро подсадил Петю и прыгнул следом. Не успев ступить и двух шагов, как из-за поворота выехала полицейская машина и направилась в нашем направлении. Дорога была узкая, свернуть было некуда, полицейская машина подъехала к нам сбоку практически вплотную, при этом двигаясь с нами с одной скоростью. Мы шли спокойно, как ни в чём не бывало. Я видел боковым зрением, как медленно опускалось стекло в машине, и в этот же момент, когда я поправил рукав куртки (это была рука, прямо напротив которой открылось стекло машины), из него начала капать вода, а у Пети, идущего рядом, просто побежал ручей. Двое полицейских, по-видимому, сначала хотели что-то спросить, но когда увидели эту картину двух идущих «водопадов», сдержанно улыбнулись, глядя на нас, и, надавив на газ, машина быстро прошуршала по каменной мостовой, скрывшись за первым же поворотом. Яврюха сразу же вынырнул из-за угла, громко смеясь и держась от смеха за живот. Мы с Петей тоже расхохотались. Мы прошлись ещё немного вперёд и сели на ступеньках возле музея, чтобы подсчитать наш улов. Среди мелочи была валюта практически всех стран мира.

Прекрасно зная местный курс, мы сразу перевели при подсчёте.

— Двадцать пять долларов, — сказал я.

— Шестнадцать, — сказал Петя.

Лёха стоял и продолжал смеяться, сказав при этом:

— Меня в счёт не берите, мне ничего не надо! Я и без того получил массу удовольствия. Купите мне только банку пива.

Мы направились в лагерь, где на входе нас уже поджидал Ватруха, который подслушал из своей кабинки о нашей афёре и не мог пропустить её тотального завершения без допроса.

* * *

До Рождества оставались считанные дни. Я время от времени захаживал в переговорку, чтобы поговорить с родителями, и заодно звонил тренеру напомнить ему про свои вещи, про которые он, по-видимому, сразу же забывал, как только вешал трубку. Но на этот раз, не успев поздороваться, он сказал:

— Роберт, я всё помню! Выезжаю завтра, жди меня к двум часам дня, как подъеду, перезвоню.

На следующий день мы встретились. Тренер приехал не один, а вместе с Алексом. Припарковавшись прямо на дороге под стенами Пети Шато, включив аварийку, они стояли и ждали меня. Я в это время стоял на канале, ожидая знакомую машину. В кармане зазвонил телефон:

— Роби, мы уже здесь, возле ворот Пети Шато, — быстро сказал тренер и отключился.

Он не любил долго разговаривать по телефону. Я подошёл и сел в машину, которая была уже другой марки. Тренер, как всегда, сидел и улыбался. Поздоровавшись, я сказал:

— Давайте сходим в бар? Посидим, выпьем пива, поговорим.

Мне и в самом деле очень хотелось рассказать тренеру обо всём, что происходило со мной за это время. Поделиться чувствами, переживаниями, а также спросить дельные советы.

Но ему, видимо, это было неинтересно.

— Не сегодня, Роби, — сказал тренер спокойным, но задорным тоном, — куча дел ещё.

У него всегда была куча дел, и я это знал. Мы немного поговорили, тренер вышел из машины, достал из багажника мою спортивную сумку и вручил мне.

— У Вас оставались мои двести долларов! — сказал я. И зная, что его дети увлекаются баскетболом, добавил: — Купите своим сыновьям новые баскетбольные кроссовки.

— Хорошо, Роби, спасибо, — сказал тренер, улыбнулся, похлопал меня по плечу и сел в машину, — будь на связи, не пропадай, — добавил он и уехал.

Мои долгожданные вещи! Наконец-то! Я обрадовался и поспешил обратно в свою комнатушку. Открыв сумку, я достал свои новые кожаные кроссовки, бордовые, лаковые итальянские туфли, джинсы, пару маек и носков, и мой любимый бритвенный станок, который подарил мне отец перед поездкой за кордон. Но в сумке находилось ещё кое-что, из-за чего я ждал её с нетерпением, — это была аудиокассета с записями Pink Floyd (David Gilmour) «The Dark Side of the Moon». Эта музыка у меня всегда ассоциировалась с душевным равновесием и покоем, она

могла успокоить и упорядочить хаотичность мыслей. К тому же на днях сосед по комнате перед своим отъездом в Англию подарил мне на память кассетный аудиоплеер и, как оказалось, очень кстати!

Глава 16. Рождество в Амстердаме. Новый год и прощание с Яврюхой

К рождеству уже готовилась вся Европа. Все улицы были украшены: в парках и скверах по вечерам на голых деревьях горели разноцветные огоньки, стояли нарядные, разукрашенные большими игрушками и гирляндами ёлки. Повсюду уже царила атмосфера семейного праздника и умиротворения. В лагере на ужин уже несколько дней подряд давали индейку под соусом и разные десерты. Я сидел и ужинал в уже привычной мне компании: Вовы с Димой, Юры К и Сергея ВДВ, Пети Киевского и Яврюхи. Яврюха сидел по другую сторону стола. Когда он доел, сразу же подсел ко мне и сказал:

— Брюса, а ты знал, что на Рождество два дня в году можно перемещаться по всей Европе бесплатно?

— Нет, не знал, — сказал я, — любую страну можно поехать и на любом транспорте? — уточнил я у него.

— Абсолютно! — сказал Лёха, улыбаясь, — кроме самолёта, конечно.

— Врёшь, как обычно, — сказал я, не придавая особого значения его словам.

— Да нет! Клянусь! — ещё больше смеясь, сказал он.

— Предлагаю смотаться в Амстер (Амстердам), потусим там целый день, а вечером обратно.

— Я тоже поеду! — послышался голос Пети Киевского, сидевшего по другую руку от меня.

— А бабло у тебя есть на пиво? — спросил его Яврюха и посмотрел, ухмыляясь.

— На пару кружек будет, — сказал Петя недовольным голосом.

— Раз можно покататься бесплатно, отчего же не воспользоваться! — сказал я и спросил, — когда выезжаем?

— Завтра в восемь утра поезд, я знаю расписание, — ответил Лёха.

Вышли мы из лагеря рано, часы показывали семь часов утра. На улице было ещё темно и прохладно, стоял не густой туман. В это время года в большинстве постсоветских стран обычно уже очень холодно и снежно, но здесь, в Бельгии, зима оказалась не очень холодной, но дождливой. Дождь шёл очень часто, в основном он был мелким и моросящим. Сильных осадков в виде снега на протяжении зимы я не наблюдал, снег если изредка и выпадал, то быстро таял. Этот климат позволял не напяливать на

себя кучу тёплой верхней одежды. Что мне очень даже нравилось. Одежда, которую носили люди, была больше осенней, чем зимней. Здесь круглый год можно было ходить в кроссовках или туфлях и не переживать, что замерзнут ноги от морозов или промокнут от обильных осадков. Мы пришли на железнодорожный вокзал, проверили расписание и пошли к нашему перрону. Людей на вокзале практически не было. Через несколько минут подошёл наш поезд. Мы, не выбирая, вошли в вагон, который остановился напротив. Пройдя в коридор, я затаил дыхание от увиденного. Мы стояли в коридоре, наверное, самого дорогого аутентичного вагона в стиле арт-деко 1930-х годов, находившегося в идеальном состоянии. Мы прошли немного вперёд и открыли деревянную дверь со стеклянными вставками, которые были прикрыты тёмными шторами. Дверь открывалась внутрь купе, в котором находилось два удобных, комфортных, велюровых дивана, сверху над которыми по обе стороны были врезаны небольшие ниши в стене, где можно было взять плед и положить кое-какие вещи. Под окном был небольшой столик со светильником. Как только мы вошли в купе, Яврюха предложил свет не включать, сказав при этом, что это очень дорогой вагон и нас могут быстро попросить перейти в эконом-класс.

Петя сразу же начал возмущаться, мол, зачем мы сюда зашли тогда. Лёха сказал, что здесь можно курить. А я добавил, что место незаурядное и в общий вагон мы всегда успеем.

Поезд тронулся, мы сидели в тёмном купе и наблюдали из окна, как начинало светлеть, при этом закурив и пуская ароматный дым в работающий сверху над окном кондиционер. Вдруг мы услышали кашель, доносившийся откуда-то сверху, все резко подняли головы. Там в нише, спрятавшись за пледом, лежал какой-то человек, которого было очень сложно рассмотреть в тёмном купе. Он отодвинул плед и спустился к нам, попросив при этом сигарету. Это был парень лет тридцати, европейской внешности, мулат, с длинными волосами и вплетёнными в них дредами, с давно небритой, неопрятной бородой. Мы познакомились и разговорились, его звали Марк, он рассказал, что родился и вырос в Португалии, но последние десять лет живёт в Амстердаме и два раза в год ездит в Лиссабон на работу, где работает рыбаком на рыбацком судне. Марк хорошо говорил на английском языке, мы же говорили на очень базовом английском, который каждый из нас троих помнил ещё со школы. Вместе мы могли описать совсем не дурную картинку, а также разобрать то, что говорилось нам, складывая все слова в одно предложение, как пазл. Пока мы оживлённо беседовали, даже не

заметили, как открылась дверь в наше купе и зашёл контролёр.

— Vos billets S'il vous plait! (пожалуйста, ваши билеты), — сказал он.

— Nous n'avons pas de billets (у нас нет билетов), — сказал Яврюха.

— Скажи ему, что сейчас Рождество и никаких билетов не нужно, он, наверное, забыл, — предположил Петя Киевский.

На что Яврюха ехидно заулыбался. У Марка, как ни странно, билетов тоже не оказалось.

«Дело табак, — подумал я, — сейчас, должно быть, вызовет полицию». Но нет, по-видимому, в связи с Рождеством пожилой лысоватый контролёр в очках всё же решил не вызывать полицию, а просто попросил нас покинуть поезд на следующей станции. Марк оказался таким же путешественником, как и мы, только с деньгами, в отличие от нас, но тратить их на поезд он, скорее всего, не собирался. Марк ехал такой долгий путь из Лиссабона в Амстердам — и тут на тебе, свалились на свою голову. Мы вышли на перрон и, переглянувшись с Петей, выпалили Яврюхе отборный русский мат, от чего он даже присел, как под гнётом.

— Ну ладно, ладно! Хватит орать, я понял! — серьёзно сказал Яврюха, — это хоть какое-то приключение в вашей жизни, а то сидели бы сейчас каждый в своём бункере, как старпёры.

И я ему был за это чрезвычайно благодарен. Ведь Лёха нарушал все правила, запреты и даже законы, которые были не столь важны и значительны, как люди себе это вообразили, и если события и ситуация складывалась так, то почему бы этим не воспользоваться и не бояться ничего, а также не винить себя при этом. И я хотел бы заметить, что это относится не только к случаю в поезде, это общая оценка происходящего. Да! Европа порой закрывала на это глаза и относилась с пониманием, что было немаловажно для малоимущих в определённый период их жизни. Главное, чтобы это не входило в дурную привычку. Марк, по-видимому, надеялся проехать незамеченным весь маршрут (вероятно, не в первый раз), поэтому, конечно же, огорчился, встав в стороне от нас.

— Что будем теперь делать? — спросил Петя.

— Ждать другого поезда, конечно, или ты хочешь обратно? — спросил его Лёха.

Петя ничего не ответил.

— Долго будем ждать? — поинтересовался я.

— Эй, Марк! — крикнул Лёха, — когда другой поезд?

— Через пятнадцать минут, — ответил он.

Ровно через пятнадцать минут подошёл следующий поезд. Марк отошел достаточно далеко, чтобы снова не попасть с нами в

один вагон. Мы зашли в двухэтажный вагон, остановившийся напротив нас. Первый этаж был эконом-класса, а второй занимали люди, которые готовы были платить гораздо больше за свой комфорт. Петя сказал, что останется внизу, Лёха, не раздумывая, пошёл наверх, я последовал за ним. Наверху горел приглушённый янтарный свет, царила спокойная атмосфера, стояли столики и возле каждого из них — по два больших удобных кресла с подлокотниками и подголовниками. На столиках лежали темно-синие скатерти, на которых стояли красивые маленькие лампы в виде керосинок, на окнах висели темно-синие шторы. Там сидело несколько мужчин в строгих костюмах, кто-то из них курил сигару, аромат которой заполнил весь второй этаж. Через несколько минут пришёл и Петя Киевский, он скромно присел за соседним столиком. В этот раз никакой контролёр нас не потревожил, проехали, можно сказать, без приключений до самого Амстердама. Вышли на центральном вокзале и пошли гулять по направлению к центру, время от времени спрашивая прохожих, как пройти к улице «Красных фонарей». Стояла серая пасмурная погода, моросил дождь, холодно не было, но в то же время очень ощущалась сырость, стоявшая в воздухе. Мне показалось, что я уже начинаю привыкать к такому климату.

— Ну! И где мы теперь будем пить пиво? — спросил недовольным голосом Петя.

— Где, где… Где надо, там и выпьем, — ответил Яврюха.

— В центре, думаю, что-то будет открыто, — сказал я.

— Я согласен с Брюсой, это здесь закрыто, а там найдём! — подтвердил Яврюха.

Улицы были практически безлюдны, ходило только несколько туристов из Китая с фотоаппаратами, все магазины и музеи были закрыты. Во-первых, это было утро, а во-вторых, все праздновали Рождество. Мы продвигались в глубь города, время от времени жалея только о том, что не имеем зонтов, так как дождь то усиливался, то переставал. Мы подошли к улице «Красных фонарей», прошлись по ней несколько раз, глазея на прекрасных и не очень дам! И в то же время, мечтая о том, чтобы у каждого из нас в кармане оказалось парочку лишних сотен баксов.

— Смотрите! — крикнул Петя, — там бар открыт!

Я посмотрел в сторону и увидел небольшой, ничем не примечательный паб, возле двери которого стояла большая бочка с пепельницами, а на окнах висели тяжелые, деревянные ставни. Этот паб со стороны больше напоминал наполовину разрушенный пиратский корабль после крушения. Мы зашли внутрь: интерьер чем-то походил на старую рыбацкую хижину. Там стояли уже не

новые, массивные деревянные столы и стулья темно-коричневого цвета и такие же большие бочки, как и снаружи, возле которых стояли высокие стулья; на стенах висели рыбацкие сети, канаты и якоря. Людей было мало. Мы подошли и сели за бочку, стоявшую возле окна, при этом успев махнуть по пути бармену и заказать три пива. Деньги были у всех, но, как я понял, тратить их особо никто не хотел, по своим личным соображениям; сигареты были у меня и у Пети, Яврюха, как говорится, свои не курил. Мы сидели, разговаривали и наслаждались пивом и сигаретным дымом. Допив последний глоток третьей кружки, мы уже собрались уходить, как неожиданно к нам подошёл немного выпивший мужчина, лет сорока, ничем не примечательной внешности, среднего роста, с редеющей светло-русой головой, щуплого телосложения. Он представился, сказав, что его зовут Эндрю, и сам он коренной амстердамец. Узнав, откуда мы, очень обрадовался, добавив, что он моряк и работал на корабле вместе с русскими моряками. Эндрю сказал, что безумно рад нашей встрече и хотел бы угостить нас пивом. Отказываться было бы неприлично, поэтому мы с удовольствием приняли такое щедрое предложение. Эндрю отлично говорил по-английски, не то что мы втроём. А также он хорошо владел и французским языком. Поначалу Яврюха переводил нам каждое слово: Эндрю рассказывал о своих приключениях на корабле, о том, какие у него были хорошие и «верные» русские «друзья»; рассказывал, как пьяные русские матросы («верные друзья»), узнав о том, что он гей, привязали его за ноги канатом и бросили за борт идущего судна, подтягивая время от времени, чтобы убедиться в том, что жив, а затем бросали обратно…

— Им просто не нравилось, что я гей, — говорил Эндрю, расплывшись в умилённой улыбке.

И всё это он рассказывал с таким восторгом и энтузиазмом, что мы смотрели друг на друга с недоумением.

— Ты всё правильно переводишь? — спросил я у Лёхи.

— Слово в слово! — сказал Лёха, смеясь, — мне кажется, что он больной на голову. Видимо, эти выбросы за борт не пошли ему на пользу. Чему тут радоваться, не понимаю, — добавил он.

Мне стало его по-человечески жаль.

— Пойдёмте уже! — предложил я и поднялся со стула.

Эндрю увидел, что мы собираемся, и стал громко говорить:

— No, no please, stay! Barmen, more beer please and food (пожалуйста, не уходите, бармен принесёт ещё пива и еды)!

Давайте останемся, куда торопиться? Человек хочет нас угостить! Брюса, садись, — настаивал Яврюха.

Петя сидел уже пьяный и только улыбался от счастья, не

говоря ни слова. Мне одному уходить, конечно же, не хотелось, тем более что Эндрю уговаривал остаться. Нам принесли ещё пива и три порции жаркого. Я ужасно хотел есть, как и всегда, наверное. Мясо с картошкой в подливе и тушеные овощи — это блюдо было невероятно вкусным. Мы ели с таким аппетитом и скоростью, что можно было подумать, что мы с голодного края и что последние несколько дней вообще ничего не ели. Эндрю сидел и смотрел на нас с восторгом, при этом улыбаясь и время от времени приговаривая на русском языке с сильным акцентом:

— Русские моряки — мои друзья!

Это, наверное, всё, что он запомнил и говорил на русском языке.

Потом он пододвинулся как можно ближе к Лёхе и стал шептать ему что-то на ухо. Я смотрел на Лёхину реакцию, у которого в это время глаза чуть не повылазили из орбит. Он посмотрел на Эндрю и на меня.

— Что случилось? — спросил я его.

— Брюса, ты влип… Он в тебя влюбился! — сказал Лёха.

— Всё, валим! — сказал я и вскочил со стула.

— Нет! Подожди, — останавливал меня Яврюха, взяв за руку, — пускай ещё пива купит и сигарет. Смотри, он уже еле сидит, ещё кружка — и свалится.

— А нам что с этого? — спросил я.

— Как что?! Он свалится, а мы возьмём его кошелек! — говорил Яврюха, смотря на меня своими маленькими хитрыми глазками.

Петя сидел и одобрительно кивал. Эндрю наклонился к Лёхе и опять что-то шепнул ему на ухо.

— О, а сейчас, Брюса, он пошёл в наступление. Эндрю говорит, что ты, Брюса, ему очень понравился и он хотел бы знать, нравится ли он тебе? Но можешь не утруждаться, я ему уже ответил за тебя… что да! Эндрю тебе тоже нравится, — говорил Яврюха, хохоча, как ребёнок.

Эндрю сидел уже изрядно пьяный с полузакрытыми глазами и глуповатой улыбкой на лице.

— Что за страна такая?! тут вообще есть нормальные люди?! Короче, разбирайся с ним сам, — возмущённо сказал я, встал и вышёл на улицу.

На улице развиднелось, вышло солнце. После тёмного накуренного паба выйти на солнечную улицу и вдохнуть глоток свежего воздуха было сравнимо с каплей воды в пустыне. Назад в полумрак уже не хотелось. Петя Киевский вышел следом за мной, по-видимому, ему тоже нужен был свежий воздух, он встал рядом и закурил. Через несколько минут вышел и Яврюха, самодовольно

улыбаясь и держа в руке кошелёк. За Лёхой сразу же вышел бармен и что-то ему сказал.

— Что он хочет? — возмутился Петя.

— Попросил, чтобы мы вывели пьяного Эндрю и посадили в такси.

— Пошли выведем его, — предложил я.

Мы зашли обратно в паб, где Эндрю уже спал, обрушив свою голову на бочку. Взяв неподвижное тело под руки, мы выволокли его на улицу и потащили к такси, которые стояли через дорогу. Там стояло несколько машин, но никто не захотел его везти, при этом вежливо отказав. Один таксист посоветовал положить его на лавку, сказав при этом:

— Когда он проспится, встанет на ноги и будет в состоянии сказать свой адрес, тогда кто-то из нас его отвезёт. Здесь это обычная практика.

Что мы и сделали — положили Эндрю на лавку, а сами сели напротив. Лёха вынул из своего кармана чужой кошелёк и открыл его. Там было совсем не много денег.

— Вот чёрт! Он всё потратил на нас, — сказал Лёха, выражая недовольство.

— Ну и здорово! Мы хорошо провели время и Эндрю тоже. Смотри, как он мирно спит, — улыбаясь, сказал я.

— Ладно, подождите меня, — сказал Лёха, — я сбегаю в магазин, надо кое-что купить в дорогу.

— И мороженое купи! — крикнул ему вслед Петя.

Лёха пришел через несколько минут, держа в одной руке полный пакет баночного пива и всяких снеков, а в другой — три пачки мороженого. Мы сидели в небольшом сквере в центре Амстердама, где стояло несколько лавочек и росли небольшие вечнозелёные деревья. На тот момент мне показалось, что это было самое оживлённое место в городе. Паб, в котором мы сидели, полностью наполнился, открылись несколько магазинов в округе, поэтому все, кто проходил мимо, уже никуда не уходили, оставаясь в пределах этого сквера. Приближался прохладный зимний вечер. Мы съели мороженое и открыли пиво.

— На улице нельзя пить спиртное, оштрафуют! — констатировал Петя Киевский, попивая горькое, дешёвое баночное пиво.

— А пофиг! — сказал уже пьяный Яврюха, — пусть штрафуют, всё равно не мы будем платить, государство рассчитается. Покажем наши бумажки с лагеря, они выпишут данные и одна контора перекинет бабки другой. Другими словами, бабло не покинет государственного кошелька! — смеясь, сказал Яврюха.

— Меня так не устраивает, — сказал я, вальяжно

развалившись на лавке.

— Почему? — спросил Лёха в недоумении.

— Всё просто! Ты наломал дров и свалил в другую страну, а мне здесь жить! И я не хотел бы прослыть дебоширом.

— Ладно, ладно, Брюса, я понял, — сказал Яврюха, смеясь.

— Смотрите, пацаны! Там менты на роликах едут, — Петя указал в сторону, где ехало двое полицейских.

Мы поставили пиво назад в пакет и наблюдали за их передвижением. Они проехали мимо паба и, убедившись, что всё в порядке, свернули на следующую пешеходную улицу. Мы опять достали пиво, пачку чипсов и продолжили трапезу. Долго сидеть мы там не собирались, решили, что выпьем по баночке и пойдём на поезд. Буквально через несколько минут полицейские на роликах выехали из другой улицы, находившейся прямо напротив нас, и направились в нашу сторону, при этом прекрасно видя, что мы втроём держим в руках банки с пивом.

— Вот блин! Что делаем? — взволнованно спросил Петя.

— Валим! — громко крикнул Яврюха и вскочил, чтобы бежать, вместе с этим небрежно смахнув с лавки всё, что там оставалось, в пакет, при этом разбрызгивая по сторонам пиво из недопитой банки, которую он держал в другой руке.

Мы с Петей рванули за ним, прихватив недопитое пиво. Полицейские поехали за нами. Мы втроём бежали и пили на бегу пиво, при этом смеясь. Яврюха бежал и что-то кричал полицейским на французском. Я оборачивался и видел на лицах полицейских полное спокойствие и даже улыбки, ни капли злости и ненависти, присущие нашим Совковым ментам. Смотря на их спокойные лица, хотелось даже остановиться и не продолжать побег, зная заранее, что нас ничего не ждёт, так как взять с нас было нечего, и как уже успел сказать Яврюха, — «государство всё оплатит». Они не будут на нас кричать, оскорбляя при этом, не будут бить дубинками и издеваться. Они просто пригрозят пальчиком и выпишут штраф, отпустив восвояси. Но тем не менее мы продолжали бежать. Как вдруг ни с того ни с сего Яврюха закричал:

— За нами гонятся враги, забросаем их гранатами!

И бросил недопитую банку пива в полицейских, которые ехали сзади и, по-видимому, не спешили нас догонять. Я оглянулся и увидел, как летела брошенная Яврюхой банка, а с неё на лету выливалось пиво, всё происходило, как в замедленной съёмке. Я решил его поддержать и бросил следом ещё одну, а за мной и Петя. Полицейские приостановились на секунду, подождав, пока банки упадут на землю, затем продолжили «погоню». Так как основную часть дороги занимала брусчатка, мы

старались бежать только по ней. Полицейские какое-то время следовали за нами по пешеходной дорожке, в какой-то момент, по-видимому, она закончилась и они свернули и поехали своей дорогой, а мы уже бежали и не замечали, едут они следом или нет. Так мы не спеша и добежали до железнодорожного вокзала. Поезд подошёл буквально через пять минут, мы зашли уже в обычный вагон эконом-класса, где ехали в основном студенты. И так как весь вагон был полон, сели возле столика, за которым уже сидела молодая пара. Яврюха выставил всё, что было в пакете, на стол: пиво, чипсы, орешки, сушеные колбасы… и предложил нашим попутчикам. Молодой парень напротив с удовольствием взял банку пива, его девушка угощалась орешками и чипсами. Мы ехали и вспоминали прошедший день, при этом весело и громко смеясь на весь вагон, что вызывало позитивное настроение и улыбки у окружающей нас молодёжи. Через несколько минут к нам подошёл контролёр и попросил билеты. Это был высокий, толстый, чернокожий парень лет двадцати шести, с круглыми маленькими очками на носу и аккуратно выбритой бородкой. Яврюха, как самый разговорчивый, в этот момент попросту сделал вид, что ничего не понимает, и продолжал пить пиво и смотреть в окно, при этом еле-еле сдерживая смех. Петя поступил точно так же, остался только я, сидящий прямо возле прохода. Я посмотрел на контролёра и, ничего не говоря, просто развёл руками. Он вытащил из кармана какие-то квитанции и начал их заполнять, на что молодёжь, сидевшая за нашим столом, начала что-то шутливо говорить ему. К ним присоединились и другие студенты, выкрикивая из разных точек вагона непонятные мне фразы. Контролёр даже опешил, но потом сказал:

— Окей, окей! Так как и в самом деле канун Рождества, я не буду вам выписывать штраф и высаживать из поезда, а вот пиво попрошу спрятать, — сказал он, улыбаясь.

Весь вагон и мы в том числе начали ему аплодировать. Он уходил с гордым и самодовольным лицом «Верховного судьи», совершившего правосудие. Поздно вечером мы вернулись в лагерь, где возле ворот, как и ожидали, уже дежурил Ватруха.

Глава 17. Новый год и прощание с Яврюхой

Спустя несколько дней, вечером, прогулявшись, как обычно, по улице Красных фонарей, мы решили зайти в бар и потратить остававшиеся у Яврюхи ещё с Голландии деньги. Нам хватило купить каждому по стакану пива, уходить не хотелось и я купил ещё, а за мной и Петя решил раскошелиться. Мы, как обычно, пили, громко разговаривали и смеялись. Это был канун Нового года. К нам подошёл бармен, по-видимому, он же являлся и хозяином этого маленького бара, узнав, где мы проживаем, вынес большой картонный ящик со старыминовогодними украшениями и предложил нам отнести его в лагерь — всё там разукрасить. Мы вышли обратно на улицу уже подшофе, открыли там ящик, в котором были разноцветные шары, бусы, гирлянды и всякая новогодняя всячина. Яврюха сразу напялил на себя красные и зелёные бусы, сказав при этом:

— Давайте наряжаться! Новый год на носу! — до нового года, к слову, оставалось ещё два дня.

Я тоже решил поддержать эту бредовую идею и надел на себя белые и жёлтые бусы. Петя же, после того как мы его с Яврюхой нарядили, выглядел, как новогодняя ёлка. Сверху на его шапку с четырёх сторон мы прикрепили по шарику, плечи и шею обвешали бусами, в боковые и задние карманы джинс засунули разноцветную мишуру, а к шнуркам на кроссовках привязали маленькие колокольчики. Петя был в хорошем расположении духа, поэтому ему было абсолютно всё равно, что на него вешают. Это была феерическая картина Пети Киевского и его легендарной беззубой улыбки, не сходящей с его лица, плюс ещё все украшения, которые переливались от фонарного света и звенели на ходу. Продолжая рыться в ящике, Яврюха откопал вязаную разноцветную шапку, вероятно, с какого-то гнома, и сразу же натянул её на голову. Мы всю дорогу шли и умирали со смеху, стоило только опять взглянуть на Петю, как новая волна смеха накатывала ещё сильнее. Но так как, гуляя по улицам вечернего предновогоднего города, мы были не одни, то все прохожие, глядя на нас с Яврюхой, и на Петю, конечно же, также начинали непроизвольно улыбаться и даже смеяться. На протяжении всего пути Яврюха продолжал заглядывать в рестораны и спрашивать про работу, что выглядело невероятно смешно и нелепо, и казалось, что в таком виде шансов у него точно нет. Как вдруг он выбежал безумно довольный из одного очень хорошего ресторана

(мы уже знали их все наизусть), снял свою шапку и начал её подбрасывать и кричать:

— Ура! Меня взяли на работу! Завтра начинаю!

— Может и Петьке сходить в главный офис «Мерседес» и узнать про работу, думаю, что здесь, в Европе, да ещё и в таком виде шансы будут велики! — сказал я, и мы опять рассмеялись.

Лёха устроился мойщиком посуды. Работал он много — пять, а порой и шесть дней в неделю по восемь-десять часов, бывало, что и в две смены. В лагерь Лёха приходил как после каменоломни, еле-еле стоя на ногах от усталости, да ещё и частенько изрядно выпивший, так как шеф-повар в конце рабочего дня раздавал всем работникам недопитое клиентами вино, а Лёха, по-видимому, никогда не отказывался от своей порции. 31-го декабря уже с самого утра наша комната оживилась: зачинщиком этого торжества оказался никто иной как Вартан.

— Брюса, подъём! — услышал я громкий голос Ватрухи.

Вартан всегда просыпался раньше всех, но в обычные дни он просто ходил по комнате взад и вперёд и пыхтел от безделья, не зная кого бы разбудить для компании, но сегодня Вартан решил устроить грандиозное застолье в честь Нового года, к которому он точно готовился уже какое-то время и решил всех пораньше разбудить, чтобы каждому выдать определённое задание, с которым нужно будет справиться до вечера.

— Яврюха, Петька, хватить дрыхнуть! Новый год на носу, надо готовиться, — громко говорил Вартан и, будучи в хорошем настроении, напевал свои армянские мелодии.

Он заходил ко всем обитателям нашей комнаты и приглашал на вечерний банкет.

— Ватруха! Ты можешь не орать, я только под утро пришел с работы, — кричал из своей кабинки Яврюха.

— Я уже проснулся и, слушая очередную перепалку Ватрухи с Яврюхой, улыбаясь, надевал свой «домашний» спортивный костюм. — Яврейская твоя морда. У тебя нет ни капли любви к ближним! — смеялся Вартан, — давай вставай, потом выспишься.

Я зашёл к Лёхе в кабинку. Вещи были, как всегда, разбросаны. Из железного вещевого шкафа, выпирал его обширный гардероб (куча ненужных вещей), который он так никогда и не носил. Яврюха лежал головой на матрасе, положив подушку сверху на голову, закрывая уши.

— Брюса, буди ты этого лодыря! — говорил мне вслед Вартан, видя, что я захожу к Лёхе в кабинку.

— Пошёл ты в жопу, — кричал изпод подушки Яврюха.

Вартан громко смеялся, продолжая напевать ещё громче свои

песни. Так как Вартан был старше нас лет на 20, от этого он и относился к нам, как к своим детям, так он утверждал. Через минуту к Лёхе зашёл и Петя Киевский.

— Заколебал уже этот толстый Ватруха, — говорил громко Лёха, специально чтобы Вартан услышал, — я в три часа ночи пришёл с работы, хорошо хоть сегодня выходной.

После того как Лёха с недовольным лицом оделся, мы втроём зашли к Вартану в кабинку.

— Ну и что ты хотел? — спросил его довольно грубо Яврюха.

Вартан отреагировал шутя, он пытался уже с утра задать всем хорошее настроение.

— Мы сегодня организуем большое застолье! — начал говорить Вартан, — не только в честь Нового года, но и в День рождения Османа.

Осман, мужчина лет пятидесяти, проживал с нами в комнате. Чуть выше среднего роста, худощавого телосложения, он был хорошо образован, эрудирован, говорил в совершенстве на трёх языках (арабский, французский, английский), начитан и хорошо знл математику. Осман был хорошим другом Вартана, или скорее Вартан очень хотел в это верить. Осман был человеком философского ума, немногословным, рассудительным, деликатным и дипломатичным во всех отношениях. Вартан уже успел пригласить его на сегодняшнее застолье, зная, что у Османа сегодня Юбилей, но ему он не упомянул ни слова об этом, так что любое поздравление будет для него сюрпризом — так говорил нам Ватруха.

— Я со своими друзьями организую длинный стол и стулья, и горячие блюда я беру на себя, а вы, — указал он взглядом на нас троих, — притащите холодных закусок, ну и выпивку, конечно, сколько сможете. Чтобы не с пустыми руками к столу. Понял, Ярей?! — обратился он к Яврюхе, улыбаясь.

Лёха посмотрел на него сонным недовольным взглядом и сказал:

— Какого чёрта ты меня будил? Мне вообще насрать на эти ваши застолья, — сказал он неожиданно резко.

Вартан, по-видимому, ожидал такую его реакцию, поэтому совершенно спокойно ответил:

— Если не хочешь, не приходи. Придут все желающие отметить Новый год, а также поздравить Османа. Правда, Брюса? — обратился он ко мне.

— Правда, — ответил я.

Мы втроём вышли из комнаты и направились в столовую на завтрак. По дороге Лёха всё время возмущался, у него были другие планы. Пете понравилась идея Вартана, да и мне всё

предложенное подходило.

— Да нафиг вам это нужно, неужели вы хотите провести вечер со старпёрами? Пошёл Ватруха в жопу со своими заказами, — возмущался Яврюха, — пошлите лучше в ночной клуб, там круто отвиснем! — продолжал он.

— В клуб мы в любой день можем сходить, а здесь Новый год! Домашний праздник всё-таки, предлагаю остаться, — высказал я своё мнение.

— Я поддерживаю Роберта. В клубах сегодня будет полно народа, да и дорого там, мы потратим кучу бабла, тем более что Ватруха наготовит сегодня много вкуснятины. Я утром видел, как он притащил к себе в каморку микроволновку и старую маленькую плитку. Будет кашеварить там целый день, — говорил улыбаясь и предвкушая застолье Петя Киевский.

— Ну ладно, уговорили, — недовольно сказал Яврюха.

Мы прогуляли целый день, стаптывая ноги по улицам Брюсселя, проходя его вдоль и поперёк.

И только под вечер, возвращаясь в Пети Шато, решили зайти в несколько супермаркетов, находившихся по пути, и набрать всего необходимого. Зайдя в первый, мы положили за пазухи привычный набор закусок: копченый лосось, ветчину, салями, крабовые палочки, позасовывали в карманы консервы с красной рыбой, разные сыры и тому подобное. Со второго каждый из нас вынес по бутылке спиртного: я взял «Джонни Уолкер», Петя — бутылку «Баллантайнс», а Яврюха прихватил любимый напиток Вартана — французский коньяк «Реми Мартин», засунув его в рюкзак. В комнату мы зашли около десяти часов вечера. Там уже стоял длинный стол, за которым сидели все приглашённые, а во главе, конечно же, восседал Ватруха, который притащил себе откуда — то большое старое кресло. Осман сидел рядом с ним. По другую руку сидел Арсен, все остальные, кого я знал, сидели кто где. Всего за столом было около двенадцати человек, не считая нас. По съеденному и выпитому можно было предположить, что заседают они уже около часа. После того как мы вошли, Вартан резко встал с кресла и сказал:

— Ну наконец-то! Где вас черти носят!

Мы, ничего не сказав в ответ, подошли к столу и со всеми поздоровались. Затем достали из Лёхиного рюкзака все снадобья и поставили их на стол. Когда Вартан увидел бутылку коньяка, он сразу же поменялся в лице и, широко улыбаясь, сказал:

— О! Это, наверное, мой любимый Яврюха постарался, — Лёха ничего не ответил, просто сел рядом с Арсеном.

— Арсен, поменяйся местами с Яврюхой, я хочу его отблагодарить, — сказал Вартан шутливым тоном.

Арсен послушно пересел, хотя Лёха очень сопротивлялся. Он никогда не любил панибратства и проявления интереса на публике к его персоне.

— Минуточку внимания! — сказал громко Вартан, — вот это мои друзья! — и указал рукой на нас троих, — а это мой любимчик, Яврюха! — говорил стоя Вартан, держа в одной руке стакан, наполовину наполненный коньяком, а вторую руку положил на плечо кушающего и не обращающего на него никакого внимания Яврюхе, — Он мне как сын!

— Ватруха, заткнись, — сказал негромко Лёха, пережевывая утиную ножку.

Здесь у Ватрухи полилась отцовская переживательная речь в нашу сторону: он говорил всем присутствующим, как о нас заботится и наставляет на правильный путь, как оберегает нас от всех неприятностей и тому подобный бред, который все внимательно слушали и кивали одобрительно головами. Это был театр одного актёра, многое, что он говорил, было у него заготовлено заранее; Вартан любил производить впечатление и работать на публику. Потом Вартан стал всё сказанное переводить на английский близ сидевшему Осману. На что Осман, конечно же, также одобрительно кивал головой, но всё же на его лице прослеживалась недоверчивая, лёгкая ироническая улыбка. Яврюха жевал свою утиную ножку и громко смеялся, когда Вартан развернул эту демагогию.

— Хватить травить, садись уже, — сказал ему Лёха уже весёлым голосом после нескольких рюмок.

Стол был полностью заставлен едой. Всё, что мы принесли, оказалось абсолютно лишним, кроме алкоголя, конечно. Каждый из присутствующих сделал свой вклад. Я сидел рядом с Петей и Юрой К, разговаривая, выпивая и наслаждаясь вкусной едой. Как вдруг кто-то постучал в дверь. Это было неожиданно, все уже забыли, что в этом проходном дворе кто-то может культурно постучать в дверь. Дверь открылась, а за ней стояли две женщины из нашего лагеря, жившие этажом ниже, они держали в руках большие кастрюли, от которых исходил пар и невероятной вкусноты аромат. Они прошли рядом и поставили блюда возле Вартана. Ватруха сидел как король, наблюдая за подачей горячего. Потом он встал и проводил женщин к двери, выйдя с ними в коридор на несколько минут.

— Ну Вартан даёт. Вот это организатор! — присвистнул Юрий К.

— Та что он там даёт, — возразил Яврюха, — это жёны его знакомых армян, у которых в комнате просто есть плиты для готовки. Так как тот хлам, что притащил Ватруха сегодня утром

со свалки (электрическая плита), не фурычит, и он сам ничего не смог приготовить, хотя уже давно обещал.

— Всё равно молодец! Нашёл выход из положения, — добавил Юра К.

Вартан зашёл обратно, держа в руке половник, и подошёл к кастрюлям. Он открыл первую кастрюлю и попросил тарелку у Османа, положив ему долмы, затем он открыл другую кастрюлю и положил ему ложку ариса.

— Передавайте тарелки, все по очереди, — сказал Вартан.

Всё было свежее и очень вкусное. После того как Вартан изрядно выпил, он стал поздравлять Османа с днём рождения, называя его уже по-свойски — Осей. Осман не пил спиртное, согласно религии. Но с чувством юмора у него было всё хорошо. Он смотрел на неумолкающего Вартана, также с ним шутил и смеялся. Оставалось пять минут до Нового года! Ватруха достал из-под стола две бутылки шампанского и попросил Арсена всем его разлить. После долгого всеобъемлющего тоста, сказанного Ватрухой, все выпили и стали поздравлять друг друга.

* * *

Выходные у Лёхи выпадали не часто последнее время, но в один из них мы. как и раньше, решили прогулятся по городу. Лёха сказал, что покажет мне пару классных магазинов, где сейчас была распродажа. Мы вышли днём и бродили до позднего вечера, расхаживая с фирменными пакетами, в которых лежали уже купленные нами обновки. Подойдя к одному пятизвездочному отелю, внизу которого расположился большой красивый ресторан с выходящей на улицу деревянной террасой, на которой стояли столы и мягкие стулья, а возле каждого стола стоял обогревающий фонарь, мы стали возле этой террасы и решили заглянуть в меню. Пока мы приценивались, Лёха увидел двух симпатичных девушек, сидевших за крайним столиком и пьющих коктейли, и неожиданно спросил:

— Брюса, как тебе эти две девицы, нравится хоть одна из них? — я посмотрел на приглянувшихся Яврюхе девушек и ответил:

— Они обе симпатичные.

— Хорошо, постой здесь секунду, я сейчас, — сказал Лёха.

Он подошёл к их столику и несколько минут о чём-то разговаривал с ними, потом развернулся и подошёл ко мне. Я сразу заметил изменение мимики на его лице, я уже знал, что так оно выглядело всегда, когда назревала очередная афёра.

— Что ты задумал? Выкладывай, — рассердился я.

— Ничего особенного, — сказал Яврюха, улыбаясь и не смотря мне в глаза.

Он помялся ещё несколько секунд, а потом выдал:

— Брюса, смотри, план такой. Так как много денег у нас нет, да и тратиться особо не хочется, а вот есть и пить хочется, мы сейчас подсаживаемся к этим девушкам, они француженки, кстати, и заказываем всего побольше. Посидим, пообщаемся, напьёмся, а потом ты выйдешь как бы покурить, через несколько минут и я за тобой, шаг за шагом… Ну, сечешь? — спросил Яврюха, ухмыляясь.

— Нет, Лёха, без меня, — сказал я ему и собрался уходить.

— Брюса, ну почему ты такой скучный?! — заныл Яврюха, остановив меня и взяв за рукав куртки.

— Если бы на твоём месте был Петька Киевский, он бы меня поддержал…

— Может быть, — сказал я, — но я не Петя.

— Ну хорошо! Пошли просто с ними посидим, познакомимся, пообщаемся и угостим их коктейлем.

— Пошли, — согласился я, и мы подошли к столику, за которым сидели две милые молодые девушки.

Яврюха сходу начал что-то курлыкать им на французском, они же не совсем охотно отвечали ему в ответ. Я также попробовал его поддержать, сказав пару фраз, но понял, что идея знакомства провалилась, и я, уже не обращая никакого внимания на продолжавших вялую беседу соседей, пил вкусное пиво, молча смотря на проходящих мимо нас людей. Девушки, допив свои коктейли, попрощались, поднялись и ушли.

— Какие-то холодные эти европейки, — сказал я Лёхе.

— А пошли они к черту! — Яврюха выпил залпом бокал пива.

* * *

Спустя несколько дней я сидел у себя в кабинке и читал «Портрет Дориана Грея», при этом не выпуская из рук словарь-переводчик; ко мне, как всегда, без стука зашёл немного выпивший Яврюха. Было уже поздно, около часа ночи.

— Брюса! Есть серьёзный разговор, — сказал он, — сейчас гляну, может, Петька ещё не спит.

Он вышел и заглянул в соседнюю кабинку, Петя не спал — читал свои журналы автолюбителя.

Мы устроились у меня поудобней и приготовились слушать очередной спланированный Яврюхой план «Барбаросса».

— Короче так! — начал Лёха, — мы можем заработать пять штук баксов! Вам за работу по два косаря, а мне за информацию штуку, идёт?

— А что нам надо будет делать? — спросил Петя.

— Ничего особенного! — сказал Яврюха, — я вычислил, кто переносит деньги из нашего ресторана. А переносит их одна бабка, скорее всего, она является матерью нашего шеф-повара, ну, это неважно. Деньги, которые ей даёт наш повар вместе с менеджером, она уносит к себе домой, а утром они их кладут в банк.

В хороший продуктивный день она заходит по два-три раза и выносит каждый раз по пять штук. В этом я уверен, потому что шеф-повар один раз пересчитывал деньги при мне на кухне. Вам с Петькой надо будет только выхватить у бабки пакет и бежать как можно быстрей и подальше.

— Я в деле! — крикнул Петя.

— Эй, пацаны! Вы бы тут не шумели на всю комнату, — послышался низкий голос нашего нового соседа, — а то каждый сейчас лежит и уши греет.

— Бля! Точно, я и забыл, — осёкся захмелевший Яврюха, — пошли в коридор.

Мы вышли из нашей комнаты в коридор.

— Не такое уж это и плёвое дело, — сказал я, вспомнив расположение ресторана, который находился в очень людном месте возле площади Гран Плас, — днём мы точно этого делать не будем, а вот вечером. В каком часу она обычно забирает деньги?

— В десять. — ответил Лёха.

— В десять ещё полно народа! — возмутился я, — по этим узким улочкам не то чтобы разбежаться, там пройти и не зацепить кого-либо сложно. А если ещё брать во внимание добропорядочных граждан, которые и подножку поставить могут в лучшем случае, а там, гляди, и схватят, бабка же орать будет, да и менты тут повсюду… туристов охраняют, стоит только крикнуть.

— Так бабке надо по челюсти слегка стукнуть, чтоб не орала, — улыбался Яврюха.

— Я пасс! — сразу сказал я.

— Я один этого делать не буду, так что и я пасс, — повторил Петя.

— Вам решать! Это была просто информация к размышлению, — заключил Яврюха, и мы разошлись по кабинкам.

* * *

На следующее утро я услышал, как Лёху вызывали по громкоговорителю, поэтому сразу пошёл будить его. Он когда услышал, вскочил, словно ошарашенный, и побежал в трусах в коридор, откуда из окон хорошо просматривалась проходная (ворота). Я вышел вместе с ним.

— Всё, Брюса. Кранты мне. Надо валить! Видишь тех двоих, я их хорошо знаю. Как же они меня нашли-то?! — говорил Лёха очень взволнованно.

Всё происходило очень быстро, я видел, что ему сложно было сосредоточиться, подумать трезво, как он умел, так как вчера после работы он пришёл в очередной раз изрядно выпивший.

— Брюса, будь другом. Можешь выйти и погулять возле ворот, а когда они уйдут, позвони мне. Хорошо?

— Хорошо, — согласился я и пошёл к выходу.

Подойдя к воротам, я уже вблизи мог разглядеть Лёхиных визитёров. Это были два парня: выше среднего роста, худощавого телосложения, с впавшими щеками и мешками под глазами. По ним сразу можно было сказать, что наркотики — это их хлеб и соль. Выглядели они, как европейцы, а точнее, как европейская молодёжь. Когда я проходил мимо, услышал их разговор между собой на русском языке. Одеты они были в одинаковые куртки-ветровки тёмного цвета, капюшоны были наброшены на голову, чёрные джинсы и осенне-зимние ботинки. Я встал за воротами так, чтобы не привлекать внимания, стараясь не выпускать их из виду. Возле ворот на протяжении всего дня толпились люди — это были визитёры и, соответственно, жители Пети Шато. Ко мне подошёл парень, который не так давно просил нас избавить его и друзей от «Чеченского иго», и стал в очередной раз меня благодарить и что-то рассказывать. Немного отвлёкшись, я не заметил, как Лёхины преследователи ушли. Я огляделся по сторонам, прошёлся к ближайшему углу лагеря и, убедившись, что их поблизости нет, сразу позвонил Яврюхе. Он вышел буквально через несколько минут, одетый во всё новое, как с иголочки: короткая спортивная куртка, джинсы — слегка подкатанные снизу, из кармана, где выпирал кошелёк, свисала длинная серебряная цепочка, карабином зацепленная за шлёвки для ремня, на плече висела чёрная громоздкая спортивная сумка.

— Прощай, Брюса, — сказал Лёха грустным голосом, — и всё же взгляд у тебя такой, как будто ты под опиумом! — усмехаясь, добавил он.

— Давай, Лёха, удачи тебе! — улыбнувшись, попрощался я, а у самого всё сжималось внутри.

Уезжал мой друг, который был весёлый и непринуждённый, без капли серьёзности и забитой совковости, легко идущий по жизни и ни грамма не беспокоившийся о том, что о нём подумают другие — подумает стадное общество. Он был полон безрассудства, и всё, что считалось запретом для других, никогда не останавливало его! Если кто-то и страдал от его безрассудства, так это только те, кто позволял это с собой делать, дураки, другими словами. Я уже прекрасно знал, что за расставанием последует знакомая мне пустота, которая заполнится в течение последующих нескольких дней. Мы обнялись, и Лёха, запрыгнув в трамвай, укатил в неизвестность. Спустя несколько дней я пытался позвонить ему, но телефон уже был отключен. «Да… — подумал я, — каждый человек, будь он стар или млад, может быть как учеником в этой жизни, так и учителем! Главное, чтобы было чему поучиться». После этого с Лёхой мы больше не виделись. После его отъезда в комнате стало тихо, пусто и грустно. Вартан очень скучал по Яврюхе, поэтому несколько дней ходил сам не свой. Не с кем было поспорить, поругаться, а потом помириться. Вартан часто стал заглядывать ко мне в кабинку и спрашивать, нет ли какой-либо информации от Яврюхи? В ответ я качал головой. Но долго Вартану печалиться не пришлось: в лагере пополнился женский коллектив, и он познакомился с женщиной Татьяной, которая была примерно его лет: высокая брюнетка, на лице читалось татарское происхождение, в меру весёлая и интеллигентная. Это знакомство не прошло гладко как для Вартана, так и для Татьяны, так как после приезда жены Вартана, которую вызвали его «друзья», как они сказали, в «благородных» целях, в лагере стало много шума, слёз, а также веселья. Другими словами, все воочию наблюдали очередную «Санту-Барбару». Длилась эта эпопея около месяца, пока жена Вартана не осознала, что между ними всё кончено и не уехала обратно в Армению. Вартан был на седьмом небе от счастья, что всё наконец-то закончилось и встало на свои места так, как он и хотел.

Порой, сидя во дворе лагеря на лавочке и наблюдая за всем происходящим — будь то драма, комедия или трагедия, и это касалось не только последних событий, складывалось такое ощущение, будто бы я находился в амфитеатре и наблюдал за всем происходящим из зала, как зритель, не принимая в нём ни малейшего участия. Я сидел и думал: «Да! Жизнь наша подобна зрелищу и, конечно же, игре. Большинство играет неосознанно (танцуя под чужую дудку) и лишь единицы понимают, как нужно играть в этом театре под названием Жизнь!».

Глава 18. Дверь в «Индию»

В один зимний холодный вечер февраля я сидел в кабинке Пети Киевского и играл с ним в карты. Мы услышали, как открылась входная дверь, и в кабинку без стука зашёл Петин недавний знакомый индиец. Как его точно звали, я не знал, но все русские в лагере называли его Максим. Максим был выше среднего роста, спортивного телосложения, что в большинстве своём очень необычно для людей его нации. Одевался и выглядел он всегда аккуратно и опрятно, что также говорило о его принадлежности к высшей касте. Прославился Максим среди совков тем, что прекрасно говорил по-русски и любил изрядно выпить. Максим жил и учился шесть лет в Москве, оттуда у него и осталось это пристрастие к алкоголю и, соответственно, любовь к русскому языку. Самое интересное было то, что Максим большую часть времени проводил не среди своих соплеменников, а среди русскоязычных. И так как у всех он вызывал живой интерес и даже смех (в хорошем смысле этого слова), многие приглашали его на разные посиделки, вечеринки, где он всегда изрядно напивался, на халяву, естественно. Но в этот раз он зашёл к Пете по делу.

— Привет, пацаны! — начал Максим, — Петя, у меня к тебе дело. Ты говорил, что работал на стройке, делал внутренние работы, так?

— Да. Именно так, — ответил Петя Киевский, — а что надо сделать? У тебя в кабинке ремонт что ли? — съязвил он.

— Нет, не у меня. У моего знакомого — богатого индийца! Он хорошо заплатит.

— А у него что?

— У него дверь входная отвалилась, нужно её на место поставить. Возьмёшься? За работу он даёт сорок баксов, — сказал Максим, хотя на лице у него было написано, что на бутылку виски он уже выпросил у своего друга наперёд, теперь ему нужна была дешёвая рабочая сила.

Такой вывод сделать было не сложно. Так как я не раз видел Максима в кругу наших старших товарищей, которые уж точно были мастера своего дела и за предлагаемую им сейчас работу, во-первых, взяли бы в два раза больше, а во-вторых, сделали бы её в два раза быстрей и качественней. Но нет, он почему-то пришёл к Пете — конечно же, с целью сэкономить.

Петя без раздумья согласился.

— Роби, хочешь половину, пошли со мной, там работенка вообще не пыльная, за два часа управимся, гарантирую. Будешь

просто стоять и ничего не делать, я сам всё сделаю.

— Ты сам ставил когда-нибудь эти двери? — спросил я его.

— И да, и нет… Мой напарник ставил, а я ему помогал.

— Максим, дверь только на петли повесить или замки тоже нужно будет врезать? — спросил я его.

Так как уже видел, как в лагере меняли двери и что работу эту нужно определённо знать, это не покраска стены.

— Я не знаю, пошли быстрее, там всё узнаете, он ждёт, скоро ночь, — торопливо говорил Максим.

Идти мне очень не хотелось, но так как Максим договаривался с Петей, и, соответственно, вся ответственность падала на него, поэтому всё же решил пойти и посмотреть, что из этого получится. Район, в котором проживал друг Максима — «богатый» индиец — был совсем не престижный. Мы подошли к неухоженному зданию и вошли внутрь. В подъезде стоял запах сырости, нечистоты и индийских приправ. Поднявшись на второй этаж, мы сразу же увидели провисшую в дверном проёме дверь. Максим аккуратно открыл её, и мы вошли в заваленную всяким барахлом комнатушку, в которой пахло благовониями и играла индийская традиционная музыка. Вещи, а точнее одежда, валялись просто повсюду. Друг Максима, уже пожилой индиец, сидел на диване в позе лотоса среди всех этих разбросанных вещей и, как мне показалось, медитировал. Эту одежду он собирался везти рано утром на торговый базар, продавать. Об этом нам поведал Максим и просил поторопиться, так как другу в пять утра вставать. На часах было уже восемь часов вечера. «Вот тебе и богатый друг», — подумал я. Сидит даже не в однокомнатной квартире, а в студии, заваленной дешёвым тряпьём.

— Инструменты какие-то есть? — спросил Петя.

Максим перевёл. Его друг покачал головой.

— Нужно идти в магазин, покупать без них, мы ничего не сделаем.

Пожилой индус встал с дивана, и мы втроём поехали в магазин. Максим быстро убежал, сказав, что у него дела и что мы сами уже справимся. Подходя к гипермаркету, на ломаном английском Петя спросил у индийца:

— Ты хочешь купить новую дверь или старую будем ставить?

— I don’t know… — нерешительно ответил он.

— Мы можем тебе старую оставить и сэкономим тем самым расходы. Только нужно купить фанеру, которой мы обошьём старую дверь. Подходит тебе такой вариант? — спрашивал Петя, жестикулируя и показывая всё на пальцах.

Индиец одобрительно кивнул. В магазине Петя взял тележку

и стал туда складывать: пилу, новый замок, ручки, стамеску, молоток, гвозди, разные шурупы, отвёртку, новые петли, наждачную бумагу и ещё какие-то инструменты, на которые я уже не обращал внимание. В конце перед выходом он положил сверху два листа тонкой дешёвой фанеры. После того, как нам выдали чек, у нашего богатея чуть глаза на лоб не вылезли.

— Нужно было новую дверь купить, — пробубнил он недовольным голосом.

* * *

В квартире мы всё выгрузили и принялись за дело. Индус залез на диван, снова сел в позу лотоса и стал пристально на нас смотреть. Что, конечно же, только усугубляло наше и без того шаткое положение. После первых же минут Петиной возни я понял, что он такой же мастер по дверям, как и я автомеханик. Но деваться было некуда.

— Так, Роби, — активизировался Петя, — ты бери отвёртку и снимай двери и старые петли, а я займусь подготовкой фанеры.

Дверная рама настолько прогнила, что ничего откручивать не пришлось, всё плавно отходило само. Я снял дверь вместе с петлями и положил её на две табуретки, стоявшие посреди комнаты. Я подошёл к Пете и тихо ему сказал:

— Скажи индусу, что раму сначала нужно поменять, а потом и дверь ставить.

Петя вскочил и подбежал к дверному проёму.

— А… к чёрту… рядом прикрутим. Иди лучше подержи фанеру, я уже замер сделал, буду резать.

Пока мы там возились, уже стукнуло двенадцать часов ночи. На лице у нашего благодетеля читалась сильная усталость, а также лёгкое одобрение ко всему, что мы делали, а делали мы не много, больше создавая видимость работы. Особенно выделялся Петя Киевский. Он бегал с метром в руках, всё замерял, пыхтел, ахал, охал, задумывался на несколько минут и опять всё по новой. Индус вынул из кошелька сорок долларов и положил их на стол, сказав при этом:

— Когда закончите, просто закройте за собой дверь, — а сам лёг на диван и сразу же уснул.

— Ну вот, а теперь можно и поработать! — вздохнул Петя Киевский, достал из кармана пачку сигарет и вышел в коридор.

— Ладно, сейчас обошьём дверь, врежим замок, поставим ручки и повесим всё обратно на место, — сказал Петя, ещё полный энтузиазма.

После недолгого перекура он схватил пилу и начал пилить фанеру.

— Роби, держи здесь крепко. Оо… хорошо, хорошо… — приговаривал он.

Петя пилил с таким рвением, что от пилы в сторону по листу фанеры пошла трещина.

— А… сука! Не та фанера… Индус зажал бабки на хороший кусок. Ладно, это ерунда. Роби, подай, пожалуйста, скотч, мы сейчас заклеим с другой стороны и повесим этот кусок на внешнюю сторону — там в подъезде и так всегда темно, никто и не заметит.

Фанеру мы распилили с горем пополам, второй кусок, внутренний, мы обрезали гораздо аккуратней, обработали края наждачной бумагой и прибили их к двери.

— Таааак, а теперь надо выдолбить дырки в фанере с обеих сторон — для замка, ключа и ручек, — я подал Пете стамеску и молоток. Петя посмотрел на меня, потом на спящего индуса, начертил карандашом от руки, где примерно будут ручки и замочные скважины, и стал долбить так, что индус проснулся, вскочил в недопонимании происходящего, осмотрелся и, вероятно, вспомнив, кто мы такие, лёг обратно, положив другую подушку сверху на голову.

— Слушай, Роби, — обратился Петя ко мне, — ты мог бы прикрутить петли к раме, прямо на те же места, где висели старые?

— Попробую, — ответил я.

Спустя несколько минут непрерывной долбёжки Петя положил на пол молоток и стамеску, вставил ручки и поставил дверь вертикально. Я в это время кое-как прикрутил новые петли к дверной раме, подложив на прогнившие места кусочки фанеры.

— Всё готово! — сказал Петя, прикрепляя дверную ручку.

Дверь выглядела совсем не плохо. Трещина с другой стороны всё же была заметна, но не сильно. Я взялся за дверную ручку и попробовал её нажать, замок работал, но ручка осталась у меня в руке. Я посмотрел на Петю.

— Ну а что ты хотел, Роби? За сорок-то долларов, что платят — то и получают! Пускай ему потом другие мастера ручки доделают, — я ничего не сказал в ответ, просто аккуратно вставил ручку на место.

Первый раз, когда мы прикрутили дверь к ветхой раме, она всё же не выдержала и от своего веса отвалилась, вырвав при этом остатки дерева. Нам пришлось сместить её чуть ниже и из-за этого подрезать снизу дверь.

На часах было уже два часа ночи, я просто засыпал, а у Пети

не осталось ни капли энтузиазма. Он материл Максима, потом спящего индуса, а также проклинал дверь и дверную раму. Второй раз, когда мы всё же с горем пополам повесили эту дверь, то отошли назад, чтобы оценить работу со стороны. «Ужас!» — промелькнуло у меня в голове, глядя на всю эту конструкцию. Я посмотрел на Петю, тот стоял и криво улыбался, демонстрируя в очередной раз свой выбитый зуб. Дверь висела криво, также криво она была подрублена и подпилена снизу, поэтому сверху и снизу она плотно не прилегала, оставляя местами широкие щели. Эта мизансцена напоминала мне сюжет из фильма «12 стульев», когда на корабле подняли нарисованный рекламный плакат — результат их кропотливого труда — и фанфары замолкли.

— Думаю, что индус будет завтра в ударе, — заключил я.

— Он просил её закрыть, мы это сделали! Теперь она прекрасно закрывается, — сказал, ехидно ухмыляясь, Петя Киевский и взял со стола сорок долларов.

Через день я узнал, что дверь после нас переделывал Юрий К, после чего «богатый» индиец остался доволен.

Глава 19. Интервью

Одним из важных событий, которое рано или поздно должно было произойти у всех, кто проживал в лагере, считалось интервью. Интервью проводится в присутствии пятерых человек: независимого адвоката с моей стороны, которого предоставляют социальные службы для беженцев; переводчик, также предоставленный соцслужбами; вопрошающий, самая важная персона в этой процедуре; два психолога, следящие за эмоциями, поведением и реакцией опрашиваемого, делясь при этом своими умозаключениями с вопрошающим, который впоследствии выносит вердикт. Во время интервью свою легенду нужно преподнести как можно ярче и выразительней, а если точнее — правдоподобно, следуя по уже прописанным и заученным пунктам, не отклоняясь ни на шаг, дабы не усложнить дальнейшую свою участь.

Так как если отклониться от легенды и во время интервью добавить то, чего с тобой не происходило или чего там не было прописано, а потом впоследствии забыть об этом (что и пытается сделать вопрошающий — запутать и ввести в заблуждение, задавая массу посторонних, уводящих в сторону вопросов), тогда это играло на руку только вопрошающим, которые во время второго интервью будут всё переспрашивать и перепроверять. Если будут найдены несовпадения, то такую легенду можно считать недействительной, что приравнивается к обману и, соответственно, последует отказ на первое интервью. Поэтому всё то время, которое я уже успел провести в лагере, я сознательно занимался подготовкой к своему первому интервью, уведомление к которому всегда приходит в виде заказного письма, вручаемого лично в руки местными секьюрити, которые предварительно вызывают по громкоговорителю на проходную. Как и меня в этот раз. Услышав своё имя и фамилию, я уже догадался, что пришёл мой черёд. Забрав письмо, я зашёл к себе в «кабинет» и открыл его, в нём было два листа: на одном было написано официальное приглашение на интервью, с датой, местом и временем, а на другом — карта, где располагалось нужное мне здание. Интервью, было назначено на десять утра. Буквально месяца назад ребята, которые уже прошли не одно интервью и не в одной стране Европы, посоветовали мне обратиться к бесплатному адвокату и поведать свою легенду, чтобы он или она уже имели представление. Что я и сделал.

* * *

До интервью оставалась ещё неделя, которая пролетела, как один день. Настроение у меня было оптимистичное, поэтому всю неделю к легенде я даже не притронулся, держа всё нужное у себя в голове. Самое сложное, что мне предстояло сделать, так это играть роль малолетки, шестнадцатилетнего мальчишки, который строит гримасы в недопонимании всего происходящего, но при этом чётко идти по теме легенды, не давая ввести себя в заблуждение.

В день своего интервью, плотно позавтракав, я вышел на улицу, где на безоблачном небе ярко светило солнце, а в воздухе пахло весной. Я шёл по знакомым мне улицам Брюсселя, проходя мимо скверов и парков, мимо уже привычных моему взгляду ресторанов, в окна которых я всегда заглядывал и любовался крабами и омарами, медленно двигающимися в больших аквариумах. Проходил мимо арабских минимаркетов, откуда всегда пахло свежими багетами и курицей-гриль, которая аппетитно крутилась на вертеле снаружи магазина.

Я шёл по привычной мне мостовой, зная наизусть каждый отсутствующий там камень. Путь мой был недолгим: дойдя до центра Брюсселя, я быстро нашёл нужное мне здание и поднялся на второй этаж, где при входе за столом сидела немолодая секретарша, которая, спросив у меня письмо, попросила подождать в другой комнате, где уже ожидала женщина славянской внешности. «Мой переводчик», — подумал я и сел рядом. Прождав не более десяти минут, в комнату вошёл крупный седовласый мужчина в очках и клетчатой помятой рубашке, неопрятно заправленной в джинсы. На вид ему можно было дать лет пятьдесят, он попросил пройти за ним. Мы шли по длинному коридору, по обеим сторонам которого было много комнат. Пока я шёл и всё разглядывал, непроизвольно вспомнил нашу последнюю беседу с Сашей Ивановым, в которой он мне поведал одну поучительную историю, произошедшую с ним во время его первого интервью, оно впоследствии прошло не в его пользу. Он рассказывал, что, придя на интервью, его адвокат не был об этом уведомлён (уведомление адвоката опрашиваемого было обязательной процедурой), а это считается нарушением прав человека, и в таком случае можно отказаться от интервью или перенести его на другое удобное всем время, но правильнее всего в этом случае, говорил Саша, это требовать, чтобы немедленно вызывали твоего адвоката. Однако Саша не стал этого делать (о чём потом пожалел), а согласился на предложенного ему адвоката, который, конечно же, не зная легенды, будет абсолютно

бесполезным и, соответственно, играть на стороне вопрошающих.

Зайдя в комнату, крупный мужчина сел посередине стола, по краям присели две женщины средних лет (психологи), переводчик села возле меня.

— Можем начинать! — сказал вопрошающий.

Я прекрасно понимал, что здесь и сейчас происходит произвол, ведь моего адвоката так и не пригласили.

— Здесь нет моего адвоката, — сказал я.

— Мы можем пригласить нашего адвоката, — сказал вопрошающий.

— Нет! Я не согласен. Он не знает дела и поэтому не сможет меня защищать.

— Тогда предлагаю перенести интервью на другой день, который мы сейчас согласуем, — предложил вопрошающий мужчина и снял очки, протирая их салфеткой.

— Звоните моему адвокату, она в курсе моего дела! А мы подождём, — настаивал я.

Вопрошающий и его коллеги психологи с «милыми» улыбками на лицах пытались меня уговаривать, что, мол, их адвокат ничем не хуже. Но я стоял на своём. Им ничего не оставалось делать, как позвонить моему адвокату и пригласить сюда. Ведь «закон» был на моей стороне. Буквально через полчаса в комнату зашёл мой адвокат: молодая девушка лет двадцати пяти, маленького роста, худенькая, с короткой стрижкой и аккуратными очками на курносом маленьком носу. Она с порога начала их обвинять в несоблюдении прав подзащитного, то есть моих; в том, что они не прислали ей уведомление и тому подобное.

На все её слова и обвинения всем тем, кому это было адресовано, пришлось сделать вид, что они «искренне сожалеют». Она знала моё дело очень хорошо и пришла прекрасно подготовленная. Всё интервью шло достаточно ровно. Адвокат не позволяла на меня давить, а я в свою очередь шёл по легенде. На всё про всё ушло примерно три часа. Возвращаясь в лагерь, я был практически всем доволен. Но всё же один вопрос, заданный мне, не давал покоя. Быть может, он был не столь значителен, но тем не менее. Вопрошающий всё же сумел завести в сторону и выудил из меня не планированный ответ, который был дан мной не столь внятно и явно. Ни да, ни нет. Что также не давало и им полной картины происходящего. Но я сделал вывод, что на следующем интервью они будут бить именно в эту точку, а я в свою очередь буду более подготовлен.

* * *

Спустя несколько дней после интервью, ужиная в столовой, к нашей привычной компании подошёл новый поселенец и сел с краю, возле меня. До этого я уже видел его несколько раз, ходившего ночью по лагерю, избегая каких-либо контактов. Но сейчас в столовой среди людей он, показалось мне, был впервые. Это был мужчина лет сорока пяти, но выглядел он на все шестьдесят: высокий, седой, коротко стриженный с залысинами спереди, на худом, но жилистом теле была надета чёрная кожаная куртка и такие же чёрные кожаные штаны. Лицо было загорелое с сильно впалыми щеками, острый нос, на котором аккуратно сидели дорогие прозрачные очки, был немного искривлён, пальцы на руках, которые всегда еле заметно тряслись, были длинные и костлявые. Из-за своей хромоты, явно вызванной чрезмерным употреблением героина, он всегда носил с собой трость с серебряным массивным набалдашником в виде черепа. Взгляд у него был изучающий и пронзающий насквозь. Как зовут его, никто не знал, он никогда и никому не представлялся. Между собой мы уже успели окрестить его Кощеем. Мне уже приходилось встречаться с людьми такого типа, поэтому в его компании я не чувствовал никакого дискомфорта, в отличие от некоторых. Кощей был человеком с понятиями и дельного, продуктивного разговора. Такие люди понапрасну не распыляются и слов на ветер не бросают. В этот вечер за ужином он ничего не ел, кроме яблока. Я сидел и о чем-то беседовал с Юрой К, как вдруг по правую руку услышал резкий хриплый голос Кощея:

— Не подходи к этому столу. Пошёл вон отсюдова! — я сразу же посмотрел в сторону, к кому же он обращался.

Возле стола с подносом в руках стоял один из долгожителей Пети Шато — Онуфрий (так его прозвали из-за длинных волос и козлиной бородки). Онуфрий и вправду был очень неприятным типом как внешне, так и внутренне. Что-то в нём было такое, что уж больно отталкивало. Лишь только из-за того, что он был русскоязычный, мы его просто не прогоняли, когда он подходил или подсаживался к нашей компании. И тут вдруг Кощей просто категорически не позволяет ему подойти к нашему столу. Онуфрий попытался проигнорировать Кощея и сделал шаг вперёд, Кощей вскочил и, подбросив трость, схватил её крепко, чуть ниже середины.

— Ещё один шаг и я размозжу тебе череп! Ты понял? Крыса ты вонючая! Забудь сюда дорогу вообще. Здесь крысам не место! — повторил Кощей и, присев, поставил трость возле себя.

Онуфрий развернулся и ушёл.

— Что случилось? Ты нам тоже поведай, — обратился к

Кощею Юра К.

Кощей отрезал кусочек яблока своим серебряным ножом в форме дракона, который он всегда носил при себе, и сказал:

— Я этих крыс за версту чую, вонь от них стоит и смрад, — и, выдержав небольшую паузу, добавил, — стукач он! — все замерли в недоумении, — стучать бегает в комиссариат. Поэтому больше ему ни слова о себе, — сказал Кощей, встал из-за стола и ушёл.

Кто-то не поверил, кто-то проигнорировал, но я знал, что у таких людей чуйка работает (чутье развито) будь здоров! Закончив ужин, мы вышли на улицу перекурить. Пока мы стояли и разговаривали, я увидел за столбом прячущегося Онуфрия, который, поймав мой взгляд, махнул рукой, чтобы я подошёл. Ему было лет тридцать пять, низкого роста, худощавого телосложения, острый длинный нос, усы и поповская козлиная бородка, а сзади из-под кепки всегда торчали собранные в конский хвост длинные волосы. Я подошёл.

— Послушай, Роберт, ты не обращай внимания на этого новенького. Он наркоман и у него, по-видимому, не все дома, — говорил взволнованным голосом Онуфрий, — ты помнишь наш последний разговор, когда ты мне рассказывал про свою семью? Ты же так и не закончил, — я помнил этот разговор.

Это была первая наша с ним встреча в Пети Шато, и он тогда задавал много лишних вопросов, что мне сразу показалось странным. Из-за его такой любопытности я решил тогда пройтись по легенде.

— Да, помню, — ответил я.

Вот и сейчас, как ни странно, он подозвал меня, чтобы спросить именно тот вопрос, который мне задал вопрошающий на моём интервью. Тот же самый вопрос, на который они не получили внятного ответа. Было ли это совпадение? После всего произошедшего десять минут назад в столовой я прекрасно понимал — это не совпадение. Кощей был сто процентов прав! У меня в памяти пробежала беседа, на которой я случайно присутствовал буквально месяц назад. Онуфрий разговаривал с одним из жильцов нашей комнаты. Это был молодой парень из Армении, который поведал Онуфрию, что он уже просил политическое убежище в Голландии. Этого парня через несколько дней депортировали. Совпадение? Не думаю.

Недолго думая, я ответил Онуфрию именно то, что отвечал на интервью, слово в слово.

Крыса получила указ и ей нужно было любой ценой его выполнять.

— Ну как же, Роберт… здесь не сходится? Из всего, что ты мне рассказывал, появляется неясность. Ты можешь уточнить? —

настаивал он.

Я почувствовал, как внутри нахлынула волна невероятного желания травмировать его. Во мне боролись две стихии. Первая и самая сильная — моему делу точно не поможет. Поэтому пришлось прислушаться ко второй — «тихой глади», которая также присутствовала у меня внутри. В итоге я ему спокойно ответил:

— Послушай, Онуфрий. Мне нечего добавить. Я всё сказал как есть. И если у тебя возникают недопонимания в моём ответе, я ничем помочь не могу. Значит, история на этом заканчивается, — я понимал, что на данном этапе лучше ему ничего нового не говорить.

Он стоял и смотрел на меня жадным растерянным взглядом. Сделать он ничего не мог, а доклад надо было делать.

Глава 20. «Подайте бедному студенту»

Шла последняя неделя февраля и весна уже занимала свои позиции: пенье птиц становилось живее и звонче, на деревьях набухали почки, газоны под деревьями засаживали первоцветами. Муниципальные работники начинали чистить фонтан, где я, как и прежде, прохаживался, дыша чистым утренним воздухом. Увидев издалека знакомые силуэты, сидевшие на скамейке, я подошёл ближе. Там я встретил Юрия К и Петю Киевского, которые уже с утра, попивая холодное дешёвое пиво, вели очень оживлённую беседу с одним, как я бы сказал на первый взгляд, стариком, но, разглядев его поближе и немного пообщавшись, понял, что он не так стар, как кажется или хочет казаться. Он был высокого роста, коренастого телосложения, лицо было очень сложно рассмотреть из-за седой, густой и длинной бороды и таких же волос, поверх которых была надета кепка, которую он время от времени снимал, чтобы поправить свои густые длинные волосы. Глаза у него были мутно-голубого цвета, большие и выразительные.

— Роберт, послушай, что нам рассказывает этот хорват, — сказал Юра К и сделал глубокую затяжку своей самокрутки, которые он обычно накручивал, сидя до поздней ночи.

— Так вот, — продолжал Юрий К, — хорват говорит, что, сидя со стаканом на входе в метро, за три-четыре часа он собирает 40–50 баксов подаяния. Не хочешь попробовать?! — спросил Юрий К, усмехаясь.

— Попробовать можно. Тем более что сейчас всех светлокожих с суровыми лицами принимают за косоваров (жители Косово) и, соответственно, сыпят мелочь, чтобы хоть чем-то помочь. И этого вашего Хорвата сто процентов принимают за беженца из Косово. Не так ли? — обратился я к нему.

— Да! Наверное, — сказал он спокойным и уверенным голосом.

Голос у него был низкий и мягкий. По-русски он говорил довольно неплохо.

— Но почему метро?! — ведь ты же крепкий, здоровый мужчина, — спросил я его, недоумевая, — зачем такой образ и такой вид деятельности? — Юрий К хмельно и весело рассмеялся, сказав при этом:

— Это первое, что я его спросил при встрече!

— Всё просто, — началне спеша хорват, — я двадцать лет проработал инженером, а последние десять лет занимался

разработкой компьютерных технологий, работая на большую американскую компанию. За эти десять лет я заработал много денег, успев построить себе большой дом в Загребе и обучить двух сыновей в США. Которые и по сей день там живут и работают, — он говорил чётко и с расстановкой, подбирая каждое слово, временами немного путаясь с окончаниями. Он прекрасно мог объясниться как на русском, так и на английском, не считая своего родного языка. По его манере разговора, по повадкам и жестам было видно, что человек он интеллигентный, образованный и воспитанный.

— Я просто устал! — продолжил он, — и хотел бы пожить, не напрягаясь и не работая больше ни на кого.

Хорват полез во внутренний карман своей джинсовой утеплённой куртки и достал оттуда несколько фотографий.

— Вот мой дом в Загребе, — сказал он, показывая нам фотографию, где он сидел на скамейке перед большим деревянным домом.

На другой фотографии были его сыновья в Америке, и он вместе с ними. Петя сидел уже захмелевший, слушал наш разговор, улыбался и курил накрученные Юрой К самокрутки. С автомастерской его погнали за халтуру, поэтому он ошивался везде и искал, с кем бы попить пивка, желательно на халяву.

* * *

— А где ты живешь? — спросил я хорвата.

— Ты что, Роби! Он уже неделю как у нас в лагере живёт, ты что его не видел?! — спросил Юрий К, открывая очередную банку пива.

— Нет, — ответил я.

— Но так долго тоже не протянешь, — обратился Юрий К к хорвату, — сегодня ты в лагере, а что завтра?

— Я знаю, — согласился он, — сейчас я езжу по всем странам и большим городам, живу и питаюсь в лагерях, а деньги зарабатываю в метро и возле супермаркетов. А что дальше будет — мне неизвестно. Давайте возьмём к примеру семь стран Европы, которые очень лояльны на сегодняшний день к беженцам, — это Германия, Австрия, Швейцария, Бельгия, Голландия, Люксембург и Франция. Находясь в каждой из них минимум три месяца, уже получается почти два года. Также можно взять ещё Испанию, Италию, Португалию и Грецию, но эти страны победней, и, естественно, подаяние на улице будет небольшим, — сказал хорват, попивая пиво, предложенное ему

Юрием К, — и всё же, я думаю, что ещё лет пять я успею так покататься, а потом приеду домой, оформлю пенсию и все оставшиеся годы буду жить безбедно! — заключил он, улыбаясь.

— Ну что ж, хорошая идея, почему бы и нет. И пока Европа будет разгребаться со всеми беженцами, в самом деле можно под шумок пожить в разных странах и городах, а тем более безнаказанно, — сказал Юрий К и задумался.

— Именно так, — добавил хорват, улыбаясь, — они быстро вычисляют по отпечаткам пальцев, но из-за наплыва людей это у них занимает сейчас от трёх до шести месяцев.

— Давайте за это и выпьем! За свободную жизнь! — сказал Юрий К, охмелевший от пива и с энтузиазмом в голосе.

* * *

Не прошло и двух дней, как я встретил сияющего от счастья Петю Киевского в столовой, державшего в руке кружку с наклеенным на ней двуглавым орлом на красном фоне (флаг республики Косово).

— Роби! Ты не поверишь, — начал взахлёб говорить Петя, — я уже второй день стою в метро с кружкой, раздобыл вот эту наклейку с орлом в одной из лавок с сувенирами, и люди думают, что я оттуда. Вчера за пять часов мне насыпали пятьдесят баксов! Сегодня поменьше, где-то тридцать, но я сейчас пообедаю и опять пойду, — хочешь со мной? — спросил заведённый Петя, при этом закидывая еду себе в рот и глотая её, практически не жуя.

«Спрос не ударит в нос», — подумал я и сказал:

— Подожди меня у ворот, я скоро.

Я зашёл к себе в кабинку за кружкой, но решил не наклеивать никакую наклейку, так как не хотел прикидываться беженцем из Косово, зато решил взять с собой папку, которую мне дали в библиотеке, я её использовал для листов с уроками французского, их нам выдавали каждую неделю. Петя всю дорогу уговаривал меня зайти, купить и наклеить такую же наклейку, как у него, утверждая при этом, что без этой наклейки мне не дадут ни копейки.

Я ему объяснил, что у меня другие планы, я буду косить под бедного студента с папкой под мышкой, кем я в принципе и являлся, в своём роде. Мы приехали на конечную станцию метро, вышли, и Петя сразу сказал:

— Я пойду на своё, уже прикормленное место, а ты иди на другой выход.

Мы разошлись. Я прогулялся по всему переходу, осматривая

обстановку, и решил встать внизу ступенек, прямо на входе или выходе из подземки. Люди шли потоками. Так как мы приехали после обеда, то основная часть людей уже начинала подниматься наружу, возвращаясь с работы домой. Поначалу я просто стоял. В таком положении мне приходилось смотреть людям прямо в глаза, что выглядело совершенно нелепо: здоровый молодой человек, прилично одетый, совсем не ущербный, не обделённый на вид, и с кружкой в руке. Мне было очень неудобно встречаться взглядом с проходящими и пристально смотрящими на меня людьми. У меня складывалось такое впечатление, что, смотря на меня, они осуждали каждый по своему, но всё же время от времени бросая мелочь в кружку. Это больше походило на род деятельности или на бизнес, если хотите, чем на нужду. По большому счёту, то скопление попрошаек, которое мы наблюдаем в наши дни, больше смахивает на организованный бизнес, чем на потребность какого-то индивидуума, находящегося в тяжёлом финансовом положении, заработать себе пару баксов на хлеб с маслом. Стоя сейчас в переходе и размышляя об этом, я вспомнил одну интересную картину, которую наблюдал на днях, прогуливаясь вечером по центру Брюсселя.

Проходя мимо театра, в котором только-только закончилось представление и люди не спеша начинали выходить на улицу, я увидел, как на углу стояли три попрошайки со спальными мешками и что-то бурно обсуждали между собой. По-видимому, договорившись, они разбежались в разные стороны. Я наблюдал за оставшейся возле меня молодой девушкой лет двадцати, на которой был надет хороший спортивный костюм и новые белые кроссовки. Она развернула спальник, достала из рюкзака картонку, на которой было что-то написано, и, подбежав поближе к театру, быстренько бросила мешок на землю и нырнула в него, бросив шляпу для подаяния рядом, а также картонку с надписью, которую она поставила у изголовья, голову при этом спрятав в спальник. Вероятно, остальные двое сделали то же самое, только с других сторон. Выходившая из театра толпа людей и двигающаяся в её направлении через одного бросала в шляпу не только мелочь, но и купюры. Я решил подойти поближе и прочитать, что же было написано на картонке, а также глянуть заодно, сколько денег успели набросать в шляпу за неполных 10 минут. Написано на картонке было следующее:

«Я бездомный, подайте, сколько можете, на хостел». В шляпе, которая лежала рядом, было достаточное количество денег как на хостел, так и на хлеб с маслом. После десяти минут, когда толпа людей значительно поредела, она вылезла из спальника, быстро свернула его, высыпала всё, что было в шляпе, в рюкзак и пошла к

тому же углу, откуда они разбегались, где уже стоял один из них. Я стоял рядом под деревом и наблюдал за происходящим. Когда подошёл третий, его друзья сразу же поинтересовались:

— Куда теперь? (говорили они на французском).

— На вокзал, конечно, — ответил он, — сейчас поезд придёт, много людей будет выходить! Главное, чтобы полиции не было в округе.

По этим «бизнесменам» было видно, что они таким образом зарабатывают деньги, кладя их себе в карман. Но существует ещё одна группа попрошаек, которая все вырученные деньги тратила на алкоголь, а ещё хуже — на героин и другие наркотики. Наверняка были ещё и реально нуждающиеся в помощи люди, но таких я не встречал. В первый день в метро я простоял недолго, наверное, около часа. Решив, что для ознакомления этого будет достаточно, я высыпал мелочь в карман, предварительно пересчитав её, там было примерно десять долларов. После чего я вышел на улицу — подышать свежим воздухом. Поднявшись вверх по ступенькам, я увидел супермаркет и направился к нему, чтобы купить пачку сока и несравненный бельгийский шоколад. Подойдя к дверям магазина, увидел нашего старого знакомого хорвата, который сидел на земле, подложив под задницу рюкзак, босые ноги он выставил вперёд, видимо, для усиления эффекта, а в руках держал большой кусок картонки, на которой чёрным фломастером было написано: «Потерял жильё в Косово, помогите кто чем может». Увидев меня, он припустил и без того уже опущенную голову. Глаз его видно не было, их прикрывал козырёк низко спущенной кепки. Это уже чересчур! Босые ноги ещё куда ни шло, но это враньё на картонке. «Если уж и вышел попрошайничать, сиди себе и никого не обманывай, достаточно того, что ты уже здесь сидишь», — возмущался я про себя, проходя мимо него. Да и на себя-то зачем наговаривать. Но из всей этой мизансцены я тоже кое-что приметил. Во первых, нужно сидеть, а не стоять, а во-вторых, не смотреть людям в глаза, натянув кепку так, чтобы спрятать их под козырьком. «Завтра попробую ещё раз», — подумал я и направился обратно в лагерь. На следующее утро я пришёл на то же место уже более подготовленным: джинсы я сменил на старые заношенные брюки, которые позаимствовал из Лёхиного гардероба, на голову натянул кепку, так, чтобы прикрыть здравомыслящий, не ущербный взгляд, по которому определённо читалось, что я нахожусь здесь не по нужде. При этом взяв с собой рюкзак с полотенцем внутри, чтобы было удобно и не холодно сидеть на бетоне. Сев на рюкзак, я отошёл в полусонное состояние, временами поглядывая из-под козырька на проходящих мимо

людей и бросающих время от времени мелочь в кружку, которую я держал в руке. Несколько раз со мной пытались заговорить добросердечные граждане, но мне абсолютно не хотелось вести эти «светские беседы» и рассказывать, что и как… и почему я здесь… Поэтому я просто-напросто делал вид, что не понимаю, а тем более не говорю по-французски. Цель моего заработка была проста: «facile est venu facilement parti» (легко пришло — легко ушло). Молодой свободный человек, любящий вкусно поесть и сладко вдоволь попить, нужно ещё взять во внимание прекрасный женский разнонациональный пол, который завлекает и завораживает как взглядом, так и своими формами любого, кто прохаживается по улице Красных фонарей; поэтому каждый такой непыльный заработок расходился за считанные минуты, а точнее за 20 минут, которые выделяют своим посетителям куртизанки. Да, как всё-таки просто для меня было расставаться с таким незамысловатым заработком и как жалко было тратить порой каждую копейку, за которую целый день приходилось вкалывать на стройке (я исключаю благородную профессию маляра, нем. Maler — живописец). Хоть я уже и не имел к стройке никакого отношения, но всё же неприятный осадок остался. О стройке, об этой сфере деятельности, в частности о её работниках, у меня сложилось особое мнение. Мне кажется, что все строители приходят туда, как на каторгу, они как великие мученики: носят брёвна, шлакоблоки и кирпичи, замешивают цемент, разгружают постоянно приходящие грузовики со стройматериалами, сначала набрасывают груду мусора, а потом его разгребают, и ещё много всякого тяжёлого труда, который им приходится делать… Но именно эта сфера деятельности на всю жизнь отбила у меня желание даже на йоту приближаться к ней.

* * *

На третий день в метро я пробыл четыре часа с перерывом на обед. «Сорок долларов, неплохо!» — думал я в предвкушении вечерней прогулки. Я уже собирался уходить, как ко мне подошёл немолодой мужчина в форме водителя автобуса и стал меня расспрашивать, откуда я и почему в метро? Я неохотно отвечал. Он послушал меня и сказал, что в Брюсселе есть организация, принимающая на работу всех желающих, может, с небольшим исключением (алкоголики, наркоманы). Он вынул из кармана маленький блокнот, написал адрес, вырвал лист и дал мне. На следующее утро я непременно отправился туда.

Зайдя внутрь старого четырёхэтажного здания с широкой

лестницей, идущей по кругу, я очутился в атмосфере невероятно занятого офиса, где все хаотично бегали по ступенькам вверх и вниз, громко разговаривали и, находясь на разных этажах, перекрикивались друг с другом.

Здесь было абсолютно непонятно, куда идти и с кем именно разговаривать. Я стоял на лестнице, пытаясь определиться и решая, в какую же дверь мне всё-таки войти.

— Désolé je peux vous aider (извините, я могу вам помочь)? — услышал я голос сбоку.

— Oui. Je voudrais savoir pour le travail (да, я хотел бы узнать про работу) — сказал я уверенно.

Молодая девушка лет двадцати пяти, посмотрела на меня и спросила:

— У вас есть какие-то документы?

Я достал из кармана документ, выданный мне в комиссариате, и показал ей.

— С этим документом, — сказала она, увидев эту бумажку, по всей вероятности, не в первый раз, — вы не имеете права на работу. — Je suis désolé (мне жаль).

Я поблагодарил её и вышел на улицу. В принципе получилось то, что я и ожидал. Просто водитель автобуса в метро не понял, вероятно, о моём сегодняшнем статусе или это я недостаточно доходчиво ему объяснил. «Ну да ладно», — подумал я и отправился в свой любимый Парк Пятидесятилетия, который находился неподалёку. В метро на сбор мелочи я сходил ещё несколько раз, пока случайно не познакомился там с молодым турком, который, видимо, приняв меня за своего, обратился ко мне по-турецки. Я ему ответил, что не понимаю, он, недолго думая, предложил мне работать в мебельном магазине с окладом в двадцать пять долларов в день плюс чаевые, которые оставляли в основном пожилые бельгийцы после доставки им мебели. Я согласился. Турка, с которым я познакомился, звали Бурхан, он работал в мебельном магазине своего кузена — водителем и доставщиком мебели. Бурхан был ничем не примечательный молодой человек лет так двадцати пяти. Невысокого роста, черноглазый и черноволосый. С первых же дней работы в магазине я стал ездить с Бурханом по Брюсселю и его окраинам, доставляя мебель в основном тем же пожилым бельгийцам, которые щедро оставляли чаевые за доставку, но Бурхан делиться не собирался и от жадности забирал всё себе, лишь изредка, когда уже какая-то старушка или старичок протягивали непосредственно мне пять или десять долларов, он, конечно же, их не выхватывал и ничего не говорил. Так на какое то время у меня появилась постоянная работа. Петя Киевский также не

засиделся в метро, найдя вскоре работу в очередной автомастерской. Да! Что насчет нашего друга-хорвата. Я встретил его спустя несколько недель. Он стоял у ворот Пети Шато: побритый, подстриженный, прилично одетый, ожидая своего друга, тоже из Хорватии, вероятно, идущего по его же стопам. Мы поздоровались, он рассказал мне, что во время его попрошайничества познакомился с уже не молодым богатым бельгийцем, который, по-видимому, пожалел его и предоставил жильё в своём доме, а также работу садовником. Сказал, что платит богач ему меньше, чем он «зарабатывал», но зато в комфорте и, что немаловажно, не в лагере, а также переезжать из страны в страну пока не придётся.

Глава 21. «На вольных хлебах»

С приходом весны обычно всегда приходит что-то новое. И меня также эта весна не обошла стороной. Прохаживаясь утром по двору лагеря и дыша свежим весенним воздухом, я услышал, как по громкоговорителю назвали моё имя и фамилию. «Вот чёрт, — подумал я, — неужели второе интервью! Что-то быстро». Подойдя к проходной, уже хорошо знакомый мне охранник вручил заказное письмо и попросил расписаться. Я взял конверт, который не был похож на предыдущий, и направился к себе, по пути гадая, что же это может быть за письмо. Зайдя в свой «кабинет», я аккуратно распечатал конверт и принялся изучать написанное, открыв предварительно словарь-переводчик. Из письма я узнал, что мне предоставляется социальная и денежная помощь и в течение максимум двух недель мне нужно будет покинуть лагерь и переехать в своё жильё, которое необходимо найти за это время. Я опешил. Как-то неожиданно. Шесть месяцев пролетели, как шесть дней! Ну да ладно, надо действовать, времени и в самом деле немного. Взяв письмо, я отправился к своему социальному работнику Франку. В обязанность социальных работников входила помощь в поисках жилья для выезжающих. Они находили в газетах объявления, связанные со сдачей любого доступного жилья, которого на тот момент было предостаточно, и, обзванивая по несколько адресов в день, выбирали более подходящие, предварительно обсудив район и место, в котором выезжающий хотел бы жить. Я постучал и зашёл к Франку в офис, он, как обычно, встретил меня приятной дружелюбной улыбкой, при этом сказав:

– Ça va (всё хорошо)?

– Ça va bien (всё хорошо)! — ответил я и протянул ему письмо.

Франк быстро прочитал его. Но в конце письма заметно смутился. Он посмотрел на меня в недоумении:

— C’est très étrange (это очень странно).

Франк знал, что я нахожусь в лагере уже полгода, а также постоянно посещаю уроки французского, поэтому он разговаривал со мной на французском, стараясь не приплетать русскую речь. Хотя ему самому порой хотелось попрактиковаться и поговорить только на русском языке, но, видимо, не сейчас. Франк встал со стула и начал ходить по офису, потом взял телефон и куда-то позвонил.

* * *

Из всего разговора, который был недолгим, я понял, что Франк пытался выяснить, почему за получением социальных денег меня отправляют далеко от моего места нахождения, во фламандскую зону в сторону Голландии. По-видимому, их ответ его не удовлетворил, так как, положив трубку и всё ещё пребывая в недоумении, он сказал:

— Роберт, они говорят, что наплыв людей слишком большой и что в пределах Брюсселя социальные службы переполнены, поэтому они тебя направили в какую-то деревню. Туда теперь тебе придется ездить в начале каждого месяца, чтобы забирать деньги на жильё и пропитание. — Но это какая-то чепуха! — сказал он взбудораженно. — В лагере раньше было в два раза больше людей, чем сейчас, но никого никогда не высылали за пределы Брюсселя, если он только сам этого не хотел, да ещё неизвестно куда. Ладно, будь это большой город, но туда, куда направляют тебя. Это же просто глушь!

Он опять взял моё письмо, поднял телефон и позвонил, но уже в другое место. Сейчас он звонил в эту деревню, про которую сам слышал впервые, чтобы выяснить, каким образом мне туда добраться. После нескольких минут разговора Франк взял лист бумаги, ручку и стал мне объяснять, на каком транспорте нужно будет добираться:

— Сначала на поезде в город Лёвен, там же, на вокзале, пересесть на автобус под номером сорок четыре и ехать до конечной остановки, на которой нужно будет перейти в другой автобус под номером девять, который уже привезёт тебя в эту чёртову деревню, — сказал Франк, а сам не мог успокоиться и продолжал ругаться.

— Merde… пускай сами покатаются так каждый месяц.

— C'est juste une moquerie (это просто издевательство)!

Затем Франк взял стул, поставил возле меня и сел напротив, став объяснять, что мне надо будет сделать, чтобы перевестись из этой никому неизвестной глуши обратно в Брюссель. Сказал, что сначала нужно будет найти жильё в Брюсселе, а после того как квартиросдатчик заключит со мной контракт на год, ехать в эту богом забытую деревню, найти там социальный офис и показать им контракт, после чего они дадут мне месячное пособие (деньги) на жильё и на пропитание. И уже когда я приеду назад с деньгами и расплачусь за квартиру, получив при этом ключи, сразу же идти и зарегистрироваться в ближайший социальный офис по моему новому месту жительства.

— И когда ты уже будешь проживать в Брюсселе, есть

вероятность, что они автоматически тебя переведут в местную соцконтору. Всё понятно? — спросил Франк.

Я, держа ручку в руке и расписывая всё по порядку, кивнул в ответ головой.

— А сейчас, — продолжил Франк, — ужно как можно скорей найти тебе квартиру. Ты сам будешь искать или хочешь, чтобы я помогал?

Я вспомнил, что на днях Петя Киевский рассказывал, как ремонтировал машину одному армянину, и тот ему сказал, что у него есть несколько квартир на сдачу.

— Дай мне несколько дней, Франк, — сказал я, — если не найду, приду опять к тебе.

Франк улыбнулся, встал со стула и, пожав мне руку, попрощался. При этом не забыл выдать мне билеты на общественный транспорт до никому неизвестной деревушки и обратно.

Глава 22. Квартира в Центре

Вечером, когда Петя Киевский пришёл с работы, я первым делом поделился с ним важным событием и сразу же поинтересовался по поводу предложенной ему квартиры, прекрасно зная о том, что он также ожидал выхода на социал в зримом будущем и уже присматривал жильё для себя.

Он искренне поздравил меня с таким событием и сказал:

— Я смотрел одну квартирку на днях, правда маленькая, зато в самом центре Брюсселя! Если хочешь, можем вместе после ужина сходить посмотреть.

— Конечно! — согласился я, и мы пошли в столовую.

После ужина мы отправились смотреть квартиру, предварительно заглянув к Петиному знакомому, которому он чинил машину и который предложил ему этот вариант. Его звали Армен, он жил в десяти минутах ходьбы от Пети Шато. Армен радушно встретил нас и пригласил к себе на чай, чтобы обсудить все детали. Мужчина был маленького роста, круглый, как шарик, немолодой, но и не сказать что старый. Из-за щетины и обрюзгшего лица сложно было определить его возраст, но, полагаю, что ему было лет сорок. Как оказалось, Армен был посредником. Всем этим «предприятием» заведовал его друг, коренной бельгиец, у которого в наличии имелось около десяти квартир под сдачу. Мы недолго поговорили, выпили чай и пошли все втроём к Жаку. Жак встретил нас в светлых, роскошных, просторных апартаментах, предложив сразу любые спиртные напитки из бара. Пива там не оказалось, а что-то покрепче я не захотел, Петя тоже отказался, Армен налил себу полбокала виски и положил туда кубик льда. Жак был высоким крупным бельгийцем с большой облысевшей головой, на которой заметно выделялись крупные уши и широкий круглый нос на пол-лица, на кончике его незаметно держались маленькие очки. Он время от времени то поднимал голову, чтобы посмотреть на нас с Петей сквозь свои очки, то опускал вниз, глядя исподлобья. Выглядел Жак, как настоящий миллионер: светлые кремовые штаны, белая рубашка с большим воротником, поверх которой был надет жёлтого цвета джемпер. И, конечно же, манера его разговора, в которой он определённо ощущал себя Властелином Мира. Не хватало только большой и белой яхты под окном, которая, по моему мнению, всё же у него имелась, плавно сейчас покачиваясь где-то в одном из маленьких испанских портов. После недолгой беседы с Арменом, Жак повернулся к нам с Петей и спросил:

— Вы вдвоём будете там жить? Так как я прекрасно знаю,

сколько выдают пособия на одного человека, и хочу вас уверить, что один из вас определённо не потянет эту квартиру.

Я посмотрел на Петю и спросил:

— Ты готов давать половину?

— Конечно! — ответил он, — ты же знаешь, я работаю сейчас, а через месяц или два вообще выйду на социал.

— Да, вдвоём, — ответил я Жаку, а сам засомневался.

Не понравился мне Петин тон и интонация. Какие-то неуверенные нотки звучали в них.

— Сходите сейчас и посмотрите, если квартира вам понравится, возвращайтесь сюда, я подпишу контракт, — сказал Жак и дал Армену ключи.

Жак жил недалеко от центра, поэтому идти нам пришлось недолго, минут пятнадцать максимум. Мы подошли к дверям узкого трёхэтажного дома, фасад которого был выложен когда-то красным, а ныне потемневшим со временем коричневым кирпичом. Под окном первого этажа стоял старый, по всей видимости, давно не пользованный велосипед без цепи. Само здание находилось прямо в центре Брюсселя, на rue des Bogards. Армен открыл дверь и мы вошли в старый неухоженный подъезд с деревянной скрипучей винтовой лестницей. В подъезде стоял затхлый запах давно не проветриваемого помещения. Мы поднялись на второй этаж. На каждом этаже было по одной квартире. Армен открыл одну из них и включил свет, мы поочередно вошли в небольшую квадратную прихожую (три на три метра) с высокими потолками; я стоял и, затаив дыхание, оглядывал всё вокруг: моё внимание сразу же привлекла душевая кабинка, которая, к моему большому удивлению, была оборудована прямо в прихожей, в левом углу; рядышком возле душевой была приоткрыта дверь, там находился туалет; по правую руку вырисовывалась арка, ведущая в небольшую гостиную, чуть больше прихожей (примерно три с половиной на четыре с половиной), в которой стоял старый, но ещё приличный добротный диван с деревянными подлокотниками и затёртой светло-кремовой велюровой обшивкой. Возле комода, который стоял под внешней стеной, расположилось высокое узкое окно, а снаружи его находился узенький кованый французский балкончик. И самое главное, что меня приятно удивило, это небольшой газовый камин, который прекрасно вписывался в этот интерьер, находясь по центру стены, напротив дивана. На полу лежал старый потёртый ковролин бордового цвета. В правом углу гостиной, где начинался или заканчивался диван, был дверной проём (без двери), ведущий в маленькую (два на полтора) кухоньку, там стояла газовая плита, маленький холодильник и

несколько подвесных шкафов. Меня всё устраивало.

— Мне нравится, я согласен! — недолго размышляя, сказал я Армену.

Хотя я прекрасно знал, что за такую же цену, только в двадцати минутах езды на трамвае от центра, я мог бы снимать просторные двухкомнатные апартаменты. Но я выбрал эту!

Петя стоял молча, не сказав ни слова. Армен отдал мне ключи и попросил вернуть их Жаку, а сам отправился по своим делам. Мы с Петей пошли обратно. Подойдя к дому, Петя сказал:

— Поднимайся сам, я тебя здесь подожду, покурю.

Жак в это время стоял в халате на балконе и курил сигару. Увидев нас внизу, он приветливо помахал своей большой ладонью. Поднимаясь по лестнице, я понимал, почему Петя остался курить на улице и не пошёл со мной. Он просто не хотел нигде ставить свою подпись, оставаясь ни к чему не причастным. Я вошёл. Жак сразу предложил мне присесть в большое мягкое кресло. В это время в комнату вошла служанка и спросила у Жака, нужна ли она ему ещё сегодня или нет. Жак, махнув рукой, дал ей понять, что она свободна и может идти. Он подошёл и сел возле меня, открыл папку и достал оттуда контракт, в котором надо было только указать имена и поставить подписи. На маленьком столе, где мы заполняли бумаги, на серебрянном подносе стояла дорогая узорная бутылка Hennessy X. O. Жак взял два бокала и, налив в них коньяк, протянул мне один. Я взял бокал, посмотрел на улыбающегося Жака, который сидел очень близко, практически вплотную, и залпом выпил полбокала отменного согревающего напитка.

— Роберт, ты уверен, что твой друг будет давать тебе половину от арендной платы? Я лично в это слабо верю, — сказал Жак спокойным, но гремящим басом, и, всё также улыбаясь, посмотрел на меня исподлобья своими большими добрыми голубыми глазами.

— Je ne sais pas… nous verrons (не знаю, — сказал я, — мы посмотрим).

Я взял контракт, пожал ему руку и вышел на улицу, где на бордюре сидел и докуривал свою сигарету Петя Киевский. На следующее утро, взяв контракт и билеты в два конца, я отправился на поиски богом забытой деревушки, как говорил Франк. В лагере я решил не завтракать, но по дороге на ж/д вокзал зайти в знакомое мне кафе и выпить чашечку кофе с пирожным «корзинка», обильно усыпанным малиной и клубникой, а сверху, как снегом, присыпанным сахарной пудрой. Позавтракав, я пришёл на вокзал, который всё время мне напоминал Стаса и Севу, а также нашу бесшабашную поездку в

Амстердам с Яврюхой и Петей. Поезда ходили регулярно с небольшими промежутками, поэтому долго ждать не пришлось. Я сел в вагон для курящих и за время моего пути (двадцать пять минут) успел выкурить одну сигарету. Не говоря уже о моих соседях по столику, за которым сидели уже не молодой мужчина лет сорока и женщина примерно такого же возраста, но выглядела она на все пятьдесят; за этот промежуток времени они успели выкурить по четыре сигареты. Эти курильщики даже пяти минут не могут прожить без сигареты; вагоны для курящих были созданы определённо для таких, как они, а я больше дыма там наглотался, чем покурил. «Больше в такие вагоны не ногой», — подумал я и вышел на перрон. Был прекрасный весенний день. Я подошёл к ближайшей автобусной остановке и, проверив расписание, нашёл нужный мне автобус, который подъехал минут через пять-шесть. Доехав до конечной остановки, перед выходом я поинтересовался у водителя, где находится остановка на автобус, идущий до нужной мне деревни, на что водитель ответил, что это она и есть, предупредив при этом, что этот автобус ходит крайне редко, придётся подождать. Я прождал минут тридцать, прежде чем подъехал нужный мне автобус. И на нём мне пришлось проехаться ещё столько же. Выйдя на конечной остановке, я очутился совсем не в деревушке, как описывал мне её Франк или как я себе её представлял, а в очень даже милом маленьком городке. После каменного Брюсселя пройтись по зелёной цветущей улице было очень приятно, пусть даже это была и единственная центральная улица этого городка. Показав первому прохожему — пожилому мужчине — письмо с адресом, он, добродушно улыбаясь, указал мне нужное направление. Вдоль всей дороги росли молодые, уже зелёные деревья, на всех домах и офисах висели вазоны с разноцветными петуньями, отовсюду доносилось пенье птиц. Атмосфера в этом городке стояла очень спокойная и умиротворённая, совсем не такая, как в большом, людном и шумном городе. Я прошёл мимо двух очень миловидных кафе и подошёл к небольшому одноэтажному новому зданию. На входе просторного фойе никого не оказалось, я прошёл дальше и зашёл в неосвещённый коридор, где все двери были закрыты, кроме одной, которая была приоткрыта, — оттуда просачивался дневной солнечный свет. Я постучался и, не дожидаясь ответа, вошёл. За столом сидела женщина лет тридцати пяти, пышных форм, очень добрая, на первый взгляд, и улыбчивая. Я поздоровался, показал ей письмо, а также контракт с подписью и печатью, поставленные Жаком. Французский не был её родным языком (во фламандской зоне разговорный язык был нидерландский), к тому же все фламандцы, не скрывая того,

говорят на французском неохотно, поэтому общаться с ней мне было довольно легко. Она открыла стоящий за ней железный сейф и достала оттуда деньги. Выдаваемая сумма была чётко рассчитана на оплату жилья и на провизию. Положив передо мной деньги, она сказала:

— Может быть, вы хотели бы рассмотреть как вариант для проживания наш милый городок? Подумайте, деньги будете получать те же, а затраты в три раза меньше, — сказала она и широко улыбнулась.

— Я подумаю, — также улыбаясь, ответил я и, попрощавшись, взял со стола деньги и вышел на улицу.

Блаженная улыбка какое-то время не сходила с моего лица, я глубоко вдохнул чистый, не загазованный воздух, осмотрел всё вокруг и подумал: «Да! Здесь определённо было бы неплохо встретить старость». Однако сейчас, когда мне было всего лишь двадцать два года, хотелось находиться в большом и суматошном городе, где бурлит жизнь, а количество людей и машин на улицах всегда отрезвляло своим нескончаемым потоком. По дороге к остановке я шёл с таким чувством, как будто совершил что-то невероятное, значимое, и проделал это до конца, хотя глубоко внутри я знал, что это только начало и многое ещё впереди. Но всё же одна из ступеней продвижения по социальной лестнице была уже успешно преодолена и можно было тотально расслабиться на какое-то время. Не доходя буквально двадцати метров до остановки, я остановился возле зелёного, коротко стриженного газона, вокруг которого росли красные и жёлтые тюльпаны; я снял обувь и с невероятным вдохновением прогулялся босиком по ещё влажной от утренней росы траве.

* * *

По приезду в Брюссель я сразу же отправился к Жаку, чтобы внести деньги за месяц и взять ключи от квартиры. С ключами вернулся в лагерь, чтобы оповестить Франка. Он, как всегда, сидел в своём офисе, закопанный в кипе бумаг. Увидев меня, сразу же спросил:

— Роберт, ты нашёл жильё?

— Да, — ответил я.

— Ты заходил в местный социальный офис, чтобы перевестись из деревни в Брюссель? — спросил Франк.

— Да, заходил, — я и в самом деле успел зайти туда перед тем, как идти к Жаку, — но они мне сказали то же самое. Что город очень переполнен беженцами и желательно селиться в

местах, где находилась социальная контора, в противном же случае — ездить туда каждый месяц. — Франк развёл руками. Именно для этого всё и делалось, местные власти и вправду хотели разгрузить город, но сделать это, как мне казалось, было практически невозможно, так как большинство всё равно оставались в Брюсселе, а те, кто выезжал из него, были в основном местные коренные жители, которые не могли больше смотреть на заселяющихся с невероятной скоростью беженцев, переселенцев и эмигрантов, которые населяли целые районы и кварталы, которые несли с собой свои традиции, религии и устои, без которых они не могут существовать, но которые совсем не по нраву местному населению. И из-за этого местные жители вынуждены были переезжать как можно дальше от большого города, как можно дальше от нашествия, в котором и я, в том числе, принимал непосредственное участие. Тем не менее существовала огромная разница между беженцами и эмигрантами из Европы, и Западной Азии или Африки. Или ты европеец, или нет!

Франк развёл руками. Именно для этого всё и делалось, местные власти и вправду хотели разгрузить город, но сделать это, как мне казалось, было практически невозможно, так как большинство всё равно оставались в Брюсселе, а те, кто выезжал из него, были в основном местные коренные жители, которые не могли больше смотреть на заселяющихся с невероятной скоростью беженцев, переселенцев и эмигрантов, которые населяли целые районы и кварталы, которые несли с собой свои традиции, религии и устои, без которых они не могут существовать, но которые совсем не по нраву местному населению. И из-за этого местные жители вынуждены были переезжать как можно дальше от большого города, как можно дальше от нашествия, в котором и я, в том числе, принимал непосредственное участие. Тем не менее существовала огромная разница между беженцами и эмигрантами из Европы, и Западной Азии или Африки. Или ты европеец, или нет!

— Ничего не поделаешь, придётся раз в месяц ездить, — сказал я, улыбаясь.

Франк улыбнулся в ответ и полез в шкаф, стоящий в углу комнаты; достав оттуда какие-то квитанции, выдал мне одну и сказал:

— Роберт, пойди на задний двор лагеря, там находится большой склад. Отдай эту квитанцию при входе, затем можешь выбрать себе всё, что тебе нужно для твоего нового жилья. Да! И не забывай, что у тебя осталось только десять дней, потом секьюрити заберут у тебя пропуск в Пети Шато, — сообщил

Франк и, пожелав удачи, пожал руку.

Склад был довольно большой, там можно было найти практически всё для того, чтобы полноценно обставить квартиру. Лампы и люстры, тумбочки и комоды, кровати с матрасами, диваны и всякая разная утварь, пригодная в хозяйстве. На складе я взял тарелки с чашками, вилки и ложки, кастрюли, сковороду, тонкий матрас, чтобы спать на полу, так как диван, который был в квартире, больше подходил для Пети с его маленьким ростом, а также всякую всячину, нужную для дома. Все эти вещи были бышие в употреблении. Их приносили в лагерь все желающие от них избавиться. И на первых порах становления на ноги они были просто необходимы. Вещи, выбранные мною на складе, мне помогли перенести ребята из лагеря. Не так было тяжело, как хотелось ребятам просто ощутить домашнюю обстановку и уют, по которым они сильно скучали. По дороге я зашёл в супермаркет и купил бутылку водки, а также упаковку пива. Юра К зашёл вместе со мной, и как хозяйственный человек, знающий что к чему, прихватил мешочек картошки и копчёные колбаски, плюс ещё овощи для салата. Придя на новую квартиру, ребята сразу же разложили по местам все вещи, они прекрасно знали весь этот быт, так как большинство из них уже были семейные и гораздо старше меня, не считая Пети Киевского. Они быстро почистили и пожарили картошку с колбасками, нарезали салат, я зажёг камин, и мы долго сидели в уютной домашней обстановке, ели вкусную жареную картошку, посыпанную сверху кольцами копчёной колбасы, чокались за новоселье рюмками с водкой, а потом запивали пивом, при этом ведя интересные познавательные беседы. Ребята говорили, как они завидуют по-доброму, что я теперь в своей квартире, а не в лагере, но мне весь этот переезд казался неожиданным и скоропостижным, я с большим бы удовольствием пожил ещё несколько месяцев в Пети Шато. Но ситуация сложилась так, как сложилась, и надо было всё достойно принимать и быстро приспосабливаться. После дружной, где-то даже романтической посиделки в тёплой квартире у камина, я проводил всех обратно в лагерь, а сам решил вернуться и переспать там первую ночь, несмотря на то, что у меня ещё оставалось десять ночей в лагере, по которому я уже начинал скучать. Петя также решил не оставаться в лагере и пошёл со мной в нашу новую квартиру. Он не любил лагерь так, как любил его я: его башни у ворот, его коричнево-красные кирпичи, вьющийся по фасаду и меняющий свой окрас девичий виноград, его телевизионную, где я засыпал поздними вечерами и, проснувшись посреди ночи, шёл к себе в кабинку, которая была для меня, как потайная каморка, уютная и какая-то даже родная;

он не любил ходить вечерами по внутреннему двору лагеря и пинать ногами осыпавшуюся со стен листву, как можно было не любить утреннюю безлюдную столовую, которая незабываемо пахла круассанами, тостами и кофе, не говоря уже о длинных и мистических коридорах лагеря, хранивших в своих стенах тайны ночных посиделок и разговоров. А люди?! Хотя я сам не стал бы себя причислять к любителям постоянного общения, я прекрасно обходился и без этого, но всё же из всей массы людей, здесь проживающих, несколько человек определённо стоили внимания и желания общения с ними. Пети Шато просто дышал жизнью! К сожалению, не для всех. Но сегодня я решил потихоньку отвыкать от его гостеприимства. Я шёл и на ходу слегка похлопывал ладонью по высоким стенам Пети Шато, практически не слыша, что мне в это время говорил Петя. Он рассказывал, что босс его недолюбливает, зарплату вовремя не платит. Но как только получит, говорил Петя, сразу же отдаст мне положенную сумму. Что-то мне это напомнило. Вспомнились псевдо обещания псевдо друзей, с которыми я познакомился в первые же дни по прибытию в лагерь. Подумав про это, я просто посмотрел сверху вниз на идущего рядом и рассказывающего про свою нелёгкую жизнь Петю, ничего ему так и не сказав. Моя новая квартира, как и её местоположение, вызывала у меня умиление. Ведь все достопримечательности: Гранд-плас, писающий мальчик, церковь святого Михаила, Брюссельский парк и многое другое… всё было под боком. Мы пришли домой, попили чай. Петя сразу же прыгнул на диван, не раздеваясь, и, укрывшись пледом, стал практически мгновенно похрапывать, а я в это время подошёл к окну. Из окна я мог с легкостью наблюдать, как горят в ночи верхушки башен с площади Гранд-плас, как прогуливаются не спеша люди и как проезжают внизу кареты с лошадьми, приятно цокая копытами по брусчатке.

Я положил на пол матрас, надел простынь, заправил одеяло в пододеяльник, разделся и практически сразу уснул. Спал я хорошо. Остальные девять дней прошли в поочередной перемене спальных мест, но что оставалось неизменным на этот период, так это столовая, где я завтракал, обедал и ужинал до последнего дня, пока у меня не забрали пропуск на проходной.

«Вот и всё!» — подумал я. Морально я уже был готов к самостоятельной жизни, оставалось только научиться готовить. Но и этого делать не пришлось. Какой-никакой завтрак я всегда мог себе сварганить, обедал я в основном в турецком мебельном магазине, куда Бурхан по просьбе своего кузена на обед приносил вкусную сочную питу, а вот ужинать мы с ребятами, с которыми в один из субботних дней на канале (на канал я выходил по

выходным) меня познакомил наш общий знакомый, ходили на ж/д вокзал, куда к восьми часам вечера всегда приезжала служба «Красного Креста», привозя с собой бидоны с провизией, — они кормили ужином всех бездомных и нуждающихся. Это может показаться странным, но еда там была вкусная и разнообразная: картофельное пюре или картофель фри с окорочками и свежим салатом, рис с кусочками куриного филе под соусом карри, спагетти болоньезе и многое другое, включая также пирожные, чай или кофе. Бездомные были в основном немолодые, уже спившиеся бельгийцы и не только, так как «зелёный змий» многих сбивал с верного пути, независимо от нации и религии, а вот к нуждающимся можно было причислить практически всех Совков, которых было большинство в длинной очереди за пайкой. Также в очереди можно было встретить несколько человек из Пети Шато и других лагерей, которых чем-то не устраивало их питание, или же они просто-напросто хотели разнообразить свой рацион. Нужно также брать во внимание и тот немногий процент людей, стоявших в очереди, которые по воле случая остались без жилья и без копейки в кармане. Как, например, и мои новые друзья, как их ещё часто называли — Четыре брата. А познакомил меня с братьями Женя, или Юджин.

* * *

Мы с Юджином познакомились ещё в лагере буквально за несколько недель до моего переезда на квартиру. Завтракая как-то в пустынной столовой и громко разговаривая с Димой (обсуждали его интервью), мы привлекли внимание только что въехавшего паренька, который стоял посреди зала с подносом, на котором были тосты с джемом и чай. Услышав русскую речь, он подошёл к нам, поздоровался, представился и, присев рядом, стал расспрашивать уже привычные нам с Димой вопросы про лагерь. Дима спешил на своё первое интервью, поэтому быстро распрощался с нами и убежал. Мы с Юджином остались вдвоём, продолжив знакомство. Юджин оказался скромным парнем, на вид ему можно было дать лет двадцать, не больше, хотя на самом деле ему было около двадцати пяти, но сдался он также, как и я, по рекомендации своих друзей как шестнадцатилетний, в надежде получать все льготы и привилегии, которые предоставлялись всем несовершеннолетним. Поэтому и выглядел он всегда подобающе, стараясь соответствовать образу несовершеннолетнего юноши. На нём были тёмные, с виду школьные брюки, которые складками ложились на поношенные

коричневые зимние ботинки, старенький джемпер и тёмно-бордовое, на вид велюровое пальто с капюшоном, с которым он долго не мог расстаться. Своим видом Юджин чем-то напоминал мальчика с картины «Опять двойка». Сам по себе Юджин был добрым и отзывчивым. Он был чуть выше среднего роста, спортивного телосложения, чем-то напоминающего гимнаста или акробата, не густые светло-русые волосы и мутно-голубые глаза. За последние две недели, проведённые в лагере, я ещё успел съездить на несколько мероприятий, организованных соцслужбами, на них был также и Юджин, как оказалось, любящий всё новое и желающий получать по максимуму от предлагаемых нам в лагере льгот. Эти мероприятия были не столь значительны, но в то же время интересны и увлекательны. Первое место, куда мы попали вместе с Юджином, был кукольный мистечковый театр, который организовали студенты какого-то университета, а второе — поездка в аквариум, который произвёл на нас огромное впечатление. Первый раз оказавшись в комнатах с панорамным видом, в тоннеле, окружённым стеклом и стаями разноцветных рыб разной величины, плавающих прямо перед нашими глазами, мы стояли и смотрели вокруг, как вкопанные, не отводя взгляда от красот мировых морей и океанов. Даже не заметили, как пробежали два часа, отведённые нашей группе. Последние дни, проведённые в лагере, мы с Женей виделись довольно часто. Как он познакомился с «Четырьмя братьями», я не знаю, но помню только то, что субботни, прохладным вечером, стоя на канале, он подошёл вместе с ними и нас всех познакомил.

Глава 23. «Четыре брата»

На самом же деле это были два брата Олег и Сергей К и ещё два брата Сергей и Андрей. Они вчетвером приехали в Европу из российской глубинки в поисках лучшей жизни. Их также, как и многих других, привезли в Брюссель, пообещав работу и жильё, но впоследствии кинув на произвол судьбы. Им ничего не оставалось делать, как находить такие места для пропитания, спонсируемые «Красным Крестом», и зная практически все из них, они курсировали между ними, начиная с завтрака и кончая ужином. Каждый вечер, встретившись на фонтане после работы, куда я приходил из мебельного магазина, а ребята — с канала, мы вместе дружно шли на ж/д вокзал, где нас уже ожидал ужин. Все ребята были на 2–3 года старше меня по возрасту. Между собой особых сходств как у одних братьев, так и у других не было. Даже на лица они были не похожи. Разные нравы, разные взгляды на жизнь, разный темперамент и, конечно же, у каждого был свой собственный духовный внутренний мир. Если встретить их вместе, с первого взгляда никогда не скажешь, что это братья. Но так или иначе они все в своём роде были связаны с музыкой. Сергей К и Олег (два брата) участвовали в музыкальной самодеятельности, играя на банджо и гитаре в местном клубе, а также гастролируя небольшой группой по близлежащим сёлам и городам. Андрей и его брат Сергей, занимались оснащением концертных залов и площадок, светооборудованием. К тому же Сергей ещё участвовал в различных местных театральных постановках, играя с одной стороны незначительные, но очень важные для него роли. Мы с ребятами очень подружились и видели интерес в нашем взаимном общении.

С Петей Киевским последнее время я виделся крайне редко. Его истории о безденежье уже изрядно надоели, поэтому мы с ним практически не разговаривали. Он также продолжал жить в лагере, изредка захаживая, чтобы переспать ночь и почувствовать себя, как дома. Приходил он два или три раза в неделю, обычно после часа ночи, когда я уже спал, и также рано, около семи утра, уходил на работу. Даже выгнать его удобного случая пока не выпадало. Но одним утром, рано проснувшись, на часах ещё не было шести, я стал собираться на работу. В мебельный магазин, где я работал, поступил очень хороший заказ из другого такого же магазина, находящегося в другом конце Бельгии, поэтому мне нужно было быть в лавке к семи утра, чтобы помочь Бурхану загрузить грузовик креслами и диванами. Петя в это время ещё спал или делал вид, что спит, так как обычно он в это же время

уже старался сбежать и не разбудить меня. Выпив кружку растворимого кофе, я подошёл к вешалке, чтобы взять свою куртку. Рядом висела Петина куртка, из кармана которой выглядывала пачка сигарет. С утра после кофе при виде ароматных бельгийских сигарет очень захотелось выкурить одну. Я обернулся и посмотрел на Петю, он уже не спал, а просто валялся на диване. Я потянул за пачку сигарет, чтобы взять одну и, соответственно, поставить его в известность. Как вместе с пачкой из кармана показалась немалая сумма денег. Я посмотрел на Петю, лежащего и смотрящего в потолок, и сказал:

— Петя, я возьму у тебя одну сигарету?

— Не смеши меня, Роберт. Откуда у меня могут быть сигареты?! — сказал он, усмехаясь, — денег босс мне не платит, я бы и сам с удовольствием стрельнул у кого угодно сигаретку, другую, — держа в руке пачку сигарет и стоя к нему спиной, я развернулся и сказал:

— Вот, у тебя из кармана торчали. Или не твои?! — глаза у него в этот момент стали размером с блюдца, он вскочил с дивана и подбежал к своей куртке, из кармана которой выглядывали крупные купюры.

— Так ты вор! — заорал он, выхватив сигареты из моей руки и заталкивая купюры обратно в карман, не зная также, что сказать в ответ.

«Ясно, — подумал я, — лучшая защита — это нападение».

— Заметь, я у тебя ничего не взял, но, наверное, нужно было, — сказал я, — ты уже второй месяц живешь на халяву. Хотя сам предложил эту квартиру, а также жить вместе.

— Почему ты лазишь по чужим карманам? Кто тебе дал такое право? — громко кричал он, очень быстро одеваясь, чтобы побыстрей сбежать.

Мне совершенно не хотелось ничего ему объяснять или доказывать. Всё было предельно ясно. Хотелось, конечно же, сказать ему пару ласковых, но зря распыляться и выкидывать понапрасну энергию на недостойных было не в моих правилах. На воре, как говорится, и шапка горит.

Тут я вспомнил Жака, когда в первый же день у него на квартире, с первого же взгляда на Петю он разгадал его намерения. Он видел его насквозь. Поэтому не зря тогда спросил меня, уверен ли я в нём или нет? После этого случая мы с Петей больше не виделись. После тяжёлого трудового дня, открестившись от диванов и кресел, от которых у меня, как обычно, отваливались от усталости руки и ноги, я спешил по направлению к фонтану, где меня уже ожидали «Четыре брата», так как подходило время ужина. По дороге к вокзалу Андрей,

один из четырёх, подошёл ко мне и сказал:

— Роби, тут такое дело. Нас выселяют из нашей квартиры. Нам нечем за неё платить. Ты не против, если мы вчетвером у тебя поживём какое-то время, пока не найдём себе новое жилье?

Андрей шёл, говорил и заглядывал мне прямо в глаза, ему это было с руки, ведь мы были примерно одного роста. Он был высокий, поджарый парень, с вытянутым лицом и немного выпуклыми глазами зелёного цвета, которые всегда смотрели любопытно-хитрым взглядом, также в них читалось желание роскошно жить и при этом ничего не делать. Тёмного цвета волосы немного завивались спереди и были окрашены гидроперитом в желтоватый цвет. Остальная же часть головы была выбрита почти наголо. На нём практически всегда, даже летними тёплыми вечерами, была надета косуха, которой он очень гордился, а также узкие джинсы. У Андрея был хорошо подвешен язык, поэтому разговаривать и правильно объясняться он был мастак. Временами он напоминал мне такого же любопытного, хитрого и разговорчивого Яврюху, которому палец в рот не клади.

— Без проблем! — громко сказал я Андрею, хотя знал, что остальные трое также внимательно слушали наш разговор в это время, — живите, сколько надо, Петя (они были знакомы) всё равно уже съехал. Только по возможности, если будет у вас работа, конечно, — отметил я, — будем разделять расходы пополам, — идёт?

— Идёт! — сказали они дружно.

На этой доброй ноте мы ускорили шаг, спеша на «званый ужин». После плотного ужина в большой компании уже хорошо нам всем знакомых беженцев и эмигрантов, обменявшись, как обычно, новостной информацией, касающейся только людей нашего ранга, мы с братьями направились ко мне на квартиру, но перед этим ребята решили заскочить к себе и забрать свои вещи. Сергей, брат Андрея, был самым старшим в нашей компании. Он был пониже Андрея ростом, русый, мало улыбчивый, сбитого телосложения, часто серьёзный, на выдвинутой слегка вперёд широкой челюсти красовалась светло-рыжая бородка, аккуратно выбритая на американский манер. Он также носил косуху, но предпочитал широкий фасон брюк и джинс. Что ни говори, но представление о Европе ребята кое-какое имели, и, соответственно, одеваться, будучи провинциальными парнями, старались хорошо. Подходя к дому и посмотрев на нашу дружную компанию, я улыбнулся. «Да! Разместиться нам впятёром будет непросто, а точнее, тесновато. Но в тесноте, да не в обиде», — прикинул я в мыслях и вставил ключ в замочную скважину. Зайдя

в квартиру, Олег сразу приземлился на диван, сказав, что хоть он ему и не совсем впору по длине, но для него это не беда, можно поджать ноги. Олег был шатеном, чуть выше среднего роста, среднего телосложения, с большими добрыми и наивно-голубыми глазами, которые смотрят на тебя, доверяя и соглашаясь абсолютно со всем, чтобы ни говорилось и предлагалось. Но впоследствии, делает всё с точностью до наоборот, другими словами, по-своему. К работе Олег был абсолютно не предрасположен, ему больше нравилось валять дурака, а делал он это с полной самоотдачей. Хотя я также не могу причислить себя к ряду трудоголиков, скорее наоборот, но так бездельничать, как это делал Олег, надо было поучиться. Я порой ему даже завидовал. Уметь так тотально отречься от повседневного быта мог только абсолютный лодырь или романтик, что в принципе одно и то же. О, как он мог валяться на диване, улыбаясь, смотря весь день в потолок, не имея при этом ни копейки в кармане, практически впроголодь, без малейшего стремления заработать себе на хлеб насущный, ожидая вечера. За это можно отдать ему должное. Его же брат, Сергей К, был полной ему противоположностью. Он был чуть ниже своего брата, среднего телосложения, в меру скромен и остроумен. У Сергея К были русые волосы и такие же голубые глаза. Физическую работу особо не любил, но и не избегал, и при любой возможности поработать Сергей К был в первых рядах. В то время конца девяностых, когда интернет и компьютеры становились предметом первой необходимости, Сергей К был уже изрядно продвинут в этой сфере (читал массу книг по этой теме), в отличие от всех нас; и всё свободное от работы время, да и не только, пропадал в интернет-кафе, которых тогда в Брюсселе становилось всё больше с каждым днём. Сергей К и Олег были немного победней своих друзей, братьев Сергея и Андрея, и одевались, соответственно, поскромней. Ребята достали из своих принесённых сумок толстые одеяла и постелили их на пол. Я с краю положил свой матрас. Мы вчетвером легли в ряд и заняли практически всё пространство в маленькой комнате. Дни проходили в дружественной и весёлой обстановке. Утром мы все просыпались, выпивали кто чай, кто кофе с хрустящим французским багетом или лавашом, затем шли все вместе на канал, где прощались до вечера: переходя через мост, я направлялся к мебельной лавке, где у входа уже ждал мой коллега за рулём своего загруженного с вечера грузовика; ребята же оставались пытать счастье на канале. Спустя несколько дней, проведённых на канале, Андрей со своим братом Сергеем нашли постоянную работу, которую им предложил владелец одного гольф клуба. Она заключалась в том, что ребята с утра до вечера

катались на мини-тракторе по полю и косили траву. Работёнка была непыльная и хорошо оплачиваемая, поэтому братья за неё очень держались. Сергей К и Олег всё также продолжали работать с перебоями, а если ещё и выпадала возможность отсидеться дома в ароматном дыму марихуаны, они её не упускали, предварительно оповестив меня об этом. Временами я составлял им компанию, махнув в очередной раз рукой на «турецкую лавку». После работы мы, как обычно, спешили в «ресторан Красного креста», а после покупали два литра кока-колы и длинный сладкий кекс в одном из турецких магазинчиков, которые здесь на каждом углу. Ночью у фонтана, усевшись на спинку скамейки с кексом в руке, передавая по кругу бутылку кока-колы, мы слушали очередные рассказы Сергея, всячески стараясь не перебивать его, во время которых он демонстрировал игру (как в театре одного актёра), позволяя и даже вынуждая всех присутствующих принимать в этом участие, что определённо вызывало у меня живой интерес, ведь каждый мог проявить себя, рассказав как можно экспрессивней любую из своих жизненных или же придуманных на ходу историй. Если шёл дождь, мы шли в близлежащий бар, где слушали никому не известных диджеев и пропускали по пару бокалов холодного бельгийского пива.

* * *

По выходным дням в ночное время суток улица, где я проживал, и все близлежащие превращались в очень оживлённое место, так как здесь, были расположены ночные бары и клубы, которые открывались около полуночи и работали до утра. Шума от них не исходило никакого, чего не скажешь о гуляющей толпе людей, которые громко приходили и вливались в эту волну ночной жизни, затем также громко под утро выходили из неё. Меня это особо не тревожило, так как мы с братьями тоже гуляли по выходным допоздна, а когда засыпали, уже не слышали отливающую утреннюю волну, любителей ночной жизни.

* * *

Возвращаясь как-то вечером после работы домой, я почувствовал, как в кармане завибрировал телефон. Я ответил — звонил Сергей К:

— Привет, Роберт. Ты уже закончил работу?

— Да, иду сейчас к фонтану. А вы где?

— Мы стоим на канале, ждём одного пакистанца. Днём он подъехал к каналу и предложил ночную работу, сказал, что ему нужно 6 человек для этого. Не хочешь к нам присоединиться? Юджин, кстати, тоже будет.

— Даже не знаю, завтра суббота… А что нужно будет делать? — спросил я Сергея.

«Хотя, — подумал про себя, — нужно было не спрашивать, а просто отказаться, так как эта неделя выпала очень продуктивная, я натаскался диванов, кресел, столов и разных шкафов так, что больше не мог на это всё смотреть, хотелось просто выспаться, отдохнуть. Но и ребят подводить тоже не хочется, может быть, они впятером не справятся».

— Пакистанец сказал, что нужно будет просто перебрать одежду в магазине и развесить её на вешалки, и как только управимся, можем сразу идти домой. Каждому пообещал по 30 долларов.

— Вроде бы непыльная работёнка, — сказал я.

— Нет, совсем нет. Тем более что мы в шестером, думаю, быстро справимся, — уверенно говорил Сергей К.

— Хорошо. Ждите, сейчас подойду.

Уже начинало вечереть, но ребят, стоящих на канале, я увидел издалека. Пакистанец подъехал очень скоро после того, как я подошёл. Он был чуть выше среднего роста, коренастый мужчина лет тридцати пяти, по-европейски одетый, на вид весельчак, улыбка не сходила с его лица. Я уже знал, что таким доверять не стоит, поэтому сказал ребятам, что деньги за работу нужно брать вперёд. Подъехав к магазину, прям перед входом мы попросили его с нами рассчитаться. Пакистанец окинул нас взглядом, широко улыбаясь, засунул руку в карман и вытащил оттуда толстую пачку купюр. После того, как он отсчитал каждому оговоренную сумму, мы последовали за ним в магазин. Это был довольно большой двухэтажный магазин. Пройдя через ряды одежды в другой конец и спустившись за ним вниз по железной лестнице, мы очутились в подвальном бетонном помещении без окон и вентиляции. На полу лежала огромная куча вещей, сбоку стояли невысокие железные перекладины, на которых висели пустые вешалки. Пакистанец нам объяснил, что все вещи нужно распределить на летние и весенне-осенние, а также зимние, развесив их на вешалки и на разные перекладины, а также не миксовать цвета, тёмные к тёмным, светлые и цветные, соответственно, к таким же. Сказал, что как только мы всё сделаем, можем смело идти домой. Посмотрев на всё это, прикинув, я подумал, что за три, максимум четыре часа мы управимся. На часах было около девяти вечера.

Пакистанец поднялся наверх, походил там минут десять, а потом, выключив везде свет, ушёл, оставив нам в подвале лишь тускло горящую лампу.

— Да… ну и скупердяй же этот паки, — недовольно сказал Андрей, — мог бы хоть свет нормальный сюда провести, а то будем сейчас как кроты здесь копаться.

— Ладно, пойдем наверх перекурим, — предложил Сергей К, — а потом за дело.

Мы поднялись наверх, подошли к двери, она оказалась закрыта снаружи. Дверь была стеклянная, как и вся витрина, разбить её не составило бы нам труда, но мы решили, что раз уж нам заплатили, работу нужно сделать, а потом найдём, как отсюда выбраться. Мы вшестером сели возле витрины, смотря сквозь неё на ночную, слабо освещённую улицу, и закурили, сбивая пепел в кружку, которую Олег взял со стола продавца, высыпав предварительно из неё ручки и карандаши на стол. Докурив, мы спустились вниз и принялись за дело. При тусклом свете, в закрытом, да ещё подвальном помещении, без достаточного кислорода, в духоте, обливаясь потом и практически на ощупь мы перебирали и развешивали эти вещи. Смеялись, шутили, на перекур больше не поднимались, желая закончить побыстрей. Как мы ни старались, но закончить начатое мы смогли только к 6-ти утра. Ровно в шесть открылась входная дверь, зазвенел колокольчик, и пакистанец стоял уже внизу и принимал работу. Он прекрасно знал объём работы, какое количество человек её сможет сделать и за какое время. Плюс-минус час, но скорее плюс, чем минус, так как мы, как говорится, трудились не покладая рук. Олег при своём «рвении» к работе больше ковырялся в вещах, меряя то одно, то другое (в основном это были женские вещи), смеша нас до слёз. Я вешал всё подряд, не перебирая, Андрюха всё время юморил, матюкая пакистанца и также копаясь в вещах, вешая их без разбора, а вот его брат Сергей вместе с Юджином и Сергеем К уже делали работу как положено — скрупулезно и быстро, — поэтому мы и успели к шести часам утра.

На улице уже светало, было тихое свежее утро. Мы вылезли из подвала и вышли из магазина, прищуривая глаза от яркого дневного света, вдохнули свежий утренний воздух и, дружно закурив, пошли домой отсыпаться. Примерно через десять дней ребята нашли себе жильё и, оставив мне часть суммы за квартиру, переехали. Но мы всё также продолжали видеться и проводить свободное время вместе.

Глава 24. Антикварная лавка

Прогуливаясь как-то вдоль улицы Rue du Lombard, я зашёл в антикварную лавку, в которой была уйма всякого подержанного старья и барахла. Только местами, как мне казалось, под стеклом, лежали стоящие антикварные предметы. Хозяина этой лавки звали Виктор. Он был русским, высокого роста, крупного телосложения, лет семидесяти, седой, немного сутулый, с огромными, как кувалды, кулаками и хитрым опытно-пронизывающим насквозь взглядом. Он всегда носил один и тот же твидовый пиджак с кожаными потёртыми заплатками на локтях. Каждый раз, когда я заходил, чтобы поковыряться в барахле, его никогда не было на месте. Он закрывался в своей каморке и сидел там днями, изредка выходя, когда кто-то из посетителей и в самом деле собирался что-то приобрести или когда его «постояльцы» приносили ему ворованные вещи. Он всё мониторил из своей каморки. Заходил я в последнее время довольно часто, так как жил практически напротив магазина. Также и в этот раз, его опять не было на месте, но он всегда знал, что кто-то в лавке, так как звонкий колокольчик, висевший на двери, уже оповестил его об очередном посетителе или ротозее. Виктора, наверное, знали все эмигранты, беженцы и нелегалы, проживающие в Брюсселе. Он был не против поживиться свежеукраденными вещами, которые всегда выторговывал за копейки, в основном у наркоманов, которым деньги нужны всегда и желательно побыстрей, а сумма уже не играла для них особого значения.

— А, это опять ты, бездельничаешь, как обычно?! — спросил Виктор, выходя и закрывая на ключ дверь своей каморки, которая находилась в конце комнаты и из-за всякого старья, набросанного сверху, её практически не было видно.

— Да, — сказал я, разглядывая старинные монеты и не обращая на него никакого внимания.

— Ты всё также не воруешь? — спросил Виктор, слегка улыбаясь и, опустив очки на край носа, посмотрел на меня исподлобья.

— Нет! Я не голодаю, чтобы воровать. На жизнь мне хватает.

— Ну-ну… — ухмыльнулся Вик (так мы его называли между собой) и, достав из-под стекла новую коллекцию старинных монет, протянул мне.

— Вот, посмотри. На днях приобрёл.

Ценников в магазине не было, но я примерно имел представление о дороговизне некоторых экземпляров,

находившихся в лавке. Как, например, и эти старинные монеты, которые дал мне посмотреть Вик и которые сразу привлекли моё внимание, как только я зашёл в лавку. Это были монеты Российской империи XIX века, с выбитым двуглавым орлом на одной стороне, а на другой была надпись «Рубль» и год — 1861.

— Может, есть непыльная работёнка для меня? — спросил я Виктора.

Вик посмотрел на меня и, глубоко вздохнув, сказал:

— Есть, Роберт, но не про вашу честь. Ты же сам знаешь, мой контингент — воры да мошенники.

— Знаю, — сказал я, улыбаясь, — а ещё знаю, что у вас большие связи и при желании можно было бы что-то найти. Не так ли?

— Так-то оно так, но, — начал говорить Виктор и замолчал, — ты знаешь, Роберт! А приди-ка ты завтра с утра. Мой внук делает какую-то рекламную кампанию. Я не знаю ничего об этом, но по-моему он искал людей. Подойди к десяти завтра, поговоришь с ним сам.

— Хорошо, Виктор, спасибо! — сказал я, и перед тем как отдать ему назад монеты, ещё раз потёр их пальцами, чтобы почувствовать текстуру старины.

Выйдя на улицу в хорошем настроении, я шёл по направлению к дому и думал, что мебельный магазин у меня уже в печёнках сидит, с его креслами, диванами, разными гарнитурами. Мне кажется, что я уже натаскался этой мебели на всю жизнь вперёд. Надо определённо менять профессию. Придя домой в свою тихую и уютную квартиру, в которой пахло старыми вещами и пылью, я зажёг камин и открыл окно, чтобы проветрить комнату. Выйдя на мини-балкон, чтобы вдохнуть свежий вечерний воздух, я увидел своих соседей из дома напротив — это была молодая пара, с которой я уже успел познакомиться. Они, как обычно, сидели в раскорячку на балкончике, свесив ноги, смеялись и кушали спагетти, запивая их красным вином. Дома стояли настолько близко, что казалось, если бы я протянул руку, то смог бы залезть к ним в тарелку.

«Да! В этом месяце за квартиру опять придётся платить самому… — я глубоко вздыхал и махал одновременно соседям напротив, — а это почти все деньги, выдаваемые мне социалом». Если бы ещё и на еду надо было тратиться, то этих денег точно бы не хватило. В этом случае «Красный крест» был единственным спасением. К тому же мне недавно показали одно большое складское помещение, напоминающее рынок овощей и фруктов, куда раз в месяц приходят социальщики, регистрируются при входе и в зависимости от количества человек в одной семье

получают бесплатно провизию: овощи, фрукты, хлеб, муку и многое другое. Уходил я с этого склада всегда с двумя пакетами, набитыми до краёв. Поэтому голодать не приходилось. Потихоньку я стал осваивать кулинарные тонкости. Но тем не менее, глядя на весёлых соседей, я подумал, что нужно искать новое жильё, эта квартира слишком дорогая для одного человека. Утром, как и обещал, я зашёл в лавку к Виктору, где встретил его беседующего с опрятно одетым молодым человеком. Он увидел меня и сказал:

— Вот, Роберт, познакомься, это Максим.

Я подошёл и поздоровался с Виктором и с ним. Это был парень лет двадцати шести, высокий шатен с карими глазами. На лице было написано хорошее образование и манеры. В глазах горел огонёк юношеского задора и высокомерия.

— Хорошо, дед, увидимся завтра, — сказал он Вику и обнял его.

— Пошли, Роберт, поговорим на свежем воздухе, а то здесь все мои вещи уже пропахли старьём, — сказал Максим, улыбаясь и направляясь к выходу.

Я вышел за ним, махнув Вику на прощанье.

— Пойдём в кафе, выпьем кофе, там и поговорим. Да, и зови меня просто Макс, так будет привычней, — сказал Макс, и мы пошли к ближайшему кафе, которое находилось в минуте ходьбы от антикварной лавки.

Присев за столик на улице, Макс заказал себе эспрессо, я попросил свежевыжатый сок. На улице стояло удивительное весеннее субботнее утро. Солнышко уже согревало своим теплом. Я сидел в футболке, наслаждаясь его тёплыми лучами. На деревьях, посаженных вдоль дороги, пели птицы. Людей было ещё мало, хотя постепенно кафе начинало наполняться. Макс выпил залпом кофе и, закурив ментоловую сигарету, начал разговор:

— Мы с друзьями организовываем рекламную компанию и собираемся рекламировать абсолютно всё. Главное, чтобы заказчик платил деньги! — сказал Макс, широко улыбаясь, — для этого нам нужны люди, может, ты знаешь ещё ребят, которые хотят заработать?

— Я узнаю, — ответил я и сразу же спросил: — в чём будет заключаться моя работа и сколько вы собираетесь платить за неё?

— Ничего особенного делать не надо, Роберт, не переживай, — заверил меня Макс, — нужно будет просто раздавать лифлеты на перекрёстках, пока горит красный сигнал светофора, вот и всё! Обычно это занимает от двух до трёх часов в день. И платить мы за это будем тридцать долларов, не зависимо от того, за три часа ты это сделаешь или за два. Но работа

непостоянная, мы думаем, два-три раза в неделю. Что скажешь?

Я прикинул… В турецкой лавке мне платят двадцать пять долларов за шесть часов. Но там пять дней, а здесь два-три. Я всегда ценил своё время, точно также, как и свою свободу. И вообще, мне было гораздо приятней провести целый день в парке, а также в сквере у фонтана или просто побродить по улицам, чем пытаться заработать на «чёрный день», таская тяжеленную мебель или ещё что-то в этом роде. Всю жизнь корячиться, не видя всех прекрас вокруг, не путешествуя и не уделяя себе достаточно времени… И всё только для того, чтобы отложить бумажные разрисованные обрывки на «чёрный день» или того хуже — забрать с собой в могилу. Нет! Это не для меня. Ну да ладно! Каждый кайфует по своему. Они вряд ли поймут меня, а я уже давно понял их.

— Мне подходит! — ответил я.

— Хорошо. Давай я запишу твой телефон, — на этом мы с Максом разошлись.

Через несколько дней позвонил компаньон Макса, Карл, и сказал куда подойти. Я в это время находился в мебельном магазине. На удачу, работы в этот день было очень мало, большую половину дня я просидел среди турецких ковров, пытаясь читать местную (бельгийскую) газету, неизвестного года выпуска. Ответив Карлу на звонок, я отпросился уйти пораньше и направился в центр Брюсселя. Мы встретились с ним на большом перекрестке, где он вручил мне небольшой картонный ящик лифлетов и сразу дал тысячу двести франков (тридцать долларов). Карл был блондином высокого роста, худощавым, очень улыбчивым и весёлым бельгийцем.

— Роберт, — сказал Карл, улыбаясь, — ящик с лифлетами пускай стоит под светофором, а ты бери понемногу, и когда красный свет, проходи мимо машин и предлагай водителям, да и всем желающим.

Я одобрительно махнул головой. Карл пожал мне руку, сел в стоящий рядом красный двухместный кабриолет и, махнув рукой, уехал. Красный свет светофора на этом центральном перекрёстке горел довольно долго. Поэтому опустошение ящика лифлетов у меня заняло не более чем полутора часов. «Неплохо!» — подумал я. На этом с турецкой лавкой было покончено. Спустя несколько дней я позвонил Максу и предложил взять на работу двух моих друзей, Сергея К и его брата Олега, но неожиданно для меня он сказал, что пока работники им не нужны.

Глава 25. Неожиданная встреча

Спустя несколько дней я решил зайти в антикварную лавку и поблагодарить Виктора. Как ни странно, но в этот раз, когда я вошёл, он стоял за прилавком и что-то раскладывал под стекло, скорее всего, это были новые безделушки. Мы обменялись дружественным приветствием, Вик был в хорошем расположении духа. Вероятнее всего, приобрел или продал что-то стоящее. В тот момент, когда я благодарил Виктора, послышался звон его очень шумного колокольчика на двери. Я обернулся и увидел загипсованную ногу, входящую первой в дверь, за ней последовали костыли, а уж потом и Саша Иванов.

— Какими судьбами?! — сказал он мне с порога, расплывшись в улыбке.

— Тебя поджидаю, — ответил я ему шутя, после чего подошёл и поздоровался, — у тебя ранение?

— Потом расскажу, — спокойно ответилл Саша и подошёл к Виктору.

— Ну что, есть результат? — спросил он Вика.

— Да, Саша, долго лежали и вчера вот только продались, — сказал Вик и достал портмоне.

После того как Вик рассчитался с Сашей, мы постояли в лавке ещё несколько минут, распрощались с ним и вышли на улицу. Саша, как я заметил, был немного в подавленном состоянии. Очень похудел в лице и отпустил бороду, которая, конечно же, его старила.

— Пошли, Саня, зайдём ко мне, выпьем чаю, поговорим.

— Пошли, Роби, рад тебя видеть!

— Взаимно! — сказал я, радуясь нашей встречи.

Саша с трудом поднялся ко мне по узкой винтовой лестнице.

— Чай, кофе, — поинтересовался я у него.

— У тебя есть что-нибудь поесть? — спросил он, — я ужасно голоден.

У меня на кухне стояли два полных, ещё не разобранных пакета с едой, которые я притащил со склада. Там были макароны, яйца, картошка, лук-порей, сельдерей, брокколи, морковь, баклажаны, томатная паста и два багета, не считая яблок и бананов.

— Есть, — ответил я, — только нужно готовить.

— Это мы быстро организуем, — обрадовался Саша и, встав с дивана, поскакал на одной ноге на кухню.

Я стоял в проходе, оперевшись плечом о дверной косяк и смотрел на Сашу и его готовку.

Он быстро помыл и мелко порезал лук, морковку, красный перец, высыпал всё на сковороду, обжарил, добавил томатной пасты, соль, перец по вкусу и забросил всё в уже кипящую в кастрюле воду, добавив ещё лапши, бульонный кубик и мелко порезанную картошку.

— Ну вот, десять минут и суп готов! — довольно произнёс Саша своим немного хрипловатым голосом.

— Роби, у тебя есть что-то алкогольное? Выпить охота!

— Нет, ничего нет, — сказал я и, выдержав паузу, спросил: — Что случилось, Саня? Я же вижу, что ты сам не свой.

Он подвинул стул и, сев возле открытого окна, закурил.

— Произошло недоразумение из-за двух угнанных авто: пока я стоял и разговаривал на повышенных тонах с одним из своих подельников, кто-то из их компании подошёл и, как мне показалось тогда, несильно стукнул меня по ноге клюшкой от гольфа, он попал прямо по кости, которая, как ты понимаешь, треснула.

Несколько дней я похромал, не придавая этому особого значения, а потом не выдержал и поехал в госпиталь. Результат на лицо, — он слегка улыбнулся.

Я молча слушал и ничего не говорил. Нога была не столь важна для меня. Я продолжал смотреть ему в уставшие, угасающие глаза, которые тревожили меня и которые он всячески пытался прятать. Саша определённо это заметил и неожиданно для меня сказал:

— Я на игле, Роби. Уже как три месяца, — он замолчал на несколько секунд, — всё началось после смерти отца.

— Это не оправдание, Саша! У всех кто-то умирает. Но это не повод садиться на иглу и плевать на жизнь! — резко высказался я.

— Я просто устал, Роби. Устал придавать всему значение, устал думать обо всём, а также быть всегда в фокусе. Хочу просто бездействия.

Мне было больно на него смотреть. Внутри всё сжалось; я видел, как рассудительный, собранный, смелый, добрый, всегда сфокусированный человек превращается в безразличный овощ, который плюнул на жизнь со всеми её проблемами, сложностями и недостатками, он просто сдался. Это было именно так, и никак иначе. Как бы больно мне ни было на него смотреть и об этом говорить, и думать в эту минуту, но ничего поделать я не мог. Вспомнил нашу последнюю беседу, где я всячески пытался дать ему понять, что он в плохой и недостойной его компании. Говорил ему, чтобы он отошёл от них и пересмотрел свою дальнейшую судьбу. Ведь со стороны и вправду виднее, но уже поздно об этом говорить. Он сам признаёт, что сдался — это уже

поражение. Мы поели суп, выпили чай с кексом и вышли на улицу. Провожая Сашу, я пожаловался ему, одновременно ища совета, что живу сейчас сам и оплачивать одному дороговато. На что Саша сказал, что они с ребятами собираются съезжать, так как нашли большой дом за пределами Брюсселя и ровно через две недели туда переедут. Когда мы подошли к его дому, он указал мне на первый этаж, где находился магазин, который принадлежал хозяину этого трёхэтажного дома, и сказал:

— Найти его там ты сможешь в любой день после шести вечера. Скажешь, что от меня. Только смотри, Роби, одному их снимать тоже будет накладно, хоть они и чуть дешевле твоих. Поэтому постарайся найти кого-то… будет и веселей, ну, и ты сам понимаешь, — Саша улыбался.

Мы попрощались. На прощанье я ещё раз попросил его пересмотреть меняющиеся взгляды на жизнь и взять себя в руки. На что он просто молча улыбнулся. После этого мы больше не виделись.

Глава 26. Юрий К и новая квартира

В один из дней, встретившись как-то с Юрием К на канале, он поделился со мной своей радостью, рассказал, что на днях получил письмо из «Комиссариата», в котором говорится, что ему полагается социал и для получения первой соцвыплаты необходимо как можно скорее найти жильё. Всё это, конечно же, было уже мне знакомо. Говорил, что уже смотрел несколько квартир, но все они были в турецких или арабских районах, в которых он очень не хотел бы жить. Всё было как нельзя кстати. Я незамедлительно предложил ему разделить апартаменты, предложенные мне Сашей. На что Юра К охотно согласился. Поговорив с хозяином дома, которым оказался молодой, приветливый и очень хитрый румын, поженившийся на уже не молодой, состоятельной бельгийке, он с радостью подписал нам все необходимые документы. Мы с Юрием К заселились быстро и без особых хлопот. Ключи от старой квартиры, за которую у меня оставалась задолженность за две недели, я отнёс Жаку. Поговорив и рассказав ему про Петин поступок, Жак сказал:

— Я хорошо разбираюсь в людях, Роберт! — Chacun est L' artisan de son bonheur! (Всякий человек — кузнец своего счастья). Не беспокойся за остаток, — Жак улыбнулся и махнул рукой, мол, к чёрту!

Мы пожали друг другу руки, и я со спокойной душой пошёл на новую квартиру, где меня уже ждала большая компания любителей праздновать новоселье. Квартира была идеально убрана, стены перекрашены. В углу стоял старый, громоздкий телевизор. Диван, на котором я сидел и разговаривал с Сашей, как мне казалось, не так давно, был вычищен и пах мылом. На кухне после ребят осталось много кухонной утвари. В спальной комнате стояла большая двухместная кровать, которую мы по обоюдному решению предоставили Юре К, а мне поставили там же в спальне одноместную раскладную кровать, которую Юра К взял на складе Пети Шато. Зал и диван в нём мы использовали для гостей, на тот случай, если кто-то изъявлял желание у нас заночевать. Комнаты были большие и просторные, но самое главное, что мне нравилось в этом доме, так это его месторасположение, так как мой любимый фонтан Анспа находился в тридцати-сорока шагах от него. Да, с этой квартиры не просматривались башни Гран-плас и она не была наполнена старинной и мистицизмом, как предыдущая, но её локация, которая была не случайной, играла для меня немаловажную роль. Ведь фонтан был для меня гораздо родней, чем пики и башни.

Единственное, что у нас с Юрой К вызывало небольшое негодование, так это наши соседи, разделяющие с нами жильё и выходившие только по ночам. Днём их абсолютно не было видно. После того как на улице темнело, а в квартире выключался свет, они выползали неизвестно откуда и как покрывало устилали пол в кухне, а также всю столешницу. Это может показаться странным, что нам с Юрой и казалось первые дни, пока мы к этому не привыкли, но из кухни они не выползали, создавалось такое впечатление, как будто бы их кто-то этому обучил. И ещё что нас поражало, так это их тактичность и непозволение себя давить. Так как ванная комната с туалетом располагались в другом конце кухни, то ночью при желании посетить туалет приходилось волей-неволей через неё проходить, и встреча с нашими тактичными тараканами была неизбежной. Как только включался в кухне свет и нога приземлялась на движущийся ковёр, как в одно мгновение при каждом шаге этот ковёр раздвигался, позволяя уверенно ступать на белый под ним кафель. Спустя некоторое время Юрий К раздобыл карандаш против наших питомцев и, разрисовав им всю кухню, вынудил их покинуть наше жилище.

* * *

Юрий К практически сразу нашёл работу по своему любимому строительному делу. Я всё также время от времени раздавал рекламные лифлеты, а в свободное время выходил на канал. Но рекламное агентство, по всей вероятности, теряло свою актуальность, или им просто-напросто никто всерьёз не занимался, поэтому звонить мне стали от силы раз в неделю. В связи с этим большую часть времени я проводил с ребятами, стоя на канале. На строительном объекте, где работал Юрий К, нужен был маляр, поэтому он предложил это место мне.

Дом, которому требовалась покраска стен и потолка, был двухэтажный и сам по себе небольшой. Зайдя внутрь и осмотревшись, я определил объём работы, которой предвещалось примерно на три недели, если уж совсем не спешить. Все остальные внутренние отделочные работы, которые делал Юрий К, были уже выполнены на 80 %, дело оставалось за малым. Юрий К занимался разнообразными внутренними работами: укладкой пола, штукатуркой, установкой дверей и окон и многим другим. В этом я ему также помогал, как и он мне. Сам дом при его первичном плачевном состоянии был выкуплен новым хозяином Насибом, мужчиной средних лет, коренным марокканцем,

который на протяжении последних двадцати лет проживал на территории Бельгии. Насиб был высокого роста, жгучим брюнетом крепкого телосложения. Он был добропорядочный и отзывчивый, всегда на позитиве. Одевался по моде в отличие от своих соотечественников, которые ходили в балахонах, как в Средневековье. Старые дома, которые выкупал Насиб благодаря банкам, продавал, предварительно сделав в них капитальные ремонты. В конце каждого рабочего дня Насиб приезжал, чтобы оценить работу, сделанную нами за день, и, соответственно, оплатить её, а также отвезти нас с Юрой К домой. После того как Насиб высаживал нас возле нашего дома, мы с Юрием К переходили через дорогу и заходили в уже полюбившийся нам маленький бар, хозяин которого, уже зная нас, встречал с порога дружелюбным приветствием. Владельцем этого маленького уютного, пропахшего ароматным пшеничным пивом заведения был Александр — высокий, очень толстый, весёлый бельгиец. Выпивая там по одному, а порой и по два бокала полюбившегося нам пива Jupiler и выкурив по одной самокрутке, мы шли домой — готовить ужин. С Юрием К мы жили дружно, в согласии и понимании. Каждые выходные к нам приходили друзья с Пети Шато и мы устраивали дружеские застолья. Практически каждый вечер я уезжал к своим друзьям, «четырём братьям», которые превосходно устроились в своей новой четырёхкомнатной квартире. Они разделяли её ещё с тремя жильцами, которых практически никогда не бывало дома, и, соответственно, никто никому не мешал. Каждые выходные Юрий К отсыпался до обеда, чего не скажешь про меня. С утра я уже спешил на канал, предвкушая встречу со своими друзьями, которые также, как и я, всегда были рады увидеться. Встретившись, мы обычно составляли план действий на целый день, а так как нас было шестеро, включая Юджина, соответственно, идей было более чем достаточно. Тем более что лето было в разгаре. В Брюсселе проводилось много различных фестивалей и концертов. Мы с ребятами старались не пропустить ни одного близлежащего к нам мероприятия. Поэтому каждые выходные, а порой и среди недели, мы пропадали на разных концертных площадках, парках и площадях. Большинство из всех организованных муниципальными службами мероприятий проводились в свободном доступе для всех желающих. Это считалось невероятно щедрым подарком со стороны местных властей для всех жителей Брюсселя и окрестностей.

* * *

Ответа с моего первого интервью я ещё не получил. Процесс затягивался в мою пользу, как мне казалось, но только на неопределённое время. Это могло продлиться месяцы и годы. По последним эмигрантским сводкам, которые ходили на территории Бельгии, можно было сделать вывод, что с выдачей рабочих документов, а тем более с видом на жительство, местные власти решили сделать паузу и, соответственно, процесс затягивался на пять-семь лет (что подтверждали очевидцы…), для меня звучало это не очень перспективно. Полагаться на своё интервью и его дальнейший положительный исход я бы не стал. Так как знал, что моя легенда не была идеальной и никакой подтверждающей информации, на которую можно было рассчитывать и продолжать борьбу, не было. Всё, как мне казалось, приходило в режим стагнации. Я, как и прежде, время от времени выходил гулять один и получал от этого колоссальное удовольствие. В такие моменты душа отдыхает и успокаивается, а вместе с успокоением и внутренним равновесием проявляется интуиция и усиливается восприятие ко всему происходящему. «Пора менять обстановку», — думал я про себя. Работа на строительном объекте подошла к концу. Юрий К быстро нашёл себе новую работу, или работа — его. Каждый должен заниматься тем, к чему лежит душа.

После ряда незамысловатых профессий, испробованных мной, я прекрасно понимал, что всё, связанное со строительством, не моё. Любая работа, требующая сильных физических усилий, также выпадала из зоны моей преференции. Получая социал и тратя его с умом, в конце месяца всегда оставался излишек, который можно было отложить под подушку или же потратить на свои сокровенные пожелания, если таковые имелись, а ещё всегда можно было подработать на канале — от безделья или от безысходности. Временами у меня проскакивало первое, второе же, к моему счастью, ко мне не имело никакого отношения. Хоть со стороны и могло бы показаться, что все идёт хорошо, но тем не менее внутри росло чувство тревоги, чувство того, что определённо нужно что-то менять.

Глава 27. Вова Завхоз

На одной из наших домашних субботних посиделок мы с Юрием К, как обычно, принимали гостей. Гости наши часто менялись, ребята, которые оставались в лагере, часто приглашали к нам вновь прибывших и приглянувшихся им людей. Мы с Юрием Кбыли не против, так как доверяли своим хорошим знакомым и знали, что плохих людей они не приведут.

Этим вечером к нам привели новенького: мужчину лет пятидесяти, роста он был чуть выше среднего, плотного, сбитого телосложения, на большой голове в виде лампочки волос практически не было, маленькие и хитрые глаза, которые были близко посажены друг к другу, постоянно бегали и озирались по сторонам, кончик носа, на котором красовался ямка, был вздернут кверху. Из-за его постоянных рассказов про свою бывшую работу завхозом в разных магазинах и на складских помещениях ему дали прозвище Вова Завхоз, он часами мог рассказывать о тонкостях своей работы, в которой, как я понял, чувствовал себя как рыба в воде. Здесь, в Брюсселе, Вова быстро нашёл себе применение. Пытаясь как-то раз выехать из Франции в Англию, он проторчал несколько недель в разных портах Франции — и получается не зря. В этот вечер за ужином в нашей уютной квартире Вова Завхоз поведал всем присутствующим очень интересную информацию, он рассказал, что в одном из портов Франции, а точнее в Шербуре, гуляя как-то вдоль забора, за которым находился порт, случайно остановился возле ворот, к которым в это же время подошёл капитан одного из кораблей, стоящих в порту. Вова рассказывал всё с таким энтузиазмом, что все присутствующие слушали, затаив дыхание. Он продолжил:

— Капитан начал что-то говорить на непонятном мне языке. Может, это и не капитан был вовсе, но форма и фуражка. Ну, неважно. Вы все прекрасно знаете, — обратился Вова ко всем слушающим, — что я ни хрена не говорю ни на каком языке мира, окремо як на суржике (кроме как на русско-украинском), поэтому просто стоял, глупо улыбался и кивал в ответ головой. Капитан попросил меня подержать арбуз, который он держал в одной руке, а в другой — у него была большая спортивная сумка, её он повесил на плечо, при этом освободив одну руку, которой тут же передо мной набрал код на воротах.

— И ты его запомнил?! — выкрикнул Юрий К.

— Тут и дурак бы запомнил! Номер кода был пустяковый, — сказал Вова, ухмыляясь.

Его привычка постоянно ухмыляться, а также причмокивать,

как бы пытаясь высосать что-то из зуба была не очень приятной.

— И сколько же стоят твои услуги? — спросил кто-то из присутствующих.

— За небольшое вознаграждение в размере трёхсот американских долларов я могу лично провести на территорию порта, а оттуда уже можно попытаться пройти на нужный корабль или паром. Но это ещё не всё. Я уже знаю, с каких пирсов отходят паромы в Англию и Ирландию. Я там был на прошлых выходных, отправил первых желающих и ещё раз всё перепроверил, — Вова закончил свой рассказ, сел поближе к окну и с самодовольным выражением лица, причмокивая, прикурил сигарету.

В комнате сидело человек семь, после того как Вова Завхоз замолчал, все на мгновение затаили дыхание и задумались. Да! Информация была стоящая и интересная. Хотелось бы отметить, что впоследствии из всех присутствующих на данный момент в комнате людей пятеро воспользовались услугой Вовы Завхоза.

* * *

Мы знали, что переправами из Франции в Англию и Ирландию занимаются две бригады — косовары (ребята из Косово) и румыны. Они своими путями заводят в порт и, дождавшись поздней ночи или раннего утра, а точнее того момента, когда обычно наступает крепкий сон, в данном случае у водителей-дальнобойщиков, взламывают на задних дверях фур замки и сажают внутрь своих клиентов. В последнее время замки опечатывались — для того, чтобы было заметно любое проникновение или взлом, но это никого не останавливало. Хорошо подготовленные бригады косовар или румын приносили с собой ножницы для резки по металлу, а также специальные приспособления, чтобы подделать опечатанные места, вместе с этим имея при себе целую сумку идентичных замков, что висели на фурах. После того как люди уже были посажены в фуру, двери закрывались, замки, которые они уже имели в наличии, вешались на место и опечатывались, точнее делался приблизительный вид опечатки. Иногда замки не совпадали с теми, что висели на дверях, и нарушенные опечатанные места не фиксировались как положено. В таком случае внимательный водитель при утреннем осмотре и обнаружении халтурной работы сразу же обращался в полицию, которая приезжала с собаками и осматривала фуру. Таких случаев тоже было немало. Поэтому у этих двух бригад была жёсткая конкуренция — кто же лучше и качественней выполнит свою работу. Такса была у всех одна — 300 долларов.

Бывало так, что они напрямую договаривались с водителями о своих клиентах, ставя их в известность и выплатив им при этом порой бóльшую часть суммы, но это происходило крайне редко, так как не каждый водила готов рисковать. В большинстве случаев всё происходило тихо, без каких-либо договорённостей. То, что предложил Вова Завхоз, было как ноу-хау! Заходишь как белый человек через служебные ворота в порт, потом следуешь к пирсу, дожидаешься автобуса с пассажирами, который подъезжает прямо к трапу, и вместе со всеми проходишь на борт парома. На пароме находился общий холл, где стояло много кресел и диванов, а также барная стойка и игровые автоматы, устраиваешься там поудобнее и проводишь в тепле и комфорте всю ночь. На другой день — добро пожаловать в заранее выбранную вами страну.

— Ребята, которые уже проделали этот путь, — продолжил Вова, потушив свой окурок, — выслали мне план передвижения по парому, приводящий прямо в холл. Поэтому блуждать по нему, а точнее по четырём его этажам, не придётся. Всё продумано за вас, — сказал Вова Завхоз с неизменной, где-то наглой, но уверенной улыбкой.

После нашей совместной с Вовой посиделки прошло несколько недель, люди всё также продолжали выезжать по проложенному им маршруту. Со дня на день собирался попытать своё счастье и наш общий с Юрой К друг — Серёжа ВДВ, которому в лагере оставалось прожить считанные дни, а может быть, даже и часы. Так как на первое интервью он не пошёл, проигнорировав его, то в любой момент могла последовать депортация.

Спустя неделю Вова Завхоз зашёл к нам в гости и рассказал, что во время переправы Сергея ВДВ кое-что пошло не так. Он ходил из угла в угол, прекрасно понимая, что бизнес под угрозой.

— Что случилось? — взволнованно спросил Юра К.

Ведь Сергей ВДВ был его близким другом.

— При входе на паром, — сказал Вова Завхоз понурым голосом, — последнее время стали спрашивать билеты — раньше этого не делали. Так и у Серёги в этот раз спросили билет.

— Накрылась лавочка! — произнёс Юрий К с грустью в голосе.

— Не совсем… Да, билеты спрашивают, но через раз, выборочно, если рожей не вышел, как говорится. Многое зависит от капитана, конечно, который стоит при входе на паром, — ответил Вова Завхоз.

— Теперь получается вся надежда на удачу, не так ли?! — спросил я.

— Именно так, — сказал Вова Завхоз, причмокивая и ковыряясь зубочисткой в зубах.

Юрий К достал из тумбочки бутылку «Johnnie Walker» и налил всем по полстакана. Выпив залпом всё налитое, Юра К спросил Вову:

— Так что же в конце концов произошло с Сергеем?

— Я его всё-таки отправил, но другим способом.

— И каким же?! — поинтересовался Юра К с нетерпением.

Вова Завхоз отпил половину от налитого, достал сигарету и закурил.

— Когда у Серёги ВДВ попросили билет, он, конечно же, растерялся и никак не смог отреагировать, так как не в зуб ногой по-французски. Мы вынуждены были покинуть территорию порта. В общем, мы прожили в Шербуре ещё два дня, пока не дождались нужную нам фуру.

— Где вы жили в Шербуре, когда ждали нужную фуру? — спросил я и взял зеленую оливку с анчоусом, эта закуска идеально ложилась после глотка выпитого виски.

— В отеле! Только это не совсем простой отель, — сказал Вова с ухмылкой на лице, — могу ещё добавить, что он находится на территории порта, — прищуривая и без того маленькие мышиные глаза, сказал Вова Завхоз.

— Расходы как на проживание, так и на пропитание я тоже взял на себя. Серёга ВДВ не потратил за эти два дня ни копейки. Кстати, он звонил утром, сказал, что доехал и всё у него хорошо, — закончил Вова Завхоз и потушил сигарету.

Глава 28. Поездка к озеру

Прошло два тёплых летних месяца после нашего последнего разговора с Вовой Завхозом. На какое-то время я абсолютно забыл о желании что-то менять или куда-то переезжать. Дни и вечера были насыщены разного рода деятельностью: с утра и до обеда, или до вечера я на канале, подрабатывал, как обычно, маляром, ни на какую другую работу не соглашался, не считая какой-то часовой несложной халтурки. По выходным мы с «четырьмя братьями» и Юджином садились на поезд и ехали в Остенде — купаться в тёплом Северном море, а когда возвращались — сидели в парках и скверах, слушая различных малоизвестных местечковых музыкантов, ходили на разные аттракционы, а также в аквапарк. Программа была насыщенной, ведь лето и в самом деле должно быть таким. В один из жарких летних дней мы стояли под палящим солнцем у ворот Пети Шато в ожидании Юджина, случайно я встретил старого знакомого, который во время нашего разговора рассказал про одно красивое озеро Lac de Louvain, которое находилось примерно в 35 километрах от Брюсселя, также отметив, что к этому озеру ходит автобус. Дождавшись Юджина, мы тут же решили посмотреть на это озеро и пошли на автобусную станцию. Найдя нужный нам автобус, мы один за другим вошли в него, не обращая никакого внимания на смотрящего на нас в это время водителя, который просто покачал головой, так и ничего не сказав нам про билеты, закрыл двери и отправился в дорогу. Ехали мы чуть больше часа.

Подъехав к месту назначения, мы гуськом стали выходить из автобуса, стараясь не смотреть на водителя, который как на зло смотрел на всех нас в упор, в тот момент, когда мы проходили мимо него. Пока мы стояли и осматривались, решая, в каком же направлении нам двигаться, я подошёл к остановке проверить расписание автобуса, идущего назад в Брюссель. Последний автобус отправлялся с этой остановки в 8 часов вечера. На часах уже было около 5-ти.

— Ребята, у нас на всё про всё только три часа, надо поторопиться, — обратился я ко всем.

Но меня, как показалось, никто не слушал. Узнав у людей, в каком направлении озеро, мы направились к нему. Шли мы недолго, минут десять. Озеро находилось в очень живописном месте. Вокруг была лесопосадка, а возле озера росла аккуратно скошенная трава, на которой мы и расположились.

— Побежали купаться! — крикнул Юджин и быстро разделся, швырнув вещи на траву.

Абсолютно все последовали его примеру. Вот только мне не особо хотелось залезать в прохладную воду, так сказал Юджин, остановившись на полпути:

— Ой, а водичка-то прохладная.

К тому же и жара спала. Но так как все уже плескались, пришлось поддержать дружную компанию. Некоторые места вокруг озера находились в тени, которую создавали близ растущие деревья, но мы расположились на открытой солнечной полянке, сев по кругу и бросив колоду карт посредине. Слово за слово, партия за партией, мы и не заметили, как быстро пролетело время.

— Сколько уже времени, Серёга? — спросил я брата Андрея.

Он был единственный в нашей компании, кто носил наручные часы. Сергей артистично поднёс руку близко к своему лицу и спокойным тоном сказал:

— Без десяти восемь.

— Пора бежать на автобус, — всполошился я.

Все быстро спохватились, оделись и рванули в сторону автобусной остановки. Забежав впопыхах в автобус, мы попадали на сиденья, задыхаясь от такого марш броска.

— Передайте за билеты! — послышался уверенный голос водителя.

Мы все дружно переглянулись…

— Есть у кого-то деньги? Потом рассчитаемся, — спросил Андрей.

Денег ни у кого не оказалось.

— Давайте просто не будем выходить, — добавил он.

— Если вы не заплатите за проезд, автобус никуда не поедет, — сказал водитель, строго посмотрев на нас.

Кроме нас в автобусе сидело человек десять.

— Вот блин, ничего не поделаешь, пойдёмте на выход, — сказал я.

— Да нет, Роби, давайте сидеть, он точно поедет, выделывается просто.

— Нет, Андрюха, пошли, — сказал его брат Сергей и встал, чтобы выходить. Мы все вышли из автобуса. Он уехал. Мы стояли среди пустого пространства, где в округе не было ни души.

— Что будем делать? — поинтересовался Олег, как всегда, беззаботно улыбаясь, — может быть, поезд где-то есть?

— Может, и есть, но кто знает где? К тому же сегодня воскресенье, они тоже ходят не допоздна, — ответил Сергей.

— Жендос, — обратился Андрей к Юджину, — ты все расписания знаешь, ты же со своей группой малолеток уже всю Бельгию исколесил. Успеем мы на поезд или нет?

— Я вообще не уверен, есть ли здесь где-то поблизости вокзал. Если даже и есть, денег-то у нас на билеты всё равно нет. Разве что штраф могут выписать, — Юджин, ухмыляясь, посмотрел на Сергея К.

— Штраф нам не нужен, — резко ответил Сергей К, — мы вот только на днях 50 баксов заплатили полиции в метро.

— Ну что ж, тогда пешочком, — предложил я, улыбаясь.

— Пошли, будем на ходу спрашивать дорогу, — поддержал Сергей.

Вечерело, становилось прохладно. Мы постояли ещё несколько минут и последовали по дороге, по которой уехал автобус. По пути никого кроме проезжающих машин не встречали, поэтому двигались по знакам на столбах, в направлении Брюсселя. Выйдя из второстепенной дороги на главную, на столбе мы увидели табличку — «Брюссель 30 км». На улице уже было темно. Дорога была неширокая, поэтому мы шли по краю друг за другом, минуя по пути небольшие деревушки, расположившиеся вблизи дороги и состоящие из десяти домов и одной церквушки. В некоторых домах, которые стояли прям у края дороги, окна горели неоново-красным цветом, давая этим понять, что клиентам там всегда рады. В одном из окон сидела очередная бабушка шестидесяти лет. Увидев нашу большую компанию, она мило заулыбалась нам вслед.

— Мы так будем до утра идти, — возмущался Сергей К, — давайте хотя бы перебежками будем передвигаться.

Все согласились и сначала ускорили шаг, а потом и побежали. Первый раз бежали мы довольно долго, пока не выбились из сил и решили сесть на траву передохнуть.

— Я натёр себе ноги, поэтому двигаться дальше не могу, — сказал Олег, как обычно, без капли серьёзности.

— Оставайся здесь и заночуй у бабушки, которая тебе так мило улыбалась, — предложил я ему.

Все рассмеялись.

— А я говорил тебе, надевай носки. Кто же носит обувь на босую ногу? — сказал его брат Сергей К.

Просидели мы так около тридцати минут. Затем поднялись и пошли дальше. Олег снял кроссовки и пошёл босиком, но надолго его не хватило — он надел их обратно. Проходя мимо кукурузного поля, Олег и Сергей сорвали несколько початков и попытались их погрызть, угостив всех желающих при этом. Я попробовал и сразу же выплюнул всё на землю.

— Какая гадость! Как вы это едите?! — отплёвывался я.

— А мне нравится, — ответил Олег, жуя и хрустя кукурузными зёрнами.

Уже была поздняя ночь, когда с главной дороги мы вышли на трассу, вдоль которой горели фонари и быстро пролетали машины. Там был указатель — «Брюссель 20 км». Простояв там какое-то время, мы перевели дыхание и побежали дальше, практически не разговаривая друг с другом от усталости и сильного желания спать. По пути мы всё также останавливались, переводили дыхание, шли, затем бежали, опять шли, пока не увидели город на горизонте. К большому счастью, тот район, где проживали ребята, находился на окраине Брюсселя, как раз на той окраине, к которой мы постепенно приближались, практически выбившись из сил. Ровно в три часа ночи, или утра, мы просто ввалились к ним в квартиру, попили чай и попадали спать кто где.

* * *

В середине лета ко мне в гости на две недели приезжали родители, мы с ними чудесно провели время. Поэтому мысли о переезде меня посещали крайне редко. Но дни становились всё короче, а ночи — длиннее. Осень постепенно набирала свои обороты, увеличивалось количество осадков, листва уже повсюду меняла свою окраску. Движение замедлялось, и в такие моменты непроизвольно одолевает «Nostalgie» (ностальгия) и, соответственно, мысли о переменах приходят быстрее, чем хотелось бы. Я сразу вспомнил про Володю Завхоза, давненько ничего не слышал о нём.

Глава 29. Богдан и марокканцы

Придя домой и дождавшись Юрия К с работы, я попросил его связаться с Вовой, так как знал, что они общаются и поддерживают связь. Я подозреваю, что у Юры К тоже были на него планы, в перспективе, конечно, так как поддерживать «дружеские» отношения с таким человеком, как Вова Завхоз, без личной на то выгоды мало кто изъявил бы желание, но ради дела — почему бы и нет. В это время Володи в Бельгии не оказалось, но спустя несколько дней он зашёл к нам и попал, как обычно, на ужин. В этот раз Вова Завхоз пришёл не один, а с Богданом, молодым человеком моего возраста, с которым мы подружились ещё в лагере примерно за месяц до того, как я съехал из Пети Шато. Юра К его тоже очень хорошо знал. Хотя Богдан и числился в Пети Шато, но бóльшую часть времени проживал у своих друзей в Голландии. Поэтому последний раз мы виделись с ним ещё на моей старой квартире. Увидев меня, он, как всегда, расплылся в

откровенно-дружественной улыбке. Богдан был примерно моего роста, красивый блондин с голубыми глазами и с чертами лица без изъянов, на котором выделялись белые ровные зубы. Его блондинистые волосы как сзади, так и спереди, немного завивались, от чего казались твёрдыми и густыми. У Богдана было стройное, склонное к худобе тело, но худым его сложно было назвать, скорее что-то среднее между худым и средним. Парень обладал хорошим чувством юмора и такта, немного с хитрецой, но всегда знающий, как, с кем и о чём говорить, а также как правильно вести себя в различных жизненных ситуациях. Мне кажется, что основная часть молодёжи в постсоветских странах, прошедшая через девяностые, всё же умела вести себя подобающе и отвечать за свои слова и поступки. Какие-никакие, но всё же школа жизни, воспитание и дисциплина были. И воспитывались все эти качества не сидя за партой и не в домашних условиях, а больше в уличных передрягах и различных дворовых ситуациях, что было немаловажно. Поэтому с Богданом мы быстро нашли общий язык, или же мы просто-напросто говорили на одном языке. Он практически всегда улыбался, и делал это, как мне казалось, по двум причинам: во-первых, он часто был обкуренный, а во-вторых, имея уже какой-никакой жизненный опыт, смотрел на всё по-философски или же сквозь пальцы, но это тоже был спорный вопрос. Всё же первая причина была более актуальной. Ещё он был очень красноречив, мыслил быстро и разговаривал чётко и внятно. И если не видеть его (к моему большому сожалению) значительного изъяна, то никогда не скажешь, глядя и общаясь с ним, что этот молодой, красивый, здравомыслящий человек имеет лёгкую форму ДЦП, которая, не скажу что сильно (в силу привычки), но всё же тревожила и порой угнетала, но он старался не показывать этого, всячески избегая разговоров на эту тему. В лагере Богдану с его нуждами помогали соцработники, а когда он жил в Голландии, там за ним присматривали его дворовые друзья, которые привыкли к нему ещё с детства. Меня же, когда он просил помочь ему подстричь ногти или завязать шнурки, непроизвольно воротило от подобного рода просьб, поэтому я ему отвечал, что вижу перед собой абсолютно полноценного человека, и если возьмусь выполнять его просьбы, то наша дружба сразу же закончится. Я говорил ему, что буду ощущать себя как прислуга, а не как друг, тем более что в лагере есть кому помочь. Богдан с одобрение и без малейшего осуждения относился к моему мнению — и мы с ним всегда оставались хорошими друзьями. Ему просто приходилось делать всё одной сильной, правой рукой, так как левая была немного согнута в локте и практически атрофирована,

худа и очень слабо развита, а запястье, как будто бы сломанное, было загнуто внутрь. Примерно то же самое было и с его левой ногой, на которую он сильно хромал.

Богдан рассказывал, что в детстве, живя только с матерью, она перетаскала его по всем врачам, пробуя всевозможные методы лечения, чтобы ему помочь, но впоследствии ничего так и не вышло. Говорил, что она сама много занималась с ним, а когда произошёл экономический коллапс в стране, мать потеряла очень хорошую и высокооплачиваемую работу, из-за чего была вынуждена переехать на ПМЖ в Америку, чтобы хоть как-то их содержать (у Богдана был ещё младший брат, который находился сейчас в таких же условиях, как и он, только в Голландии). Детей она оставила у своей сестры, интеллигентной аристократки, учительницы английского языка, которая штудировала с ними английский с утра и до вечера. Поэтому на английском Богдан говорил свободно.

Переступив порог нашей с Юрой К квартиры, мы с Богданом по-дружески обнялись. То же самое они сделали и с Юрием К, только Вова Завхоз стоял как не у дел.

— Давненько мы не виделись, — сказал я ему, — ты не сидишь на месте.

— Это точно! — улыбаясь, ответил Богдан, — я уже наслышан о твоём «разводе» с Петькой Киевским, как ты вообще повёлся на такую авантюру? Ты же знал, с кем имеешь дело. Я этого жадного лепрекона с первых же дней моего с ним знакомства отшил.

— Всё верно, — согласился я и добавил: — Наверное, я просто дал ему шанс.

— Эх, Робби. Ну да ладно, проехали. Смотрю, вы сейчас с Юриком неплохо устроились.

Я одобрительно кивнул головой. Богдан в этот вечер был изрядно обкуренный, как и обычно, впрочем. На столе у нас стояли две бутылки шотландского виски, которые мы только что, буквально за несколько минут до прихода Володи с Богданом, успели приобрести у наших постоянных поставщиков, которые, проходя мимо нашего дома, не забывали позвонить в «колокольчик» — прямо как продавцы пряностей в старину, которые ходили по домам и продавали свой свежий ароматный продукт. И время от времени мы с большим удовольствием пользовались их услугами. Ребята, поставщики, которые были нам знакомы ещё с лагеря, приносили разные спиртные напитки, в основном виски, бритвенные принадлежности, одежду, которую мы даже не заказывали, но, зная наши с Юрой К размеры, они практически никогда не уходили от нас с пустыми руками, а также у них в наличии всегда имелись разные деликатесы, плюс

видео- и аудиоаппаратура. Кроме двух бутылок виски на столе уже остывало фирменное Юрино блюдо, которое он мастерски готовил как минимум раз в неделю. Это была отварная картошка и сковорода с нарезанной кольцами сарделькой, сверху густо присыпанной овощами (лук, морковь, перец, цукини, чеснок), а залито всё было томатным остро-сладким соусом. Помимо этого на нашем столе всегда присутствовали свеже-маринованные оливки и твёрдый сыр.

— Вы, как всегда, вовремя, — произнёс с сарказмом Юрий К, после того как Вова Завхоз и Богдан вошли и сели за стол.

— Идём на запах, — с ухмылкой ответил Володя.

Юрий К демонстративно взял одну бутылку виски со стола и спрятал в комод, дав этим понять, что напиваться сегодня никто не будет, — завтра на работу. Во время вкусного ужина Вова Завхоз рассказывал, что он всё также продолжает заниматься своим бизнесом, а люди продолжают пользоваться его услугами; едут, рассчитывая на удачу и везение. «У кого-то получается проехать, ну а кому-то не везёт», — говорил Вова, разводя руками. Сказал также, что уже почти середина осени и паромы начинают ходить всё реже, дело идёт к зиме, соответственно, бизнес затухает. Я слушал и из всего сказанного делал выводы. Пока Вова Завхоз беседовал с Юрием К, я расспрашивал Богдана о его нахождении в Голландии и о его друге Антоне, с которым они вместе прибыли в Брюссель и с которым он меня уже успел познакомить. По каким-то причинам Антона не поселили в Пети Шато, а отправили в новый небольшой лагерь, расположенный в лесной зоне на границе с Голландией. Как только я спросил Богдана за Антона, мне непроизвольно вспомнилась занимательная история, рассказанная Богданом в первый же день нашего с ним знакомства в Пети Шато.

Богдан рассказывал, что «в роду у него были евреи», поэтому его легенда, по которой он сдался, основывалась на антисемитизме. Правда это была или выдумка — кто же знает среди такого контингента доверять кому-либо, а ещё хуже — верить, было бы глупо, но сильно в подробности рассказа он не вдавался, да и я не расспрашивал, так как успел повстречать уже много таких псевдоевреев в лагере, к тому же имел приличное представление, о чём может вещать такая легенда. «За день до нашего с Антоном вылета в Бельгию, — вспоминал я рассказ Богдана, — мы были в гостях и изрядно выпивали, но не просто так, а для смелости. Один из наших друзей, у которого мы находились в этот вечер, уже успел побывать за границей и прекрасно знал весь этап, который проходят беженцы, именно он посоветовал нам с Антоном усилить антисемитскую легенду и

выжечь клеймо на плече в виде звезды Давида. Ты не представляешь, Роберт, сколько нам пришлось выпить, прежде чем мы приступили к выжиганию. Я столько в жизни не пил! Ты же сам понимаешь, чтобы остаться в Европе, надо чем-то жертвовать. Нужных документов, подтверждающих моё родство, у меня нет, поэтому пришлось жертвовать собой. В общем, когда мы сидели уже практически никакие, наш с Антоном друг Николай (Ник) занёс в комнату вырезанную из металла звезду Давида и плоскогубцы». «Похоже, что ваш друг уже готовился к вашему приходу?!» — сказал я тогда Богдану слегка иронично. «Да! — усмехнувшись, ответил он, — Ник уже проделывал эту процедуру другим ребятам, которые сейчас в Голландии, и по моим данным они там неплохо устроились. Поэтому мы знали, на что шли. „Ну, кто будет первый?“ — спрашивал нас с Антоном Николай. Антоха не растерялся и вызвался первым. Я решил повременить и пронаблюдать весь этот процесс. Пока мы с Антоном о чём-то говорили, Ник закатал ему рукав и пошёл на кухню. Я сидел лицом к кухне и видел, как Ник накалял звезду на газовой плите, держа её плоскогубцами, когда она покраснела, он быстро пошёл к нам. „Держите его“, — сказал Ник спокойным и уверенным голосом. Антоха же в это время сидел с полузакрытыми глазами и ничего не видел, он уже практически спал. Поэтому держать его нам не пришлось. Ник быстро подошёл сбоку и сильно вдавил звезду в плечо Антохе. Спустя несколько секунд тот заорал как резаный, а я сразу же протрезвел! Ник взял бутылку водки и, плеснув на плечо, сунул её ему в руку, тот залпом осушил полбутылки.

Меня потом долго уговаривали… Я еле согласился, но попросил Ника не вдавливать звезду глубоко. Взяв в зубы деревянную ложку, я с горем пополам пережил это мучение. Помню, как Богдан тогда закатал рукав джемпера и показал мне это чудо искусства, где на плече вырисовывался свежий неглубокий ожог в виде Звезды Давида».

Вот и сейчас, вспомнив эту историю, сидя за столом, ужиная и одним ухом слушая рассказ Богдана о его времяпровождении в Голландии, а другим — очередную перепалку Вовы с Юрой К, я непроизвольно погружался в нирвану, и мне виделось как бы со стороны моё тело, сидящее за столом в кругу этой компании, и яркий свет лампы, с высоты которой я всё это слушал и наблюдал. Вова Завхоз и Юрий К всегда находили, о чём поспорить, и делали это очень отчаянно, порой даже сильно стуча кулаками об стол, доказывая каждый свою правоту.

Мы чокнулись и допили с Богданом оставшийся в бокале виски.

— Ну всё, мне пора, — сказал Богдан, не спеша поднимаясь из-за стола.

— Чего так скоро? — спросил его Юра К.

— У меня в лагере есть ещё кое-какие дела.

— Окей, пойдём, я тебя провожу, — предложил я.

— Нет, Роберт, не надо. Я сам хочу пройтись.

— Как хочешь, — сказал я.

Я проводил Богдана вниз по лестнице, закрыл за ним входную дверь и поднялся обратно в квартиру. Не прошло и двух минут, как мы все услышали громкий душераздирающий крик с улицы:

— Помогите!

Кричал Богдан, мы все узнали его голос и бросились вниз. Выбежав на улицу, увидели Богдана, сидевшего на земле метрах в двадцати от подъезда, опустив голову и подпирая спиной здание напротив. Вход в подъезд дома, в котором мы жили, находился в узком, слабо освещённом переулке, через который, конечно же, проходили разные прохожие, но до сегодняшнего дня всё было тихо и мирно. Богдан сидел и плакал, и в большей степени не из-за того, что его ударили и обокрали, нет! Ему было обидно до глубины души, что он приехал в высокоразвитую, цивилизованную и свободную страну, убегая без оглядки от точно такого же беспредела, творящегося в Совке, — и тут на тебе, всё рухнуло в одно мгновенье. Сказка разрушена. «А может, оно и к лучшему», — подумал я про себя. Ведь здесь, в Европе, уже не всё так гладко, как люди себе это вырисовывали. И мне кажется, что всех, кто приезжал сюда и парил в облаках, реальность происходящего рано или поздно ставила на своё место. И все те нации, которые приехали сюда разрушать, а не созидать, — им это прекрасно удавалось. Порой складывалось такое впечатление, что сама Европа сопутствует им в этом и что никто не собирается это нашествие прекращать, а тем более с ним бороться.

Мы с Юрой К подняли Богдана под руки и повели обратно к нам в квартиру. Богдан стоял, наклонив вниз голову, держась одной рукой за глаз, под которым уже чернел синяк, а другой рукой — за карман с цепочкой, на которой не так давно висело портмоне, сейчас же эта цепочка болталась на половину оборванная и пустая. Зайдя домой, я сразу спросил его:

— Что произошло?

Он присел на стул и попросил воды. Немного опомнившись, сказал:

— Я вышел на улицу, закурил и пошёл не спеша, метрах в двадцати, где вы меня подняли, стояли какие-то темнокожие малолетки… маленькие и худые, лет по шестнадцать,

восемнадцать…

— Ааа! Марокканцы, они здесь, как дома, повсюду, куда ни плюнь! — пренебрежительно ответил Юрий К.

— Подбежали сзади и ударили по голове, как мне показалось, бутылкой, у меня потемнело в глазах, но я устоял на ногах и сразу ухватился одной рукой за кошелёк, прижав его к себе, а другой — за мобилку, и что было силы закричал! Их было четверо: двое стали бить по лицу, остальные два вырывали в это время мобилку и кошелёк.

Юра К дал Богдану стакан воды и небольшой пакет замороженных овощей из морозилки.

— Приложи к глазу, будет легче, — посоветовал Юрий К.

Вова Завхоз сидел на диване и слушал, ничего не говоря.

— Но нас же они никогда не трогали?! — взбудораженно сказал Юрий К.

— Не трогали, потому что знают, что вы здесь живёте! — ответил ему Вова Завхоз.

— То, как Богдан их описывает, мне кажется, я догадываюсь, кто это, — предположил я и посмотрел на Юрия К.

— Да! Скорее всего, это они, торговцы гашишем и всякой дрянью, — согласился Юрий К, — они постоянно в этом переулке торчат, но мы ничего не сможем доказать. А идти их наказывать — тоже не вариант, нам же ещё здесь жить!

— Всё верно! — согласился Вова Завхоз, — а сколько у тебя денег было в портмоне?

— Триста баксов, — грустным голосом ответил Богдан.

— Давайте скинемся, кто сколько может, — предложил Юрий К и полез в карман за кошельком.

В общей сумме мы дали Богдану сто долларов, за что он был очень признателен и со слезами на глазах всех благодарил. Мы с Юрием К оделись и проводили Вову с Богданом к лагерю.

По дороге я вспомнил, для чего мы вообще звали Вову в гости, и пока мы шли, я ещё раз попытался всё взвесить, понимая, что ждать дольше было бессмысленно, зимовать ещё одну зиму… А потом? Документы, которые просто необходимы всем тем, кто решил надолго оставаться в Европе, светили мне в лучшем случае лет через пять, в худшем же — их можно было прождать от семи до десяти лет. Это меня определённо не устраивало, хотелось побыстрей определённости, стабильности. Юра К тоже, видимо, собирался менять страну, это прослеживалось в последнее время в его постоянной задумчивости и частом общении с Вовой Завхозом, но он был старше меня и хитрее, поэтому не распространялся о своих намерениях. И всё же я решил его опередить. «Четыре брата» также поговаривали о скором

возвращении домой — на родину, тем более что двоих из них ждали жёны и дети, поэтому ждать их отъезда было бы глупо, так как оставаться одному определённо не хотелось. Значит, пришло время.

Страной, которая мне импонировала из всех рассказов, что я слышал за последнее время, стала Ирландия. Англия же казалась мне сильно консервативной и густонаселённой по сравнению с маленькой холмистой и зелёной Ирландией, которая по последним эмигрантским новостям набирала обороты в экономическом плане и нуждалась в людях. Но самый главный вопрос, который меня интересовал, — как быстро там, в далёкой Ирландии, возможно получить вид на жительство? Точными данными, никто не владел, но поговаривали, что ожидается массовая выдача документов, дающая право на работу, а после — уже и вид на жительство, но когда точно это произойдет — никто не знал. Всё это были слухи. Мы остановились возле ворот Пети Шато и попрощались с Богданом. Затем я отвёл Вову Завхоза в сторону, и мы договорились встретиться с ним утром на ж/д вокзале, в следующую субботу, ровно через неделю.

Глава 30. Толик Нефартовый

Неделю спустя, в восемь утра, я уже стоял возле вокзала в назначенном месте. Вова опоздал минут на десять и пришёл не один. Он привёл из лагеря одного нашего общего знакомого, который тоже изъявил желание сменить страну. Я знал этого человека, мы познакомились с Толиком ещё будучи в лагере. Я подошёл к Вове Завхозу и отвёл его в сторону поговорить.

— Мы же договаривались, что я еду один. Не так ли?! — возмутился я.

— Всё верно, Роберт, но Толик сказал, что вы друзья и что ты будешь не против, если он тоже поедет.

Я стоял и не знал, что ему на это сказать. Толик стоял в стороне и смотрел на меня жалостным взглядом. Он был старше меня на пару лет, маленького роста, коренастый, жгучий брюнет, с чёрными маленькими глазами и острым носом. Сам по себе Толик, на первый взгляд, мог показаться добряком, но, зная одно его качество, которое было присуще только ему, не хотелось бы с ним иметь никаких дел. Что бы он не делал, за что бы не брался, где бы не появился, ему всё время как-то не везло, не фартило. Рассказывали, что с ребятами в магазине, ещё не успев засунуть себе виски за пазуху, как его уже тащили под руки секьюрити, то же самое было и в других магазинах, где Толик пытался своровать себе одежду, но охрана была уже тут как тут. Однажды его хорошие знакомые взяли Толика с собой за компанию, чтобы своровать старый автомобиль — просто покататься по городу, но при быстром появлении полиции все бросились бежать, кроме Толика, который остался в авто завязывать свои шнурки и, соответственно, угодил на пару дней за решётку. И так случалось раз за разом. Из-за этого к нему в лагере прилипло прозвище «Толик Нефартовый». Все предпочитали не иметь с Толиком вообще никаких дел, а дружить — только на расстоянии. И я это знал. Я почувствовал невероятный дискомфорт внутри от всего происходящего. Я был уверен, что если скажу Вове везти меня одного, он, конечно же, отошлёт Толика обратно в лагерь и поедет со мной вдвоём, а потом, через день или два, всё равно повезёт Толика. «Ладно. Чёрт с ним, пусть едет, — подумал я, — авось пронесёт».

— Поехали уже. Не будем терять время, — сказал я Володе и махнул рукой Толику.

— Билеты на поезд будете брать? — спросил Вова Завхоз.

— Ты себе сам возьмёшь или как? — спросил я его в ответ.

Мне обычно мои клиенты покупают, — ответил Вова Завхоз,

как обычно, нагло улыбаясь.

Мы прошлись до билетных касс, и я подошёл узнать стоимость билетов.

— Combien un billet jusqu'à Paris? (сколько стоит билет до Парижа?) — спросил я.

— Deux mille quarante france (две тысячи сорок франков) — ответила мне молодая симпатичная девушка.

— Merci, — сказал я, улыбаясь, и, развернувшись, направился к выходу.

— Шестьдесят баксов за билет! Дорого, — заявил я Володе.

— Вам решать, — ухмылялся Володя.

— Тогда обойдёшься! — решил я, — мы поедем без билетов, а ты как хочешь. Так ведь? — спросил я, глядя на Толика.

Он кивнул головой в ответ. Вова Завхоз, конечно же, решил ехать без билета. Мы подошли к перрону, на котором уже шла посадка на скорый поезд Брюссель — Париж. На протяжении всего нашего пути до Парижа я посматривал по сторонам в ожидании контролёра, пытаясь его не пропустить и в нужный момент успеть всех одёрнуть, чтобы проскользнуть мимо и пойти в противоположном контролёру направлении или успеть спрятаться в уборной, куда они в меру своей воспитанности не заглядывали. Оставалось уже меньше десяти минут до прибытия в Париж, люди стали подниматься и складывать свои вещи, мы также постепенно стали продвигаться к выходу, как откуда ни возьмись возле дверей прямо перед нами выросла фигура контролёра. Мы без лишних слов, не переживая и прекрасно понимая, что высаживать нас уже никто не будет, вытащили из карманов наши документы беженцев и протянули контролёру. Он, ничего не говоря, выписал себе в блокнот все данные и, вежливо улыбаясь, отдал их нам обратно. При выходе из поезда, стоя ещё на верхней ступеньке, я сразу заметил полицейских, стоявших в конце каждого перрона и выборочно останавливавших идущих с поезда людей. Переживать по большому счёту было не о чем, я знал, что имеющиеся у нас троих документы уже говорят о том, что мы не нелегалы, и в то же время этот документ не давал права выезда за пределы Бельгии; и так как мы уже были на территории Франции, я просто не хотел никаких разбирательств. Поэтому, шагая в толпе по перрону и не доходя буквально десяти шагов до полиции, я приостановился и стал поправлять шнурки, пропуская вперёд Володю и Толика. «Будет странно, если их двоих сейчас не остановят», — подумал я. Их, конечно же, остановили и стали проверять документы. Я спокойно прошёл мимо, показав глазами Володе, что буду ждать у центрального входа. Он стоял спокойный и невозмутимый, с присущей ему

ухмылкой на лице. Увидев мой жест, он одобрительно кивнул в ответ. Толик стоял с испуганным лицом и смотрел снизу вверх на Володю.

Я прождал их недолго, минут десять. Всё, что нужно было сказать полиции, это то, что приезд во Францию, в частности в Париж, вызван исключительно любопытством к Эйфелевой башне и Лувру. Полиция же в свою очередь записывала все данные и отпускала. Итак, контролёр… Полиция… И это только начало… Я глубоко вздохнул.

По пути в поезде у меня ещё было желание прогуляться по Парижу, посмотреть Эйфелеву башню, Лувр, прогуляться по Монмартру. Но после того, как мы вышли из вокзала и я увидел этот хаос, хаотично бегущих и куда-то спешащих людей, всякое желание прогуляться в окружении этого муравейника у меня моментально пропало. Даже Брюссель для меня показался маленьким провинциальным городком по сравнению только с вокзальной площадью Парижа.

— Не хотите посмотреть на Эйфелеву башню? — спросил Вова Завхоз, будто бы читая мои мысли, — я вожу туда всех желающих.

Толик положительно закивал головой. Я же, ещё раз окинув взглядом очень оживлённую улицу, сказал:

— В другой раз. Не будем терять время. Куда дальше?

— Здесь недалеко другой вокзал, местного значения, оттуда поедем в Шербур, там порт! — сказал Вова Завхоз и ускорил шаг.

Недовольный Толик побежал за Володей. Взглянув на Толика Не-фартового, у меня появилось огромное желание купить ему мороженое, чтобы он повеселел. До Шербура мы доехали без приключений, поезд шёл долго, останавливаясь на каждой станции, но как ни странно, контролёра на этом маршруте мы не встретили.

Глава 31. Четыре дня в Шербуре

Поезд остановился на небольшой малолюдной станции, где уже не было никаких полицейских.

Это был маленький уютный город — по французским меркам, — в котором веяло морем и спокойствием, как и в любом небольшом курортном городке. Хотя Шербур был больше портовым городом, чем курортным, но тем не менее через него проезжали туристы со всего света, и, соответственно, создавалось впечатление тихого курортного местечка.

— Паром отходит сегодня в четыре часа. Давайте сейчас рассчитаемся, с каждого по триста баксов, — неожиданно сказал Вова Завхоз.

Толик полез в карман и протянул Вове деньги. Я не стал торопиться и никак не отреагировал, продолжая двигаться по табличкам на столбах в сторону порта. Вова, ничего не сказав, продолжил идти и заодно рассказывать о наших дальнейших действиях:

— Сейчас я заведу вас в порт, покажу, где стоит нужный вам паром и где вы будете ожидать автобус с пассажирами, а когда он подъедет и люди начнут подниматься по трапу, вам надо будет слиться с ними и зайти на паром. Вот вам карта передвижения внутри парома, там всё просто, — сказал Вова Завхоз и дал нам два вырванных из тетради листа, на которых карандашом был нарисован план парома изнутри и обозначена главная комната,

попав в которую можно будет тотально расслабиться.

Вова Завхоз шёл уверенной походкой, не придав никакого значения тому, что деньги я ему не отдал. Смотря на него, у меня возникло такое впечатление, что Володя хочет от нас быстро избавиться, поэтому я его спросил:

— Вова, я так понимаю, ты хочешь завести нас в порт, а сам сразу на вокзал? А если что-то пойдёт не так? Мы выходим, а тебя и след простыл, и триста баксов тю-тю… Правильно я понимаю план твоих действий?

Вова Завхоз посмотрел на меня недобрым взглядом, прекрасно понимая, что будучи в своём возрасте, пусть даже ещё и при силе, всё же мериться ею со мной он не стал бы. Хотя я знаю, что всех, кто был слабее его телом и духом, он без зазрения совести бросал и обманывал. Выдержав паузу, он заявил:

— А что вы хотели, чтобы я вас прямо к трапу отвёл, да ещё и на паром посадил?

Толик Нефартовый шёл рядышком и слушал наш с Вовой Завхозом разговор, не говоря ни слова. Я понимал, что Толику было абсолютно всё равно будет с нами Вова в порту или нет, он прекрасно знал, если не будет рядом Вовы, буду я, и не оставлю его там, а потащу за собой. Вова Завхоз всё заранее рассчитал, он быстро хотел избавиться от Толика — во-первых, из-за того, что он уже отдал деньги, во-вторых, из-за его нефартовости, которая распространялась на всех, кто находился рядом с Толиком, и в-третьих, если у Толика и не получится уехать, он его преследовать точно не будет (в отличие от некоторых), в меру своего инфантилизма.

Что касается меня. Вова, по-видимому, пытался прощупать слабые стороны и смотрел за последующей моей реакцией.

— Я открою вам калитку в заборе, — продолжал Вова, — и покажу издалека ваш паром, а также укажу на место, где вы сможете зайти по нужде и там же будете ожидать автобус. Этого мало что ли? — добавил Вова Завхоз не очень уверенным голосом.

За несколько дней до нашей поездки мы с Юрием К, как обычно, принимали у себя дома наших друзей с Пети Шато и кто-то рассказал, что последнее время люди жаловались на Вову Завхоза, говорили, что он брал деньги и не доводил до конца начатое, пренебрегал помощью румын и косоваров, дабы не расстаться со своим барышом. Они рассказывали, что люди, которых Вова оставил у открытой калитки порта, сразу же сбежав с деньгами, вернулись обратно в Брюссель и уже ищут его, не с благими намерениями. Поэтому он и съехал из лагеря, ради собственной безопасности, и подживался у одного нашего общего

знакомого. «Легко хочет отделаться старый волчара, — подумал я, — но только не в этот раз».

— Мои деньги получишь при одном условии, если будешь стоять у трапа на паром. На тот случай, если я не пройду, чтобы ты не успел убежать далеко, а отработал и любой ценой посадил либо на паром, либо в фуру, мне всё равно. Но платить только за открытую тобой калитку я не собираюсь и бегать за тобой по Брюсселю не буду! — я в упор посмотрел на него.

Вова Завхоз напрягся, зрачки забегали, он стал быстро размышлять, что же делать. А делать было нечего, деньги были для него единственной мотивацией, и я знал, пока они у меня, он будет более покладистым. Триста долларов — это хорошая месячная зарплата в любой постсоветской стране на то время. И Вова это прекрасно понимал. Мы подошли к территории порта и пошли вдоль забора. Забор оказался совсем не таким, как я его себе представлял (высокий бетонный забор). Он был из нержавеющей проволоки серебристого цвета, метра два в высоту, по верху была накручена колючая проволока. На столбах висели камеры наблюдения. Сквозь забор прекрасно просматривался весь порт, приходящие и уходящие паромы, лайнеры и корабли. Пока мы шли вдоль забора, миновали несколько калиток с кодовыми замками.

Спустя несколько минут Володя предложил присесть на скамейку, которая располагалась прямо напротив калитки.

— Вот и пришли! Подождём немного и я вас заведу внутрь, — сказал Вова Завхоз и достал из кармана сигареты.

Вова закурил и заметно остыл, по-видимому, отказавшись от своего первого плана действия, который я ему нарушил. Он понял, что быстро сбежать не получится. Поэтому сидел сейчас, курил и размышлял, что же делать дальше. Мне казалось, что я сидел рядом и читал его мысли. И всё же слепо доверять ему после первой его выходки я бы не стал. Ещё в Брюсселе, как только мы сели в поезд, я понял, что нашему так называемому знакомству и след простыл. Здесь каждый сам за себя. И мне было очень интересно наблюдать, как за копеечный гешефт взрослый, уже казалось бы наученный опытом человек готов пожертвовать любым знакомством и своим спокойствием, к тому же ведя себя, как скряга, да ещё и по-хамски. Конечно, это был его выбор, а я со своей стороны себя в обиду не дам.

Толик сидел посередине и, насвистывая себе под нос какую-то мелодию, кончиком кеда чертил на земле разные фигурки. «Вот кому хорошо», — подумал я. Мы просидели на скамейке около получаса. У Вовы Завхоза всё было рассчитано и спланировано. За то время, пока мы ожидали, через калитку

прошли человек десять — от простых работников порта, судя по форме, и до капитанов. Глядя на нас троих со стороны, думаю, что сразу можно было понять, зачем мы здесь. Один — пожилой облысевший мужчина совковой внешности, весь в джинсе и старых, изношенных практически до дыр туфлях; второй — парень маленького роста, в кедах и чёрной толстовке с капюшоном, которая вся была обшита лейблами, от гуччи до мальборо и сникерса, купленная ещё в совке на местном рынке. Толик в ней, конечно же, представлял себя американцем, да ещё и с рюкзаком на спине. И я, как мне казалось, выделявшийся среди этой публики, — молодой высокий парень, одетый в обновки, которые ещё пару дней назад лежали на полках брендовых магазинов, но благодаря моим знакомым они сейчас на мне: от мокасин последней модели и до трусов Кельвин Кляйн; на плече висела новая фирменная сумка, купленная в Венгрии и подаренная мне моими родителями.

— Пора заходить! — неожиданно проговорил Вова Завхоз.

Мы встали и пошли за Вовой к калитке. Как он ни пытался прикрыть ладонью кодовый замок при наборе кода, но ничего у него не вышло. Код был проще простого, 6699. Мы зашли внутрь и сразу отправились к парому, который стоял перед нами на пирсе номер шестнадцать.

Идти до него было шагов пятьсот. Пока мы шли по открытой местности, прекрасно просматриваемой висящими на столбах камерами наблюдения, я смотрел на них и удивлялся, что простой прохожий, попав на территорию порта, может разгуливать по нему, не привлекая к себе никакого внимания, — никто, по-видимому, за мониторами так пристально не следил.

Пока я шёл и думал об этом, машины не спеша заезжали на паром, а точнее в нижнюю его часть. Не доходя метров двести, мы остановились возле каменной постройки, чем-то напоминающей большую автобусную остановку с плоской шиферной крышей. При входе стеклянные двери были настежь открыты. Внутри пустовала небольшая комната ожидания, где стояло несколько железных стульев. В углу этой комнаты находился туалет.

— Здесь мы и подождём автобус, — сказал Вова Завхоз и расположился на одном из стульев.

Толик присел рядом. Я вышел на улицу проверить обстановку. Погода стояла ещё теплая, бабье лето было в разгаре, а вот ночи уже были холодные. Ждать долго не пришлось, автобус подъехал минут через десять. Вова Завхоз подошёл ко мне и попросил заплатить оговоренную сумму. Прежде чем дать Вове деньги, я ему сказал:

— Володя, давай договоримся, ты будешь стоять здесь и

ждать до того момента, пока мы не зайдём внутрь парома. Если же по каким-то причинам мы на него не попадём, тогда вернёмся обратно сюда, а затем будем вместе пробовать другие пути. Договорились?

С этого места прекрасно было видно трап и входную дверь на паром, возле которой уже стояли два матроса и капитан.

— Договорились! — сказал Вова Завхоз, и мы пожали друг другу руки.

Я отдал ему деньги и мы с Толиком поспешили к трапу, по которому уже начали подниматься люди. Мы подошли и втиснулись в толпу. Люди выходили из автобуса, держа в руках разные презенты, но в основном это были ящики с французским вином. Я прошёл немного вперёд, оставив между мной и Толиком несколько человек. Толпа не спеша продвигалась ко входу на паром. Впереди меня оставалось человек десять-двенадцать, билеты спросили только у двух парней. Передо мной заходила семья, муж с женой и двое детей, я прошёл следом за ними, при входе по-свойски (как это делали люди до меня) поздоровавшись с капитаном. Я шёл, затаив дыхание. Не пройдя и десяти шагов, я услышал громкий нервный голос Толика Нефартового: «Роберт! — крикнул он. Я продолжил идти, — Роберт! — крикнул он ещё громче, — что они хотят от меня?!» Обернувшись, я увидел, как он машет руками, непроизвольно указывая капитану на меня. Деваться было некуда, капитан уже пристально смотрел в мою сторону. Я подошёл и сказал:

— Je suis désolé pour mon ami, il ne parle pa francais (прошу прощения за своего друга, он не говорит по-французски).

— Vos billets s il vous plait (ваши билеты, пожалуйста), — попросил капитан.

— J'ai oublié des billets dan la voiture (я забыл билеты в машине), — в игровой форме сказал я и развёл руками.

Капитан был примерно сорока пяти лет, высокий мужчина, подтянутый, но уже весь седой. Ему, вероятно, понравилась эта комедия, поэтому, улыбаясь, он сказал:

— Я не буду вызывать полицию. Уходите тихо, как и пришли.

Мы подождали в стороне, пока вошли все приехавшие на автобусе, и капитан вывел нас к трапу, вежливо попрощавшись. Спускаясь, я увидел Вову Завхоза, стоящего сбоку домика ожидания, увидев нас, он сразу же зашёл в него обратно.

Что я мог ожидать, идя вместе с Толиком Нефартовым? Да ничего! Кроме того, что произошло. Как ещё мог поступить нефартовый, трусливый человек? Это была моя вина в большей степени, в моей неосмотрительности. Надо было идти отдельно, вместе с другим автобусом, который приехал вслед за первым.

Злости у меня на Толика не было абсолютно никакой, больше претензия к самому себе. Подойдя к домику, Володя уже ждал нас у входа, мы, не останавливаясь, пошли к калитке на выход. На улице вечерело, становилось прохладно. Мы шли молча, не говоря ни слова. Выйдя за пределы порта, мы присели на уже знакомую нам скамейку.

— Что произошло? — спросил Вова Завхоз.

Я молчал, ждал, что же скажет Толик. Толик Нефартовый сидел и напряжённо думал, а наконец собравшись с мыслями, выпалил:

— А что я должен был делать?! Я не говорю по-французски и ничего не понял, что от меня хотел капитан.

— Какого черта ты меня позвал?! Ты же не ребенок уже… сам должен был за себя постоять, я тебе не нянька! Ты должен понимать, что в данной ситуации ты меня просто сдал с потрохами! — резко ответил я на его неадекватные заявления.

Он опустил голову и замолчал. Вова, оценив всё произошедшее, сидел и смотрел на Толика презрительно-жалостливым взглядом, но ничего сказать в этот момент не мог, одно лишнее слово, и Толик Не-фартовый начнёт требовать деньги назад.

— Володя, что дальше? Какие планы? — спросил я его.

Вова достал сигарету, закурил и сказал:

— Осенью паромы начинают ходить гораздо реже, чем летом, раз или два в неделю, следующий паром будет через три-четыре дня, — выпустив густую струю сигаретного дыма через ноздри, Вова продолжил: — Если ближайшие несколько дней не будет фуры, в которую я смогу вас посадить, можно будет вернуться сюда же и ещё раз попробовать зайти на паром. Но и с фурами сейчас проблематично. Как я и говорил, почти середина осени, и встретить тентованную фуру, да ещё с ирландскими номерами, тоже должно повезти. В основном сейчас едут авторефрижераторы, но они нам не подходят, — Вова Завхоз говорил спокойно и рассудительно, взвешивая каждое предстоящее действие.

Толик Нефартовый сидел рядом, насвистывая свои мелодии, как будто бы ничего не произошло.

— У меня была похожая ситуация недавно, — сказал Вова Завхоз, — я долго не мог отправить одного парня. На паром его также не пропустили, как и вас, к тому же ещё вызвали полицию, где он проторчал пол дня, а когда вышел, мы прождали тентованную фуру ещё три дня. В конце концов дождались, и я его отправил.

— А где вы спали? — спросил я Вову.

— Сегодня пойдём и я покажу, там же и заночуем.

— Что-то есть захотелось, — промямлил Толик.

И вправду, мы ничего не ели с самого утра.

— Пойдёмте поужинаем, я угощаю, — предложил Вова Завхоз.

Выйдя за территорию порта и пройдя ещё минут десять, мы подошли к гипермаркету.

— Здесь и запасёмся провизией! Можете купить себе сока или воды, короче всё, что сами хотите, остальное я беру на себя, — сказал, ухмыляясь, Вова Завхоз.

Все встретились возле выхода минут через пятнадцать. Толик Не-фартовый купил пачку сока и набил карманы разными шоколадками, за счёт магазина, конечно, в этот раз ему повезло, я купил только два литра воды и бутылку натурального апельсинового сока, ну а Вова Завхоз, как и обещал, устроил всем полноценный ужин. Он купил уже готовую курицу гриль, багет и огурцы с помидорами, при этом засунув за пазуху бутылку виски и разные деликатесы: сыр, крабовые консервы и копчёный лосось. Солнце уже село, но на улице было ещё довольно светло. Мы отошли в сторону от гипермаркета и оказались возле небольшого каменного моста, под которым протекала узенькая речка. Мы присели на зелёной лужайке и разложили нашу провизию. Вова налил всем виски, разломал руками багет и курицу, открыл консервы, и мы принялись ужинать.

— Сейчас сходим в порт, посмотрим, какие там фуры стоят, — предложил Вова Завхоз, выпив залпом полный пластиковый стаканчик виски и облизав жир, оставшийся на пальцах после разделки курицы, — если будут тентованные, то утром будем пробовать в них пробраться. Слушайте внимательно, я расскажу вам пошагово, как надо будет действовать: если замок на дверях фуры будет опечатан, я точно ничего не смогу сделать, у меня нет нужных инструментов. Тогда вам нужно будет разуться и как можно тише забраться по кабине наверх, а оттуда уже и к тенту на прицепе рукой подать. Я дам вам маленькие карманные ножи и скотч, чтобы вы смогли разрезать сверху тент, залезть внутрь, а потом заклеить тент скотчем с внутренней стороны. Если же замок не будет опечатан, у меня есть кусачки и несколько замков. Я вас посажу и повешу похожий замок.

— А где это всё у тебя? — удивился Толик, разглядывая Вову, который был без каких-либо лишних вещей.

— В одном укромном месте, — ответил Вова, снова ухмыляясь.

Вкусно поужинав и прихватив с собой остатки еды, мы отправились обратно в порт. На улице уже потемнело, зажглись

фонари. Мы шли вдоль забора, за которым стояли огромные суда и горело много света, как днём, повсюду ходили строители. Подошли к небольшому и ничем не примечательному зданию порта. Прямо перед фасадом здания находилась большая парковка для грузовиков.

— По номерам на фурах, — сказал Вова, — можно будет определить, в какую страну они направляются. В большинстве случаев так оно и есть, но всё же бывали и исключения. Остаётся только надеяться на везение.

Пройдя и просмотрев фуры, мы не обнаружили ни одной тентованной с ирландскими номерами, не считая двух авторефрижераторов. Большинство фур имели английские или голландские номера.

— Ладно! Сегодня не наш день, — расстроился Вова Завхоз, — пойдёмте спать.

Мы вышли из порта и, перейдя через дорогу, зашли в небольшую лесопосадку, находившуюся на территории парка, который был уже закрыт, но эта его часть была огорожена низким забором, который легко можно было переступить. Забравшись на верх зелёного холма, мы оказались возле двух близко растущих деревьев, из-под которых выглядывал угол пухового одеяла. Володя подошёл и, потянув за него, струсил присыпанную сверху листву с травой. Под одеялом на земле лежал большой квадратный кусок ДВП, накрытый старым затёртым пледом.

— Добро пожаловать в мой летний отель! — заявил Вова Завхоз.

— Летний?! А может, осенний? — спросил я.

Вова ничего не сказал. Положив сумку под голову, я лёг с краю, с другого края лёг Вова Завхоз, а Толик Нефартовый залез посредине. Заснул я быстро, но проснулся через несколько часов от невероятного холода и стекающих по лицу капель дождя. Всё тело тряслось, скулы сводило, кости болели от деревянного «матраса». Вова Завхоз тоже не спал, но мне показалось, не холод его беспокоил и не дождь. Он лежал и о чём-то думал, смотря в небо, по которому проплывали мутно-серые облака. Увидев, что я проснулся, он спросил:

— Холодно? Замёрз?

— Да. Очень холодно, ещё и дождь этот, — выругался я, трясясь от озноба.

— Надеюсь, завтра фура будет, — сказал Вова и, достав сигареты, предложил мне.

Я угостился.

— Даже если и будет фура, нам всё равно придётся спать ещё одну ночь, чтобы рано утром залезть в неё. Не так ли?

— Да. Так. Но я не предполагал, что ночи уже такие холодные. Завтра переночуем в другом месте, там будет немного теплее и крыша над головой.

— Вова, — начал я, выдержав паузу, — ты же понимаешь, что я тебе платил за одно, а получаю совсем другое. Надо как-то решить этот вопрос.

Вова Завхоз ждал этого диалога и, судя по всему, планировал выкручиваться, но лежа сейчас на улице под дождём и трясясь от холода, он, мгновенно оценив ситуацию, сказал:

— Я отдам тебе половину, только Толику Нефартовому ничего не говори. Договорились?

— Каждый отвечает за себя, и если его всё устраивает, что я могу сказать…

Пока мы с Вовой курили, дождь прошёл. Я встал и прошёлся, не отходя далеко. Вид с холма посреди ночи был прекрасен. Внизу, как на ладони, расположился порт, который был прекрасно освещён ночными фонарями. К тому же в порту велись какие-то ремонтные работы: приезжали и уезжали большие самосвалы, суетливо, как муравьи, ездили электропогрузчики, возле которых суетились маленькие фигуры рабочих. За всем этим можно было наблюдать часами. Но я почувствовал, как меня одолевает сон, поэтому пошёл и лёг обратно спать. Спал я плохо, часто просыпаясь от неудобства и холода. Проснулся рано, около семи утра, от яркого ослепляющего солнца, которое пробивалось через листву на дереве. Володи уже не было. Толик ещё спал. Минут через десять подошёл Вова Завхоз, неся в одной руке бумажный поднос с тремя стаканами кофе, а в другой — пакет с круассанами.

— Толик, подъем! — громко сказал Вова и слегка пнул ногой торчащие из-под одеяла кеды, — у нас мало времени, скоро откроется парк, охранник обычно ходит здесь и всё проверяет.

Я умылся своей питьевой водой и почистил зубы. Толик сделал то же самое. Пока мы с Толиком завтракали, Вова застилал своё ложе, поправив одеяло, он, как и прежде, небрежно забросал его сверху листвой и травой. После завтрака мы пошли в порт оценить обстановку. Обойдя всю парковку вдоль и поперёк, подходящих нам фур мы не обнаружили. Вова Завхоз предложил оставить вещи на новом месте, куда мы сразу же и отправились, правда, идти долго не пришлось. Недалеко от парковки была заброшенная часть порта, где стояли старые ржавые контейнеры и ещё куча разного ненужного хлама. Эта часть порта не освещалась и никем не охранялась.

Мы шли по свалке, проходили мимо старых списанных ржавых и повреждённых контейнеров, которые стояли открытые,

а морской бриз разъедал их остатки; также там валялось много изношенной мебели и разные ненужные строительные материалы. Забравшись вглубь, мы наткнулись на несколько заброшенных строительных вагонов-бытовок, в один из них и предложил нам войти Вова Завхоз.

— Какого чёрта! — внезапно крикнул Вова, — я же оставлял дверь закрытой, повесив навесной замок! — сейчас сорванный замок валялся на земле.

Мы зашли внутрь и услышали посторонние звуки и женские голоса, доносившиеся из дальнего отсека. Вагон был очень просторный и состоял из четырёх отсеков, разделённых между собой: пол был застлан деревянным, местами провалившимся настилом, навесной потолок провисал и оттуда торчали оборванные провода; в одном, и самом просторном из отсеков по левую руку стоял стол, несколько стульев и два больших рваных кресла, в другом — напротив — на столе стояла микроволновка, чайник и тостер. Два других отсека, из которых доносился шум, были в конце вагона, куда мы и направлялись. Вова быстро пошёл вперед, оттуда выбежали две толстые цыганки румынского происхождения и начали что-то кричать — то ли на цыганском, то ли на румынском, сложно было разобрать. На полу лежали два больших чёрных пакета, доверху наполненных каким-то тряпьем. Вова схватил эти пакеты, сопровождая всю мизансцену громким русским матом, и вышвырнул на улицу. Складывалось такое впечатление, что этот вагон — Вовина собственность. Из-за такого поведения оставалось только предполагать, что у него там хранилось что-то ценное, по его меркам. Цыганки вышли на улицу, что-то крича Вове в ответ, собрали свои разбросанные вещи и ушли.

— Вот цыганье! Какого черта! Ещё и замок сломали, собаки! — возмущался Вова Завхоз.

Он подобрал замок и вошёл внутрь, направляясь сразу в конец вагона. Мы с Толиком прошли за ним.

— Я сюда стол притащил, кресла, кровати, микроволновку с тостером. Всё благоустроил, как для себя, а они мне замок сорвали, Чавеллы, — Вова Завхоз шёл и ругался.

В конце вагона было ещё два отсека, расположившихся параллельно друг к другу. Они напоминали маленькие комнаты, в которых стояли старые ржавые кровати на пружинах.

— Это ваши комнаты, располагайтесь, а я пойду проверю свои вещи, надеюсь, цыгане их не нашли, — сказал Вова Завхоз и пошёл в отсек, где стоял стол и кресла.

Я слышал, как он, кряхтя, вскарабкался на стол и, пытаясь снять часть навесного потолка, уронил его на пол, выругавшись

при этом. Я сидел на ржавых, но, как ни странно, ещё более-менее твёрдых пружинах и рассматривал свои хоромы, в которых ничего не было, кроме кровати и старого свёрнутого ковра на полу. «Это всё же лучше, чем на открытом воздухе», — подумал я. Зайдя к Толику, я увидел примерно ту же картину, только без ковра. Скорее всего, в недавнем прошлом этот вагон-бытовку использовали, как офис. Если восстановить мебель, провальный местами пол и куски висящего потолка, получился бы вполне приличный офис, только без ванной комнаты. Вова Завхоз, подошёл к нам и сказал:

— Вещи на месте, но думаю, что нужно будет менять дислокацию. Но это не сейчас.

Какие у него там были вещи, я не знал. Видел только впоследствии, что он несколько раз доставал из-под потолка чёрную кожаную сумку и что-то клал туда или брал.

— Ух, холодно, кладите вещи и пошли отогреваться, — сказал Вова Завхоз, поднимая воротник своей джинсовки.

Мы вышли из вагона, Вова вынул из кармана новый навесной замок и повесил на дверь.

— Где будем греться? — поинтересовался Толик.

— Там же, где и мёрзли, только уже прятаться ни от кого не будем.

Мы вышли из наших трущоб и пошли в парк, который находился очень близко к порту. На этот раз мы обошли его со стороны, чтобы не лезть через забор, а зайти с центрального входа.

Парк был не большой, но очень красивый и всё ещё цветущий. По всей территории парка были расставлены скамейки, где на протяжении всего дня можно было погреться на солнышке, в том случае, если выпадал солнечный и тёплый день. Нам повезло, солнце светило очень ярко, на небе не было ни единого облачка, и если с самого утра ещё было прохладно, то уже после десяти часов можно было легко ходить в футболке и шортах, но мы так промёрзли за ночь, что раздеваться совсем не хотелось. В середине парка находился большой бассейн с морской водой, в котором игриво плескались морские котики. Парк открывался в восемь утра. В будни за целый день через парк проходило не очень большое количество людей, поэтому, расположившись на лавочках, мы чувствовали себя там довольно комфортно. Я расположился на лавке возле бассейна с резвящимися морскими котиками и сразу же уснул. Проспал часа три, а проснувшись, встал, посмотрел по сторонам, увидел Толика, который спал на скамейке, спрятанной в тенистых кустах, метрах в двадцати от меня, Вова спал на противоположной

стороне бассейна. Я прошёлся вдоль аллеи, немного размяв кости, и лёг обратно, сложив руки за голову и смотря на безоблачное небо, на его небольшом отрезке одновременно пересекалось семь самолётов, оставляя за собой тянущийся белый шлейф. Пока я лежал и наслаждался тёплыми солнечными лучами, которые уже согрели меня, мимо проходил охранник парка и, вежливо поздоровавшись, прошёл, так ничего и не сказав. В таких ситуациях сразу ощущалось преимущество Европы и её подход. Даже в такой мелочи, как эта, когда охранник мог легко попросить нас освободить скамейки просто потому, что это не эстетично. Но он этого не сделал. Вова с Толиком проснулись практически вместе, минут через тридцать. Недолго посидев и выкурив сигарету, Вова Завхоз предложил прогуляться по городу и посмотреть местные достопримечательности, которых было не много, но они, по моему мнению, имели большое историческое значение. Первым, куда мы направились, был Конный памятник Наполеону, который в 1857 году благодарные жители города Шербур воздвигли в дань памяти своему Великому Полководцу. Тут же мы посетили и базилику Святой Троицы XV–XVI века, находившуюся на площади Наполеона. Затем зашли в базилику Notre-Dame de la Delivrande, построенную в готическом стиле. Франция всегда славилась своими памятниками архитектуры, которые и по сей день остаются в отличном состоянии. Мы гуляли и наслаждались уютным гостеприимным городом. Время пролетело очень быстро, мы даже не заметили, как уже начинало вечереть.

— Пришло время ужина! — оживился Вова Завхоз.

Мы пришли в уже знакомый нам гипермаркет и, взяв при входе по корзине, вошли внутрь. Каждый отправился покупать или брать то, что хотел. Стоя у кассы и оплачивая купленную мной воду и йогурт, я увидел, как охранник магазина повёл под руку Володю. Вот и Володя попался. «Странно, что не Толик, — съехидничал я, — ну что ж, не всё коту масленица». Дальнейшие два варианта, которые обычно следуют после кражи в магазине, были мне известны: в первом — охранник делает фото и сразу отпускает, обычно это занимает не более пятнадцати минут, а во втором — полиция увозит с собой, делает фото, берёт отпечатки пальцев и для профилактики держит неопределённый промежуток времени в участке, впоследствии также отпускает. Нам с Толиком ничего не оставалось делать, как только ждать. Местом ожидания мы выбрали нашу вчерашнюю лужайку, на которой мы ужинали.

— Чувствую, Вовы долго не будет, — сказал я Толику, — нужно идти обратно в гипермаркет и взять что-нибудь на ужин.

Только ты ничего не бери сам, я буду смотреть по сторонам и давать тебе всё, что нужно, а ты быстро суй за пазуху, — Толик ничего не сказал, просто одобрительно кивнул головой.

Взяли мы привычный, уже приевшийся нам набор провизии. Кое-что я дал Толику, кое-что взял сам, не забыв прихватить и виски. На кассе мы пробили только багет, сок и банку оливок. Ужин мы не начинали, ждали Володю, которого отпустили часа через два, что нетипично для такой процедуры, обычно это занимает не более часа. Просто хотели попугать, продержав бóльшую часть времени за решёткой. Но такого прожжённого волка, как Вова Завхоз, вряд ли можно было чем-то испугать. Он пришёл, когда на улице уже стемнело. На лице у него была обычная для Володи ухмылка, которая показывала его безразличие ко всему происходящему, но скрывала его подлинные чувства.

— Я знал, что найду вас здесь! Ведь место ужина переносить никак нельзя! — сказал он радостно.

— Нет конечно! Всё уже готово! — я показал на пожитки и на бутылку Баллантайнса.

Толик тем временем открыл все колбаски, разломал багет и налил виски. Вова достал приобретённый недавно швейцарский нож и нарезал сыр. После ужина мы, как по расписанию, отправились осматривать парковку в порту в поисках нужной нам фуры. И в этот раз её там не оказалось, но неизменно стояло несколько рефрижераторов. Уже было темно, из центрального здания порта доносилась музыка. Вова предложил зайти внутрь. Зайдя, мы обнаружили небольшой бар, где находилось довольно много народа, в основном мужчины, которые очень оживлённо общались между собой.

— Это водилы фур, — сказал Вова Завхоз, — мы сейчас попробуем отыскать водилу ирландского авторефа и спросим его напрямую про перевозку.

Володя быстро влился в толпу и, общаясь на своём непонятном никому языке, всё же через какое-то время отыскал нужного человека. После недолгой беседы на улице водитель согласился нам помочь. Мне даже показалось странным то, что долго упрашивать его нам не пришлось. Это был мужчина средних лет, уроженец Албании, но живший в Ирландии уже последние лет десять. Он попросил нас подождать его на улице, сказал, что зайдёт сейчас обратно в бар, заберёт там свои вещи и выйдет к нам. Мы прождали его около получаса. Он так и не вышел. Мы зашли внутрь и попытались его найти, но как мы с Вовой и предполагали, его там не оказалось. Вова Завхоз купил всем по бокалу пива, и, выпив его залпом, мы отправились

обратно в свой «Отель». Спать я ещё не хотел, поэтому пошёл к морю. Меня начинали одолевать сомнения по поводу переезда, всё как-то не клеилось. Я подошёл к бетонной плите, лежавшей прямо у моря, и присел на неё. «Ехать или не ехать?» — думал я, смотря на бурлящее море, которое вздымалось и разбивало свои волны о крупные валуны, лежащие у берега. Было уже около двенадцати ночи, на улице стоял холод. «Так что же делать?» — спрашивал я сам себя и ждал ответ, смотря на звёздное небо и слушая шум моря. В голове постепенно складывался пазл перспектив и возможностей: оставаться в Бельгии и плыть по течению неизвестно сколько… Такая перспектива казалась мне утопической, может, от возраста, а может, от темперамента в этом же возрасте, я не знаю… Менять страну на любую другую в Европе… Зачем? Всё казалось уж больно одинаковым. К тому же беженцы и эмигранты из стран третьего мира, позволю себе заметить, не сливки общества в большинстве своём, заполоняли не то чтобы каждый уголок, а каждый квадратный метр и без того уже густонаселённой Европы, которую, по всей вероятности, никто уже и не собирался спасать. Меня всё время преследовал ряд вопросов по этому поводу: почему это происходит? Почему европейское правительство позволяет этому происходить? Ведь в какой-то момент без особых сложностей можно было остановить этот безумный поток заселенцев. Неужели они намеренно это делают? Неужели они сознательно решили ускорить ход событий, ведущий к полному краху того, что создавалось веками?! И эти нездоровые флюиды, наполняющие атмосферу, я почувствовал ещё в Голландии, в первые же дни гуляя по её улицам, затем в Бельгии, а теперь и во Франции. Надо ехать куда-то подальше. В неизвестность. Где всё может показаться новее, свежее. Австралия и Канада казались невероятно далеко, практически недосягаемы. Оставались две в меру отдалённые страны: старая добрая Англия или уже выбранная мной Ирландия. Два острова, которые фактически не воспринимаются всерьёз, когда живёшь на континенте и не думаешь об этом, не придаёшь должного значения и не отдаёшь отчёт тому, что это всё-таки острова.

Постояв ещё немного, смотря в темноту, и почувствовав озноб, я направился к «Вовиному вагончику». По пути назад, проходя мимо парковки с грузовиками, я увидел, как миловидная девушка в очень коротком платьице курсировала между больших кабин и о чем-то беседовала с водителями. Тема разговора была мне ясна. Поэтому я решил подойти и узнать расценки. Недолго поговорив с ней, мы пришли к обоюдному согласию. Самое сложное, что теперь оставалось сделать, это довести её до нашего «Отеля», чтобы она не сбежала раньше времени, а потом

представить ещё двух желающих, о которых я ей ничего пока не сказал.

От парковки до вагончика было примерно сто пятьдесят метров. Пока мы с ней ночью пробирались через груды металлолома, я всячески пытался шутить и развлекать свою попутчицу, наблюдая за тем, как она постепенно замедляет ход. В один момент метров за пятьдесят до вагончика она остановились, сказав, что дальше не пойдёт. Я уверил её, что переживать нет причин, сказал также, что вагончик принадлежит моему другу и в данный момент просто находится здесь на ремонте, а мы его охраняем. Милая француженка поверила и, преодолев страх, проделала ещё пятьдесят шагов.

Я открыл дверь и мы вошли внутрь. В вагончике царил полумрак. Вова Завхоз и Толик Нефартовый играли в карты, сидя за столом, на котором горела свеча. Увидев даму, они приподнялись, заулыбались и предложили ей присесть, указав на стул. Вова хотел с ходу что-то сказать, но не смог выразиться на чужом языке. В темноте, при тусклом свете одной свечи, получалась феерическая мизансцена одного «глухонемого», жестикулирующего руками и всячески пытающегося заговорить, и другого, рядом стоящего и улыбающегося во весь рот, низенького коренастого молодого человека, чем-то напоминающего гнома. Толик всё же поздоровался на французском и спросил «как дела», на этом его диалог закончился. Долго задерживаться в «холле» я не стал и сразу же провёл её в мои покои. Девушка сама по себе оказалась очень весёлой и лёгкой, как и подобает быть дамам её профессии. Она была не очень симпатичной, но и сказать, что была совсем не симпатичной, я тоже не могу: девушка около двадцати лет, с длинными русыми волосами, невысокого роста, стройна собой, с пышной грудью. Нос у неё, как мне показалось, был очень французский — не маленький и с горбинкой. Это непроизвольно вызывало у меня улыбку. Своё дело она знала хорошо, поэтому всё прошло превосходно. После того как мы с ней закончили, я сразу же направился в соседнюю комнату, неожиданно столкнувшись с Толиком в дверном проёме, который стоял уже там и нетерпеливо ждал своей очереди. Пока Толик «признавался ей в любви», я пошёл к Вове перекинуться в дурачка.

— Пойдёшь после Нефартового? — спросил я его.

— Сколько она берёт?

— 50 баксов.

— Нет! Не пойду, нет желания, — как всегда, ухмыльнулся Вова Завхоз.

— А зря! — улыбнулся я в ответ.

Через несколько минут подошёл Толик, весь расплывшийся в удовлетворённой улыбке, и сказал:

— Роберт, попроси её посидеть с нами ещё минут двадцать, мне бы хотелось ещё раз… Да, и скажи, что я ей заплачу, пусть не переживает.

Я дословно ей всё перевёл. Она любезно согласилась и, как мне показалось, даже сама была не против остаться и ещё немного подзаработать, но, посидев с нами минут десять и, видимо, послушав грубую (в понимании многих европейцев) мужскую русскую речь, к тому же Вова Завхоз, играя в карты, позволил себе несколько раз вскочить со стула в азарте и громко выругаться, она поменяла своё решение и сказала, что ей пора, встала и собралась уходить. Толик, услышав о таком решении, резко вскочил, схватил её за руку и попытался потащить за собой, но это оказалось не так просто, барышня упёрлась и стала оказывать сопротивление. В нём проснулась агрессия, его как подменили, он стал грубить ей и обзывать. Глаза налились кровью и злобой. Вова сидел и неприятно улыбался, ничего при этом не говоря и не предпринимая. Мне поведение Толика определённо не понравилось, я подошёл к нему и остановил, одёрнув за руку.

— Успокойся! — я крепко сжал его запястье.

В глазах у Толика горел звериный блеск. Мне показалось, что он себя не контролирует. Я ещё крепче сжал его руку.

— Что ты за эту шлюху впрягаешься?! — вскричал Толик Нефартовый, — пускай работает! Отрабатывает! Я же деньги плачу!

— Всё должно быть обоюдно, — сказал я ему спокойным, но уверенным и утвердительным тоном, — если она не хочет, значит есть тому причина. Я же не насильно её сюда приволок. Не так ли?! И никакого насилия при мне не будет. Это понятно?

Толик сделал глубокий вдох и, немного успокоившись, отпустил её руку.

— Понятно, — сказал он нехотя, опустив голову.

В это время девушка быстро выбежала из вагончика, хлопнув за собой дверью. Внутри у меня остался неприятный осадок после произошедшего. Я вышел на улицу и выкурил сигарету, смотря на местами звёздное тёмно-сиреневое небо.

* * *

В эту ночь в вагончике было немного теплее и уже без капель дождя на лице. И всё же, в очередной раз проснувшись от холода,

я встал и подтянул старый изношенный ковер, лежавший рядом на полу, и прикрылся им, как одеялом. Следующий день, казалось, проходил без особых изменений: порт, прогулка по городу, парк. Мой рацион также желал лучшего. Желудок сводило от сухой пищи, безумно хотелось тёплого домашнего супа. Днём я зашёл в магазин и купил себе пачку лапши, залив её кипятком, получился какой-никакой бульон, ну, и лапша в придачу. Вечером Вова в очередной раз купил курицу гриль, но уже без виски за пазухой. После ужина мы пошли обратно в порт и, не обнаружив там нужной фуры, отправились в вагончик. С утра моросил дождь — и так до полудня — он то шёл, то переставал, поэтому всё это время мы провели в вагончике, играя в карты. После двенадцати развиднелось, вышло солнце. Вова предложил всем прогуляться. Мы пошли бродить по городу. Гуляя, я всё время поглядывал на часы, так как предполагал, что сегодня будет очередной паром в Ирландию, поэтому решил в одиночку попробовать пробраться на него. Вове я сказал об этом ещё утром — он отреагировал положительно. Поэтому пока они с Толиком располагались в парке, я тем временем поспешил к вагончику за вещами, предварительно взяв у Вовы ключ. Забросив сумку на плечо и оставив ключ под кирпичом возле двери вагончика, я направился к уже знакомому мне пирсу — код от калитки я уже знал. Паром увидел ещё издалека, что определённо вызвало во мне чувство удовлетворения, но всё же что-то меня тревожило. Одновременно с моим приближением к парому, к нему также приближался и автобус с пассажирами. Местность была очень открытая, и без малейшего сомнения, капитан, который уже вышел к трапу встречать направляющийся к нему поток людей, обозревал меня сверху, как на ладони. Издалека фигура капитана показалась мне знакомой. Подойдя ближе, я уже отчётливо мог его рассмотреть, а он меня, что в принципе мы и делали. В это время толпа уже изрядно выпивших туристов заходила на трап, а я стоял рядом и смотрел на пристально смотрящего на меня сверху капитана, который не обращал абсолютно никакого внимания на проходящую мимо него толпу людей, он определённо узнал меня, также, как и я его. «Нет! — подумал я, — заходить я не буду, и если в прошлый раз полицию он не вызвал, то в этот раз дело может закончиться не так гладко». Ведь чувство тревоги меня так и не покидало. Я покинул порт и, прогуляв ещё несколько часов по городу, уже ближе к вечеру вернулся в вагончик, где мы все и встретились.

— Куда ты ушёл на пол дня? — Толик смотрел на меня в недоумении.

— Надо было отлучиться, — ответил я, как отрезал.

Позже я рассказал Вове о случившемся, на что он просто произнёс:

— Бывает…

Недолго переждав в вагончике, поужинав свежим багетом и остатками колбасы и сыра, дождавшись сумерек, мы в очередной раз пошли на парковку «в поисках счастья».

На этот раз нам повезло! Там стояли две тентованные фуры с ирландскими номерами.

Вова обошёл вокруг этих грузовиков, закурил сигарету и сказал:

— Завтра в 7 или 8 утра фуры будут заезжать на паром. Нам нужно быть здесь желательно к четырём утра, чтобы было ещё темно, и попытаться забраться внутрь фуры (прицепа). В это время обычно все ещё спят. Замок сзади висит новый, хороший — у меня подобного нет, а вешать какой попало — значит подвергать вас риску. Поэтому придётся лезть на кабину, разрезать сверху тент и залезать внутрь. Запомните! Паром отсюда в Ирландию идёт приблизительно двадцать часов, плюс-минус час. Так что, когда заберётесь в фуру, постарайтесь устроиться там поудобней. Воду желательно пить по глотку, очень мало, надеюсь, сами понимаете почему, — сказал Вова, ехидно улыбнувшись, — но есть всё же кое-что, что мне не нравится в вашем случае, — он сделал глубокую затяжку и, искривив от напряжения морщинистое лицо, выпустил дым из ноздрей.

Он мог, конечно же, этого не говорить, но мне показалось, раз уж он пошёл с нами, не оставив в самом начале возле калитки, то своё дело Вова Завхоз решил довести до конца.

— Номера на кабинах ирландские, а вот прицепы! — он выдержал паузу, — прицепы английской компании P&O. В моей практике уже были два разных случая, в первом, не самом лучшем, фура пошла через Англию, сделав там на одной из баз разгрузку или загрузку, что на самом деле не столь важно, а оттуда отправилась в другой порт, заехав на другой паром, который уже пошёл в Ирландию. Во втором случае всё было гораздо проще, фура сразу заехала на нужный паром и направилась прямиком в Ирландию.

Если ваша фура начнёт выезжать с парома через три часа, знайте, вы в Англии! И тут уже вам решать — оставаться там или продолжать дальше свой путь. Я никаких гарантий не даю. Хотите рискуйте, хотите нет. Я вас предупредил.

— А есть вариант, что фура отсюда пойдёт не в Англию или Ирландию, а в Африку, например? — спросил я с ухмылкой.

— Это маловероятно, и в моей практике такого ещё не

было, — уверенно ответил Вова Завхоз.

Сидеть дальше в Шербуре в ожидании нужной фуры, а точнее нужного прицепа, я не видел смысла.

— Тогда я рискну!

— И я! — повторил Толик.

— Хорошо! Тогда пойдёмте в портовый бар, я угощу всех пивом, — предложил Вова Завхоз.

В баре мы пробыли недолго. Вова купил всем по два бокала пива, от жажды мы заглотнули их очень быстро. Но за это время я успел подмигнуть двум молодым англичанкам, которые стояли за высоким столиком напротив, смеялись и строили глазки. Выйдя на улицу покурить, мы встретили тех же девушек. Обменявшись приветствием и улыбками, слово за слово, мы нашли общие темы. Вова с Толиком стояли и только смущённо улыбались. Впоследствии девушки пригласили нас к себе в гости, сказав, что у них в холодильнике стоит ящик с пивом. Мы, конечно же, согласились, хотя Вова и пытался ускользнуть несколько раз, чувствуя себя неловко в молодой компании, но девушки в меру своей английской воспитанности его останавливали и уговаривали остаться. Их домом на время путешествия оказался довольно-таки большой автотрейлер, стоящий на парковке среди грузовиков. Одну девушку звали Сара, а другую — Келли. Они были сёстрами, Саре был двадцать один год, а Келли — девятнадцать лет: обе невысокого роста, не стройного, а полного телосложения, белокожие, в веснушках, не особо симпатичные брюнетки. Но что в них привлекало и притягивало, так это их лёгкость, доброта, жизнерадостность и чувство такта. По-французски они не говорили вообще, поэтому вся беседа держалась на моём уж очень базовом английском. Но когда мы подошли к общим молодёжным темам и стали обсуждать и слушать современную музыку, а также говорить о фильмах, это значительно облегчило наше дальнейшее общение, в ход пошёл язык жестов, мимики, а также песнопение. Всё получалось смешно и весело. Даже Толик подключился, имитируя Терминатора.

Прошло примерно около часа нашего веселья, как в дверь неожиданно вошли их родители и присоединились к нам. Пообщавшись ещё какое-то время, Вова Завхоз попросил меня спросить родителей, не смогут ли они перевезти нас в Англию, спрятав в своём фургоне. Задавать такой вопрос мне определённо не хотелось, он казался мне бестактным, но Вова сильно настаивал и говорил, что это ради нас, отчасти он был прав. После моего вопроса возникла пауза. Мама девочек оказалась не против, а вот папа засомневался и сказал, что это

противозаконно. Мы не стали настаивать, просто поблагодарили их за гостеприимство и стали собираться к себе, попрощавшись и обнявшись на прощание с милыми весёлыми сёстрами, которые ещё какое-то время упрашивали родителей взять нас с собой. Придя к себе в вагон и собрав вещи, мы вышли на улицу перекурить и ещё раз всё обсудить. Спать нам оставалось три часа.

Глава 32. Переправа в Ирландию

Вова Завхоз разбудил всех в 04.40.

— Японский городовой! — кричал суетящийся Вова Завхоз, — проспал из-за ваших ночных посиделок. Я ведь говорил, что нужно было раньше уходить и не напиваться пивом. Давайте, поживей! Жду вас на улице.

Я встал, полностью игнорируя Вовину суету, умылся, почистил зубы, выпил воды, взял сумку и последовал на выход. Толик волочился сзади. Мы шли по захламлённой, совершенно неосвещённой части порта, переступая с полузакрытыми сонными глазами груды ненужного барахла и металлолома, зная уже практически наизусть, где, что и как лежит. Не доходя буквально двадцати метров до хорошо освещённой парковки, мы остановились в тени вечнозелёного, пышно растущего кустарника.

— Здесь будет завершающий этап вашей переправы. Дальше я с вами не пойду, так что слушайте внимательно! — сказал Вова Завхоз и присел на корточки.

Мы присели рядом.

— А теперь самое важное! До ваших фур, которые стоят в неудобном месте, вам придётся добираться перебежками, — Вова достал сигареты и предложил выкурить на дорожку, — смотрите! Видите два фонарных столба на стоянке при входе в здание порта?

— Да! — подтвердили мы.

— На каждом столбе по камере наблюдения, и они крутятся вокруг своей оси. У кого хорошее зрение? — спросил Вова Завхоз.

— У меня, — ответил я.

— Хорошо, Роберт! А теперь подожди, когда камера будет смотреть прямо на тебя, и начинай считать, считай до того момента, пока камера не сделает полный оборот вокруг столба и снова не встретится с твоим взглядом. Так вы будете знать, сколько у вас секунд на перебежку, — от одного пункта до другого.

Я подождал несколько секунд и, когда камера смотрела прямо на меня, начал считать…

— Тридцать секунд, — посчитал я.

— Верно! — сказал Вова, — но имейте в виду! Камера на втором столбе вертится в противоположном направлении и получается, чтобы вам не попасть в поле обозрения второй камеры, у вас остаётся не 30, а примерно 15 секунд. Так что вам придётся поднапрячься, ребятки, чтобы сделать рывок отсюда к зданию порта и уложиться за это время (от нас до здания было примерно 50–60 метров). Затем полегче: от порта бегите перебежками между грузовиков, поглядывая одновременно на две камеры и рассчитывая время. Если видите, что не успеваете и ничего рядом нет, чтобы укрыться, просто ложитесь на землю и лежите неподвижно несколько секунд, — Вова потушил об асфальт сигарету.

— Плохо ещё то, что ваши фуры стоят немного в стороне от всех остальных (метрах в 30-ти)… но, с другой стороны, у них есть своё преимущество — они в тени. И соответственно, вам будет легче на них вскарабкаться, — Вова глядел на нас и иронически улыбался.

Да! Вова Завхоз мог показаться довольно странным, если его не знать. Он мог быть серьёзным и ответственным, но как только дело доходило до того, в чём он не принимал участие и что его не касалось, он сразу же менялся в лице, начинал язвить и издевательски подшучивать. Такой уж он был человек.

* * *

— Вам придётся разуться и как можно тише залезть на кабины, и не забывайте всё время следить за камерами, отсчитывать пятнадцать секунд, даже не смотря на то, что фуры как бы в тени. Бывает, что у прицепа тентовка только по бокам, а сверху железная крыша, тогда бы вам пришлось разрезать тент

сбоку, но вы можете не переживать, я знаю уже эти прицепы, они полностью тентованные. Так что когда будете стоять на кабине, быстро режьте сверху тент и залезайте внутрь, и не забудьте потом заклеить скотчем изнутри разрез.

— А если прицеп пустой?! — спросил я, — что если внутри нет никакой опоры, на чём можно стоять, чтобы дотянуться до верха? — Вова на мгновение замолчал.

Он, как человек своего дела, определённо знал об этом.

— Поэтому я только что вам сказал, что ваши прицепы сверху тоже тентованные, и если там не будет никакого груза, просто прыгайте внутрь и забудьте про скотч, разрез никто не заметит. Всё понятно? — снова, издевательски ухмыляясь, спросил он.

Я сидел и, затаив дыхание, внимал каждое слово, представляя перед глазами всю описываемую Вовой картину.

— Понятно, — сказал я.

Вова Завхоз по роду своей деятельности был очень точен в подсчётах и расчётах, а также в изложении всего того, что предстояло нам пройти. Он всё время рассказывал о предстоящих трудностях по мере их поступлений, не забегая наперёд и не перенасыщая нас информацией. От такого подхода в голове раскладывалось всё по полочкам.

Поэтому у меня не возникало никаких вопросов. Всё было изложено предельно ясно.

— В ситуации форс-мажора действуйте по обстановке. Я тоже всего предсказать не могу, — добавил он.

Толик сидел в молчании.

— Послушай, Толик! — обратился я к нему, — к фуре я тебя доведу. Но мы сядем в разные.

— Почему?! — недоумевал он.

Я не стал ничего объяснять, а просто посмотрел на Вову, давая ему понять, что если Толик полезет со мной, то вся эта затея будет тщетной, и я сматываю удочки, и соответственно, забираю деньги, что, конечно же, захочет сделать и Толик. Вова Завхоз понял меня с полувзгляда. Он сурово посмотрел на Толика и сказал:

— Делай, что тебе говорят. Полезешь под другой грузовик. Иначе вообще никуда не доедешь, а вернёшься обратно в лагерь. Ты этого хочешь?

— Нет, — нехотя ответил Толик.

— Ну всё, пора! — сказал Вова.

Мы постояли ещё минуту и попрощались.

— Да! Чуть не забыл! — резко прошептал Вова Завхоз. Говорил он быстро, стараясь нас не задерживать, — если у вас по каким-то причинам не получится забраться на кабину, а оттуда в

прицеп — ведь всякое бывает, — или возникнут ещё какие-то сложности, тогда лезьте под фуру и ложитесь на ось между колёс, когда фура заедет на паром, а водилы уйдут, тогда уже можете спокойно слезть с оси и забраться внутрь прицепа. Но помните, внутри парома действуйте предельно аккуратно, так как если вас обнаружат на пароме и вы всё ещё будете в территориальных водах Франции, вероятнеё всего, что вызовут береговую охрану и вас привезут обратно сюда, в Шербур, а отсюда, конечно же, отправят в Пети Шато. Думаю, что это всё! Больше мне добавить нечего. Ну всё, пора! Давайте, ни пуха, — сказал Вова Завхоз.

Я посмотрел вперёд, в очередной раз оценив расстояние до здания порта и забросив сумку на плечо:

— Толик, не отставай от меня ни на шаг. Если всё же отстанешь, видишь впереди столб? Встань за ним и жди, а когда я тебе махну рукой, беги быстро ко мне, — Толик понимающе кивнул.

Посмотрев на камеры и выждав нужный момент, я сказал:

— Вперёд! — и побежал.

Толик бежал быстро, не отставая от меня. Мы добежали до здания порта и, прячась от камер, присели под большие вазоны с цветами. Я про себя продолжал считать и аккуратно посматривать на камеры наблюдения. Вдалеке я видел фигуру Вовы Завхоза, стоящую в кустах и внимательно следящего за нашим передвижением.

— Приготовься, — сказал я, — сейчас побежим к тому грузовику с красным тентом и спрячемся за него, — Толик кивнул.

Мы подбежали к грузовику и обошли его со стороны, откуда хорошо просматривались две камеры и наши фуры.

— Готов?

— Да! — ответил Толик.

— Тогда вперёд, — и мы побежали.

Подбежав к нашим фурам, мы встали сзади прицепов, они находились полностью в тени, в отличие от кабин, которые всё же не сильно, но были освещены фонарями с парковки.

— Я буду забираться в эту фуру, возле которой мы стоим, а ты в соседнюю, — скомандовал я Толику.

— Хорошо, — уже не возражая, ответил он.

Мы пригнулись и стали снимать обувь. Как вдруг у фуры, за которой мы стояли, с двух сторон кабины открылись двери и оттуда вышли двое мужчин, громко разговаривая, как мне показалось, на английском, но вперемешку с очень сильным непонятным диалектом, режущим слух и мешающим сосредоточиться и разобрать, казалось бы, знакомые мне слова.

Закрыв двери, они направились в нашу сторону. Я быстро нырнул под прицеп, прячась за колесо, при этом одёрнув Толика, он впопыхах проделал то же самое. Они подошли к задней двери, проверили её, продолжая громко разговаривать и смеяться, испражнились на газон с растущими на нём пальмами, закурили и пошли к кабинам. Постояв ещё несколько минут, мужчины разошлись — каждый в свою фуру.

— Что будем делать? — спросил Толик.

— Лезть на кабину сейчас точно не будем. Нужно подождать хотя бы один час, пока они уснут.

— А если через час они ещё не уснут? А может быть, они вообще не собираются спать?! Ведь уже почти полшестого утра, — произнёс взволнованным голосом Толик.

— Такое тоже может быть! Поэтому, чтобы не рисковать, предлагаю переместиться на паром под прицепом, на оси. Так, как и советовал Вова! — сказал я.

Находясь ещё под прицепом, я посмотрел на ось между колёс и попробовал лечь на неё. После нескольких минут стараний кое-как мне это удалось. Я лёг на бок, сильно поджав ноги, и всё бы ничего, но два гидравлических тормоза на оси не позволяли чувствовать себя комфортно. Один тормоз огибали поджатые ноги, а другой давил мне в грудь.

— Вот как-то так. Думаю, часок-другой можно помучиться, пока не заедем на паром, а потом в тишине, когда все уйдут, можно будет спокойно из-под фуры перекачевать внутрь прицепа, — сказал я, улыбаясь.

— А что делать с сумкой? — спросил Толик.

Я посмотрел на висящие шланги и провода на другой оси и пополз туда, чтобы привязать свою сумку и заодно показать Толику, как это делается. Закрутив сумку проводами, свисающими над осью, я ещё несколько раз обмотал её скотчем.

— Ну вот, порядок! Ты, главное, закручивай сумку с умом, чтобы не вырвать провода, а то без них ты далеко не уедешь, — улыбаясь, я посмотрел на Толика.

— Я понял, — ответил он.

Толик взял свой рюкзак и полез под соседний прицеп. Как ни странно, но страха не было вообще, присутствовал какой-то дикий азарт и желание… Желание сделать это любой ценой.

Раз государства всех стран нарисовали границы и свободное передвижение не так доступно — должны быть и другие способы, чтобы их пересекать. Если не удаётся сделать это одним путём, то должен быть другой и третий. Главное — это желание и стремление! И так как денег на поддельный паспорт у меня тогда не было, приходилось изощряться. Сумку я привязал на оси перед

собой, чтобы её видеть, и в случае если она упадёт, попытаться быстро на ходу подобрать её. Сам же решил расположиться на средней оси, оставив заднюю и переднюю для прикрытия. Спасали также и широкие железные перекладины внизу прицепа, протянувшиеся вдоль от задних до передних колёс, которые также скрывали боковую обозримость трёх задних осей. Я лежал на асфальте под прицепом, вытянувшись в полный рост. Три больших колеса сбоку позволяли мне сделать это и прикрывали с внешней стороны. Было ещё темно, но уже начинало светать, водители просыпались и ходили по своим нуждам. Я лежал и думал: «Что же всё-таки сподвигло меня на эти приключения?» Ведь было же всё хорошо! Хорошие интеллигентные родители с высшим образованием, жившие не в роскоши, но в абсолютном достатке, моя работа, не приносившая на то время больших доходов, но также не позволявшая умереть с голоду, помимо всех тех пертурбаций, происходивших в постсоветских странах, от которых определённо хотелось быть в стороне, было ещё какое-такое неимоверное внутреннее чувство… внутреннее желание к переменам, преодолеваемым трудностям, приключениям, путешествию… всё это манило меня, притягивало, как магнит, не давая сидеть на одном месте. Лежа сейчас на асфальте, скрестив ноги и положив руки за голову, уже практически смирившись с постоянным ознобом и думая про всё происходящее, я вспомнил свой стих, написанный буквально за несколько дней до прибытия во Францию:

Приехал я сюда один,
Не знав, не ведав, что и как…
Во время жизни здесь обрёл
Самостоятельность и такт.
Знаком был с разными людьми
Различных нравов и профессий,
Характеры у всех свои,
У всех другие интересы:
Кто-то приехал просто жить,
Кто-то приехал заработать,
Один приехал воровать,
Другой в бегах из-за кого-то.
Живут здесь, каждый по себе,
Никто здесь лишнего не скажет,
Сидят спокойно все и ждут,
Что завтра новый день покажет…

С этими мыслями я и уснул. Проснулся уже от шума мотора и

вибрирующего прицепа. И если в начале, чтобы лечь на ось, пробираясь аккуратно, медленно и не спеша среди шлангов и проводов, у меня заняло около двух минут, то сейчас, когда фура тронулась с места и поехала, я запрыгнул на неё за две секунды. На ходу я аккуратно выглянул из-под прицепа, грузовик, под которым лежал Толик, не тронулся с места. Как я узнал позже, фура, под которой остался лежать Толик, простояла в порту ещё три дня в ожидании следующего парома. Толик Нефартовый каждое утро залезал под неё и сидел там до вечера в ожидании сумерек. Затем вылезал и шёл с Вовой спать в его вагончик. И так три дня подряд, а на четвёртый грузовик всё же тронулся и заехал на нужный паром, доставив Толика к его желаемой цели.

На улице было светло. Точного времени я не знал, но предполагал, что было уже не меньше восьми утра. Фура въехала в нижнюю часть парома. Водитель вышел, подставил железные колодки под некоторые колёса и ушёл. То же самое проделали и остальные водители своих больших машин. Покрытие пола, на котором стояли фуры, было идеальным: свежепокрашенным и гладким. После того, как закрылась железная дверь задней части парома, я сполз с оси и лёг на пол. Ужасно хотелось выйти и пройтись, хотя бы несколько минут.

На некоторое время в отсеке стало темно и сравнительно тихо. Слышался ровный, приглушённый шум мотора. «Сейчас… ещё пять минут подожду и пойду залезать внутрь фуры», — подумал я и подполз к оси, где висела сумка, стал её распутывать, как вдруг в отсеке загорелся яркий свет, стали входить люди в строительной униформе и оживлённо что-то делать. Я оставил сумку на месте и снова забрался на ось. Работники ходили взад и вперёд, видны были только их штаны с большими карманами и ботинки. Они громко говорили на французском, и всё сопровождалось сверлением, сутками, лязганьем и резанием железа. Я понял, что мне не вылезти из-под прицепа, пока здесь так людно, поэтому закрыл глаза и растворился в этом оркестре железных инструментов. Сколько это продолжалось — мне неизвестно, я крепко спал. Внезапно всё резко затихло, и рабочие стали расходиться. Я услышал, как двигатель парома сменил звук, мне показалось, что он даёт задний ход. Мягкий удар — и стоп машины. Англия!

— Чёрт бы её побрал! — выругался я.

В этом случае оставалось два варианта: в первом — фура выедет из этого парома и переедет на другой, который должен будет отправиться в Ирландию. Это было бы идеально. Во втором же, не самом лучшем варианте, фура пойдёт через Англию, делая разгрузку или погрузку, а также самое худшее, что может

произойти, — это водила поменяет прицеп. Этого мне хотелось меньше всего. Водители вернулись по машинам. Из их разговоров я понял, что паром пришёл в Пул — южный портовый город Англии. Я намотал на руку шланги и провода, висевшие надо мной, и приготовился к дальнейшему передвижению. Фура аккуратно выехала с парома, покинула территорию порта и направилась в неизвестном мне направлении, постепенно набирая ход. «Всё-таки второй вариант», — подумал я, улыбаясь и морально готовясь к долгой дороге. По моим предположениям фура ехала часа три без остановок. За это время мне было и холодно, и жарко. Мы проезжали как сухие, так и влажные участки дорог — только после дождя. Пыль и грязь летели из-под колёс в лицо, не считая выхлопных газов солярки, которые обдавали меня время от времени своими горячими парами. При виде чёрных облаков, плывущих на меня из выхлопной трубы, я пытался прерывисто дышать, и изредка, в отсутствии клубней дыма, жадно глотать «чистый» воздух. Я лежал на оси и думал: есть большая вероятность, что грузовик сейчас поедет на базу сбрасывать или менять прицеп, так как английская компания P&O, которой принадлежал прицеп, не давала мне покоя. Если грузовик останется здесь, тогда мне придётся остановиться в Англии на какое-то время и, за неимением достаточных средств на проживание, просить политическое убежище здесь, а уже отсюда переправляться в Ирландию. Уж больно это смахивало на Голландию, откуда мне пришлось переезжать в Бельгию, повторения ситуации мне бы очень не хотелось.

Грузовик начал снижать скорость, потом разворот и задний ход. Фура приостановилась, водитель вышел и открыл заднюю дверь прицепа, затем залез обратно в кабину, задний ход, мягкий толчок, стоп. Я догадался, что мы подъехали на какую-о базу, и, по-видимому, прицеп менять никто не собирался, так как сверху надо мной проехал автопогрузчик, загружая прицеп грузом, после которого он начал постепенно оседать. Я перевёл дыхание и сделал несколько глубоких вдохов свежего воздуха. Всё тело невероятно болело и ныло от железной оси, которая уже практически въелась в него. Но, не успев опомнится, фура снова тронулась. Я опять ушёл в бессознательность или же просто-напросто уснул от усталости. Порой ловил себя на мысли о том, что я просто отключаюсь на какое-то время, а потом опять прихожу в себя. Была ли это защитная реакция организма? Или же я просто не выспался? Думаю, и то и другое. Фура выехала на трассу и поехала на высокой скорости. От боли я уже не чувствовал правый бок. Я попытался приподняться и перевернуться на левый, при этом крепко держась руками за

шланги, к счастью, мне это удалось. Теперь я мог менять позицию — это в какой-то мере облегчило моё дальнейшее передвижение. Сколько ехала фура, я точно сказать не могу, но остановок по пути уже не было. Всё, что мелькало у меня перед глазами, так это асфальт и быстро крутящиеся колёса. Я чувствовал, что силы уже на исходе, правый и левый бок полностью онемели, нагретая железная ось прожигала сквозь джинсы, руки устали от мёртвой хватки за шланги, внутренняя энергия иссякала на глазах. «Когда же это закончится!? Всё! Хватит! Пускай чуть-чуть снизит скорость, и я сам выпаду на асфальт. Но следом идущий транспорт!? — думал я, — он уж точно не успеет затормозить. И всё! Все старания тщетны». Я набрал полную грудь воздуха и что было силы заорал: «Аааа!» И опять отключился. Так я отключался ещё несколько раз, находясь всё это время в неясном затуманенном состоянии. Открыв глаза через неопределённый промежуток времени, я увидел, что фура значительно снизила ход, колёса крутились очень медленно, вечерело, шёл дождь.

Фура остановилась. Я выгнулся и посмотрел между колёс. Вокруг стояло много грузовиков. Все чего-то ждали. Я аккуратно сполз на мокрый асфальт и попытался оглядеться. Высунув полностью голову, я увидел табличку «Liverpool port». Ну вот и всё — приехали! Я понимал, раз фура пришла в северный порт Англии, значит отсюда прямая дорога в Ирландию! Можно расслабиться. Неплохо прокатился. С юга на север. Я сидел на мокром асфальте и думал.

Грузовики постепенно начинали продвигаться. Я влез обратно. Ехали мы медленно, подолгу стоя на одном месте. Фура остановилась в очередной раз. Я слез с оси и сел в лужу, не обращая на неё никакого внимания. Было темно, но фонари тщательно освещали территорию порта жёлтым противотуманным светом. Я сидел под фурой, оперевшись спиной о колесо и вытянув ноги, вдыхая сырой воздух Англии, вперемешку с выхлопными газами грузовиков. Высунув голову, чтобы посмотреть, сколько нам осталось до парома, я увидел то, чего никак не ожидал, и замер на месте от увиденного. «Этого не может быть?! — сказал я вслух, — Неужели всё было напрасно?» Оставаться в Англии я категорически не хотел. Я ещё раз аккуратно высунул голову из-под колеса. Это конец! Здесь поможет только чудо.

По обеим сторонам впереди стоящей фуры проходили таможенники с овчарками.

Я влез обратно на ось и слился с ней воедино. Собаки приближались. Я закрыл глаза и выдохнул, не оставив ни капли воздуха внутри. Меня нет… Меня здесь нет…

Я испарился. Открыл глаза только через несколько минут, когда фура медленно тронулась. Люди с собаками проходили уже мимо следующей фуры. Я отчётливо видел, как овчарки на длинном поводке обнюхивают всё снаружи, а также залезают под фуру. Как?! Что произошло? Объяснение этому у меня было только одно — собаки были натасканы только на наркотики. Но тем не менее. Фура не спеша въехала на железные подставки, этот металлический звук был уже знаком, но на этот раз он был как бальзам на душу; и поехала медленно вверх, остановившись на верхней палубе судна. Я услышал лязг тяжёлых цепей.

Водители фур выходили из кабин и крепили цепи к колёсам, чтобы они не двигалась во время шторма. Через несколько минут я всё также сидел под фурой, но уже на железной палубе большого грузового корабля. Просидев ещё какое-то время, я почувствовал, что судно плавно отходит от причала. Разговоры и лязганье цепей прекратились. Я вышел наружу, очутившись на огромной палубе, полностью заставленной грузовиками и контейнерами. Я стоял на ногах и улыбался. Последний раз я стоял так непринуждённо ровно 17 часов назад. Палуба не освещалась, поэтому было темно, дул холодный северный ветер и шёл дождь. «Типичная английская погода», — подумал я, наблюдая за тем, как судно набирало ход, выходя в открытое море.

Фура, под которой я находился всё это время, стояла с краю возле борта корабля. Рядом неожиданно послышался какой-то шум. Я сделал несколько шагов назад и прислонился спиной к высокому массивному борту, как бы зайдя полностью в тень. В рядом стоящем грузовике открылась задняя дверь и оттуда выпрыгнули три человека. Постояв несколько секунд и собрав вещи, они закрыли дверь фуры и побежали в сторону большой железной башни, или как её ещё называют моряки, надстройки, находившейся посередине судна, наверху которой горели окна капитанской рубки. Постою немного, может, ещё кто-то будет выбираться. Пусть все выйдут… Прождав какое-то время, я решил, что уже можно заходить внутрь судна, осталось только переодеться. Достав сумку из-под фуры, я стоял под холодным шквальным дождём и ветром, которые укрывали меня своими резкими порывами. Я снял с себя абсолютно всю одежду и, бросив её под борт корабля, стал быстро доставать из сумки вещи и надевать, чтобы опять не промокнуть, — трусы, чёрные классические брюки, футболку, тёмно-синий джемпер. Я быстро переобулся, надев тёмно-бордовые лакированные туфли, а также новую велюровую швейцарскую весенне-осеннюю куртку кремового цвета, которую я приобрёл на днях у наших

поставщиков. «А теперь можно и перекусить», — подумал я и достал из сумки жестяную банку фасоли с сосисками в томатном соусе. Эту стряпню ещё хоть как-то можно было есть разогретой на плите или в микроволновке, холодная же она была отвратительной. Кусочки холодной сосиски вперемешку с фасолью, и всё это с холодным томатным соусом. Но так как очень хотелось есть, в таких случаях и не комильфо подойдёт. Я знал, что покупал. Забросив сумку на плечо и держа в руке банку с ужином, прихлёбывая его на ходу, пробираясь сквозь грузовые джунгли, я направлялся ко входу в надстройку, чтобы наконец-то попасть внутрь. Подойдя к двери, которую несложно было найти в темноте, так как она была открыта и оттуда на палубу падал яркий свет, который хорошо был заметен издалека, я не спешил заходить. Выкинув недоеденный ужин в пустую бочку у двери, я решил немного прогуляться по палубе и размять суставы. Достав из сумки полпачки сигарет, я закурил. В этот миг, стоя в сухой одежде, в вертикальном положении, куря сигарету на борту плавно идущего большого судна, я почувствовал невероятное спокойствие, уверенность и энергию, получая от этого колоссальное наслаждение. Куда шло это судно, конечно же, я не знал. Но по большому счёту куда бы оно ни шло, мне уже было абсолютно всё равно. Докурив сигарету и выкинув окурок в ту же бочку, я вошёл в длинный светлый коридор, пройдя по нему вперёд, упёрся в лестницу, ведущую наверх, и поднялся на несколько уровней выше. Услышав музыку, разговоры и смех, я пошёл по коридору в этом направлении. По пути мне встретились люди — молодая пара, которые, проходя мимо и посмотрев на меня, очень сильно заулыбались. Я сначала был в недоумении, но следом за ними бежали дети, а они, посмотрев на меня, просто расхохотались.

С правой стороны по коридору была дверь в уборную, я зашёл туда. Поставив грязную сумку на идеально чистый сверкающий пол и посмотрев в зеркало, я замер. «Что за чертовщина!» — опешил я, глядя в зеркало и ища своё светлое лицо, которого на фоне светло-бежевой куртки и чёрного кафеля на стене сзади не было видно. Я попытался успокоиться и посмотреть ещё раз: неужели я так устал?! Ведь я же мыслю, а это значит, что не могу быть без головы. Я стал напряженно всматриваться и увидел круглое чёрное пятно, а также два белых пятнышка глазного яблока, смотрящих на меня из зеркала. Волосы и лицо выглядели так, будто их только что облили смолой. Сначала я не мог понять, что произошло. Затем мне вспомнились горячие дизельные выхлопы. Я снял куртку и стал тщательно отмывать лицо, это заняло минут десять, волосы я мыл гораздо дольше, и всё же

полностью отмыть их мне не удалось. Только через дня три постоянных купаний они стали, как прежде. Сумку я поставил на умывальник и долго натирал мылом, драял что было силы, используя кусок полотенца для сушки рук, который я отрезал ножом. Полностью придать ей торговый вид у меня не вышло, но местами она стала, как раньше. Выйдя опять в коридор и пройдя ещё несколько метров, я повернул за угол и увидел перед собой большую просторную комнату, где было очень людно и весело. Я переступил порог и наступил на мягкий красный ковролин, который, вероятно, совсем недавно постелили, так как ступив на него, моя нога провалилась точно в сугроб. В левом углу расположилась небольшая барная стойка, возле которой толпились люди; по правую руку стояли мягкие кресла и диваны, расставленные квадратом, в середине которых стояли круглые столики; посреди комнаты стояло несколько игровых автоматов и два стола для игры в мини-бильярд (пул). В дальнем правом углу тоже было людно, в основном это были мужчины — они во что-то играли и оживлённо спорили. Я решил занять свободный диван в правом углу комнаты и поставил на него свою сумку. Затем прошёлся к бару, заказал пинту светлого пива, заплатив оставшимися у меня французскими франками, и уже с пивом направился в дальний угол — посмотреть, что же там происходит. Подойдя практически вплотную, я непроизвольно оказался в клубе любителей дартса. Простояв там какое-то время и поддержав одну из команд, я почувствовал усталость и направился к уже выбранному мною ложе. Люди начинали расходиться, большая комната постепенно опустевала. Все оставшиеся диваны и кресла были заняты. Кто-то просто ещё сидел и выпивал, а кто-то уже отошёл ко сну. Я убрал сумку, поставив её за диван, сел и переключил своё внимание на большой громоздкий телевизор, висевший на стене, в эфире шёл английский сериал «Fawlty Towers».

Звука не было слышно, но я хорошо его помнил, смотря их вместе с шоу Бенни Хилла; на то время эти два комедийных сериала произвели большой фурор в постсоветских странах. Смотря сериал и углубившись в приятные воспоминания, я уснул, оставив на столе недопитые полбокала пива. Спал я крепко. До того момента, пока не почувствовал, что меня кто-то потряхивает за плечо. Я открыл глаза и увидел уже не молодого мужчину в капитанской форме, стоящего надо мной.

— Good morning! — улыбнулся капитан.

— Good morning, — ответил я, как мне показалось, машинально, но всё же подсознательно начав готовиться к смене языков, хотя очень хотелось сказать привычное мне Bonjour.

С остальными спящими на диванах и креслах капитан проделал то же самое. Взяв зубную пасту и щётку, я пошёл умываться. Зайдя в уборную, сразу же посмотрел в зеркало и усмехнулся, вспомнив вчерашнее чёрное пятно с двумя белыми точками на нём. Судно незаметно пристало к пирсу, люди направились к выходу, я последовал за ними. Выйдя из корабля и ступив на трап, я посмотрел на синее безоблачное небо, на котором ярко светило солнце, но тепла от него не ощущалось. Всё моё тело от макушки и до ступней мгновенно заледенело. Так, как будто бы я находился не на улице, а в морозильной камере. Да и зимы-то ещё не было, стояла первая неделя октября. В Европе в этой одежде, которая была на мне, можно было легко проходить до декабря. Но только не здесь! «Неужели теперь так будет всегда?! — спросил я сам себя, — этот холод преследует меня везде, начиная с Амстердама. Ведь адаптация к непривычному климатическому поясу всегда занимает какое-то время. Сколько же это займёт времени здесь?! Наверное, целую вечность. В этих северных странах нужно родиться, чтобы быть с рождения приспособленным к такому холоду».

Я забросил сумку на плечо, поднял воротник и скрестил на груди руки. Надо было пуховик покупать и свитер из верблюжьей шерсти. Кто ж знал. И в самом деле о местном климате информации у меня не было никакой. Да и Вова Завхоз вряд ли стал бы рассказывать про здешний холод, чтобы не спугнуть клиентов, хотя сам прекрасно знал об этом. Мы постепенно, не спеша спускались по лестнице вниз, где нас уже ждал автобус. Повернувшись к рядом идущей женщине, я спросил:

— Ireland?!

Она посмотрела на меня, улыбнулась и ответила:

— Yes, Belfast. Ireland.

Белфаст?! Что-то знакомое. Я не понял, почему она так это произнесла. И Ireland сказала как-то не уверенно. Зайдя в автобус, я решил ещё раз переспросить, где я нахожусь, и обратился к рядом стоящему пожилому мужчине, который выглядел, как старый боцман: невысокого роста, плотного и полного телосложения, волосы и борода у него были седые, а в глазах горел огонёк задора, бодрости и доброты.

— Is it Ireland? — спросил я.

— Yes, Northern Ireland, — ответил он и добавил: — Belfast.

— Not Dublin? — уточнил я.

— No Dudlin, — сказал он, широко улыбаясь и отрицательно качая головой, — Belfast!

Автобус вывез всех за территорию порта. Люди вышли из него и мгновенно рассосались, кто куда. Я стоял возле дороги, не

зная, куда идти. Я понимал, что нахожусь не в Дублине, куда направлялся изначально, соответственно, нужно добраться туда каким-то способом; мне нужен автобус или поезд. Рядом оказался тот же пожилой мужчина, вероятно, ожидая кого-то. Он стоял и прикуривал трубку. Я подошёл к нему и спросил:

— Train station, bus station?

Он посмотрел на меня, выпустил из трубки густой ароматный дым и указал рукой в сторону высоких заводских труб, виднеющихся вдалеке. Я показал пальцем, как бы указывая на наручные часы, и спросил:

— How long to walk? — боцман посмотрел на меня, добродушно улыбнулся и ответил:

— Well… one hour, maybe more… — и покачал ладонью, мол, приблизительно.

— Thank you! — поблагодарил я его и не спеша пошёл вдоль дороги в сторону города, который вырисовывался вдалеке на горизонте.

Это было утро субботнего дня. По дороге машин ездило очень мало, и это играло мне на руку, так как обочины у дороги не было и приходилось идти по краю. Пальцы ног я уже не чувствовал, они просто онемели от холода. Но тем не менее я продолжал шагать уверенной походкой в сторону города. Пройдя ещё минут двадцать, я услышал, как сзади притормозила машина и медленно сравнялась со мной. Я остановился. Из окна небольшого белого фургона выглядывал немолодой мужчина лет пятидесяти. Поздоровавшись, он поинтересовался, куда я направляюсь. Я ответил, что иду в сторону железнодорожного вокзала. Он усмехнулся и предложил подвезти. Я, естественно, согласился. Сев в машину с непривычной мне стороны, я ближе разглядел её владельца или просто работника: вся задняя часть машины была завалена пачками газет.

— William, — представился он.

— Роберт, — ответил я.

Как я уже сказал, ему было лет пятьдесят, роста он был невысокого, ниже среднего, коренастый, седой, с виду очень добрый человек. Уильям сразу спросил, говорю ли я по-английски. На что я ему ответил, что немного говорю. Он дружелюбно улыбнулся, и мы поехали. По дороге он расспрашивал, откуда я еду и куда. Я рассказал ему, что путешествую между странами и городами в поисках лучшей жизни и в данный момент направляюсь в Дублин. Он пристально посмотрел на меня и сказал:

— Dublin?! Why Dublin? Stay here! Belfast is a great place! You don’t need to go to Dublin.

Я даже как-то растерялся, не зная, что и ответить…

Разговоры с Вовой Завхозом всё время велись про Дублин, и то, что это столица, тоже играло большую роль, наверное, поэтому я и стремился туда попасть. Про Белфаст я ничего не знал. Всю дорогу с водительской стороны было открыто окно. Как это возможно?! Люди живут здесь, полностью пронизаны холодом и ветром…

Мы подъехали к ж/д вокзалу, попрощались и пожали друг другу руки. На первый взгляд, это может показаться странным — ни с того ни с сего человек просто остановился и подвёз, ещё и предлагал здесь остаться. Мир не без добрых людей. Я зашёл в арку, на которую указал мне Уильям, и оказался в небольшом тёмном помещении, в котором согреться мне также не удалось, так как это помещение имело прямой вход с улицы, не имея при этом дверей. Света там тоже не было. Посмотрев на железные стулья, привинченные к бетонному полу, и представив, что будет, если на них присесть… мурашки сразу же пробежали по всему телу. В углу находился закрытый киоск, возле которого стояли люди. Я подошёл и поинтересовался, где можно купить билеты на поезд. Они сказали, что здесь, в этом киоске, который откроется через полчаса. «А когда поезд в Дублин?» — поинтересовался я. Мне ответили, что через час. Это напомнило станцию в глухом селе, которая стоит на открытой местности, а кассир приходит и уходит, когда ему или ей вздумается. Нет! Определённо в Дублин. Я искренне надеялся на то, что, попав туда, сразу окажусь в цивилизации. Людей у киоска было немного и все стояли чинно друг за другом, в очереди чувствовалось напряжение в связи с задержкой открытия. Билетный киоск открылся минут за пятнадцать до отправления поезда. С его открытием в помещение вошло четверо полицейских. Они подошли сначала к билетёру, что-то ему сказали, а потом пошли вдоль выстроившихся в ряд ожидающих и стали выборочно выводить из очереди подозрительных на их взгляд людей. Прямо передо мной стояли два молодых цыгана, скорее всего, из Румынии, их попросили выйти, сзади также оказалось несколько подозрительных по их мнению человек, которые тоже последовали за ними. Меня миновали. Но я особо не беспокоился по этому поводу, так как основной переезд, или переплыв, а ещё точнее переход, я уже совершил. Купив билет, который обошёлся мне в пятьдесят долларов (хотя валютой в Белфасте, как и во всей северной Ирландии, был английский фунт, но всё же они приняли доллары), я сел в полупустой поезд, расположившись возле окна. Выехав за город, который мне так и не удалось рассмотреть, глядя в окно поезда, я наблюдал: зелёные луга,

поля, пасущихся на них коров и овец, возвышающиеся зелёные холмы и отдельно стоящие фермерские дома.

После каменной и густонаселённой Европы, а точнее Бельгии, наблюдать за незастроенными полями и лугами, не видя домов и городов по пути, было очень непривычно, даже как-то жутко. Веяло глушью и дикостью. Небо затянули серые густые тучи, и по стеклу потекли капли дождя. Я заметил, что только через некоторое время тело стало отходить от озноба, хотя особого привычного тепла в поезде не было. Спустя три часа обозрения полей, холмов и овец с коровами, поезд остановился на центральной станции Дублина — «Connolly Station». Как только я вышел из вагона, ещё даже не успев сделать и нескольких шагов по мокрому от дождя перрону, тут же был поражён от всего увиденного, да так сильно, что просто замер на месте. У меня возникло такое ощущение, что я нахожусь не в конце, а в начале XX века: старые грязные поезда, из-под которых шёл дым, чёрный железный вокзал, лужи на перроне, зонты и серьёзные северные лица. Мне показалось, что за последние сто лет на станции ничего не поменялось. Осень 1999 года, за углом стоял 2000. Новый, XXI век! А здесь! После Европы… Я стоял на перроне, со всех сторон продуваемом холодным ветром, а с железной дырявой крыши мне на голову падали капли дождя. Толпа людей, идущая с поезда и шлёпая по мокрому асфальту, проходила мимо и даже не замечала, как я стоял в недоумении и какой-то растерянности, от которой у меня сдавило в груди и спёрло дыхание. У меня возникло огромное желание набрать полную грудь воздуха, чтобы пробить ту спёртость, и изо всех сил заорать! И если бы я и вправду это сделал, то в этом сумасшедшем вопле души определённо был бы ощутим полный крах, полное фиаско, которое я испытывал в данный момент. Мне невероятно захотелось мгновенно запрыгнуть в поезд и вернуться обратно в Европу, я даже сделал шаг в его направлении, но спохватился. Куда?! Что же я наделал? Зачем я самопроизвольно втягиваю себя в эти приключения, вытягивая из зоны комфорта? А может, и не я вовсе? Моё сознание было, как в тумане. Ведь было так тепло, уютно, комфортно… Надо было оставаться и ждать, пусть даже неизвестно сколько, но ждать! Там я был в центре Европы — цивилизации, а здесь! Я же на острове! Оторванность, холод, серость, дождь, к тому же всё опять по новой (комиссариат, легенда). Ведь чтобы вернуться назад в Европу, нужна опять фура, паром. Нет! Хватит! Хватит! Поздно… Я стоял, всё так же затаив дыхание, но быстро оценивая ситуацию. «Надо успокоиться, — говорил я сам себе, пытаясь глубоко вдохнуть влажный и вонючий вокзальный воздух, — надо

успокоиться. Нужно дать себе время. Всегда нужно попробовать… разведать… прощупать… прочувствовать. Надо отнести это к очередному препятствию, которое нужно пройти, испытав его на себе. Пускай это будет год, — успокаивал я сам себя, — всего лишь год, и если что-то пойдёт не так, я безусловно сумею вернуться любыми способами… Паниковать — нет, это не моё». За каких-то несколько секунд пробежала куча мыслей, которые я смог моментально переварить и принять необходимое решение.

Немного успокоившись, я ещё раз оглядел всё вокруг. Да… На этой станции ещё легко можно было снимать фильмы про Шерлока Холмса, ничего здесь не меняя, а также про старую добрую Англию. Я направился к выходу, у которого стоял полицейский, молодой парень моих лет, который мне как раз и был нужен. Подойдя к нему, я спросил, где я могу найти полицейский участок, он сразу же поинтересовался, зачем он мне. Когда я сказал, что беженец и ищу политическое убежище в этой стране, он как с катушек съехал. Выругался и сказал, чтобы я убирался туда, откуда приехал. А я-то думал, что здесь Европа, а здесь оказывается ещё каменный век. И если в Европе полицейские уже были научены из личного опыта и практики, как нужно обращаться с беженцами, то в Ирландии им только предстояло этому научиться. Я посмотрел на полицейского, ничего не сказав в ответ, развернулся и пошёл к выходу. Погода была мерзкая: тяжёлое тёмно-серое небо висело, казалось бы, прямо над головой, обливая всё в округе мелким моросящим дождём, дул холодный ветер, от этого настроение становилось такое же пасмурное и серое. Выйдя из вокзала, моё внимание сразу же привлёк паб напротив, откуда вывалилось несколько парней в зелёных футболках, громко что-то крича и колотя друг друга, делали они это отнюдь не в шуточной форме. Было только двенадцать часов дня. Да! Весело тут. Пока я стоял и забавлялся ирландскими играми, ко мне подошёл тот же молодой полицейский. Он извинился, попросил прощения и предложил провести меня к полицейскому участку. Я не стал противиться. Придя в участок и заявив о себе, меня попросили подождать, пока они свяжутся с иммиграционным офицером. Прождав около получаса, в дверь вошли двое мужчин, прилично одетых, крепкого телосложения, они попросили пройти за ними. Мы зашли в маленький кабинет, где ничего не было, кроме стола и четырёх стульев. Они меня спросили обычные и привычные уже мне вопросы, мол, как я сюда попал… с какой целью… и всякое такое. Недолго поговорив, мы вышли на улицу, сели в машину и поехали. И так как мой английский был уж очень поверхностным, многого, что они мне говорили по пути, я просто не понимал.

Пока мы ехали, я пытался рассмотреть город и хоть как-то прочувствовать его, но ничего, кроме трёх или четырёхэтажных викторианских домов, стоящих в ряд, я не увидел, и самобытности пока не ощутил. Дублин, с первого взгляда на него, казался небольшим провинциальным городом, в котором не было высоток и офисных современных сооружений тоже. Машина подъехала к одному из викторианских домов из красного кирпича, втиснутых между другими, и остановилась. Выйдя из машины и поднявшись по ступенькам, мы вошли внутрь. На пороге нас встретила очень дружелюбная хозяйка, которая переделала свой большой старинный дом под хостел и на данный момент сдавала беженцам и переселенцам, за которых исправно платило государство. Один из офицеров мне объяснил, что так как сейчас суббота и центр по приёму беженцев закрыт, я могу остаться здесь до понедельника, а в понедельник с утра идти уже в центр для беженцев, где меня зарегистрируют и укажут постоянное место проживания на время моего здесь пребывания. Попрощавшись, он вынул из кармана десять ирландских паундов и протянул мне, сказав, что это деньги на еду до понедельника. Хозяйка, милая пожилая женщина, провела меня сначала на нижний этаж, который находился ниже уровня земли, там была кухня, где на завтрак, как она сказала, я мог съесть хлопья с молоком и выпить чай с тостом и джемом; затем мы поднялись выше и зашли в небольшую комнату, где практически вплотную стояли две двухъярусные кровати, одна из четырёх была свободна. Оставив вещи, я пошёл прогуляться и осмотреть окрестности. Вечерело, было прохладно и сыро, моросил дождь. По дороге, зайдя в ближайший «Take away», я на пять фунтов выбрал себе меню, заказав картошку фри (чипс, по местному) и гамбургер с колой. И если гамбургер был ещё куда ни шло, то чипс показались мне отвратительны: толсто нарезанная картошка была обжарена не в масле, а в расплавленном дешёвом маргарине, присыпана обильно солью и залита уксусом. После бельгийской вкуснейшей картошки фри эти жирные чипс просто не лезли в горло, я сразу же высыпал их в урну, съев только гамбургер и запив его колой.

После того как я отведал местную кухню, мало того, что у меня пропало настроение, у меня к тому же пропало всякое желание дальнейшей прогулки, и я вернулся обратно в хостел. Ощущение нахождения в ещё не до цивилизованном мире не покидало меня. Целое воскресенье я провёл, не выходя из комнаты. Завтрак был сухой и невкусный. Вся дальнейшая еда, которую я покупал, чтобы хоть как-то перебить аппетит, была абсолютно безвкусной. На улице постоянно шёл дождь и мне не

хотелось никуда выходить. К тому же я познакомился с тремя своими соседями по комнате, такими же беженцами, как и я, с которыми мы долго разговаривали на общие темы, делясь впечатлениями. В понедельник я проснулся рано, как ни странно, но утро оказалось солнечным, из-за этого настроение улучшалось и краски восприятия всего вокруг менялись в лучшую сторону. После очередного не аппетитного завтрака, я отправился искать центр для беженцев, используя как карту, нарисованный от руки маршрут, который дала мне хозяйка хостела. По пути, чтобы не сбиться, я дополнительно спрашивал прохожих. Спустившись вниз с района Phibsborough, я проходил через центральную улицу O'Connell Street, здесь город становился уже более выявленным. Улица была прямая, длиной в пятьсот метров. Массивное здание центральной почты с высокими колоннами, построенное в георгианском стиле, прекрасно вливалось в архитектуру места. По центру улицы среди деревьев протянулся пешеходный променад, а также несколько памятников политическим деятелям. В середине O'Connell Street среди деревьев расположился бронзовый памятник Русалке (как мы его тогда называли), это была лежащая девушка с длинными волосами, по которым стекала вода и притягивала внимание прохожих своим журчанием. Местные же жители, в меру своей ирландской распущенности, называли этот памятник менее романтично, но более созвучно, «Floozie in the Jacuzzi», что звучало на первый взгляд красиво, но если перевести это созвучие на русский язык, выходит «Шлюшка в джакузи».

Пока я стоял и слушал шум воды, откуда ни возьмись, выбежала местная шпана и вылила в бурлящую воду мыло или шампунь, после чего хлопья пены распространились вокруг памятника и на пешеходную её часть. После этого я очень часто наблюдал там пену, вероятно, это было любимым развлечением местной ребятни. Это место почему-то было очень значимым для многих беженцев, наверное, потому, что все прибывшие всегда собирались в центральных местах возле памятников, фонтанов, в парках, заполняя все скамейки и просто сидя там часами, общаясь с такими же, как они. В Брюсселе происходило всё то же самое. Поэтому, чтобы получить нужную информацию, касающуюся только беженцев, все вновь прибывшие уже изначально знали, куда идти, в какой бы стране они ни находились.

Не знаю по какой причине, но монумент Русалки простоял недолго, меньше года, потом местные власти его снесли.

Переходя через широкий центральный мост, которому на тот момент было более ста лет, я поинтересовался у прохожих, что это за канал под ним течёт. Мне объяснили, что это не канал, а

река Liffey (Лиффи), которая разделяет Дублин на северную (бедную) и южную (богатую) его части, а также впадает в Ирландское море. Следуя маршруту, я проходил мимо старейшего и самого престижного учебного заведения Ирландии — «Тринити колледжа», который был основан королевой Елизаветой первой в 1592 году. Фасад же здания и центральная арка были построены гораздо позже, в 1759 году. Эта часть города была гораздо интересней и заслуживала особого внимания и изучения. Пройдя вдоль пешеходной улицы Grafton Street, по которой расположилось множество магазинов, я заглянул в один из них и сменил обувь, купив удобные осенние ботинки, так как ходить такие расстояния в классических итальянских туфлях было катастрофически неудобно. Дойдя до конца улицы и уперевшись в St. Stephen's Green park (Сант-Стивенс-Грин парк), я понял, что сбился с пути и, уточнив у любезных прохожих план «карты», продолжил путь. Пройдя вдоль парка, я повернул к Мерион скверу, в округе были здания викторианской и георгианской эпох, находившиеся в отличном состоянии; некоторые из них обвивал бордовый в это время года девичий виноград. Поворачивая на углу Мерион парка, я остановился и обратил внимание на статую Оскару Уайльду, которая смотрела на меня, словно живая. Постояв возле неё несколько минут, мне вспомнилось недавно прочитанное произведение «Портрет Дориана Грея», над которым я сидел ночами, не отрываясь от русско-английского словаря, желая прочесть всех, а точнее многих зарубежных классиков в оригинале. Я улыбнулся и продолжил путь. Идти оставалось несколько минут. Подойдя ближе к нужному мне небольшому зданию, я увидел очередь, но уже не такую длинную, как в Брюсселе.

Глава 33. Опять я беженец

«И снова всё по новой, — подумал я, — зато на этот раз будет определённо меньше стресса, ведь у меня уже была закалка и вроде выработался к этому делу иммунитет». Поэтому чувствовал я себя совершенно спокойно и уверенно. Я встал в очередь, которая продвигалась довольно быстро. Через несколько секунд подошёл темнокожий африканец и, встав сзади, начал что-то мне говорить на неразборчивом английском языке.

— I don't understand, — сказал я ему, не особо желая разговаривать.

— Tu parles francais (говоришь по-французски)? — спросил он.

— Un peu (немного), — ответил я неохотно.

Он перешёл на французский и сразу поинтересовался, как я нахожу Ирландию, нравится ли она мне? Я сразу понял суть его вопроса, а также к чему он клонит, агрессивный настрой был написан на его лице. Африканец был высокого роста, худощавого телосложения, с широким носом и большими ноздрями, а также белыми искривлёнными, путающимися друг за другом зубами. Я ответил ему, что недавно в Ирландии и ещё не успел осмотреться. Он сразу же начал жаловаться на жизнь, перечисляя все недостатки Ирландии, в которую сам переехал из Франции всего лишь неделю назад.

— Ты что, не видишь, — сказал он, — нас здесь за людей не считают. Относятся, как к собакам! Во Франции я чувствовал себя человеком! А здесь они не только нас, африканцев, не любят, так ещё и вас, белых, тоже.

— А за что они должны нас любить? Вот тебя в частности? — спросил я его спокойным голосом и пристально посмотрел в глаза.

Он ничего мне не ответил. Мне уже не раз приходилось сталкиваться с такого рода людьми: приехавшими в чужую страну, озлобленными на всех и желающими, чтобы их носили на руках без причины. Я вспомнил Анастасию Павловну и её высказывания по этому поводу. «Как жаль, — говорила она, — что правительство уже не то, что своей левой идеологией они сознательно ведут европейскую цивилизацию к тотальному краху!»

— Ты, наверное, знаешь, — продолжил африканец, — что у нас во Франции, Бельгии, Голландии и в других странах Европы большая поддержка, из-за того что мы были когда-то их колонией, поэтому они перед нами в безмерном долгу! А

Ирландия пока ещё не Европа. Во Франции, гуляя по улице, я мог спокойно толкнуть или ударить любого европейца, и проблемы возникнут у него, а не у меня, — сказал он, скаля передо мной свои кривые зубы.

Смотря на его кривую неприятную улыбку, мне вспомнились два случая, случившиеся ещё в Пети Шато. В первом — мы стояли с ребятами в очереди в столовую, шутили, разговаривали, как откуда ни возьмись, выросли две африканские фигуры и встали перед нами.

— Очередь не здесь начинается, — сказал им Сергей на английском и вежливо попросил встать в конец очереди.

Высокий чернокожий парень посмотрел сверху на Сергея и, скривив лицо, на русском языке с небольшим акцентом сказал:

— Закрой свой рот и стой тихо.

Сергей хоть был и не высокого роста, но за себя умел постоять. Поэтому со всего размаха заехал чернокожему по челюсти, да так удачно попал, что африканец, будучи на две головы выше и крупнее Сергея, даже присел. Второй африканец, стоящий рядом, попытался ударить Сергея, но мы ему помешали. В общем, всё закончилось тем, что приехала в лагерь полиция, и пока Сергея заводили в фургон, эти же чернокожие, из-за которых всё началось, стояли рядом и скалились. Также, как и скалился сейчас мой сосед по очереди, стоявший позади меня и пытающийся разводить идеологию о том, как их здесь все ущемляют. Поэтому мне ужасно захотелось выбить его кривые зубы, но я в очередной раз сдержался. Да! Как только я попал в Европу, к моему большому сожалению, мне приходилось довольно часто сдерживаться, вырабатывая в себе терпимость, толерантность, будь она неладна, и к кому? К этим нелюдям?! Наблюдая, как одна культура (мягко говоря, совсем не развитая) заменяет другую (европейскую), заполняя её своими дикими (племенами) правилами. Позже выяснилось, что русскоговорящим африканцем в лагере оказался сын какого-то дипломата, который прожил с отцом шесть лет в Москве. Вероятно, оттуда у него и осталась нелюбовь к русским.

В полицейском участке Сергея продержали недолго, рассказывали, как нужно себя вести с «иностранцами». Или другими словами, объясняли, что нужно просто стоять, стиснув зубы. Также дали ему понять, что правда всё равно будет не на нашей стороне. Второй случай произошёл уже без моего в нём участия. По просьбе руководства лагеря все проживающие в нём время от времени должны были убирать территорию. Это происходило примерно раз в три недели. Питер, уже не молодой бельгиец (соцработник), из своего небольшого склада выдавал

всем совки, веники, лопаты и тому подобную утварь. На ступеньках рядом сидел африканец, возле которого валялся мусор, который он сам же и разбросал: окурки, обрывки бумаги, пластиковый стакан из Макдональдса и тому подобное…

— Ты не хочешь убрать за собой? — спросил его вежливо Питер.

— Пошёл ты в жопу, сам убирай, — ответил он, ухмыляясь и куря косяк.

— Мы будем убирать листья и другой мусор во дворе, — сказал Питер, — за собой ты мог бы и сам убрать, — добавил он и развернулся, чтобы зайти к себе на склад.

Африканец вскочил, схватил рядом стоящий стул и с размаху ударил Питера сзади, попав по спине и голове. Питер упал. Поднявшись, он молча ушёл к себе в кабинет. Через несколько дней этот же африканец получил письмо, в котором говорилось, что из лагеря его переводят на социал, дают деньги и жильё. Впоследствии мой знакомый Сарик из Армении шутил:

— А вот если бы африканец убил Питера, — говорил он, саркастически улыбаясь, — ему бы вместо маленькой квартирки в центре Брюсселя точно бы дали старинный французский замок в горах!

Хотя сделай то, что сделал африканец, любой другой беженец из Восточной Европы через несколько дней был бы депортирован, но никак не получил бы социальную, денежную помощь. А Питер получил строгий выговор за некорректное обращение с беженцем.

* * *

И он сейчас стоял и рассказывал мне, как им плохо живётся в Ирландии…

— Ты знаешь, — сказал я ему, — если тебя здесь ничего не устраивает, почему бы тебе не вернуться назад в Африку или на худой конец во Францию?

Он злобно посмотрел на меня и, не найдя во мне поддержки, развернулся и отошёл в конец очереди, где уже собралась кучка его соплеменников. Через несколько минут я уже сидел внутри, держа билетик с номером. Работники этого центра работали очень медленно, никуда не спеша. Я сидел и наблюдал, как всё происходило. Само помещение, посредине которого стояли деревянные стулья, было небольшое, человек на сто максимум. Перед стульями за стеклом сидели соцработники, сверху над ними на табло высвечивались номера. Предположив по количеству людей, сколько это займёт времени, я не спеша успел

прогуляться неподалёку, подходя время от времени и проверяя номера на табло. Когда подошла моя очередь, я подошёл и сел возле окошка, немного склонившись к нему, чтобы лучше слышать. Молодая девушка открыла анкету, задала мне ряд вопросов и выдала талончик, по которому, как она сказала, мне каждую неделю на почте будут выдавать деньги на питание (70 фунтов). Также она написала мне новый адрес, по которому с сегодняшнего дня я буду проживать, сказала, что это недалеко от O'Connell Street. Всё было быстро, мило и с улыбкой. С милой улыбкой тебя принимают, смилой улыбкой тебя будут и провожать. Никто не лезет в душу, не задаёт лишних вопросов, никто не требует от тебя абсолютно ничего. Всё чинно и благородно. Всё это уже было мне знакомо, этими манерами и подкупала Европа. И если вся система была построена таким образом, я просто-напросто вливался в неё и плыл по течению, не нарушая и не требуя ничего лишнего, в отличие от некоторых. Я прекрасно понимал, что здесь меня никто не ждёт, и если и получится зацепиться и хоть как-то реализоваться, то нужно быть благодарным за лояльность и гостеприимство, каким бы оно ни было, в чужой стране. Я беженец! И бежал я от советской системы, от всех негативных, тяжёлых, давящих и несправедливых её качеств. И хотя я был ребёнком уже нового времени, всё же отголосок прошлого ещё очень сильно сидел в головах моего поколения. Соответственно, эти азы системы и её стандарты оставались жить в каждом выходце из стран советов, и только те немногие, кто решил с этим бороться или любыми способами искоренить это из себя, в большинстве своём были вынуждены эмигрировать. Это не означало, что они смогут быстро избавиться от совковых привычек, впечатанных, как клеймо, это всего лишь означало то, что у людей проснулось стремление к чему-то новому, светлому. Я не исключаю тот процент людей, который приехал в Европу, чтобы заработать, их и там всё устраивало, поэтому их внутренние перемены им были не нужны. Я старался убежать и не видеть реалии сегодняшних дней: где инженеры и научные работники оказались не нужны своей стране, где люди с двумя и более высшими образованиями, торговали на рыночных площадях, где знание и образование можно было получить, лишь имея немалый капитал. Произошёл крах системы. Это были девяностые.

Я искал страну, где средний класс людей живёт в полном достатке, где нет бюрократии и коррупции, где каждый, кто хочет учиться, будет способен это сделать, и каждый, кто хочет работать, сможет достойно жить на свою зарплату. Я постарался взять из Совка всё хорошее, что считал нужным, но, к сожалению,

не по своей воле пришлось взять и плохое, что в меня бессознательно впресовали. Оставалось дело за малым — отделить зёрна от плевел, а также примешать сюда и европейские ценности, которые тоже были не без изъянов. Хотя, если копнуть глубже, то можно увидеть, что все хорошие качества, которые я приписал Совку: ответственность, скрупулёзность, дисциплина, порядочность, наконец, по большому счёту ему не принадлежат, они, как и многое другое были позаимствованы у Европы. Начиная с Петра I (Голландия), продолжая Елизаветой (Германия), затем Александр I (Франция) и так далее. Так и выходит, что мы всё время пытались поучиться хорошим манерам, и не только у европейцев. В итоге получается, что весь Совок со своей системой и подходом ко многим, да что там, ко всем вещам, — сплошная утопия.

* * *

Возвращался я той же дорогой, не спеша шагая по южной части Дублина, не торопясь её покидать. На улице светило солнце, от которого, как я уже успел прочувствовать, тепла не исходило, но и особого холода я также не ощущал, сырость — да. Вообще, этот северный климат казался очень необычным, сначала холодным, если просто стоять на месте, но если одеться чуточку теплей и не спеша гулять, то становилось даже жарко. Другими словами, тёплые зимние вещи, которые все носят в постсоветских странах зимой, здесь были абсолютно бесполезны.

Вокруг ходило много офисных работников, которые были очень красиво и опрятно одеты. Мужчины носили строгие костюмы и галстуки, женщины были одеты в строгие офисные платья. Я сразу же обратил внимание на то, что, проходя по северной части Дублина, типичной формой одежды считались спортивные костюмы, которые носила молодежь, и они были повсюду. А также сверкающие позолотой кольца, которые мерцали своей дешёвой желтизной практически на каждом пальце. И когда это были молодые парни от 14-ти и до 20-ти, это было ещё полбеды, но когда молодые девушки этого же возраста, которые аналогично были одеты в те же спортивные костюмы, кроссовки, а на пальцах те же кольца, не считая больших, как блюдца, позолоченных серёжек, которые висели в ушах, оттягивая их вниз, то это уже выглядело совершенно отвратительно. Гопнический стиль был повсюду, и как я уже сказал, в основном в северной части Дублина. Да! Как ни странно, но южное население города при каждой возможности всегда пыталось выделить то,

что они именно с южной части Дублина, а не с северной. Это означало, что они более воспитанны, более образованны, в меру интеллигентны и эстетичны, давая этим понять, что они на уровень выше, чем население северной его части. И всё же полностью всю южную часть я бы не стал приписывать к эстетической части Дублина, так как в этой же части находилось куча районов, где жили малообразованные, совершенно лишённые как эстетики, так и этики люди, которые в большинстве своём не умели даже читать, не считая названий улиц и надписей на заборах.

Поэтому южная часть Дублина, центр в частности, прекрасно подходил для прогулок как из-за архитектуры, так и по атмосферности и эстетичности. По дороге обратно я зашёл в супермаркет, очень хотелось есть, и я купил консервы с тунцом и батон хлеба, который после того, как я его попробовал, тянулся и жевался, как жвачка. Подойдя к кассе и увидев «современный» кассовый аппарат, я в очередной раз опешил, замерев на месте и округлив глаза от удивления. Меня время от времени одолевало чувство, будто бы я находился не в европейской стране нашего времени, а где-то в досовременном мире прошлого века. Продавщица покрутила сбоку рукоятку и кассовый аппарат с треском открылся, выдав мне чек. Выйдя на улицу и не успев опомниться, я услышал приближающийся цокот копыт. По главной дороге в центре города, на лошадях без сёдел на перегонки скакали подростки в спортивных костюмах, громко крича и что-то говоря друг другу на ходу. «Ну что ж… в этом тоже есть какой-то шарм», — подумал я, смотря на всё это, и отправился дальше в поисках своего жилища.

Свой новый адрес я нашёл достаточно быстро. Это была гряда тех же викторианских домов из красного кирпича. И если считать O’Connell Street центром Дублина, значит проживать я буду прямо в центре. Так как дом находился в двух минутах ходьбы от O’Connell Street.

Я подошёл к подъезду, возле которого стояли уже замеченные мной издалека темнокожие беженцы, и зашёл внутрь. В доме творился хаос. Беженцы ходили вверх и вниз по узкой коридорной лестнице, сталкиваясь со строителями, которые вели отделочные внутренние работы, и таскали разные стройматериалы. Я попытался найти главного этой богадельни, останавливая и спрашивая проходящих мимо людей. Через несколько минут ко мне выбежала вся захлопотанная (как могло бы показаться с первого взгляда) молодая ирландка, крашеная блондинка лет двадцати пяти, она была невысокого роста, среднего женского телосложения, с жёлтыми, местами

почерневшими зубами, и мутно голубыми, совершенно лишёнными каких-либо эмоций глазами. По её общему виду несложно было определить, что она и героин — это одно целое. Она схватила меня за руку и потянула вверх по лестнице. Открыв на втором этаже дверь, мы вошли в комнату, в которой по обе стороны стояли по четыре двухъярусных кроватей. Шестнадцать человек! Это меня возмутило. В одной небольшой комнате, и никаких между ними разделений и перегородок. Никакой приватности! Ну это перебор. Запах в комнате стоял спёртый и неприятный. На окнах висели тяжёлые тёмные шторы. Я вошёл и положил сумку на нижнюю кровать, стоявшую возле окна.

— Come, come, — сказала пионервожатая (так я уже успел её окрестить, после того как увидел), не дав опомниться, и вывела меня из комнаты.

В коридоре воняло старьём, пылью, плесенью и краской. Она подхватила меня под локоть и повела уже вниз по лестнице.

— Dining room, — сказала она, указав пальцем на тёмную комнату внизу лестницы, — but not ready yet, — добавила, улыбаясь.

Всё в этой столовой было перевёрнуто вверх дном: столы стояли хаотично, некоторые из них были перевёрнуты, стулья разбросаны. «Прекрасно! — подумал я, — условия просто великолепные… Что же ещё?»

Затем она завела меня в уборную. Ну там всё было понятно: старая дореволюционная, местами отвалившаяся плитка, три умывальника, три кабинки и длинный писсуар из нержавейки.

— Where is the shower? — спросил я пионервожатую, которая держала меня по-свойски под руку и умиленно улыбалась, смотря в пустоту, уже, по-видимому, ожидая этот вопрос.

— Here! — ответила она, кивая головой, как бы указывая на всю уборную.

Я ещё раз оглядел всё вокруг. Пока я стоял и, напрягая зрение, всматривался, пытаясь разглядеть в туалете душ, в уборную зашёл один из постояльцев — темнокожий парень, из Бангладеша. Он был полностью раздет, не считая полотенца, обмотанного вокруг талии. «Интересно», — подумал я, смотря на всё происходящее. Он взял в углу ведро, с батареи снял короткий шланг и, подсоединив его к крану в умывальнике, наполнил ведро водой. Подойдя к писсуару, он улыбнулся и посмотрел на пионервожатую, которая стояла возле меня, глазея на эту «спа» процедуру, и, повернувшись к нам спиной, снял полотенце, положив его на пол возле себя. Со стороны это смотрелось, конечно же, не гигиенично, но повесить полотенце и в самом деле было некуда. Пионервожатая вышла, а я задержался ещё на

несколько секунд. Парень присел возле писсуара и стал кружкой (которую он принёс с собой) поливать себя из ведра водой. Вот это сервис в наше-то время! Чисто европейский.

По сравнению с этой дырой и тем, что я здесь увидел, Пети Шато показался мне просто Александровским дворцом! После того, как я вышел из уборной, пионервожатая сказала, что через несколько недель сделают душевые кабинки. При спокойном и умеренном образе жизни непроизвольно забываешь русский мат, но сейчас мне захотелось весь его применить… высказать. Но, к счастью, или же наоборот, они его всё равно не понимают.

Перед сном я вышел прогуляться. Погода была осенняя: воздух был сырой и прохладный, моросил дождь. Прохаживаясь вперёд и назад по O'Connell Street, на обратном пути я решил зайти в традиционный ирландский паб Madigan's. Как только я открыл дверь и переступил через порог, я сразу же окунулся в атмосферу старины и самобытности, уюта и радушия. В пабе пахло пивом, вкусной едой, которую выносили на больших тарелках из кухни, а также остатками сигаретного дыма, который не успевал втягивать кондиционер. Пошарив по карманам, я нащупал оставшуюся с десяти паундов мелочь. Два паунда и пятьдесят пенсов. Не жирно. Подойдя к барной стойке и показав бармену мелочь на ладони, я вопросительно сказал:

— Beer? — и посмотрел на его реакцию.

Бармен, уже не молодой мужчина, кивнул одобрительно головой и взял мелочь с моей ладони. Затем он налил чуть больше чем полбокала чёрного, неизвестного мне напитка и оставил его за стойкой. Я сидел на высоком стуле у стойки бара и наблюдал, как пена в чёрной жидкости оседает, словно снег, на дно пинты. Потом бармен взял ненаполненный бокал и, наполнив его до краёв, поставил передо мной. Я сделал большой глоток в меру густой кремовой жидкости, которая отдавала пережаренным ячменем и кофе. «Кошмар! Как они это пьют. Какая горечь» — подумал я, но всё же допил до конца, так как возвращаться абсолютно трезвым в это богом забытое заведение мне не хотелось. Лишь только потом я узнал, что эта чёрная горькая жижа имела название GUINNESS.

Утром я проснулся рано. Быстро оделся и обратно отправился в центр по приёму беженцев.

Цель моего визита была яснее ясного, а если точнее — нарушение прав человека. В этот раз очереди практически не было. Как только я подошёл к окошку и назвал место своего проживания, мне тут же без лишних слов выдали конверт, на котором был написан мой новый адрес. Судя по всему, я оказался не первый. Придя обратно и забрав вещи, я последовал по

нарисованной опять же вручную карте. Пройдя O'Connell Street и дойдя до моста, я повернул направо и пошёл вдоль реки. Река Лиффи, протекавшая по центру Дублина, была ничем не примечательная, узкая, как канал (метров тридцать в ширину), и грязная. В ней постоянно валялись старые детские коляски, велосипеды, как целые, так и по частям, сломанные детские игрушки и магазинные тележки; и всё это явно бросалось в глаза, особенно в часы отлива, происходившего каждые шесть часов. Идя вдоль Лиффи, я наслаждался аутентичностью ирландских пабов, вдоль крыш которых висели корзины со свисающими из них петуниями. День выпал солнечный, а точнее час. Местные жители мне уже успели описать особенности ирландской погоды. Они говорят так: «If you don't like Irish weather… wait for ten minutes». Другими словами: «Если тебе не нравится ирландская погода, подожди десять минут». Она и в самом деле успевала поменяться десять раз за день, и как только выходило солнце, все старались оставить свои офисы и выйти наружу, выпить чашку кофе, наслаждаясь солнечными лучами, пусть даже это будут десять недолгих, но таких желанных минут.

Я проходил мимо красивого здания, построенного в 1852 году, а ныне знаменитого Clarence hotel, который в 1992 году выкупили солист группы U2 Bono и гитарист той же группы The Edge. Я проходил мимо мостов, которые, согнувшись дугой, соединяли северную и южную части Дублина, также проходил мимо старого георгианского дома, построенного в 1775 году, в котором когда-то проживал известный ирландский писатель James Joyce. Пройдя ещё пару десятков метров, я очутился возле паба, стоявшего на углу, который также являлся одним из моих ориентиров. Повернув возле него налево, я пошёл по узкой дороге, ведущей вверх, поднявшись до конца которой, я оказался прямо перед главными воротами завода Guinness, который был основан в 1759 году. «Так вот где они изготавливают чёрную горькую жижу», — усмехнулся я. Повернув направо, продолжил свой путь и своё знакомство с Дублином. Пройдя ещё несколько сотен метров, я оказался на нужной мне улице, Bow lane west, оставалось теперь найти нужный дом. Спустившись ещё немного вниз по улице, впереди на здании я прочитал название, которое также было прописано у меня на конверте. Сверху над большими дверями, когда-то будучи красными, а ныне выцветшими буквами было написано: «Tathony house». Это было довольно-таки большое здание по местным меркам, состоявшее из четырёх этажей, и на вид со стороны чем-то напоминающее старый отель. Отдав при входе выданное мне письмо, охранник взял ключ и провёл меня к комнате. Подойдя к нужной двери, он открыл её и, оставив мне

ключ, сказал:

— Когда будешь уходить, ключ обязательно оставляй на ресепшн. И не забывай там же расписываться каждый раз, когда входишь с улицы.

Говорил он, конечно же, только на английском, но очень медленно и жестикулируя при этом руками. Охранника звали Джек, ему было около пятидесяти лет, роста он был среднего, плотного, но не толстого телосложения. Из-за своего слабого зрения, он носил очки в роговой оправе с толстыми стёклами, в которых глаза его выглядели огромными и слегка безумными.

Ко всем проживающим в этом хостеле Джек относился не особо приветливо и одинаково безразлично. Контингент там состоял на сто процентов из беженцев, но это было понятно, так как беженцы на данный момент составляли основной источник доходов всех владельцев: хостелов, B&B, мини-отелей и гостевых домов. Они спешили как можно быстрее заполнить свои разваливающиеся, требующие немедленного ремонта халупы, и получить свой гешефт от государства.

Интерьер этого хостела также желал лучшего. Стоящий в холле диван и пару кресел были затёрты практически до дыр, краска на стенах, отколупливалась из-за сырости, внутри стоял холод непрогретого помещения, в котором пахло плесенью. Я зашёл в комнату. Большая квадратная бетонная комната была поделена гипсокартоном на две отдельно стоящие комнатушки, по сути те же кабинки, только немного усовершенствованные, каждая из которых рассчитана на двух человек, а также кухня и душевая с туалетом. Одна комната при входе была уже кем-то заселена, так как дверь в неё была закрыта, я зашёл в следующую. В комнате стояли две допотопные кровати и шкаф с обвисшей дверью. Я бросил сумку на кровать и продолжил ознакомление. Кухня была просторная: посреди стоял деревянный массивный круглый стол и четыре стула, в углу стояла старая ржавая электрическая плита. «Да! Таких плит, — подумал я, — в Голландии или Бельгии даже на помойке не сыщешь». Вся кухонная утварь тоже была далеко не первой свежести. Я прошёл в ванную комнату: «Ну и ну! Такое ощущение, что здесь ремонт не делали лет тридцать». Вернувшись в комнату, взял на кровати лежащее сверху, полинявшее, практически дырявое полотенце и пошёл в ванную. Мне ужасно хотелось принять горячий душ и согреться от этой сырости и вечного холода. Раздевшись и сложив вещи на крышку унитаза (повесить их было некуда), я зашёл в душевую кабинку, дверь в ней полностью не закрывалась, из-за ржавчины и плесени, которая была повсюду, находившееся там маленькое окошко, из которого были видны покрытые зелёным

мхом крыши соседних домов, было разбито, и холодный ветер, залетавший порывами в ванную комнату, просто обжигал и без того уже продрогшее тело. Я нажал красную кнопку электрического душа Triton, который, по всей видимости, был установлен здесь ещё с начала восьмидесятых. Он затрещал, и слабым напором потекла вода, которая никак не могла нагреться до желаемой температуры. Мало того что вода была еле-еле тёплая, так ещё некоторые струи сочились холодной водой. «Согреюсь я когда-нибудь или нет?! — сказал я вслух, — ну да ладно. Хотя бы в писсуаре не придётся мыться». Это всё, конечно же, вызвало у меня ироническую улыбку.

Я старался не воспринимать всё всерьёз, да и стараться мне особо не приходилось. Жизнь за границей казалась какой-то игрушечной, нереальной, больше похожей на спектакль с хорошо прописанным сценарием, где каждый знает своё место, где нет нищих и нуждающихся, где все живут в расслабленном, спокойном состоянии души, где никто не переживает за завтрашний день и не дерётся за свой кусок хлеба, а также за своё место под солнцем. И даже каждый нищий в этом мире пребывает в таком состоянии лишь по своему собственному желанию, а не по воле случая. Даже если, проживая в этом новом пространстве, мне приходилось учиться и работать, то всё происходило с такой лёгкостью, непринуждённостью, что это не воспринималось всерьёз. К тому же ещё и местное население никогда не воспринимало иностранцев должным образом — всерьёз, относясь к нам, как к инопланетянам; всё время присутствовало чувство, что я нахожусь не дома — за границей, а где-нибудь на отдыхе или в командировке…

С того момента, когда я переступил через границу, очутившись в Голландии, меня не покидало странное чувство, мне казалось, что я участвую в какой-то мыльной опере, и стоило мне сделать шаг в сторону, как я тут же с лёгкостью мог выйти из неё и оказаться в более привычном для меня реальном мире. Только каков сейчас этот реальный мир? Лучше ли он этого, казалось бы, искусственного, нереального? Какой из них предпочтительней?! И всё же этот реальный мир, как я его ощущал, был не где-нибудь, а у меня внутри, это был мой собственный мир, мир, с которым я мог легко приспосабливаться к любой жизненной ситуации.

Так я воспринимал это после советской системы образования, после тяжёлого советского подхода ко многим вещам. Поэтому все сложности и трудности, происходившие со мной за это время, воспринимались как игра, как само собой разумеющееся, и, преодолев дежурную из них, я всё также выходил победителем

(как и в этот момент из душевой кабинки), пусть даже и с иронической улыбкой.

* * *

В Ирландии, как и во всей Европе, тогда шёл экономический бум. Работы на любой вкус было полно, её можно было менять, как перчатки, желающие работать не покладая рук могли это делать сутки напролёт. Я же с не присущим мне трудоголизмом предпочёл уделить несколько лет учёбе и погрузился в изучение английского языка. Изучал я этот язык очень упорно, временами даже посещая утренние и вечерние классы. К большому счастью, все классы английского языка, которые были организованы местными властями для беженцев, были бесплатными. И как я ни пытался постичь английский язык в совершенстве, к сожалению, мне это не удавалось. В первые несколько месяцев мне вообще было непросто перейти с разговорного повседневного французского на английский, всё время вылетали французские слова и фразы. Проходили годы учёбы, и я опять возвращался к пройденному материалу, переучивая и пытаясь понять его снова и снова. А может, мне просто-напросто не хватало практики общения с местным населением. И всё же хотелось бы отметить, что ирландский диалект — это была ещё та проблема. К тому же многие англоязычные иностранцы, приезжающие в Ирландию, называли местный язык не английским, а ирландским. Даже при посещении платного колледжа (в который я проходил три месяца) на эту проблему ирландского диалекта мне пришлось указать нашему преподавателю, который был смущён, но в своё оправдание сказал, что это не он должен под нас подстраиваться и пытаться говорить на понятном бездиалектном английском, а мы под него, ведь нам здесь жить и, соответственно, общаться, понимать местное население. Наверное, он был прав в своём роде, вот только те студенты, которые приехали сюда на короткий срок, чтобы и в самом деле выучить английский, а не для того, чтобы здесь жить, были разочарованы таким подходом, и им ничего не оставалось делать, как только сменить колледж, а их было большинство. Поэтому колледж уже через год закрылся. И это был не единичный случай…

Живя здесь, изучая ирландский английский и пытаясь настроиться на местные звуковые волны, я порой ловил себя на том, что услышав читсую американскую речь, я мог отчётливо разобрать любое предложение, каждое отдельно сказанное слово. Хотя ирландский английский в то же время звучал для меня как

неразборчивый набор непонятных слов. И только по истечении примерно десяти лет я стал более чётко и членораздельно улавливать эти своеобразные звуки, к которым, видимо, мой слуховой аппарат в конце концов приспособился.

* * *

За всё то время проживания сначала в Бельгии, а затем в Ирландии я уже успел перепробовать ряд не самых замысловатых профессий, и это не считая своей «Родины», где уже с шестнадцатилетнего возраста я стоял возле обменного киоска, охраняя его и в то же время завлекая прохожих. Спустя год я уже сам менял валюту, а по ночам работал охранником в ночном баре. В пятнадцатилетнем возрасте открыл для себя тренажёрный зал, где на протяжении пяти лет самоотверженно тренировался, а по истечении нескольких лет уже и сам тренировал новичков и подрастающее поколение. В Брюсселе начал с разнорабочего на стройке, затем пробовал себя в малярном ремесле, просил милостыню в метро, разносил лифлеты, таскал диваны и кресла в мебельном магазине, а также продавал сигареты на рынке. Затем Ирландия: сначала учёба, потом мойка посуды в ресторане и снова строительные работы, где меня по знакомству взяли в группу облицовщиков-плиточников, обучив этому ремеслу. Забросив через время стройку, я устроился официантом в маленький, ничем не примечательный паб, который каждые выходные по ночам перевоплощался в ночной дискобар для людей с нетрадиционной ориентацией (это я узнал гораздо позже). Хозяин этого заведения, рассказав мне об этом, сразу же предложил работать там по совместительству охранником, стоять по ночам на входе и не пропускать гетеросексуалов, и без малейшего на то желания в моём случае, объяснять им причину. Работёнка была непыльная, да и платили за неё неплохо, но всё же для меня она была не по душе, поэтому долго я там не задержался. Окончив шестимесячные поварские курсы (за счёт государства), работал в разных ресторанах, где постигал тонкости интернациональной кухни, начиная с ирландской и французской и заканчивая итальянской и тайской. Начинал с помощника повара, а потом недолгое время работал и главным поваром. После аллергии, приобретённой в этой сфере, был вынужден оставить поварское дело. Несколько лет занимался доставкой быстрой еды. После сдачи экзаменов и получения местных водительских прав («С» категории) два года отработал на грузовике, катаясь в основном по Дублину и его окрестностям и

лишь изредка выезжая за его пределы. И вот уже сейчас, сидя за рулём своего такси в ожидании очередного клиента, держа в руках ручку и блокнот, я записываю заметки и воспоминания, которые вечером после работы перенесу на чистый лист в компьютер.

* * *

В свободное от учёбы и работы время я достаточно много колесил по всей Ирландии, любуясь и наслаждаясь её красотами. Дублин за это время определённо стал моим вторым домом. Гуляя по его улицам, паркам, прохаживаясь по набережной вдоль моря и вдыхая его йодный запах, заходя в кафе, чтобы съесть кусочек чизкейка и выпить чашку чая, я последнее время ощущал себя в привычной, можно даже сказать домашней обстановке.

И мне опять вспомнился мой стих, но уже посвящённый этой стране:

Страна Ирландия!
Страна частых дождей и ветра,
Страна, где крыши всех домов покрыты мхом,
И даже в тёплую пору, погожим летом
Почувствуешь ты сырость за окном.

Кругом луга, поля, моря,
Атлантик сбоку омывает
И солнце редко согревает,
Лучом златистым обнимает
Все отсыревшие места.

Вершины гор в зимнюю пору
Красиво смотрятся вдали,
И лес, что гору окружает,
Застыл в серебряной пыли.

Озёра, словно зеркала,
Лежат в подножье гор широких,
Могучих — не совсем высоких,
Таких спокойных, одиноких.

Среди дубов мелькнула тень —
Проходит важно там олень,
Он замер, будто изучает,

Быть может, просто наблюдает
На землю приходящий день.

Лисицы бегают, как кошки,
С одной сторожки до сторожки,
Рыскают, чтоб перекусить,
Вечерний голод уталить.

Фонтаны в парках бьют игриво,
Всю пыль с земли собрала ива,
И все зелёные луга давно
Толпа людей покрыла.

Пришли покушать и попить,
И обо всём поговорить…
Вечнозелёная страна,
Покрыта мхом — стоит она.

Глава 34. Паспорт — свобода или рабство?

После многочисленной церемонии, на которой присутствовало около двух тысяч человек, я получил утвердительный сертификат, с которым уже и направился в паспортный офис для нанесения последнего штриха. Через несколько недель, вернувшись домой с утренней пробежки и достав целлофановый конверт из почтовой дверной скважины, я сразу нащупал плотную обложку долгожданного документа. Как часто я раньше представлял себе этот момент. Буря эмоций! Восторг! Нескончаемая радость. Сбор всех друзей и знакомых… и всё в этом духе… Это всё, вероятно, было бы актуально лет пять назад, но не сейчас. Сейчас всё как-то само собой перегорело. К тому времени все мои друзья, которые изначально имели такой же статус, как и я, уже получили свои паспорта и жили тихой умеренной жизнью. Ничего, как мне казалось, сверхъестественного не произошло. Всему в этой жизни своё время, и каждому, как говорится, своё! А может быть, всего-навсего я просто повзрослел.

Вспомнился отрывок из ранее написанного мною стиха. Да-да! Я часто вспоминаю отрывки из написанного мной, особенно в те жизненные моменты, когда пробегает между событиями аналогия:

Пусть пронесёт по жизни.
Разрешетит и зашьёт,
А веришь ты… Иль не веришь…
Каждый своё возьмёт…

Видимо, пришло время и я взял своё. Сказать, что меня что-то не устраивало с первого же дня моего прилёта в Голландию и по сей день, или хотел бы я что-либо изменить? Нет! Каждый момент был наполнен ярким событием, самобытностью и опытом. Тем опытом, который приобретается, исходя из своих же действий-поступков, своих умозаключений, и, конечно же, своих собственных переживаний и ошибок. Можно, конечно, брать во внимание и ошибки других встречаемых мною людей, но это уже будет не мой собственный, а скорее позаимствованный опыт.

* * *

Положив паспорт на стол своей маленькой комнатушки, которую я снимал у одного ирландского музыканта в четырёхкомнатном просторном доме, я в гордом одиночестве решил пойти в паб, так как идеальней места, для того чтобы отметить это событие, нельзя было подобрать.

Заказав там Guinness, который казался мне уже не таким горьким, как раньше, а сладким, как мёд, я присел возле окна, чтобы разглядывать проходящих по улице людей. Когда-то, сидя на ступеньках музея в центре Брюсселя (я часто там восседал как сам, так и с друзьями), мне нравилось наблюдать за вальяжно гуляющими или спешащими куда-то людьми. Как отчётливо со стороны было видно туристов, которые гуляют не спеша и подняв головы, рассматривают всё вокруг, непрерывно щёлкая своими камерами, а также местных или давно живущих здесь людей, которые ничего и никого не замечая, проходят сквозь толпу, смотря в никуда.

Сделав несколько больших жадных глотков Гиннесса, я отставил пинту в сторону и освободил место для большой тарелки с плечом ягнёнка и тушёными овощами, которую заказал, как только вошёл в паб. Официант поставил передо мной блюдо, мило улыбнулся и, пожелав мне приятного аппетита, ушёл. Вслед ему я заказал ещё одну пинту и начал трапезу, посматривая время от времени в окно и порой встречая взгляд проходящих мимо прохожих, приветливо улыбался им в ответ. Завершив свой ужин, я продолжал смотреть в окно и, допивая Гиннесс, погрузился в размышления.

Весь путь, с того момента, когда я переступил порог аэропорта, оказавшись в долгожданной заграницe, и до получения гражданства в Ирландии, занял в общей сложности 14 лет, 7 из которых я оставался невыездной и без права на работу (легальную), лишь только по истечении этих долгих семи лет, а точнее одного года, проведённого в Бельгии и шести в Ирландии, я получил Green Card (вид на жительство), с которой уже мог свободно путешествовать и работать. Остальные же семь лет я провёл в ожидании гражданства, и они, как мне тогда казалось, тянулись целую вечность. Но если заглянуть ещё глубже, смотря в далёкое прошлое, и вспомнить десятилетнего мальчишку, впервые услышавшего о заграницe и с тех пор время от времени думающего о ней, — тогда этот путь удлиняется в десятки лет ожидания и терпения. Очень многие из нас проводят свою жизнь в ожидании чего-то, мысленно выстраивая свои планы на будущее. Которые порой не сбываются или события складываются так, что когда-то спланированные цели просто рассеиваются, а бывает что и меняются, или же всё происходит совсем не так, как

мечталось. Как я уже успел заметить, мечта и видение — это диаметрально противоположные аспекты, которые люди путают, это вводит их в заблуждение. Ведь мечта — это то, что человек сам себе представляет, занимая свой ум разными картинками. А видение — это мгновенный проблеск, вспышка (порой вызванная кем-то неожиданно, словом или делом), взгляд в будущее, я бы даже сказал предвидение, остающееся надолго в подсознании. Нет, этому нельзя научиться, а также нельзя себя заставить воссоздавать видение, это или случается, или нет. В моём же случае спусковым крючком или ключевым словом являлась «Заграница», что вызвало вспышку, мгновенный взгляд в будущее. Дальше уже следует только терпение и время от времени погружение в подсознание, где находятся слайды, сделанные вашей или Вселенской (что в принципе одно и то же) фотовспышкой. Оставалось только ждать.

* * *

Жить без паспорта или пользоваться поддельным, а также работать, используя этот же поддельный документ, не составляло для меня никаких сложностей. За эти годы, проведённые в Европе и Ирландии, я уже успел найти нужных людей, которые помогали проникнуть в разные сферы деятельности, как псевдолегальные, так и нелегальные совсем. Поэтому спокойно жить и зарабатывать на хлеб насущный, не имея при этом не то что паспорта, а даже обычных документов, я мог без труда. Жильё здесь (хотя его было не так много по отношению к прибывающим) можно было найти, хотя и не без проблем, «русскоязычный телефон», пусть даже и был подпорченный, но всё же работал безукоризненно и помогал найти или приобрести всё необходимое — что касалось работы и крыши над головой. А то, что касалось жизни в Ирландии или в Европе, то здесь существовала огромная разница, или ты в середине всей цивилизации, где, запрыгнув в машину, поезд или автобус, можно попасть в любую точку Европы, или же ты оторван от неё, находишься на острове, из которого существовало только два выхода — через аэропорт или же морским путём через океан. Поэтому для проживания в Ирландии паспорт был необходим как пропускной билет, который открывал двери во все части нашей планеты, а также служил ключом от второго дома, который уже стал для меня не менее желаем и любим.

В начале 2000-х годов, когда прибалтийские страны вошли в Евросоюз, приобретение такого документа как паспорт вообще не составляло ни малейших сложностей. Граждане стран Балтии

отдавали свои паспорта практически даром. Кто-то делал это, находясь здесь, в Ирландии, продавая его за бесценок, а потом идя в своё же посольство и прося новый, заявив о краже, а кто-то, имея посредников в Литве, Латвии и Эстонии, покупали или выменивали их у местных алкоголиков, бомжей, неимущих, которым они в принципе были уже ни к чему, высылая уже сюда, где в этих же паспортах менялись фотографии под заказчиков и продавались по доступным ценам. И этот паспорт, как внутренний документ, являлся безупречным, с ним легко можно было вести вторую подпольную жизнь: открывать регистрационный номер, поступать в любое учебное заведение, устраиваться на любую работу, открывать счета в банках, в которых многие брали кредиты, не спеша их погашать — и всё это было актуально внутри страны, путешествовать же с таким документом очень скоро (когда тайное стало явным) стало проблематично. Появление у таможенных служб единой базы данных значительно облегчало им работу, но нарушало планы передвижения всем владельцам левых паспортов. Ведь рано или поздно все те, кто потерял, продал, подарил свой паспорт, шли и получали новый, а старый, в котором уже красовалось новое вклеенное фото, соответственно, аннулировался. Поэтому путешествовать с этими паспортами очень скоро все перестали.

* * *

За время моего проживания в Ирландии я успел посетить практически каждый уголок этого вечнозелёного острова, прочувствовать его самобытность и старину, испытать на себе как любовь, так и ненависть местного населения, которая проявлялась всегда незаслуженно, но я прекрасно знал, что она была вызвана всего лишь невежеством и ограниченным мышлением, которые были присуще определённым слоям этого населения. В основном это было связано с лимитом общения с разными нациями и народностями, а также с нежеланием путешествовать по миру, исследовать и изучать что-то новое, непривычное, видеть и различать культуры, быт, традиции. Следовательно эта часть населения была лишена понимания того, что кроме их острова, где-то ещё есть жизнь. И будь то выходец северной или южной части Дублина, это не имело никакого значения, везде можно было наткнуться на пустую недалёкую личность. Как я уже сказал, я никогда не принимал это всерьёз. Ведь эти недруги, будучи в меньшинстве своём, растворялись и быстро забывались, утопая в большинстве порядочных

цивилизованных людей, которые, к счастью, здесь есть и которые также много путешествуют, общаясь с разными народностями, находя понимание и общий — человеческий язык!

В середине 90-х — начале 2000-х в связи с быстрым европейским стилем жизни, от которого Ирландия старалась не отставать, правительство этой страны решило пригласить к себе разнонациональных беженцев и эмигрантов, а также жителей других европейских и азиатских государств, дабы привнести этим мультикультуру и отстроить современное ирландское государство, мультинациональное общество, и, соответственно, вывести на свет всех тех, кто хотел бы оставаться и жить в каменном веке, без инноваций и развитий. Кому-то эти инновации продолжают не нравится, но колесо перемен, запущенное этим же правительством, продолжает вращаться и осуществлять поставленную ему задачу.

Хотелось бы отметить, что Ирландия и в самом деле в какой то мере теряла свою самобытность — где-то от европейского влияния, где-то от мультинационального заселения, но больше всего, как мне кажется, повлияло то, что государственные деятели поменяли курс, принимая и внедряя навязанную американскую культуру, быт и политику, которая шла вразрез ирландской сущности, другими словами, шаг за шагом независимая Ирландия американезировалась. И всё же, по моим личным соображениям, Англия гораздо ближе как по месторасположению, так и по традициям, менталитету и образу жизни. Но почему-то они решили сменить курс в американском направлении. Вероятно, кто платит, тот и заказывает музыку! Я немного отвлёкся, углубившись в политику, которая никогда меня не прельщала, но волей-неволей я становился наблюдателем всех текущих как в стране, так и во всём мире перемен и событий, тем более после 20 лет постоянного здесь проживания.

Но вернёмся к долгожданному паспорту. Естественно, легальное получение такого документа, как паспорт, без малейшего сомнения вселяло чувство свободы! Свободы передвижения, ощущения принадлежности к чему-то и стабильности, что, мол, здесь уже закреплено за тобой выделенное тебе место. А кто-то скажет: «А как же голосование?! Ведь кроме свободы паспорт ещё даёт право выбора!» Я отвечу, что ваш выбор — это всего лишь игра вашего обманутого воображения, которым безупречно пользуются правительства всех стран (по средствам СМИ) как первого, так и третьего мира, на сегодняшний день разницы нет никакой. Поэтому все ваши голосования и желание быть услышанными и понятыми уже давным давно канули в лету. Править всегда будет лишь та

личность (личина), которая выгодна только государству и его деятелям. Честного, благородного, думающего и знающего, как изменить систему на благо страны, на благо нации, туда просто-напросто не допустят.

Мне всегда казалось, что это только советская система со своими имперскими замашками пыталась под себя подмять весь свой народ, навязав ему безупречное послушание и рабское мышление, но, прожив достаточное количество времени здесь, я понял, что свобода, либерализм, демократия, которая больше похожа на игру в одни ворота, а также частный большой бизнес, который впоследствии становится достоянием государства и им же полностью монополизируется, — всё это лишь пустые слова, которые сказаны уже давно обманутому народу, а он в них безоговорочно продолжает верить и уже даже не пытается сражаться за свою свободу! Эту сторону так называемой свободы я бы назвал непринуждённым рабством. Сам человек, не ощутив свободы, даже не понимает того, что он находится в рабской зависимости, имея при этом паспорт гражданина мира, а также все бытовые блага, которые, как многим кажется, вселяют чувство свободы, но на самом же деле это всего лишь «fake» (пустышка) или фальш существования, который давно превратил всех бессознательных в покорных рабов системы. Проблема лишь в том, что если от — совково-коммунистической идеологии можно было сбежать в своё время, то от сегодняшней левой, псевдолиберальной, уже никуда не сбежишь. Коррозия левых идей с её толерантностью (в большей степени не к тем, к кому нужно) поглотила 90 % бессознательных масс, в частности Западной Европы, но и Восточная последнее время всячески старается от них не отставать. Я же не согласен ни с одной из этих навязанных идеологий: ни с коммунистической, ни с сегодняшней псевдолиберальной, левацкой. А чтобы сполна ощутить отрешённость от этих навязанных идей, почувствовать независимость, нужно прожить хотя бы небольшой период своей жизни, находясь вне системы, как бы наблюдая её со стороны. Так как если бы вы стояли посреди всего круговорота медийных и политических событий, которые не касаясь, проходят потоком, задевая лишь только вашу копию, которую вы сами же и создали специально для того, чтобы не соприкасаться с несущемся вихрем государственного (на данный момент левацкого) безумия. И безумие это заключается в том, чтобы людей непроизвольно, без их на то ведома, а точнее бессознательно, правительство, улыбаясь и поглаживая левой рукой по голове, правой всё же загоняло под пресс системного насилия, откуда выбраться могут лишь единицы. Не отождествлённая же с вами копия, которую вы

сами для этого и создали, возьмёт удар на себя, оставив при этом сознательную индивидуальность не тронутой. И всё это очень хорошо можно было прочувствовать, живя и пользуя один, а может два и более фальшивых документа, подтверждающие псевдоличности, которые без зазрения совести можно было бросить на растерзание вандалам, индивидуум же всегда может оставаться в тени и, соответственно, избежать «бессознательной», добровольной массовой прессовки. Дело здесь не в поддельных документах, они никаким образом не строят характер и внутренний мир человека, они всего лишь являются вспомогательным звеном, с которым всё же можно рассмотреть и ощутить пропасть между реальным миром и индивидуальностью, в которой рождается осознанность и способность видеть, чувствовать и распознавать.

Из всего сказанного возникало два важных вопроса: стоило ли бросать все силы, энергию и время на то, чтобы получить этот легальный документ вместе со всеми последствиями, перечисленными выше, полностью завися от системы? Или всё же было бы лучше оставаться вне системы, оставаясь невидимкой, используя поддельные документы, и никуда не выезжать из страны, а если и выезжать, то каждый раз, пересекая границу, волноваться и переживать, предъявляя фальшивый документ? Я думаю что стоило! По нескольким простым причинам: во-первых, это, конечно же, опыт. Опыт, который я получил за всё это время и который никогда не приходит сам по себе, его можно лишь приобрести, пройдя сквозь физические, моральные, внутренние психологические препятствия и переживания, а также победы и поражения. Пройдя через уйму знакомств, общаясь как с совершенно посторонними, так и хорошо знакомыми мне людьми, будь они адекватными и не очень, с другой точкой зрения, другими нравами и мышлением; столкнуться с разными нациями и конфессиями, дискутируя о смысле жизни, слушая противоречивые философские рассуждения, которые практически каждый подстраивал под себя, стараясь при этом ещё и учить окружающих, навязывая свою точку зрения, которая, как я уяснил для себя, подходит лишь каждому в отдельности или же не подходит вообще, так как тоже была позаимствована и размусоливалась веками. Но, к сожалению, мало кто это понимает. Во-вторых, паспорт без малейшего сомнения является важным документом, который может облегчить жизнь и предоставить массу новых возможностей. Ведь не каждому суждено быть в душе революционером-бунтарём! А кому-то вообще не нужна свобода.

Огромное множество людей просто не имеют ни малейшего

понятия о ней, только изредка употребляя это слово. И здесь мне вспомнилась притча о том, как один великан, живший в лесу, выловил абсолютно всех зверей и посадил их в одну огромную клетку, которую он соорудил за своим домом. Прошло очень много лет, великан уже давно умер, а звери в клетке всё так же продолжали своё существование: рождались, размножались, ели друг друга, подыхали. Однажды кто-то выкупил этот дом, пришёл, открыл дверь клетки и сказал:

«Летите, птицы, бегите, звери, выходите на волю! Ведь вот она, вот он лес, ваш дом родной, вот ваша свобода!» Но, недолго думая, звери и птицы съели своего благодетеля. И даже при открытой двери никто так и не решился покинуть клетку, которая уже практически прогнила до дыр, а местами её уже даже и не было. Эта притча говорит лишь о том, что массы давно привыкли к такому существованию (сидении в одной клетке), выработав при этом свои правила, стандарты, традиции, догмы, религии, законы. Свобода, я бы сказал, это внутреннее состояние души, которая, как я выяснил за годы своих скитаний, присуща не каждому, а лишь только некоторым индивидуумам, и они уж точно знают что с ней делать!

* * *

Так как изначальной моей целью было получение гражданства в «развитом» государстве, по-видимому, на данном этапе, моё путешествие в погоне за паспортом гражданина мира закончено, остаётся лишь опыт, воспоминания, заметки и наблюдения…

Никто не ждёт тебя, мой друг.
Ты выбрал путь никак неблизкий.
Местами гор стоит гряда,
Местами этот путь тернистый…

Но кто же знает, может, там,
Вдали за горными грядами,
Тебя удача стережёт
И не пропустит твой полёт,
И встретит верно у ворот
Цветущими вокруг цветами!
Кто не рискует, тот не пьёт
Шампанского — Чудо-вина!
А кто рискует, тот живёт!

И насладится им сполна!

Эпилог

Во время написания этой книги я столкнулся с самыми необычными событиями, происходящими на планете Земля. Другими словами, это можно назвать переформатированием мышления и жизненного уклада всего человечества. Поначалу это было не так заметно, но через какое-то время, когда я писал и сравнивал, я стал не замечать разницы между странами третьего мира и когда-то цивилизованными странами.

Мне теперь, вероятно, придётся довольно часто употреблять выражение «раньше», так как в связи с сегодняшними событиями все человеческие ценности либо изменились, либо исчезли вообще.

Почему-то вспомнилась собака Павлова, которая реагировала на колокольчик, в который сегодня трезвонят в унисон главы всех государств, а обезумевшие псы ждут с нетерпением указаний: сидеть, стоять, лаять, заткнуться, радоваться, огорчаться, гулять или сидеть в будке, накинуть или стянуть намордник.

Когда я писал книгу и мне нужно было сравнить и сопоставить ценности разных стран и государств, а также сравнить политику и отношение к гражданам, то сделать это, смотря в окно и наблюдая за обезумевшими псами, было довольно сложно. Ведь как только трезвонит колокольчик, они сразу же держат нос по ветру — в ожидании чуда… Как говорил Гитлер: «Если постоянно повторять неправду, достаточно долго, громко и часто, люди непроизвольно начинают в неё верить». Это именно то, что я наблюдаю в наши дни. У людей уже не осталось своего собственного мнения. Каждый повторяет только то, что он обозревал или слышал на своём любимом канале ТВ или радио. Сомнения или поиск истины-правды никого уже не интересует, все свято верят в передатчик, ведь там устами хозяев (любой страны) глаголят «правду»! И если ты идёшь вразрез этой псевдоправде, значит ты заранее обрекаешь себя на одиночество, но всё же продолжая жить среди обитателей, которые только и живут в ожидании очередного звона (будь то колокольчик или набат, нет разницы), и лишь изредка встречая единомышленников. Мне непроизвольно вспоминаются слова Толстого из Анны Карениной: «Всё смешалось в доме Облонских». Прям как и сейчас: ни ценностей, ни прав человека, ни конституционных гарантий. Так как в странах третьего мира всего перечисленного не было, то, проживая в Европе, ощущалась разница, которая в сегодняшних реалиях просто размылась. Всё в этом мире циклично, сегодня нас уничтожают, а завтра будут

бороться за прирост населения. Должен ли я переживать за всё человечество на планете? Определённо нет! Но констатировать факты — да! И я отдаю себе отчёт, прекрасно понимая то, что меня поймёт и, быть может, поддержит лишь малый процент смелых, осознанных людей, но этого будет более чем достаточно.

Посвящение

Эту повесть мне бы хотелось посвятить исключительно тем иммигрантам, беженцам, переселенцам (независимо от национальности), которые проделали нелёгкий путь в достижении своей задуманной цели, которые благодаря своему внутреннему позыву нашли в себе силы и смелость, чтобы вырваться из своего как внутреннего, так и наружного заточения, в поисках Новой Жизни, Нового Мира, в котором они смогут расти внутри, любить, творить и самое главное — Созидать! Но ни в коем случае не разрушать.

* * *

А также глубоко уважаемому мною тренеру по баскетболу Сергею Михайловичу Саенко. Он умел смотреть в будущее, вырвавшись из пут загнивающего, давящего Совка, всегда был в душе романтиком, поэтом и писателем, прожив счастливую жизнь и умерев в стране своей мечты — Голландии, которая покорила и очаровала его с первых же дней его прибытия.

Дорогие читатели!

Если у вас есть желание и вы в состоянии как словом, так и делом поддержать мои литературные начинания, пишите на Email. Заранее благодарен и спасибо за поддержку!

Email: romankurt@hotmail.com